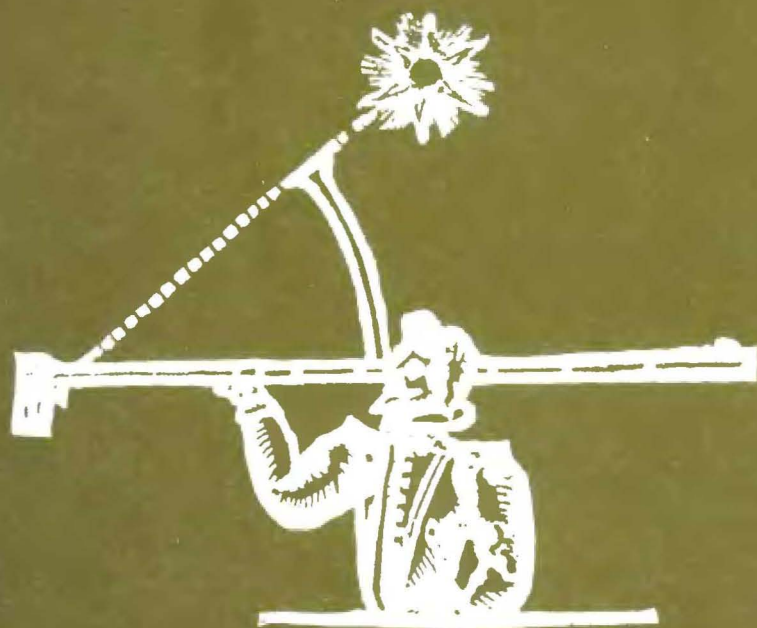

ВВЕДЕНИЕ В СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ВВЕДЕНИЕ [ ] В [ ] СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

В В Е Д Е Н И Е

В

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Допущено Государственным комитетом СССР по народному образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История»

Издательство Московского университета
1990

Рецензенты:

Кафедра истории средних веков
Ленинградского университета,
Кафедра всеобщей истории Московского
историко-архивного института

Предисловие

Исследуя прошлое, историк не может обойтись без специальных или вспомогательных исторических дисциплин. Используемые в них приемы и методика зависят от предмета этих разделов исторической науки, задач, стоящих перед ними, а также от того, какие материальные, письменные и другие источники для этого привлекаются. Каждая из них имеет свою область исследования. Нумизматика занимается историей монетного дела, сфрагистика — печатями, геральдика — гербами, генеалогия — родословиями, хронология — датировкой исторических событий и системами счета времени в их историческом развитии, метрология — системами мер и весов, дипломатика — актами, палеография — графическими формами письма, эпиграфика — надписями на твердых предметах, ономастика — именами собственными, археография — приемами и принципами публикации документов, историческая география — географией исторического прошлого. Все они, несмотря на их специфику, тесным образом связаны с историком, так как направлены на всестороннее изучение источника.

Эти дисциплины традиционно называли вспомогательными. Они предоставляют историку технический арсенал средств работы с источниками и являются необходимым инструментарием его творческой лаборатории. Вместе с тем углубленная разработка проблематики и методик вывела эти дисциплины за пределы обычно ставящихся перед ними задач, позволяющих трактовать их только как вспомогательные, и дала возможность на этом основании решать самостоятельные вопросы базового исторического исследования в области социально-экономической, политической истории, а также истории культуры и искусства. Так, данные генеалогии позволяют судить об изменениях в социальной стратификации общества, нумизматики — о перипетиях истории товарно-денежных отношений, исторической географии и ономастики — об этнодемографических процессах и т. д. Вследствие этого вспомогательные исторические дисциплины имеют большее

Введение в специальные исторические дисциплины: Учеб.
В24 пособие/Т. П. Гусарова, О. В. Дмитриева, И. С. Филиппов
и др. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 280 с.
ISBN 5—211—01040—X

В учебном пособии впервые в отечественной литературе рассматриваются содержание, история развития и современное состояние, методы научного анализа вспомогательных исторических дисциплин: метрологии, хронологии, ономастики, генеалогии, геральдики, нумизматики, картографии западноевропейского средневековья.

Издание содержит иллюстрации старых карт, монет, гербов и т. п.
Для студентов исторических факультетов университетов.

В 0502000000(4309000000)—111
077(02)—90 42—90

ББК 63.2

ISBN 5—211—01040—X

© Коллектив авторов, 1990 г.

основание называться специальными, и это наименование (наряду с традиционным) сегодня принято.

Представители разных наук спорят о том, все ли эти дисциплины можно считать историческими. В первую очередь разногласия касаются тех из них, в которых используются источники из смежных наук и присущие им методы. Так, существуют точки зрения, причисляющие ономастику к лингвистике, а историческую географию — к географии. Действительно, ономастика пользуется методами, категориями и материалом языкознания. Историческая же география, изучая, например, изменения в физико-географической среде, помимо исторических может привлекать данные и методику далеких от истории и даже от наук гуманитарного цикла отраслей знания: дендрохронологии, гляциологии, фенологии; а для выявления фактов ранней этнической истории могут пригодиться сведения и приемы палеоботаники. Это вполне естественная ситуация в современной науке. К тому же надо заметить, что материально-технические возможности этих наук во многом только в настоящее время оказались в состоянии получить такой банк данных. В свою очередь исследователи в области истории медицины, экологии, психологии, географии и т. д. углубляют свои представления, обращаясь и к историческим источникам. В результате такого комплексного и плодотворного подхода к историческому анализу возникают интердисциплины, к которым, очевидно, можно причислить и ономастику, и историческую географию.

В настоящее учебное пособие вошли несколько специальных исторических дисциплин, в первую очередь традиционные: хронология, метрология, нумизматика, генеалогия, геральдика. Авторы сочли возможным и нужным включить также ономастику и картографию, тесно связанную с исторической географией, потому что и географическая карта, и имя сами являются фактами истории и историческим источником, дающими историку ценный дополнительный материал. Все указанные дисциплины рассматриваются на материале западноевропейского средневековья; к Византии и некоторым другим странам и регионам авторы обращаются лишь для сравнения и выявления связей и аналогий с Западной Европой. Не вошедшим в книгу специальным историческим дисциплинам предполагается посвятить следующий выпуск пособия. Некоторые спецдисциплины, такие, как генеалогия, геральдика, в послереволюционное время не получали должного развития, так как считались несостоятельными с классовых позиций. И хотя за метрологию можно было не опасаться с точки зрения «классового содержания», почти неразработанной остается и она. Многочисленные работы по хронологии мало касаются западноевропейского средневековья в тех разделах, где речь идет о датировке источников, а учебное пособие М. Я. Сюзюмова «Хронология всеобщая» (Свердловск, 1971) вышло чрезвычайно малым тиражом. То же можно сказать и о нумизматике, по которой можно назвать несколько обобщающих работ, но и в них мало сказано о

западноевропейской средневековой монете, а история ее развития не освещается вовсе. Приблизительно такое же положение в картографии. Топонимика, разработанная больше других разделов ономастики (антропонимики и этнонимики), мало дает медиевисту-западнику из-за того, что развивалась преимущественно на отечественном материале.

В свете сказанного задача данного учебного пособия видится его авторам в следующем: познакомить студентов с предметом специальных исторических дисциплин, их инструментарием, по возможности, методикой, современным состоянием исследования. Авторы стремились представить историю развития этих дисциплин и их материал как отражение эволюции феодального общества с учетом его материально-технических возможностей и социальных потребностей, локальных и стадийных особенностей, мировоззрения и ментальности средневекового человека.

Владение этими дисциплинами крайне важно для специалистов, изучающих проблемы социально-экономической, политической, духовной и материальной истории западноевропейского феодализма. Авторы надеются, что это пособие побудит молодых медиевистов более широко использовать данные нумизматики, хронологии, метрологии, ономастики, генеалогии, геральдики, картографии и т. д. в своих исследованиях.

О. В. Дмитриева

ГЕНЕАЛОГИЯ

Генеалогия (в переводе с греческого — «родословная») — наука, устанавливающая происхождение индивидов и отношения родства между ними, а также изучающая историю отдельных родов и их роль в социально-экономической и общественной жизни эпохи.

Трактовки предмета генеалогии и ее задач чрезвычайно разнообразны — от предельно узкой, ограничивающей ее функции только достоверным доказательством факта родства, и до расширительного толкования, которое наряду с реконструкцией собственно родословных включает исследования исторических биографий, истории семейств и их имущественного положения, социального статуса, места в системе государства, вклада в общественную и культурную жизнь. В современной науке последняя тенденция явно преобладает.

Разумеется, возможности использования генеалогических данных в историческом исследовании неодинаковы для разных периодов истории: начиная с эпохи Нового времени, они явно утрачивают свое былое значение. Однако применительно к истории средневековья генеалогия может и должна ставить перед собой самые широкие задачи. Это определяется той исключительной важностью, которую имели отношения родства и принцип наследственности в феодальную эпоху.

В любом классово-антагонистическом обществе происхождение играет важную роль, определяя социальный статус индивида, его принадлежность к определенному классу, сословию, касте. Однако в средние века эти вопросы занимали совершенно особое место в системе общественных отношений. Сословность — характернейшая черта средневекового общества, и принцип наследственной передачи социального и имущественного статуса, собственности, власти и других общественно-политических функций, прав и привилегий каждой социальной группы в отдельности был именно тем механизмом, благодаря которому воспроизводи-

лись и консервировались существующие общественные отношения и структуры. Прежде всего это относилось к самому социальному делению общества. Происхождение, кровь родителей или одного из них изначально определяли дальнейшую судьбу индивидуума, его принадлежность к привилегированным (дворянство, духовенство) или неполноправным сословиям (горожане, крестьянство). Хотя отношения между сословиями, например между феодалами и крестьянами, и не носили характера родственных связей, их статус, взаимные права и обязанности, общественные функции передавались по наследству из поколения в поколение. Свобода, участие в политической власти, управлении и военном деле превратились со временем в наследственные привилегии. Необходимость их охраны породила ревностное отношение к вопросам происхождения и соответствующую социальную политику, регулирующую доступ в ряды свободных, полноправных и привилегированных групп. В эпоху перехода к феодализму и на ранних его этапах брак неравноправных партнеров нередко ухудшал социальный статус их потомства, который приравнивался к статусу менее «благородного» из родителей (это относилось, в частности, к бракам с несвободными — рабами и литами), что, естественно, препятствовало заключению подобных браков.

Уже в период раннего средневековья одним из главных требований, предъявлявшихся к брачному партнеру, стала «равная знатность», что нашло отражение в многочисленных памятниках той эпохи¹.

Вследствие направленной социальной политики в большинстве западноевропейских стран дворянство постепенно (к XII—XIII вв.) превратилось в сословие, избегавшее смешения с «неблагородными» слоями (разумеется, были и исключения, и отступления от общего правила, например сравнительная «незамкнутость» английского дворянства, но нигде оно не поощряло брачных союзов за пределами своего круга). Кастовость существовала и внутри самого этого сословия, порождая его деление на рядовое дворянство и знать, родовитую аристократию.

Прочие сословия, включая духовенство, были более «открытыми» и мобильными. Тем не менее это не означало, что они не принимали во внимание вопросов происхождения. Духовенство охраняло свои привилегии и наследственный статус своих должностей не менее ревностно, чем дворянство², но вследствие целибата было вынуждено допускать в свои ряды представителей дру-

¹ Так, герой ирландского эпоса Кухулин, подыскивая себе невесту, выдвигает в качестве условия равенство в знатности, которое ценит выше многих достоинств. Другой эпический герой, ирландский король Хаген, казнил более двадцати сватов, которые приезжали к его дочери, считая их предложения неприемлемыми, а претендентов на ее руку недостаточно знатными: «Сколь не являлось сватов, целом ирландцу бить, их всех надменный Хаген приказывал убить. Хотел он выбрать зятя, чтоб был не ниже тестя».

² Высокие и прибыльные церковные должности зачастую замещались членами одних и тех же семейств, кланов, потомков которых готовили к духовной карьере.

гих сословий: выходцев из горожан, чиновной среды, крестьянства.

«Генеалогический фактор» играл важную роль и в жизни городского сословия, особенно его верхушки — патрициата, власть которого приобрела характер наследственной, а брачные связи заключались в весьма узком кругу. Своеобразные представления о престижности происхождения и достойных брачных союзах существовали и в среде средневекового купечества и ремесленников, которые вкладывали в эти понятия иной смысл, чем дворянство. Для них благородство происхождения определялось статусом свободного человека, членством в цехе или гильдии, размерами состояния.

Не чуждо было понятие благородства и средневековому крестьянству, для которого критериями были имущественный и социальный статус, авторитет в общине, наследственное отправление должностей в общинном управлении и т. д.

В целом, несмотря на то что социальная структура средневекового общества допускала пополнение высших привилегированных слоев за счет наиболее предприимчивых и одаренных представителей бюргерства и крестьянства, господствующие психологические установки обеспечивали неукоснительное действие принципа «чистоты» и «благородства» крови, который начал подвергаться сомнению только в эпоху упадка самой феодальной системы³.

Вопросы генеалогии играли не последнюю роль и в экономической жизни эпохи. При феодализме права собственности, прежде всего на землю, были неразрывно связаны с социальным статусом человека и также передавались по наследству, и поэтому разработка проблем феодальных поземельных отношений невозможна без учета таких факторов, как браки и их роль в формировании крупного землевладения. Дальнейшие судьбы земельной собственности во многом определялись господствовавшими принципами наследования недвижимости — дроблением ее между всеми потомками или, напротив, системой майората или минората. Сказанное выше справедливо и для других видов собственности, например для истории формирования раннего капитала.

Генеалогический фактор оказывал ощутимое воздействие и на демографические процессы в средневековом обществе, формируя брачно-семейные отношения. Сословная «ограниченность» брака, его подчинение имущественным, родовым, династическим интересам определяли господствующие взгляды на брак, широту

³ Любопытно, что даже бастарды, в жилах которых текла «благородная» кровь, считали ниже своего достоинства вступать в браки с представителями иных сословий. В качестве примера можно привести неудачную попытку сватовства богатейшего итальянского банкира и купца XVI в. А. Киджи к незаконнорожденной дочери маркиза Гонзага. Ему было отказано, так как дом маркиза Мантуанского счел неприемлемым родство с торговцем, невзирая на его несомненные личные достоинства и значительный капитал.

брачного рынка, круг выбора партнеров для каждой специальной группы в отдельности⁴. Это в свою очередь влияло на средний брачный возраст, уровень рождаемости, смертности, наследственные заболевания каждой категории населения.

Сословность феодального общества сформировала наследственный характер профессиональных занятий и должностей в органах государственного и политического управления.

Происхождение и принадлежность к определенному слою с его традициями изначально определяли уровень образования и культуры, психологию, идейные воззрения, вероисповедание индивида и даже его язык, так как в определенные периоды средневековья он носил «сословный» характер (простонародье и знать разговаривали на разных языках, как это было, например, в Англии после нормандского завоевания).

Первостепенное значение имел генеалогический фактор в политической истории феодального общества. Это прежде всего относилось к наследственной передаче верховной власти. Родословие определяло здесь права и преемственность правящих династий. Родственные связи или противостояние семейств друг другу во многом определяли характер и содержание политической борьбы в средневековье, которая нередко приводила к возвышению одних и поголовному истреблению других кланов наряду с другими более важными последствиями социально-экономического порядка. Примером может служить брачная политика Эдуарда III английского, которая, несомненно, способствовала складыванию ситуации, приведшей к войне Алой и Белой роз. В надежде укрепить правящую династию он заключил ряд браков своих наследников с представителями могущественных и знатных родов, но, сосредоточив в своих руках колоссальные земельные владения, эти семейства, связанные с королевским домом, стали соперничать с ним, что привело к многолетним кровавым усобицам, гибели целых аристократических родов, смене династии и разорению страны.

Не менее убедительной иллюстрацией влияния «генеалогического фактора» на политические судьбы страны служит знаменитая история шести браков Генриха VIII, благодаря которым были спровоцированы разрыв с Римом и Реформация в Англии. Сам Генрих и его наследники от испанского и английских браков в течение полувека заставляли страну трижды сменить вероисповедание и внешнеполитическую ориентацию.

Родословные западноевропейских королевских домов носили интернациональный характер. Поэтому без учета генеалогии невозможно постигнуть средневековую систему международных отношений. Браки царствующих особ определяли устойчивые ди-

⁴ Речь идет не только о психологических установках, но и о реальных правах сеньоров санкционировать и устраивать браки своих подданных, не одних лишь зависимых крестьян, но и «благородных» держателей, находящихся под опекой молодых дворян и наследниц фьефов, чтобы сохранить в нужных руках земельные владения и титулы.

пломатические союзы, оказывали огромное влияние на судьбы целых народов и государств, объединяя их в гигантские империи или сталкивая в династических войнах. Достаточно вспомнить многочисленные конфликты, возникавшие вследствие династических и территориальных притязаний, — Столетнюю войну Англии и Франции, войны за различные «наследства», которые постоянно лихорадили Европу. В то же время матримониальные планы могли в мгновение ока обратить соперников в союзников. Известна, например, попытка объединить враждовавшие Англию и Францию в рамках одного государства в результате брака детей Карла VI французского и Генриха V английского. Англо-испанский союз в XVI в., скрепленный браком Марии Тюдор и Филиппа II, делал союзниками протестантскую Англию и величайшую католическую державу — империю Габсбургов. Само возникновение последней — этого колоссального объединения земель и народов — также было результатом династического союза.

Таким образом, генеалогический фактор имел большой вес буквально во всех сферах жизни средневекового общества. Это и определяет возможности плодотворного использования генеалогии в исследованиях по экономической истории, истории классовой структуры средневековья и ее динамики, истории политических и государственных учреждений, власти, исторической демографии, этнической истории и менталитету феодального общества. Причем в любом из этих направлений генеалогия может не только поставлять исходный материал для дальнейших обобщений, но и служить путеводной нитью исследования, предлагая специфические методы познания исторических процессов. Она все более тяготеет к сближению с собственно историей. Не случайно в новейших исследованиях генеалогия все чаще определяют не как вспомогательную, а как самостоятельную, специальную историческую дисциплину.

Генеалогия — одна из древнейших исторических наук. Интерес к своему происхождению был присущ человеку изначально. В эпоху родового строя в устных преданиях сохранялась память об этногенезе народов, предках и их героических подвигах. Представления об особой значимости кровного родства составляли важнейший элемент общественного сознания и культуры эпохи.

В античном обществе происхождение стало определять социальный статус человека — его свободу или несвободу, гражданское полноправие. Знание этих корней и гордость деяниями предков имели здесь не только моральный престиж, но и социальный смысл. Уже у римлян появился обычай демонстрировать портреты и скульптурные изображения предков и свитки с их родословными. По свидетельству Плиния Старшего, у них «по отдельным шкафам были расположены изображения лиц, отпечатанные на воске, чтобы были портреты для ношения во время похорон человека, принадлежавшего к тому же роду... На родословном древе отдельные нарисованные портреты соединялись расходящимися в разные стороны линиями».

В эпоху перехода к феодализму и раннего средневековья традиция сохранения в коллективной памяти народа истории предков, существовавшая у варварских народов, не прерывалась. Составление генеалогий — прозаических или поэтических — представляло собой особый жанр устного народного творчества⁵. Профессиональные певцы и сказители — скопы, ирландские филиды и барды, скандинавские скальды — вплетали в ткань своих эпических песен родословные варварских вождей и королей.

За редким исключением эпические песни германских народов, содержавшие родословные предания, не дошли до нас, но наличие таковых у древних германцев засвидетельствовал Тацит: «...они восхваляют в старинных песнях, которые представляют у них единственный вид воспоминаний и хроник, Туисто, земнородного бога, его сына Манна, происхождение народа и его родоначальников». От племенных богов — сыновей Манна выводили свое происхождение племена ингвеонов, истевонов и гермионов.

Однако ценность тех немногих эпических песен континентальных германцев, которые сохранились и были позднее записаны, в значительной степени снизилась для генеалогии из-за того, что они подверглись литературной обработке и пережили так называемую эпическую циклизацию, когда реальные родственные связи героев искажаются и заменяются произвольными и фантастическими. (Так, в сказании о Дитрихе Бернском, в образе которого была выведена подлинная историческая личность — остготский король Теодорих, он превращается в племянника героя другого эпического цикла — Эрманариха, в нарушение действительных исторических фактов и хронологии.)

В гораздо лучшей сохранности до нас дошли родовые предания скандинавских народов Северной Европы. Совершенно особое место среди памятников этого рода занимают исландские родовые саги, которые отличались большой точностью и исторической достоверностью. Семейная традиция препятствовала привнесению фантастических и мифологических элементов и произвольной трактовке генеалогии отдельных родов. Позднее на основании родовых саг были созданы уникальные генеалогические своды «Книга об исландцах» Ари Торгильссона (1134—1138) и «Ланднамабок» (XIII в.) о потомках первых поселенцев Исландии и важнейших событиях в истории их родов. Но с XIII в. и исландские родовые предания стали обрастать мифологическими элементами, за что получили название «лживых саг».

Из памятников этого рода хорошо сохранились и ирландские генеалогические поэмы VI—VIII вв., благодаря тому что в Ирландии и Уэльсе традиция исполнения этих поэм бардами не прерывалась до XVII в. Большие генеалогические поэмы — *fursun-*

⁵ В то же время генеалогия преследовала и практические, бытовые цели: родство учитывалось при получении вергельда за убитого, при уплате выкупа за невесту, при участии в коллективной помощи родне.

did — излагали поколения за поколением историю династии вождей или короля, дополняя рассказ о жизни реальных персонажей поэтическими вставками и легендами о деяниях богов и героев. В ранних поэмах, как правило, прослеживается родство вождей и королей с местными языческими божествами, чаще всего с кельтским богом потустороннего мира Нуаду и с легендарными королями, первым из которых в Ирландии считался Милед.

Это было свойственно и германским народам, которые вводили свои родословные к Водану — верховному божеству германского пантеона (скандинавский Один). Так, например, норвежские короли, происходившие от Гаральда Прекрасноволосого, считали себя потомками Одина по линии легендарного героя Сигурда, что было позднее зафиксировано в «Книге норвежских королей» (1230) Снорри Стурлусоном. Прародителем датчан считался мифический король Скильд Скефинг, чудесным образом принесенный к берегам Дании в ладье, полной сокровищ, и т. д.

Христианизация варварских народов, а вместе с ней и приобщение к античной культуре привели к необходимости переосмысления господствовавших стереотипов в родословиях и соотношения их, с одной стороны, с библейскими представлениями, с другой — с античной традицией. Этот компромисс выразился в том, что родословные правящих династий стали возводить к Ною и Адаму, в то же время сохраняя среди предков в курьезном соседстве с ними римских богов и античных героев. Короли Британии, например, провозгласили себя потомками легендарного Брута, внука Энея. От царей Трои две линии родства вели их в одном направлении к Юпитеру и Сатурну, а в другом — через Яфетá к Ною. Дань увлечения античными героями отдали и другие народы. Саксы, как свидетельствует Видукинд, считали своими предками воинов Александра Македонского, чья армия после его смерти «рассеялась по всему лицу земному».

Развитие института королевской власти и становление раннефеодального государства привели к тому, что новыми родословными легендами обзавелись готские, лангобардские, бургундские, франкские, англосаксонские королевские династии. Эти мифологизированные генеалогии вошли в средневековые хроники и ранние исторические сочинения. Проблема происхождения варварских королевских домов приобрела в эпоху раннего средневековья особое политическое звучание. Идея развития государственности и законной преемственности власти от римских императоров к германским королям требовала от историков обоснования глубокой древности происхождения последних. В соответствии с этим социальным заказом и интерпретировались генеалогии готских, лангобардских, франкских и других династий в сочинениях Исидора Севильского, Кассиодора, Иордана, Павла Диакона, Григория Турского.

В этот период среди прочих произведений нарративного жанра по насыщенности генеалогической информацией выделяются агиографические сочинения. Наряду с легендами о происхожде-

нии христианских святых жития излагали родословия многих реальных исторических деятелей — светских правителей, епископов, основателей монастырей и т. д.

Развитое средневековье открыло новую страницу в истории генеалогии. Обособление дворянства в замкнутое сословие, развитие субинфеодации и складывание системы связей и соподчинения внутри господствующего класса способствовали пробуждению интереса дворянства к проблемам происхождения и родства. Вопрос о чистоте крови неоднократно поднимался на протяжении жизни дворянина: при посвящении в рыцари, присвоении герба, при заключении брака. Право участвовать в рыцарских турнирах также подкреплялось родословной. Неудивительно, что в эту пору развитие генеалогии происходило параллельно с геральдикой. Именно герольды были первыми профессиональными знатоками генеалогии. Путешествуя от одного феодального двора к другому, они собирали информацию о происхождении и родословных различных представителей дворянства, так как их обязанностью было прославлять участников рыцарских турниров и давать справки о них. Герольдами и были составлены старейшие в Западной Европе родословные книги, которые содержали генеалогии в качестве приложения к рыцарским гербам.

Первоначально для подтверждения дворянского происхождения и права участвовать в турнирах требовалось, чтобы у данного лица четверо предков были дворянами. Со временем в Западной Европе распространилась система «seize-quartiers» или «trente-deux quartiers» — предоставление доказательств, что все 16 или 32 предка как по мужской, так и по женской линии принадлежали к дворянству. На практике же это условие далеко не всегда выполнялось, даже во Франции, откуда пошел этот обычай.

Индивидуальный спрос на составление семейных родословий неуклонно возрастал, их количество множилось. Родословная, составленная и зафиксированная герольдами, впервые в истории стала приобретать характер документа, обладающего юридической силой.

Однако в эту эпоху генеалогия была еще далека от науки и носила чисто прикладной характер. Родословные составлялись без какой-либо научной критики на основе малодостоверных, а порой и сознательно фальсифицированных семейных воспоминаний и преданий. Запись ранних родословий велась в нарративной форме.

Общий подъем наук в эпоху Возрождения благотворно отразился и на генеалогии. В XV в. появился ряд ценных справочных публикаций по истории правящих династий. Начали складываться первые генеалогические коллекции, рассчитанные не на конкретного заказчика, а на использование их историком. В это же время была выработана и утвердилась удобная графическая форма фиксации родственных связей — генеалогическая таблица. Генеалоги XV в. наряду с устной традицией стали шире ис-

пользовать для составления родословных различные документы: копии из капитуляриев, грамоты, выписки из хроник и др.

Подлинный расцвет генеалогии в Западной Европе, ее «золотой век» приходится на XVI—XVIII столетия. Именно в это время начали закладываться основы научной генеалогии: в ее обиход прочно входит критическое изучение документальных актов, меуаров и вещественных памятников, на которых основываются родословные. Непременным требованием к серьезным генеалогическим трудам стало подтверждение каждого их положения выдержками из источников (регестами) или отсылками к ним. Критический подход был не только следствием закономерного развития науки и ее методов. XVI—XVII вв. — период резких социальных сдвигов, которые затронули различные группы дворянства, эпоха подъема из неизвестности новых семейств, аноблирования выходцев из буржуазных слоев, которые стремились немедленно обзавестись приличествующей родословной. Спрос породил широкое предложение фальшивых генеалогий, которые обосновывали древнее происхождение вчерашних торговцев или судейских.

Наиболее яркий пример практической «критической» генеалогии этой эпохи — работа, проводившаяся английскими герольдами со времен Генриха VIII по конец XVII в. Им вменялось в обязанность совершать регулярные визитации во все графства страны, проверяя достоверность родословных местного дворянства. Герольды сличали их с церковными приходскими записями, грамотами, манориальными документами, скрупулезно обследовали надписи на саркофагах в родовых гробницах, гербы на старинных витражах. Родословие, выдержавшее проверку, заносилось в «Книгу визитации», регистрировалось в герольдии и получало юридическую силу. Имена же тех, кто присвоил себе незаконные родословные, вывешивались на крестах в главных городах графства, оповещая всех, что именовать самих нарушителей и их потомков прежним титулом запрещено.

Подобное начинание в масштабах всего государства было уникальным в истории генеалогии. Лишь в Ирландии предпринималась попытка массовой проверки родословных, но состоялось всего три визитации. Тем не менее контроль за достоверностью родословий осуществлялся повсеместно, хотя и не в столь широких масштабах (во Франции, Германии, Венеции и других итальянских государствах). Во Франции, например, незаконное присвоение титула влекло за собой штраф, а подделка документов, удостоверяющих дворянское происхождение, каралась еще суровее — вплоть до отправки на галеры.

В XVI—XVII вв. вышло большое количество справочников по генеалогии королевских и аристократических родов. В значительной степени их появлением научная генеалогия обязана скрупулезному труду историков-эрудитов, посвятивших себя собиранию и критическому изданию неизвестных ранее документов из церковных и монастырских архивов и других источников.

Золотой фонд французской генеалогии составили труды Дюшене, Дю Буше, Гишенона, Ла Рока, братьев Сен-Марте, Ле Лабурера, Менестрьера, д'Озье, Дюканжа и др. Подлинной вершиной стала работа П. Ансельма (П. де Гибур), обобщившая генеалогии французского королевского дома, высшего дворянства и чиновничества. В Англии успехи генеалогии в XVI—XVII вв. связаны с деятельностью елизаветинских «антиквариетов», основавших в 1586 г. историческое общество. Усилиями У. Бартона, У. Пола, Т. Джекилла, С. Арчера, Р. Гловера, У. Кемдена и других были написаны локальные истории различных графств Англии, сохранившие родословные местного дворянства. Высшим достижением английской генеалогии этой эпохи стал труд Дугдейла, посвященный родословным английского баронства, долго остававшийся непревзойденным. В Испании в XVII в. Луис Саласар и Кастро предпринял подобное фундаментальное издание генеалогий аристократических семейств.

Критические методы получили распространение и в Германии, которая дала плеяду выдающихся специалистов в этой области — Изингера, Генингса, Целлиуса, Риттершозена и многих других.

В XVI—XVIII вв. усилился чисто научный интерес к теоретической генеалогии: разрабатывались методы составления родословных таблиц и росписей, системы нумерации родства. Постепенно лидерство в теоретической генеалогии перешло к немецким ученым (Имгоф, Келер, Кох и др.). В 1721 г. была основана первая кафедра генеалогии в Венском университете. С середины XVIII в. активно разрабатывались учебники и курсы лекций по теоретической генеалогии, первый из которых был прочитан в Геттингене.

Эпоха буржуазных революций XVIII—XIX вв. принесла некоторое охлаждение к генеалогии, которая традиционно занималась лишь аристократическими семействами. Это было особенно заметно во Франции после Великой французской революции. Несмотря на это, здесь продолжали появляться работы по родословиям провинциального дворянства. В Англии же наблюдалась противоположная тенденция. Победа в наполеоновских войнах способствовала обращению англичан к своему прошлому, а также появлению новых работ по генеалогии: трудов Коллинза, посвященных английскому перству и баронству; локальных генеалогических исследований в многотомной викторианской истории графств Англии и др. Ряд непревзойденных генеалогических работ по истории как крупных аристократических родов, так и провинциального дворянства выходит из-под пера немецких авторов. Они по-прежнему лидировали в теоретической генеалогии (Виль, Гаттерер). В своих трудах и учебниках они впервые стали разрабатывать генеалогии как вспомогательную историческую дисциплину, которая стоит в одном ряду с геральдикой, хронологией, дипломатикой и т. д. Ее развил и поднял на новую высоту Оттокар Лоренц, показав возможности генеалогии в исследовании социальных проблем и перспективы статистических ме-

тодов применительно к этой науке. Он отстаивал для генеалогии самостоятельное место на стыке истории и биологии, общественных и естественных наук.

В XVIII—XIX вв. интерес к генеалогии захватил Бельгию, Голландию, Венгрию, Польшу, Россию, Скандинавские страны. Происхождение предков — выходцев из Европы — стало привлекать внимание исторических обществ в Соединенных Штатах, и эта наука нашла благодатную почву на Американском континенте. Во всех западноевропейских странах выросло количество локальных генеалогических исследований благодаря массовому распространению всевозможных местных исторических, антикварных и генеалогических обществ. Возникла обширная периодика. Среди важнейших тенденций в развитии генеалогии в XIX — начале XX в. — обращение, наряду с традиционными исследованиями по дворянству, к генеалогиям семейств недворянского происхождения, прежде всего, буржуа.

В первой половине XX в. появились работы профессора Венского университета О. Форста де Батталли, который до сих пор остается крупнейшим авторитетом в современной генеалогии. В них уделялось большое внимание новым направлениям генеалогических изысканий, критике источников и методике работы с ними. В настоящее время эти вопросы усиленно разрабатываются специалистами Франции, Германии, Бельгии, Англии. Отражением роста интереса к научной генеалогии стало учреждение международных конгрессов по генеалогии и геральдике, первый из которых состоялся в 1928 г. в Барселоне, а также основание в 1953 г. Международного института генеалогии со своим регулярным печатным органом «La Hídalgia».

Характерная черта новейшей генеалогии — стремление к актуализации исследований, поиск новых аспектов в них, сближение с другими дисциплинами — при этом не только историческими, но и естественными: биологией, генетикой, медициной, психологией. В современной генеалогии находят широкое применение математические методы.

Все большие права приобретает генеалогия в социальных исследованиях. Она находит применение при изучении классовой и социальной структуры средневекового общества и в особенности специфики положения отдельных социальных групп, их мобильности. Генеалогия позволяет проследить условия формирования различных категорий населения: из кого они рекрутировались; какими путями достигали финансового благополучия; каковы были их взаимоотношения с другими слоями общества. Исследуется и социальная психология этих групп — мотивация выбора профессии и рода деятельности, господствующие религиозные воззрения и т. п.

Ярко выраженная тенденция современных работ — интерес к происхождению недворянских родов: крестьянства, бюргерства, купечества, чиновничества. Очень популярны работы по происхождению различных категорий средневековых ремесленников —

каменщиков, плотников, ткачей, построенные на материале частных актов, контрактов, подрядов, документации городских магистратов. Использование этих и других нетрадиционных для генеалогии источников (судебные протоколы, налоговые списки, документы о массовых амнистиях после социальных волнений) делает реальным восстановление истории семей даже таких категорий, как наемные работники и подмастерья. Опыт подобных исследований есть в Англии. По описям и прочим сеньориальным документам вплоть до X—XI вв. прослеживаются истории крестьянских фамилий.

Безусловно, перспективное направление, в котором лидируют французские историки, — использование данных генеалогии в истории государственных учреждений, анализ природы и происхождения чиновничества.

Широкое применение нашла генеалогия в исторической демографии. Средневековье не оставило нам надежных статистических данных о народонаселении, его динамике: рождаемости и смертности, потерях в результате войн и опустошительных эпидемий. Применительно к этой эпохе современной социальной демографии приходится оперировать приблизительными цифрами, косвенными данными. Многие из этих массовых подсчетов базируются на использовании данных научной генеалогии, выведенных в результате многолетних наблюдений генеалогических закономерностей, одна из которых — установление приблизительной длительности жизни одного поколения. На основании анализа обширного генеалогического материала доказано, что в среднем на столетие приходится по три поколения по мужской и четыре поколения по женской линии. Средняя разница в возрасте между отцом и детьми составляла приблизительно 30—35 лет, матерью и детьми — 20—25 лет. Генеалогия дает также возможность судить о среднем брачном возрасте и средней рождаемости в различных социальных группах, а следовательно, об их динамике. Эти данные хорошо поддаются машинной обработке.

Интересные результаты дает применение генеалогии в сочетании с исследованиями по медицине, биологии, генетике, криминалистике. Данные генетики, знание законов наследственности в свою очередь уточняют наше представление о генеалогических закономерностях, благодаря чему устраняется, например, один из мнимых парадоксов генеалогического счета. Известно, что число предков каждого лица возрастает в геометрической прогрессии. Средняя разница в возрасте между поколениями родителей и детей — от 20 до 35 лет. В результате, если следовать только математическим закономерностям, у каждого из нас уже в двадцатом поколении окажется более миллиона предков, а в тридцатом поколении их количество превзойдет реальное население земного шара в ту эпоху. (На этом основано остроумное заявление английских генеалогов, что любой, желающий считать себя потомком Вильгельма Завоевателя, имеет на это право, так как среди миллиона его предков до XI в. обязательно отыщется кто-

нибудь, состоявший в родстве с нормандским герцогом.) На самом деле количество реальных предков гораздо меньше вследствие перекрестных браков близких родственников и узости круга, из которого выбирали брачных партнеров. В результате одно и то же лицо могло занимать сразу несколько мест в рядах предков. Генетика еще более уточняет этот момент. Наследственность человека определяется всего 24 хромосомами, которые он получает от обоих родителей. Следовательно, он не может иметь более 48 реальных, или, как их называют, «эффективных», предков. Правда, современная наука еще не в состоянии распознать их среди общей массы предков.

В свете этого особый интерес приобретает изучение наследственности по мужской линии, так как известно, что лишь одна хромосома, определяющая мужской пол ребенка, абсолютно во всех случаях переходит от отца к сыну. Следовательно, каждый мужчина несет в себе по меньшей мере одну хромосому от прародителя. Это представляет специфический интерес при изучении наследственных признаков или заболеваний, передающихся по мужской линии, — знаменитые «габсбургская губа», носы Бурбонов, деформация пальца в семействе графов Шрусбери и т. д. (рис. 1—4). Возникновение таких патологий связывают с распространением в средние века инбридинга — браков близких родичей. Вопреки расхожему представлению, это явление не заслуживает однозначно отрицательной оценки. Современная генетика доказала, что браки в «своем кругу» способствовали формированию у отдельных замкнутых популяций определенных комплексов генов, которые могли давать преимущества в биологическом отборе. В этом отношении в более выигрышном положении находилось дворянство, которое существовало в лучших условиях, лучше питалось и т. д. Однако и наследственные патологические признаки, если они возникали в популяции, сохранялись в высокой концентрации, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры.

Сказанное выше о роли наследования по мужской линии несколько не умаляет того интереса, который проявляется в новейшей генеалогии (немецкой, французской, американской) к родству по прямой женской линии. Оно не имело практического значения в средние века, но важно в теоретических и научных целях, в первую очередь в социальной демографии, так как позволяет наиболее полно представить потомков всех членов рода. Это необходимо для более точного выявления генеалогических закономерностей.

Изучение прямого родства по женским линиям открывает новые перспективы и в разработке проблем политической истории. Наши представления о международном характере династических связей в средние века, об устойчивой зависимости политических интересов и соображений кровного родства, клановости существенно уточняются, когда в расчет принимаются связи не только по мужской, но и по женской линии. Многие средневековые ев-

Рис. 1—4. Представители династии Габсбургов: 1) Максимилиан I, 2) Карл V, 3) Филипп II, 4) Филипп IV. У всех — ярко выраженные наследственные признаки, передававшиеся по мужской линии: крупный с горбинкой нос и выпяченная нижняя губа.

ропейские монархи принадлежали к общей женской линии, восходившей к Анне Венгерской. Сюда входили 39 правивших королей (в том числе французских, испанских, шведских, русских, германских императоров) и 37 консортов.

Изучение прямых женских линий позволяет выявить и некоторые закономерности медико-биологического порядка. Например, физическое вырождение некоторых династий, в частности испан-

ских монархов, по-видимому, объяснялось браками королей, отнoсившихся не только к одной и той же мужской, но и общей женской линии.

Методика генеалогического исследования. Данные, собранные в ходе генеалогических изысканий, оформляются в виде родословия. Оно включает в себя родословную легенду — предания о происхождении семейства и перечисление всех членов рода по коленам (quartiers).

В самом общем виде родословия делятся на *восходящие* и *нисходящие*. Первый тип указывает всех предков того лица, которое является объектом родословного исследования. Второй строится по принципу от общего родоначальника к его потомкам.

Графическое оформление генеалогических данных может быть самым разнообразным. Ранние родословия порой изображали в виде человеческого тела: имена отца и матери располагались на его «голове», дети уподоблялись плечам, ближние и дальние родственники — рукам, пальцам и т. д. Широкое распространение в средние века получили родословия в виде генеалогического дерева (arbor consanguinitatis). Возникновение и устойчивая популярность такой формы родословных неслучайны.

Генеалогическое дерево — одна из модификаций образа, так называемого «мирового дерева» (arbor mundi), или «дерева жизни», характерного для космологических представлений древнего мира и средневековья. Универсальная идея «мирового дерева» отражала представление о всеобщей взаимосвязи мира: единстве природных стихий, божественных сил, животного и человеческого начал. В сложной символике «мирового дерева» явственно прослеживался мотив жизненной силы, плодотворности, детородности. Он по-своему преломлялся в мифологии и ритуалах древних кельтов и германцев (жертвы деревьям во имя плодородия, предания о распятии бога Одина на «мировом древе»). Идея «arbor mundi» была воспринята и христианством (библейское «дерево жизни» в раю, неоднократно повторявшиеся изображения Христа, распятого на символическом древе мира).

Как вариация «arbor mundi» возникает образ «дерева человеческой жизни», в котором соединяются прошлое, настоящее и будущее, воплощенные в человеческих поколениях (предки, ныне живущие поколения, потомки), и торжествует идея бессмертия, вечного продолжения жизни. Такой же символический смысл придавался и родословному дереву рода, семейства: его листья умирают и падают, но само дерево рода продолжает жить.

Имя родоначальника помещалось подобно корню в основании генеалогического дерева, а на стволе и ветвях располагались в картушах имена, портреты и гербы его потомков. Встречались и иные варианты. В основании располагалось имя того, для кого составлялась родословная, а его предки образовывали «ствол» и «крону» (рис. 5, 6).

Дополнительная информация могла передаваться с помощью цвета: медальоны с именами замужних женщин было принято изо-

Рис. 5. Генеалогическое дерево короля Якова I Стюарта

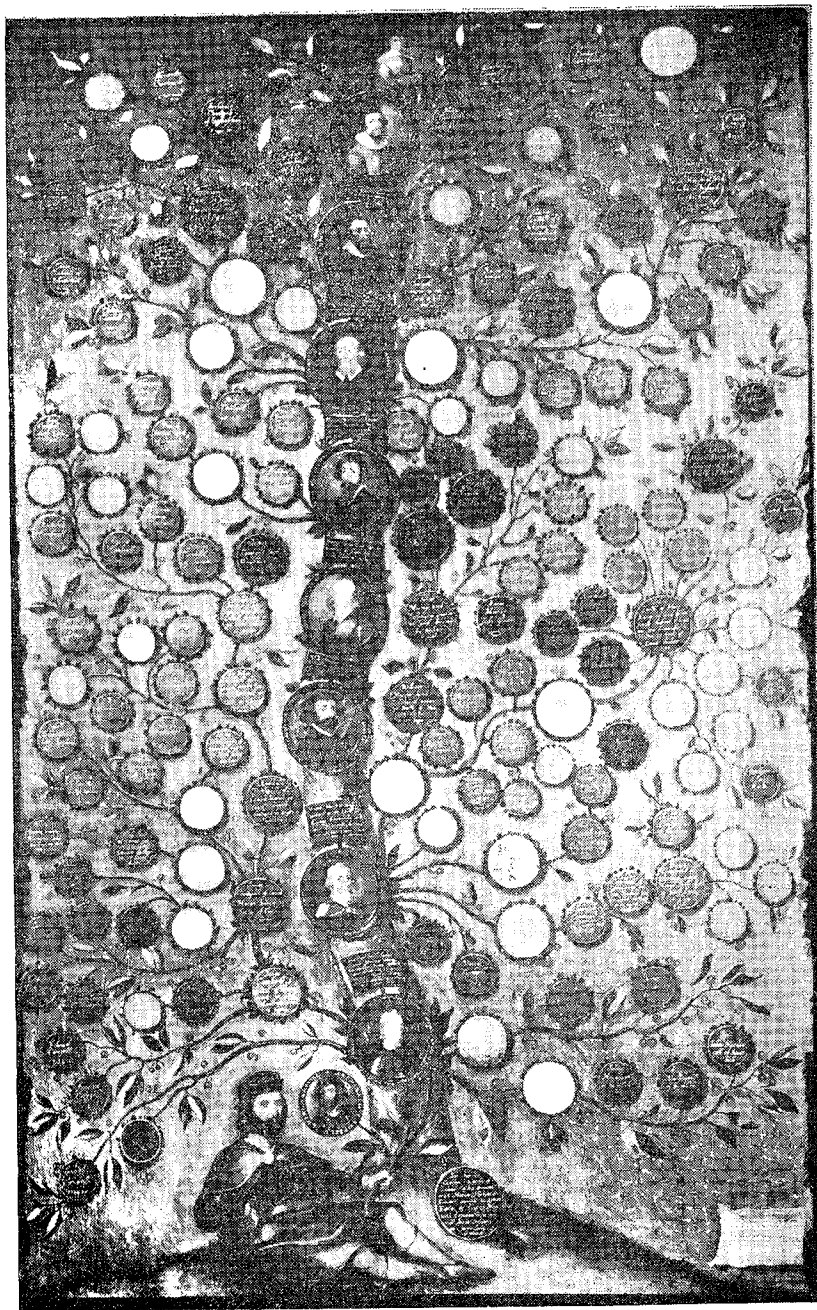

Рис. 6. Генеалогическое древо шотландского рода Кемпбелов

бражать лиловым, девиц — синим; мужчин, имевших потомство, — желтым, не имевших — красным. Живущих отличали от умерших предков зеленым цветом.

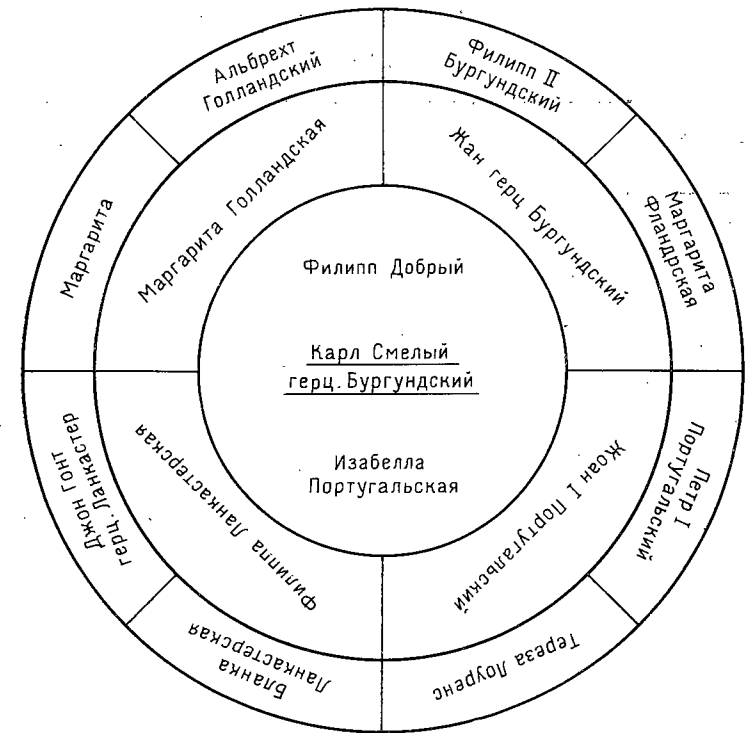

Рис. 7. Круговая генеалогическая таблица (Бургундская ветвь дома Валуа)

В конце XV—XVI в. наиболее употребительной формой обобщения генеалогических сведений стали таблицы. Как и все родословия, они делятся на восходящие и нисходящие. Генеалогические таблицы могут проследивать родство по мужской, женской линиям или смешанное родство по обеим линиям. Наиболее употребительный в научной работе тип — таблицы *нисходящего родства по мужской линии*. Они включают потомство обоного пола, но происходящее только от мужчин. Потомство же женщин — представительниц рода — не указывают, ограничиваясь лишь именами их супругов (табл. 1—3). Это определялось тем, что и земельная собственность, и социальный статус, и титулы передавались в средние века по мужской линии. Иногда, например в Англии, потомство по женской линии фиксировалось в специальных книгах в виде приложения, к которому можно обратиться при необходимости.

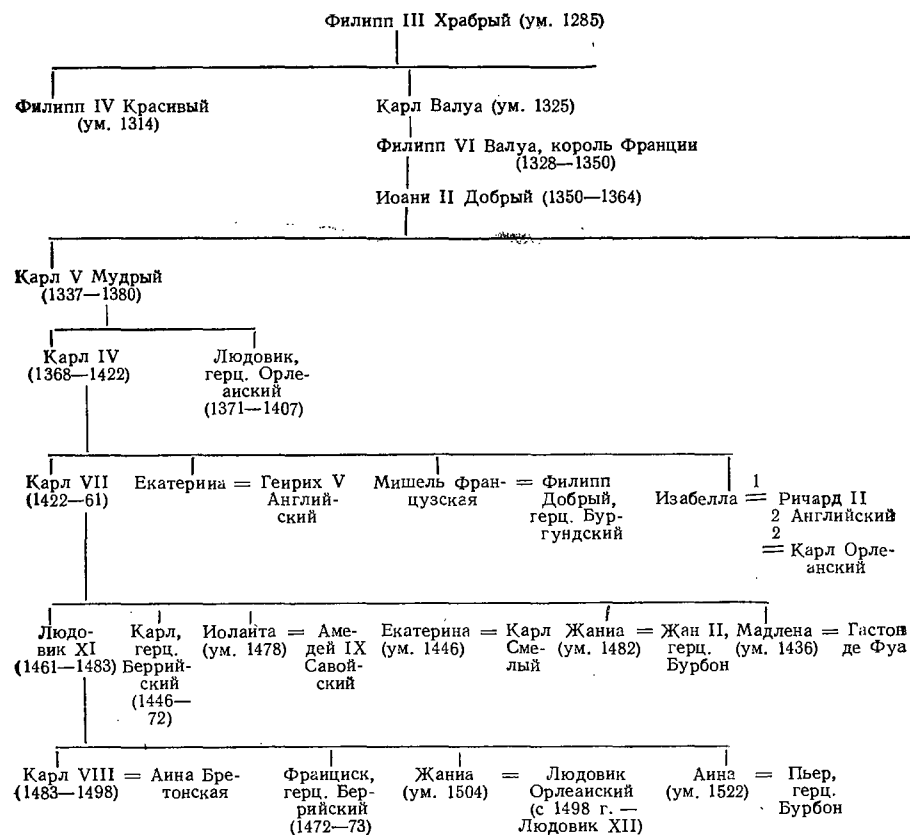
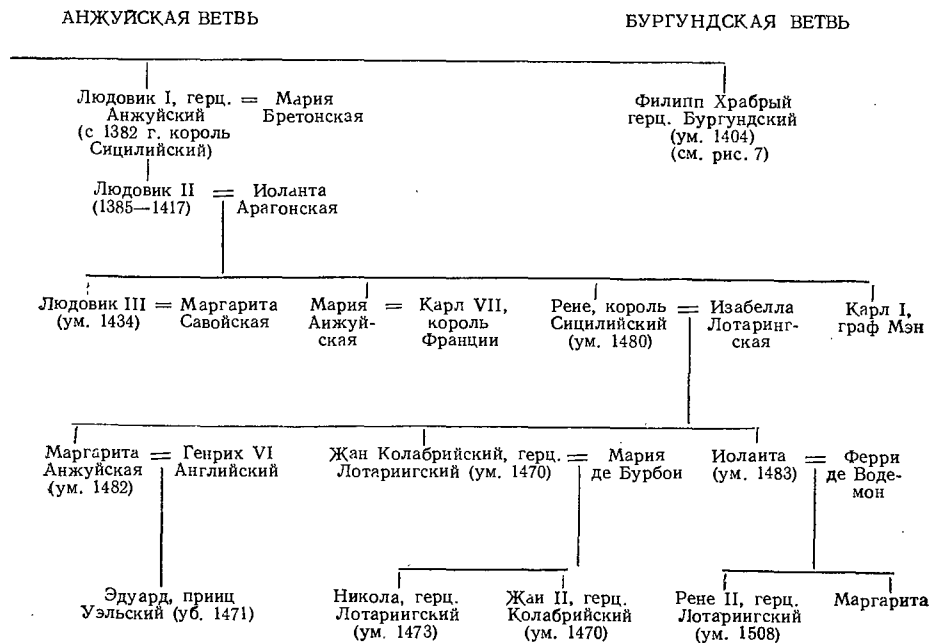

Рис. 8. Французский королевский дом в XIV—XV вв.

Широко используются также *смешанные таблицы восходящего родства*, которые указывают только прямых предков как по мужской, так и по женской линии. Боковые ветви в таких таблицах отсутствуют (табл. 4). Смешанные восходящие таблицы удобны тем, что всегда известно число предков любого лица, которое возрастает в геометрической прогрессии — 2, 4, 8 и т. д. Восстанавливая родословную по неполным данным, исследователь всегда будет знать, где имеются лакуны в его таблице.

Наконец, крайне редко используются *таблицы восходящего или нисходящего родства по прямой женской линии*, указывающие всех членов рода обоего пола, происходящих только от женщин. Исключение составлял лишь средневековый Уэльс, где такие таблицы были нормой. Выше уже указывалось на возрождение интереса к подобным таблицам в работах современных историков.

(Династия Валуа, ее Анжуйская и Бургундская ветви)

В зависимости от целей, которые преследует составитель, содержание информации в генеалогической таблице может быть сужено или расширено. Так, например, родословная правящей королевской династии может быть представлена не во всей полноте, а в виде таблицы преемственности верховной власти. В этом случае она будет указывать только происхождение особ, имевших права или наследовавших правление, и игнорировать всех прочих родичей. С другой стороны, широкое распространение получили синхронистические генеалогические таблицы, прослеживающие одновременно родословные нескольких родов, их взаимные связи, преемственность (табл. 5, рис. 8).

Внешний вид генеалогических таблиц может варьироваться: они бывают вертикальными, горизонтальными (см. табл. 4) и даже круговыми (рис. 7).

Использование родословных таблиц чрезвычайно удобно: они наглядны, компактны, в таком виде их легко издавать. Графиче-

скими средствами легко подчеркнуть пол лиц, включенных в таблицу, выделить систему перекрестных браков между линиями и т. д. Однако таблицы имеют и свои недостатки. Такая форма вынуждает составителя быть чрезвычайно лаконичным. Она позволяет указать лишь минимум сведений о каждом лице: его имя, прозвище, титул, даты рождения и смерти, количество браков, некоторые иные подробности. Между тем в современной генеалогии наблюдается тенденция к насыщению родословия все большим количеством информации. Сюда предлагают включать портреты исторических лиц, сведения из их биографий, медицинские свидетельства, а также ссылки на источники. Таблица не дает этих возможностей. Кроме того, генеалогическая таблица может охватить около десяти поколений, редко — более, так как в этом случае число лиц, входящих в нее, приблизится к тысяче. Дальнейшее ее продолжение затруднит работу и создаст проблемы с изданием такого материала.

В этом случае более удобной формой, чем таблицы, оказывается *родословная*, или *поколенная роспись*. В поколенной росписи под № 1 помещается родоначальник семейства или династии. Далее идет перечисление имен его потомков в каждом колене, снабженных собственными номерами. Роспись ведется построчно и позволяет помещать при имени все необходимые сведения, включая ссылки на источники.

В генеалогии сложилась устойчивая система нумерации, применяемая как в таблицах, так и в поколенных росписях. Для восходящих родословий используется нумерация, предложенная еще в XVII в. испанцем Х. Соса (система Соса-Страдонитца). Лицо, которое является объектом исследования, обозначается № 1, его отец и мать получают номера 2 и 3, родители отца — соответственно 4 и 5, родители матери — 6 и 7 и т. д. При этом четные номера всегда присваиваются мужчинам, нечетные — женщинам (см. табл. 4). Таким образом, номер отца всегда представляет собой удвоенные номера детей, номер матери — удвоенный номер детей + 1. Эта нумерация проста и позволяет оставлять пропуски в родословной, когда имена прародителей неизвестны.

Нумерация в нисходящих родословиях сложнее, так как число детей в каждом поколении неодинаково, и здесь не соблюдаются математические закономерности. В этих случаях для обозначения порядкового номера колена используют римские цифры, а для нумерации детей внутри одного поколения — арабские. Номер I получает, как всегда, общий предок. Его детям в порядке рождения присваиваются: № 1/1, 1/2, 1/3, содержащие, таким образом, и номер их отца. Внуки от первого сына получают обозначения 1/1/1, 1/1/2; от второго сына — 1/2/1, 1/2/2 и т. д. Количество цифр в номере каждого лица указывает, к какому поколению оно принадлежит. Эта система счета родства носит название системы Абовилля.

Нисходящая нумерация еще более усложняется, если необходимо отразить повторные браки и разграничить пол детей. В

этом случае применяется вариант счета, сочетающий в себе элементы систем как Соса-Страдонитца, так и Абовилля. В нем все четные номера, начиная с 0, присваивают мужчинам (при этом 0 обозначают и прародителя, и старших сыновей от любого из браков), а нечетные — женщинам. Повторные браки обозначают буквами. Тогда старший сын общего предка получит 0, второй сын — № 2, третий сын — 4, старшая дочь — 1, вторая дочь — № 3 и т. д. В общем виде такая родословная роспись может выглядеть следующим образом:

I поколение	0 — общий предок а — его первый брак, в — его второй брак
II поколение	0а/0 — старший сын общего предка от первого брака 0а/2 — второй сын от первого брака 0а/1 — старшая дочь от первого брака 0в/0 — старший сын от второго брака 0в/1 — старшая дочь от второго брака
III поколение	0а/0/1 — первая дочь старшего сына общего предка от первого брака 0в/1/4 — третий сын старшей дочери от второго брака и т. д.

Эта громоздкая на первый взгляд нумерация обретает смысл, когда генеалоги имеют дело с большим количеством лиц, которое трудно поддается анализу. В этом случае нумерация позволяет установить степень родства между различными, порой отдаленными ветвями и поколениями, которая будет определяться совпадением первоначальных цифр номера. Например, совпадение в IV поколении двух первых цифр номеров указывает, что эти лица — кузены, совпадение трех цифр — родные братья и сестры. Чем больше совпадение цифр, тем ближе степень родства.

Составление родословия — итог или один из важных промежуточных результатов генеалогического исследования. Ему предшествует длительная работа по сбору и систематизации сведений о тех лицах, которые войдут в генеалогическую таблицу или роспись. Огромное количество и разнородный характер этих данных делают необходимыми их предварительную обработку и унификацию. Одним из таких принятых в современной науке подготовительных этапов работы с генеалогическим материалом служит составление генеалогического досье. Это банк подлинных документов или выдержек из исторических источников, которые всесторонне характеризуют интересующую генеалога личность. Французские историки разработали универсальный набор пунктов, которые целесообразно отразить в подобном досье:

- 1) гражданское состояние (свидетельства о рождении, смерти и пр.);
- 2) семейное положение (брачные контракты и свидетельства, документы, регистрирующие гражданский или церковный брак, развод);
- 3) национальность;

- 4) внешние приметы и физическое состояние (портреты, медицинские свидетельства, свидетельство о смерти);
- 5) интеллект (образцы письма, свидетельства современников);
- 6) вероисповедание (акты о крещении, документы, удостоверяющие религиозность или атеизм);
- 7) политические убеждения (воспоминания, документы, отражающие политическое кредо в разное время жизни);
- 8) образование (дипломы, табели);
- 9) должностное и социальное положение (приказы о назначении, присвоении званий, титулов);
- 10) финансовое положение (закладные, долговые расписки, прочие акты).

Такое досье ориентировано на широкую трактовку задач генеалогии. Оно дает возможность проанализировать изменения социального статуса и имущественного положения членов отдельного рода или целой группы, их профессиональные занятия, конфессиональную принадлежность в зависимости от избранного аспекта исследования.

В еще большей степени на это ориентирована работа с унифицированными *генеалогическими карточками*, которые позволяют систематизировать материал и подвергнуть его машинным методам обработки. Это — перспективное направление в широкомасштабных социальных или демографических исследованиях с применением данных генеалогии. За основу карточки взят набор данных, разработанный бельгийским центром генеалогических и демографических исследований: год и место рождения; год и место смерти; родители; муж или жена, время и место бракосочетания; происхождение мужа или жены; данные о его или ее смерти или разводе; тот же комплекс сведений для всех повторных браков; национальность; физические данные; причины смерти; состояние психики; религия; политические убеждения; образование; социальное положение; титулы, награды; финансовое состояние; дети; ссылки на источники.

В генеалогических исследованиях, которые проводятся на большом материале, может быть применен метод составления генеалогического словаря. Например, при изучении состава средневекового учреждения составляется алфавитный каталог его членов с краткими биографическими справками, унифицированными по определенной схеме. На основе этого подготовительного материала создается коллективный «портрет» целой социальной группы; определяются общие закономерности происхождения, способов получения должности и титула, финансового положения, браков и т. д.

Таким образом, методика генеалогических исследований достаточно разнообразна, постоянно совершенствуется и изменяется в соответствии с исходным материалом и целями работы.

Источники генеалогии. Уникальность генеалогии как специальной исторической дисциплины определяется не только широкими задачами, которые ставятся перед ней, но и ее практически неог-

раниченной источниковой базой. Собственно прямыми источниками в генеалогии считаются родословные росписи, таблицы, составленные в практических целях, записи и документы коллегий герольдов, относящиеся к изучаемой эпохе.

Однако потребности идентификации исторических лиц, установления характера их родственных связей, фактов биографии, осмысления места тех или иных родов в современном им обществе открывают перед генеалогом необъятное поле для научного поиска. Источником в нем может служить практически любой памятник, содержащий какие-либо сведения об исторических лицах и их биографиях или даже просто упоминающий имя исторического персонажа. Это равным образом относится к письменным источникам, устной традиции и вещественным памятникам.

«Прямые» генеалогические источники — родословные легенды, росписи и таблицы — требуют весьма осторожного и критического подхода к себе. Это в особенности относится к легендам о происхождении родов. Как правило, они достоверны на протяжении лишь 2—3-х поколений. Затем свидетельства становятся неточными. Кроме того, надо иметь в виду направленное «формирование» таких легенд, сознательное привнесение фантастических и мифологических элементов в семейные предания королевских и аристократических домов. Выше уже шла речь об их традиционных претензиях на прямое родство с Адамом, Юпитером, Осирисом, Гераклом и прочими библейскими персонажами, богами и героями. Родословная, составленная генеалогами для Филиппа II испанского, например, насчитывала 118 поколений, которые соединяли его с прапрадотцом человечества Адамом. Механизм создания подобной родословной легенды и поколенной росписи к ней хорошо иллюстрирует история родословия венгерского короля Матяша Хуняди по прозвищу Корвин (Ворон). Он был сыном влашского дворянина средней руки. После его восшествия на престол придворный историк итальянец Антонио Бонфини составил для него генеалогию, в которой объяснял возникновение прозвища Матяша родством с известной римской фамилией Валериев Корвинов (по преданию, их предку ворон принес победу в битве). Через Валериев Корвинов род Хуняди был возведен к сабинянам и троянцам, а от них — к Гераклу.

В своих претензиях на древность происхождения не уступали королевским династиям и прочие дворянские роды. В насмешку над своими современниками, которые поголовно приписывали себе родство с библейскими персонажами, в XVII в. лорд Честерфилд непосредственно изобразил их в своем генеалогическом древе, снабдив своим родовым именем — Адам Стенхоуп и Ева Стенхоуп. Но большинство дворянства делало это вполне серьезно⁶.

⁶ Определенный скептицизм по отношению к фантастическим родословным легендам привилегированных сословий, бытовавший в простонародной среде, нашел яркое отражение в пьесе английского комедиографа Бена Джонсона «Каждый в своем нраве» в следующем диалоге:

Однако, несмотря на свою недостоверность, а зачастую именно благодаря ей, родословные легенды — ценный исторический источник, ибо они прежде всего продукт идейной атмосферы своей эпохи; они отражают идеалы и претензии дворянства, господствовавшие в обществе представления о благородстве и престижном происхождении.

В эпоху позднего средневековья в связи с успехами книгопечатания и развитием публицистики родословные легенды и генеалогические таблицы стали еще более действенным оружием в политической борьбе. Они широко распространялись соперничающими группировками в виде печатных листовок, чтобы каждый мог судить о правах на престол того или иного претендента. Так было в XVI в. в ходе борьбы Португалии за отделение от Испании, когда «португальская» партия распространяла листовки с родословной своего претендента дона Антонио. В Англии на закате правления бездетной королевы Елизаветы I, когда встал вопрос о наследовании престола, по рукам ходили запретные печатные листки с генеалогиями сразу нескольких претендентов, среди которых были испанская инфанта и король Шотландии Яков. Во второй половине XVI в., когда в Испании ужесточились преследования иноверцев и инородцев, генеалогическая «карта» была «разыграна» в борьбе против гонителей мавров и евреев. Большой резонанс получил анонимный памфлет, в котором доказывалось,

Коб: Как же, сэр, очень древний род и княжеский род. Мой предок не хуже людей, происходит из королевской утробы, хоть и не человеческой, с вашего позволения, ибо я возник из седлочной. Сельда всем рыбам король. Я вышел из ее утробы. Происхожу от одного из королей всего мира, уверяю вас. Первая седелка, сваренная у Адама и Евы на кухне, была моя прапрародительница. По родословной книге ее сын был моим пра-пра-пра-распредом».

что нет ни одного аристократического семейства, в роду которого не нашлось бы тех или других.

Среди огромного массива косвенных источников первостепенное значение для генеалогии имеют документальные памятники, характеризующие классовую и сословную принадлежность, родственные связи исторических лиц. Это — метрические свидетельства, брачные договоры, акты регистрации гражданского состояния (фиксировавшиеся церковными органами, а с XVII в. и светскими властями), завещания, документы из семейных архивов, заметки в фамильных библиях и т. д. Дальнейшая профессиональная деятельность, служебная и политическая карьера находят отражение в списках учащихся школ и университетов, грамотах о пожаловании титулов и должностей, послужных и парламентских списках, патентах и других документах, исходящих от королевской власти, государственных учреждений, городских магистратов, государственных или сеньориальных судов.

пы — крестьянской общины. Однако здесь исследователя подстерегает ряд опасностей. В простонародной среде высока повторяемость имен, часто отсутствуют фамилии, это затрудняет идентификацию исторических лиц. Поэтому эффективно только использование большого актового материала, относящегося к одному и тому же времени и месту. Это позволит избежать невольных ошибок.

Ценные генеалогические сведения содержатся и в нарративных источниках: хрониках и других исторических сочинениях, житиях, панегириках, некрологах, мемуарах, дневниках, публицистике, памятниках эпистолярного жанра.

Важную для генеалогии информацию таят в себе материальные памятники: это церковная утварь, сохранившая имена дарителей, надгробия и эпитафии на них, доносящие до нас имена, даты рождения и смерти, обстоятельства жизни и карьеры. В качестве источников могут быть также использованы монеты и медали, печати, родовые гербы. Генеалогия активно использует данные смежных специальных исторических дисциплин: археологии, нумизматики, геральдики, сфрагистики, эпиграфики.

В своих попытках идентификации исторических лиц она опирается и на исследование в области ономастики. В отдельных случаях оказывается возможным реконструировать цепь родства только на основании известных имен родичей. (Наиболее яркие примеры тому дает Испания, где в XII—XIII вв. существовал обычай давать сыну в качестве второго имени имя отца. Таким образом, зная, например, что в роду дед звался Фернаном-Гонсалесом, а внук — Санчо-Гарсия, можно восстановить имя отца последнего — Гарсия-Фернандес, а также имя его прадеда — Гонсало, т. е., располагая лишь двумя именами, исследователь получает линию из четырех родичей.) К XVI в. в некоторых аристократических испанских семействах сложилась традиция давать своим потомкам строго определенные имена. При том, что могло существовать несколько ветвей дворянского рода, носящих одну и ту же фамилию, имя человека позволяет определить, к какой именно ветви его следует отнести.

Данные генеалогии в свою очередь используются в других вспомогательных науках. В нумизматике — для датировки монет по времени правления той или иной династии, монарха или владетельного сеньора. В археологии, а также в этнографических исследованиях генеалогия подчас дает возможность уточнить датировку построек, предметов быта (если известно, например, какому поколению рода принадлежал дом, кем из родичей были приобретены те или иные предметы, постройки и т. д.).

Особенно тесно связана генеалогия с источниковедением. Это прежде всего относится к разработке специфической методики использования различных по характеру источников в генеалогических исследованиях и анализа их достоверности. В свою очередь генеалогия, вооруженная знанием истории семей, их связей и судеб на протяжении столетий, помогает вести направленный

поиск исторических источников — документов из семейных архивов, которые неоднократно меняли владельцев, переходя из рук в руки.

Таким образом, пытаясь осмыслить возможности генеалогии в самых разных направлениях исторического поиска, можно с полным основанием утверждать, что обращение к ней оказывается чрезвычайно плодотворным для современного исследователя-медиевиста.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Теория и методика генеалогических исследований

- Аксенов А. И. Генеалогия//Вопросы истории. 1972. № 10.
Бычкова М. Е. Некоторые задачи генеалогического исследования//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Т. XIV.
Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. VII.
Гастев М. Материалы для вспомогательных наук истории (Для генеалогии). М., 1835. Кн. II.
Медушевская О. М. Историческая наука и генеалогия//Вопросы истории. 1970. № 2.
Соболева Н. А. Некоторые аспекты методики генеалогических исследований в современной французской литературе//История и генеалогия. М., 1977.
Delort R. Introduction aux sciences auxiliaires de l'histoire. Paris, 1969.
Durye P. La généalogie. Paris, 1971.
Dworzaczek W. Genealogia. Warszawa, 1959.
Forst de Battaglia O. Wissenschaftliche Genealogie. Bern, 1948.
Forst de Battaglia O. Genealogia. Leipzig; Berlin, 1913.
Forst de Battaglia O. Traité de genealogie, Lausanne, 1949.
Gatterer J. Ch. Handbuch der neuesten Genealogie und Heraldik. Nurnberg, 1762.
Gatterer J. Abriss der Genealogie. Göttingen, 1788.
Lorenz O. Lehrbuch der gesamten wissenschaftlichen Genealogie. Berlin, 1898.
Meurgey de Tupigny J. La généalogie/L'histoire et ses methodes. Paris, 1961.
Perronet M. Généalogie et l'histoire: approches méthodiques//Revue historique, 1968. Т. 239.
Horace Round J. Peerage and pedigree. London, 1910.
Wagner A. R. English genealogy. Oxford, 1960.
Will G. A. Lehrbuch einer statistischen Genealogie der sämtlichen europäischen Potentaten. Altdorf, 1770.

Генеалогические коллекции и справочники

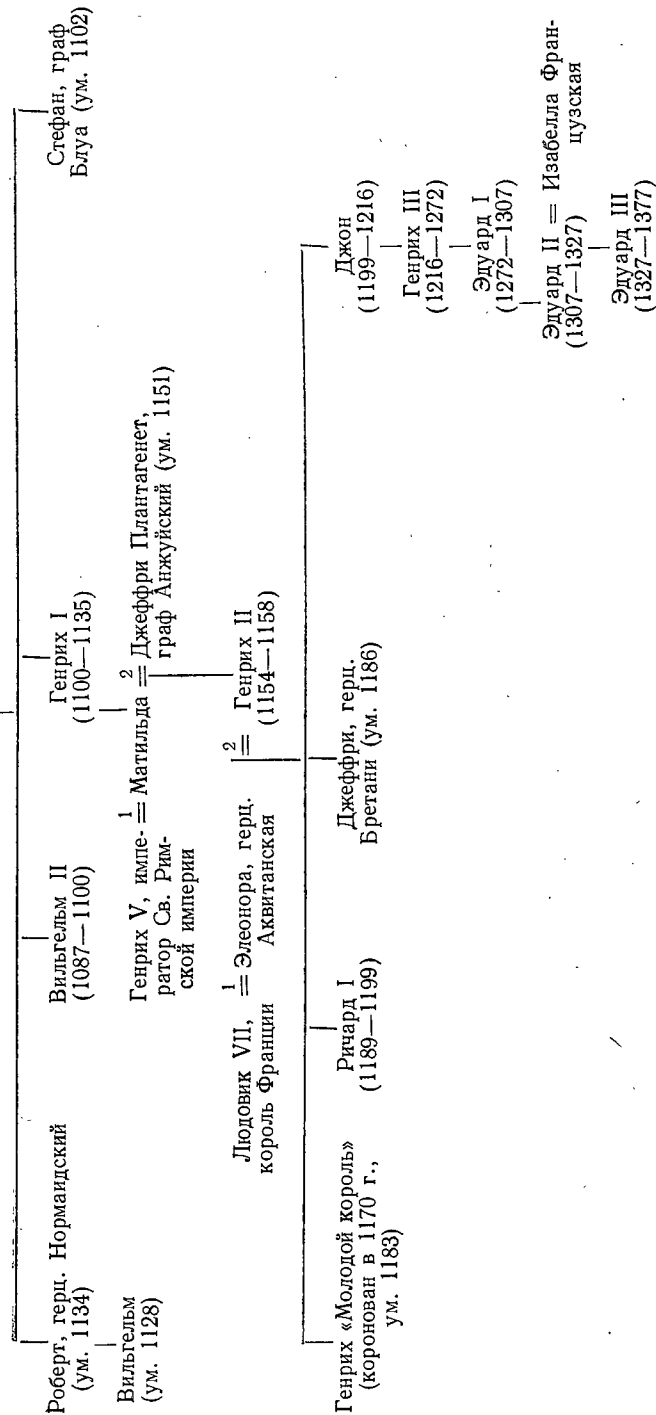
- Ahnentafeln berühmter Deutscher. Leipzig, 1929—1932.
Anselm P. Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France, des grands officiers de la couronne et de la maison du Roi. 1726—1733. 9 v.
Béthencourt F. Historia genealógica de la monarquía Española. 1897—1912. Madrid. 9 v.
Bertini-Frassoni C. A. Libro d'oro della nobilità italiana. 1878.
Collins A. Peerage of England. London, 1812.
Crollanza G. Dizionario delle famiglie italiane. 1886—1890.
D'Hozier P. Armorial général ou registre de la noblesse de France. Paris, 1847.

- Dufresne Du Cange C. Familiae Byzantinae. 1680.
 Grimaldi S. Origines genealogicae or the sources whence English genealogies may be traced from the conquest. London, 1828.
 Lainé. Archives généalogiques historiques de la noblesse de France. Paris, 1830—1880.
 Lainé. Dictionnaire véridique des origines des maisons nobles ou anoblies du royaume de France. Paris, 1818—1822.
 La Shenaye des Bois F. A. Dictionnaire de la noblesse contenant les genealogies, l'histoire et la chronologie des familles nobles de France. Paris, 1770—1787.
 15 v.
 Lonza A. C. Historia genealogica da casa real Portuguesa. 1735—1738.
 12 v.
 Litta P. Famiglie celebri italiane. 1818—1912.
 Lorenz O. Genealogisches Handbuch der europäischen staatengeschichte. Stuttgart, 1908.
 López V. Guia de la nobleza Española. 1900.
 Koch. Table genealogiques des maisons souveraines de l'Europe. Strasburg. 1780.
 Manucci S. Nobiliario del Regno d'Italia. 1925—1929.
 Morena de J., Warren de R. Le grand armorial de France. Paris, 1934—1952. 7 v.
 Saint-Allais V. Nobiliare universel ou recueil général des généalogies historiques des maisons nobles de ce royaume. Paris, 1872—1876. 20 v.
 Saint-Marthe. Histoire genealogique de la maison de France. Paris, 1619.
 Silveira-Pinto A. Resenha das familias titulares es grandes de Portugal. 1877—1891.
 Stradonitz. Abhentafern Atlas. 1898—1904.
 Vilar y Pascual L. Diccionario histórico-genealogico de la monarquía Española. Paris, 1859—1866.
 Wotton Th. English Baronetage. London, 1727.

Английский королевский дом в XI—XIV вв.
 (Таблица нисходящего родства)
 Вильгельм I (Завоеватель)
 (1066—1087)

Таблица 1

Английский королевский дом в XIV — XV вв. Плантагенеты, Ланкастеры, Йорки
(Таблица нисходящего родства)

Эдуард III Плантагенет (1327—1377)

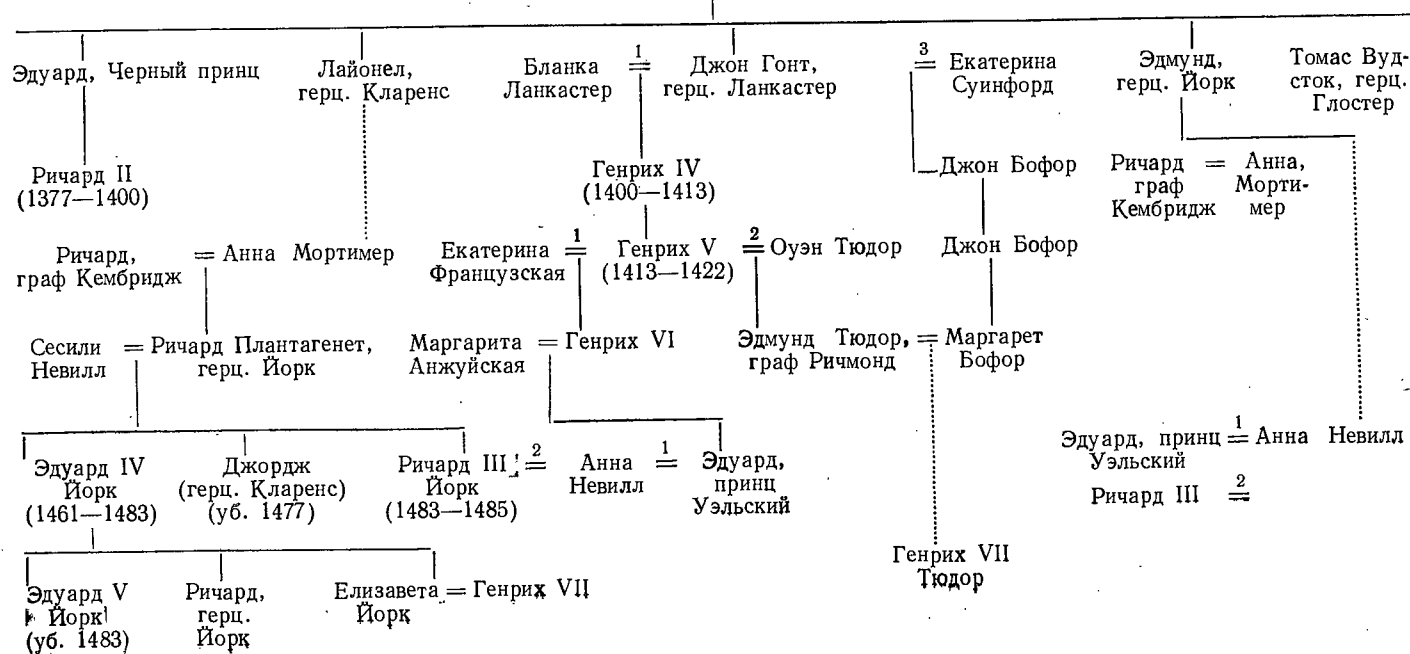
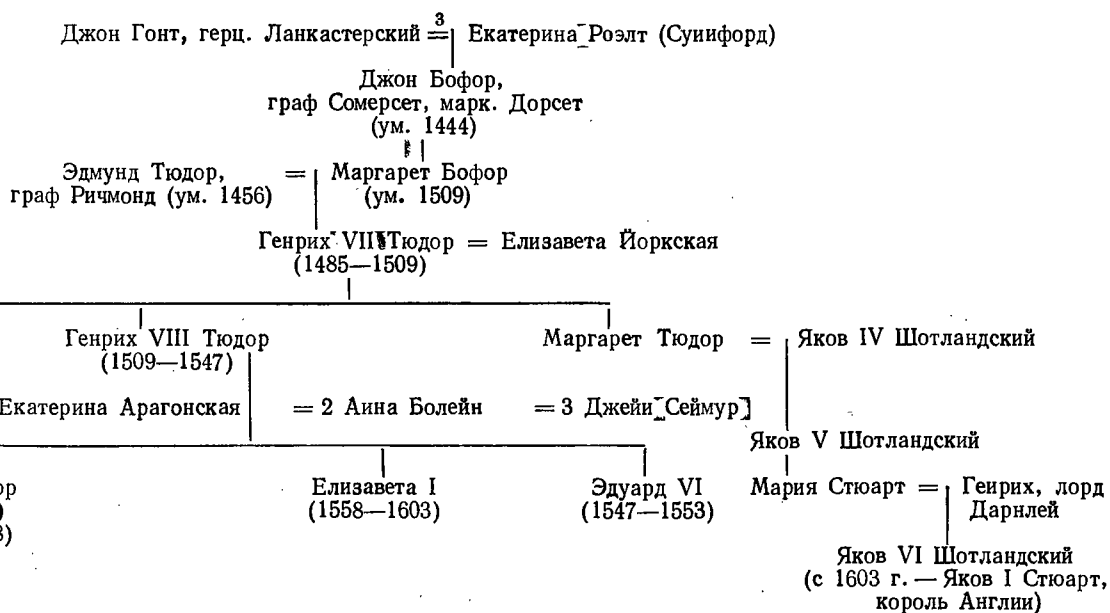

Таблица 3

Английский королевский дом в XV — XVI вв. Тюдоры и Стюарты
(Таблица нисходящего родства)

Родословная Максимилиана I Габсбурга
(Таблица восходящего родства)

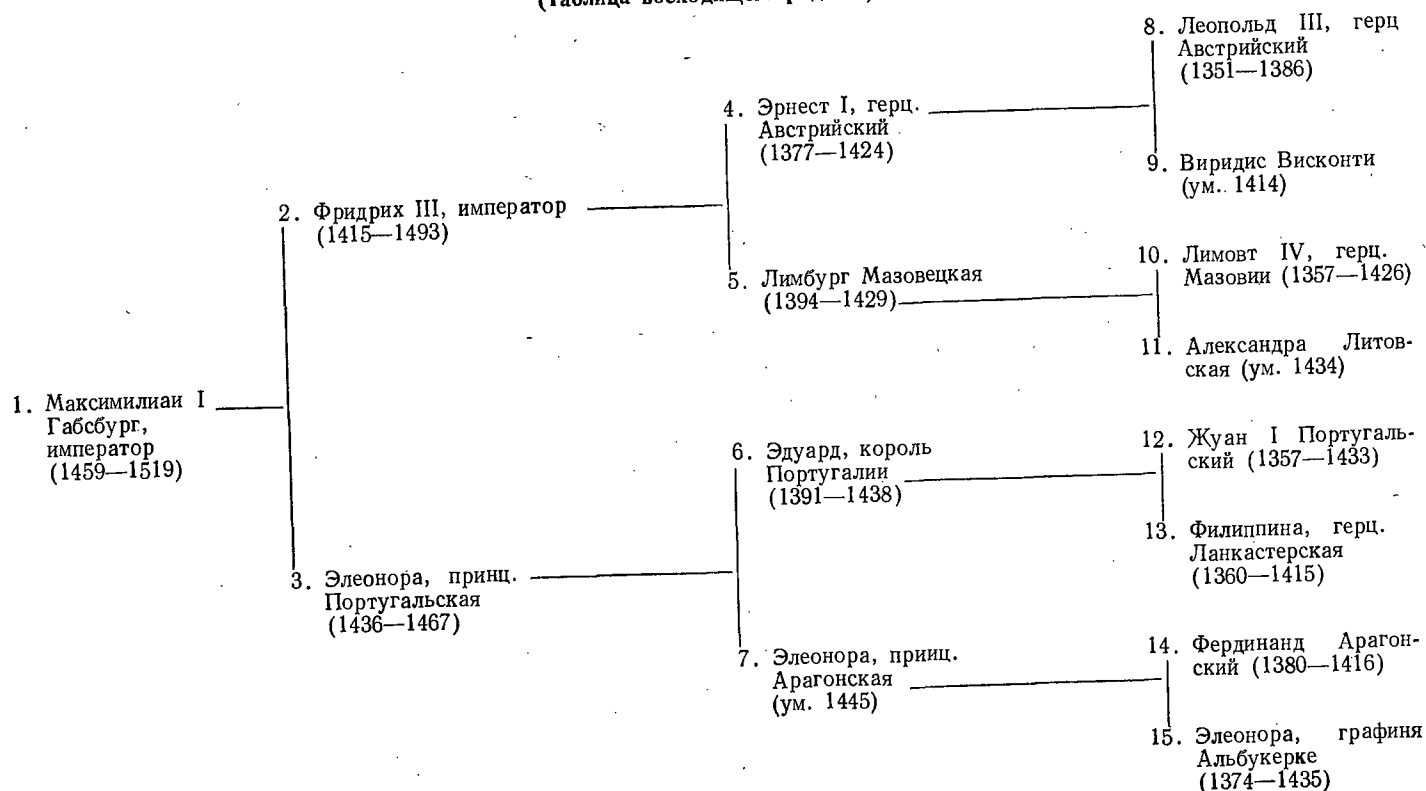
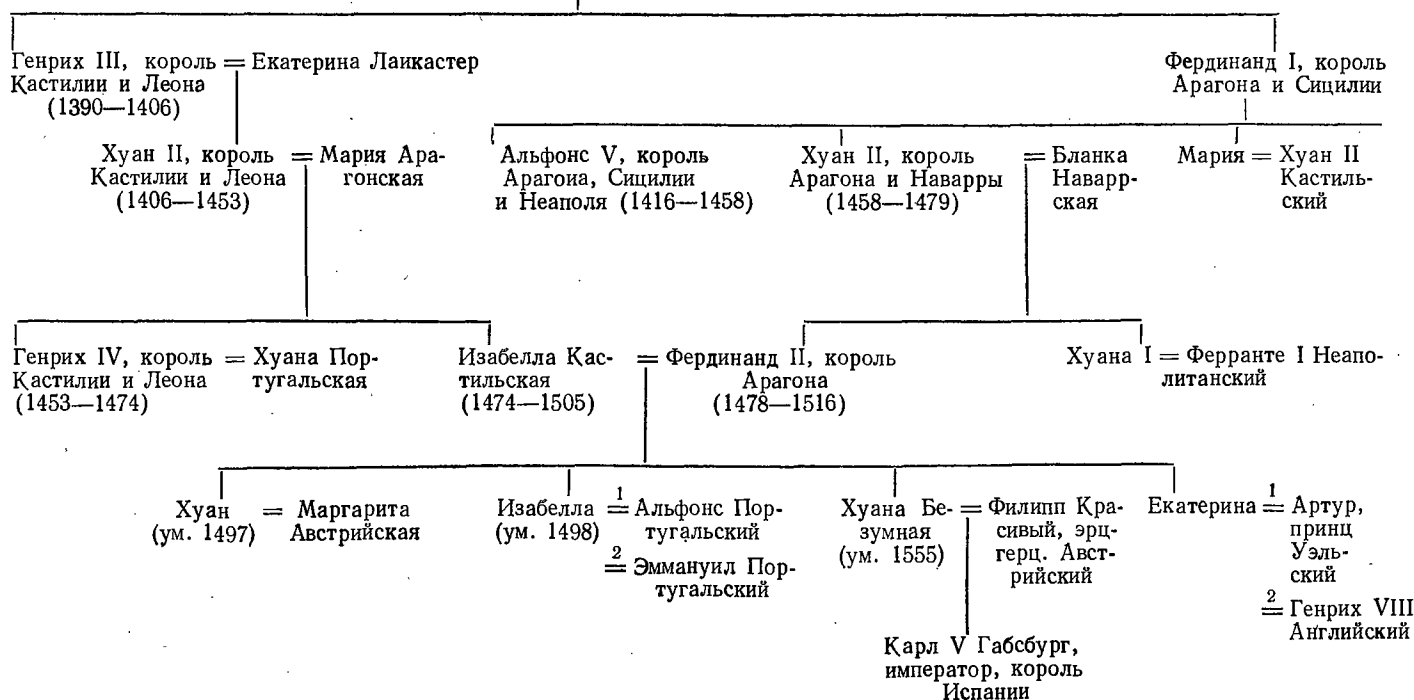

Таблица 5

Кастильская и Арагонская королевские династии в XIV — XVI вв.

Хуан I, король кастилии и Леона = Леонора Арагонская
(1379—1390)

А. П. Черных

ГЕРАЛЬДИКА

Термин «геральдика» имеет несколько значений. На первых порах ограничимся самым кратким определением: геральдика — это система гербов и знаний о них.

Историк, медиевист в особенности, постоянно и неизбежно встречается во время исследований с описаниями или изображениями гербов. Изображение герба или отдельных его элементов можно встретить на самых различных предметах материальной культуры: это рукописи и книги, монеты и печати, оружие, утварь, одежда, памятники архитектуры и т. д. Однако при встрече с гербом и геральдическим материалом возникают вопросы, решить которые подчас весьма нелегко. Для историка, не знакомого с геральдикой, герб остается загадкой. Даже обладая умением правильно прочесть герб или его описание, он зачастую не может верно оценить всю информацию, заложенную в гербе, например почему герб помещен на том или ином предмете, как он соотносится с другими гербами, какую роль он играл в происшедших в то время событиях и т. п. Совершенно неизвестными ему остаются намеки, выраженные геральдически. Таким образом, необходимость знакомства историка с геральдикой вызвана прежде всего нуждой в повышении информативной отдачи источника. Для историка, работающего непосредственно с памятниками материальной культуры, скажем, в музее, для искусствоведа геральдика может оказать неоценимую помощь в хронологической, региональной, а подчас и в личностной атрибуции материала. Это самое первое, традиционное представление о сфере применения знания геральдики.

Но этот предмет необходим не только как вспомогательная дисциплина в дипломатических, сфрагистических, нумизматических и прочих изысканиях, но и для разработки других тем, требующих учета геральдических данных, настолько специфических, что неумение работать с ними приводит исследователя просто к невольному отказу от их использования. Дело в том, что гербы

сами по себе являются источником (хотя и весьма своеобразным) по многим разделам исторического знания. Так, геральдика дает богатый материал по политической истории, фиксируя союзы, территориальные притязания, династические браки, по демографическим процессам в среде господствующего класса и т. д. Не только в сфере политической и социальной истории, но и в области истории общественного сознания, социальной психологии, при воссоздании психологической атмосферы эпохи могут быть привлечены геральдические материалы. Например, в хрониках, политических сочинениях, в литературе средневековья нередко встречаются описания гербов. Порой они несут немалую смысловую и художественную нагрузку. Однако анализ отношения к гербам в целом либо к тому или иному гербу как черте, типичной для менталитета эпохи вообще или менталитета различных социальных слоев, затруднителен без знания геральдики.

Изучение геральдики, как и всякий процесс исторического познания, бесконечно, но основой своей оно предполагает обязательное знакомство с историей развития геральдики в целом; с так называемой теоретической или формальной геральдикой, занимающейся анализом и систематизацией элементов герба; с геральдической терминологией; с некоторыми особенностями геральдики в отдельных странах.

Цель первоначального знакомства с геральдикой — возможность «прочитать» герб, классифицировать его, отметить какие-либо его интересные и значащие особенности, попытаться определить его хронологически. При современном состоянии гербоведения и при той немногочисленности геральдической справочной литературы в наших хранилищах умение сразу и полностью атрибутировать герб представляет собой серьезную, далеко не всегда выполнимую, да, пожалуй, и не обязательную задачу даже для человека, специализирующегося в геральдике. Более важно, на наш взгляд, и более интересно умение включить геральдическую информацию в контекст исторического исследования и соответственно в контекст изучаемой исторической эпохи.

В связи с этим основной задачей раздела по геральдике является не сообщение обильного материала конкретных данных, что означало бы лишь подмену геральдических справочников, а изложение сведений общего характера по геральдике и ее функционированию в средневековом обществе и методике прочтения герба.

Возникновение и развитие геральдики. Первые века существования геральдики полны загадок и неразрешенных вопросов, которые ждут своих исследователей. До сих пор нет окончательной ясности по множеству проблем, касающихся генезиса герба. Это относится и к критериям того, что считать гербом, и ко времени его появления, и к механизму складывания особых эмблем в форме гербового щита. Существуют совершенно различные мнен-

ния о причинах возникновения гербов. Наконец, лишь недавно поставлена и пока еще далека от разрешения проблема формирования из многочисленных отдельных гербов функционирующей в обществе геральдической системы.

Говоря о времени появления геральдики, обязательно нужно иметь в виду, что, во-первых, использование щита с каким-либо изображением как средства идентификации имело свою традицию еще в античности, и во-вторых, в гербы вошла значительная часть эмблем родовой, дофеодальной символики. Оба этих обстоятельства не могут служить основанием для чрезмерного удревления геральдики, потому что никакой связи, кроме внешнего сходства между этими явлениями, не прослеживается. Попытки такую связь отыскать являются плодом оценки герба по формальным признакам. Однако, по нашему мнению, само по себе изображение щита с рисунком — это еще не герб в полном смысле слова. Оно становится таковым только в результате того, что в сознании современника за ним стоит определенная социальная, правовая система отношений, им выражаемая. Если же этого нет, то герб остается просто эмблемой¹.

Средневековые геральдисты искали истоки гербов в глубокой древности. В гербовниках можно встретить созданные ими гербы Адама и Геракла, Александра Македонского и короля Артура, Иисуса Навина и волхвов и др. Изобретение этих гербов связано с двумя известными особенностями средневекового мышления: первая — неисторичность восприятия времени и вторая, вытекающая из первой, — распространение системы отношений и понятий данной эпохи на предшествующие. В то же время существование подобных гербов свидетельствует об огромной роли геральдики в средневековом сознании, о бытовании представлений, согласно которым ни один достойный человек не мог не обладать гербом.

Вопрос о более или менее точной датировке появления герба тесно связан с определением существа его и с выявлением причин его возникновения. Если идти от изобразительной стороны, брать в качестве критерия определения герба наличие в нем (или эмблеме) щита, то можно увидеть герб уже в ранних печатях с рисунком, напоминающим щит. Безусловно, сфрагистические памятники ближайшим образом связаны с геральдикой не только в более позднее время, когда на печати вырезался герб, уже утвердившийся за ее владельцем, но и в эпоху возникновения геральдики. Однако на основании единичных и достаточно разрозненных памятников не представляется возможным говорить о том, что время появления щита на личной печати может быть расценено как время появления или складывания герба, хотя в

отдельных случаях это и могло происходить одновременно. Более того, пути их складывания не всегда совпадают. Иногда мы можем проследить, как печати впоследствии перерастают в гербы, иногда этот процесс наблюдать не удастся. При наличии определенного изображения на печати ее обладатель мог пользоваться гербом совершенно иного вида. Так, сфрагистике хорошо известен скачущий рыцарь на печатях европейских королей и сеньоров, в то время как на их гербах он отсутствует (рис. 1, 2).

Рис. 1. Печать Генри Перси. 1301 г.

Рис. 2. Печать Умберта II на грамоте передачи в 1342 г. его владения Дофинэ, сыну Филиппа Валуа; с тех пор старшие сыновья королей Франции носили титул «дофин».

Традиционно считается, что геральдика возникает в конце XI в., хотя говорить об этом лучше с определенной долей осторожности, так как свидетельства этого немногочисленны и небесспорны. Существовавшая в английском гербоведении легенда о привнесении в Англию гербов Вильгельмом Завоевателем опровергалась уже в первой четверти XX в. В битве при Гастингсе в 1066 г. гербов, судя по всему, не было ни у одного из противников. Известны напоминающие гербы изображения на щитах на знаменитом ковре из Байе 1080 г. Однако ни один из них не идентифицируется в гербах потомков нормандских рыцарей после завоевания Англии; к тому же, по мнению исследователей, один и тот же воин фигурирует на ковре с разными рисунками на щите. И позже, уже в XII в., Анна Комнина, описывая прибывших в Константинополь французских рыцарей, говорила, что они имели гладкие, одноцветные щиты². Таким образом, XI в. можно расценивать как скрытый период развития геральдики,

¹ Эмблемы — гораздо более распространенное хронологически и территориально явление. Его изучение — предмет эмблематики, специальной дисциплины на стыке истории, искусствоведения, психологии.

² Анна Комнина. Алексиада. М., 1965. С. 357.

так как в это время гербовые памятники, если встречаются, представлены в основном печатями. Говорить же о распространении геральдики и складывании ее как системы можно, видимо, только с XII в. Это подтверждается и сфрагистическим материалом, и наличием гербов на гробницах; преемственность гербов тоже прослеживается именно с этого времени. Так, во время бракосочетания Жоффруа д'Анжу и дочери английского короля Генриха I последний вешает на шею своему зятю щит с золотыми львами. Этот же щит мы видим и на эмали 1151 г. с гробницы Жоффруа. Его старший бастард, Вильям Длинный Меч, также носил этот герб, изображение которого сохранилось на его гробнице в Солсбери. К середине XII в. относится и печать Джилберта, графа Хертфорда с тремя шевронами, которые впоследствии можно видеть в качестве герба его потомков.

С начала XIII в. число известных нам гербов значительно возрастает. Они начинают употребляться всеми крупными владельческими домами. Изображения гербов, первоначально, видимо, имевшиеся действительно только на щитах, стали появляться и на верхней одежде рыцарей, пополах коней и т. д.

Долгое время бытовало мнение о непосредственной связи распространения геральдики с повсеместным введением рыцарского шлема с закрытым забралом, что должно было затруднять узнавание противников и соратников в бою. Именно этим, как полагали, была вызвана необходимость вынести нечто, обозначающее личность воина, на щит. Как вариант этой теории существует предположение о широком использовании гербов в связи с развитием в Европе рыцарских турниров. Есть также мнение о заимствовании гербов у арабов во время крестовых походов. Плодотворной представляется попытка связать происхождение гербов с общим характером развития европейской цивилизации в XII в.

Действительно, геральдика могла удовлетворить реальную потребность в опознании воина как в бою, так и на турнире. Она могла служить подспорьем при управлении войсками, так как рисунки на знаменах чаще всего были аналогичны гербам, использованная для получения сведений о войсках противника. Однако вряд ли лишь эти, узкие и частные, задачи породили бы такую сложную систему, как геральдика, тем более что и при более ранних норманнских шлемах было трудно узнать лицо воина. С этим скорее были связаны личные эмблемы рыцарей, к которым ни в коем случае не может быть сведен герб.

Наиболее явно опровергает мнение о происхождении герба как следствии появления закрытого шлема то, что геральдика употреблялась в обществе гораздо шире того круга, где действовали военные, рыцарские установки круга, из которого действительно вышли многие элементы герба.

Посмотрим, каков был их характер.

Первоначально выбор гербовых изображений был, видимо, достаточно свободным, во-первых, неоднородным, во-вторых. Оче-

видно, в тех случаях, когда имелась какая-либо родовая эмблема, традиционное или излюбленное изображение, оно вполне могло быть помещено представителями этого дома на их гербовый щит. Это не противоречит тому, что теми, у кого такая эмблема не устоялась, в гербе могли использоваться такие простые знаки, как, например, горизонтальная или вертикальная полосы, в которых без натяжек трудно найти какой-либо символический смысл. Наконец, некоторые фигуры связаны с орнаментальными особенностями отделки боевого щита.

Герб вообрал и соединил в себе, таким образом переработав в едином контексте и став их концентрированным выражением, элементы разных смысловых рядов: с одной стороны, старые родовые или общие всему средневековью эмблемы и символы; с другой стороны, элементы рыцарского и военного обихода и сознания, что объединило их с точки зрения формы; с третьей стороны, социально-правовые представления, бытовавшие в обществе, которые для ранних этапов существования геральдики реконструируются с большим трудом, но именно они наполняют гербовое изображение тем содержанием и смыслом, которые собственно и делают его гербом.

Очевидно, одной из основных причин возникновения геральдики и складывания ее в систему стало развитие социальных процессов в средневековом обществе с его усилившимся в XI в. размежеванием, сопровождавшимся консолидацией и иерархизацией господствующего класса. Гербы были призваны четко обозначить место обладателя — слой, сословие, профессиональную принадлежность, жизненно связанные с функцией защиты, подчеркивающей их право на владение землей — место в социальной стратификации общества, а впоследствии внутри господствующего класса.

Итак, возникшее из практических потребностей гербовое изображение-эмблема в своем дальнейшем развитии стало отвечать другим, более широким потребностям социального характера формирующегося феодального класса. В определенной степени геральдика стала выражением свойственной этому этапу феодализма системы вассальных связей, в свою очередь близких системе поземельных отношений. Видимо, на первых порах обладание гербом было признаком именно права на выполнение в обществе определенных функций. Вместе с тем геральдика явилась выражением своеобразия средневекового мышления с его стремлением опосредовать подлинные отношения и выразить их в символической форме. Способность герба вобрать в себя и олицетворить столь различные стороны средневековой действительности сделала герб чрезвычайно простым и употребительным средством социальной идентификации, а геральдическую систему в целом — универсальным и практически удобным инструментом выражения, оценки, а в какой-то мере и регулирования социальных отношений.

Четкость и простота средневековой геральдики позволили ей быстро распространиться среди феодалов почти всей Западной Ев-

ропы. То содержание, которое нес в себе герб феодального сеньора, оказывалось настолько социально престижным, что гербы довольно скоро стали предметом вождения всех, кто в феодальном обществе по своему положению претендовал или мог претендовать на какой-либо суверенитет, на какую-либо долю феодальной свободы. Особенно усилился этот процесс в XIII—XIV вв., дающих нам изобилие примеров гербов как лиц светских, так и духовного звания, церковных организаций и пр. В это же время появляются гербы городов и отдельных городских корпораций.

В средневековом обществе герб обладал, несомненно, значительным правовым аспектом в функционировании и восприятии. Он мог быть и объектом правовой практики, и аргументом в разрешении юридических споров. В этом убеждает и тот интерес к гербам, который проявил европейски известный итальянский юрист Бартоло ди Сассоферрато, в чьей практике они выступают как знаки владения; и включение в собственный герб геральдических знаков, символов тех земель, на которые претендовал владелец герба; и конфликты относительно сходных гербов.

Надо отметить, что таких (спорных) случаев зафиксировано, в общем, немного. Один из них — спор между германским и итальянским рыцарями в 1300 г., о чем рассказывается в трактате Бартоло. Наиболее известен случай, когда сразу трое английских рыцарей — Скроуп, Гросвенор и Карминоу — претендовали на один герб: синий щит с золотой перевязью. XIV столетие знает и другие подобные факты, однако до суда дело не доходило. Редкость конфликтов по поводу совпадения гербов неудивительна. Люди средневековья имели отличную память на гербы, хотя сходные фигуры встречаются довольно часто. Надо полагать, что изображения на них полностью были идентичными довольно редко, хотя и это было возможно. Но более веской причиной было то, что появление сходного герба за пределами данного феодального государственного образования не играло роли, ибо кодификация гербов в средние века, да и то не всегда полная, имела место в рамках одной страны. Наиболее часто это были гербовые свитки или гербовники, составлявшиеся к случаю, например к крупному турниру.

Церемониал турнира достаточно известен. Важную часть его составляла гербовая экспертиза, так называемая «ярмарка гербов». Русский гербовед Ю. В. Арсеньев описывал ее как выставку щитов, однако, к сожалению, это пока не подтверждается ни иконографическим материалом, ни нарративными источниками. Судя по немецким и французским миниатюрам XIV—XV вв., на гербовую экспертизу оруженосцами представлялись рыцарские турнирные шлемы, украшенные шлемовыми эмблемами и маленьким изображением гербового щита в нижней части шлема. Экспертиза проводилась с целью проверки шлемов и их соответствия правилам турниров, а также с целью личной идентификации участников турнира и выявления самозванцев, в частности горожан, незаконно проникавших на праздник. В этом случае воору-

Рис. 3. Медное надгробие из церкви Виль-Нёв, Франция. XIII в.

жение разоблаченного конфисковывалось в пользу гербовых судей, в обязанности которых входили и осмотр представляемых оруженосцами шлемов, и идентификация гербов.

Рыцарь носил геральдические изображения не только на шлеме и щите. Постепенно они стали помещаться на оружии и других предметах воинского снаряжения и прочем принадлежащем ему имуществе. Сохранились гербы на одеждах, покрывалах лож, занавесах, блюдах и кубках. Гербы украшали тисненные кожаные футляры и переплеты, очаги, стены, мебель. С распространением стекла они появились на окнах в технике витража и росписи по стеклу.

Герб был обязательным атрибутом погребальной церемонии: вокруг смертного одра ставились свечи, украшенные маленькими гербовыми щитами покойного; одет он был чаще всего в гербовую котту или покоился на ткани, расшитой его геральдическими фигурами; в траурной процессии катафалк, украшенный гербом, сопровождали монахи со свечами, на которые был прикреплен гербовый щиток; изображение герба на стенке каменного саркофага встречается в подавляющем большинстве случаев в гробницах знати XIII—XV вв. (рис. 3).

Гербы не возникали в жизни средневекового человека от случая к случаю. Напротив, они были вплетены в ткань повседневности. То, что гербы встречаются постоянно, означает не частоту особенного, необычного, а незаменимость и обязательность использования герба в общественной практике, «геральдизацию» процесса социального общения. Процедура принятия вассальной присяги без герба немислима; церемония коронации — это демонстрация обилия и единства гербов вассалов короны. Герб, безусловно, предшествует личности, в определенных ситуациях практически полностью заслоняя ее. Это превалирование связано с тем, что в средневековом сознании корпоративное безусловно ценнее индивидуального, и в данном случае, когда герб — выражение родовой и социальной принадлежности, геральдика — лишь частное проявление общего. В момент конфликта между Англией и Францией в XIV в. вассалы французского короля демонстрируют свою верность и верность своих земель сюзерену, являясь перед ним в гербовых коттах. В 1381 г. в ответ на жалобы лиссабонцев на притеснения английских войск, стоявших в это время в португальской столице, граф Кембридж приказал вывешивать на домах его герб — белого сокола в аллом поле; это, однако, вызвало недовольство горожан, потому что, несмотря на гарантию защиты, средневековыми лиссабонцами это расценивалось как притязания графа на их подчинение.

Приведем в качестве красноречивого и очень показательного примера случай с так называемым «наказанием герба». Рыцарь, совершивший достойные соответствующего наказания проступки или преступления, всходил на помост, где напротив него на столбе висел его гербовый щит, перевернутый вниз головой. Гербовый король читал приговор осужденному. Хор отпевал его. После каж-

дого псалма герольд бесчестил оружие и доспехи рыцаря: сначала шлем, затем гербовую котту, потом пояс (перевязь), меч, шпоры и, наконец, герб (щит) осужденного, который герольд разбивал молотком. После последнего псалма на голову осужденного выливалась горячая вода, принесенная помощником герольда из ближайшей церкви, после чего осужденный передавался в руки королевского судьи или прево.

Публично перевернутый герб мог быть облит бесчестящей его черной краской. После этого гербовый король или герольды объявляли о лишении прав детей и потомков осужденного носить герб и появляться на турнирах.

Дело могло ограничиться и одним только публичным переворачиванием герба: так наказывались трусость, бегство с поля боя. Это, в отличие от разбивания герба, было временным наказанием. Часть проступков могла наказываться только разного рода изменениями в рисунке герба. Трудно судить о том, насколько часто эти наказания применялись на практике, так как возможность дойти до нас этих мало прибавляющих славы роду гербов гораздо меньше по сравнению с обычными. Тем не менее можно предполагать достаточно широкий спектр геральдического реагирования на правовые аспекты действительности с явной дифференцированностью подхода.

Примеры подобных ситуаций можно множить. В итоге они составляют хронологию повседневной общественной жизни. Средневековый человек сталкивался с гербами, даже не обладая ими сам; повсюду и постоянно. Горожанину был известен герб его города, цеха, сеньора. Войдя в церковь, прежде чем его взор достигал алтаря, он видел украшенные гербами каменные гробницы. Подняв глаза к небесам, он встречал на стенах собора гербы донаторов и сеньоров. Под ногами его пол церкви мог быть выложен плиткой с геральдическими изображениями. На улицах города гербы смотрели на него с башен, ворот, стен домов.

Герольды. Массовость употребления гербов вызвала к жизни потребность в лицах, которые специально занимались бы геральдикой. Ими стали те, кто ведал церемониалом турниров, дипломатических переговоров, выступал представителями сеньоров, — герольды.

Возникновение института герольдов следует отнести, видимо, к XII в.; более точных данных о времени его появления у нас пока нет. Наиболее известна их деятельность, связанная с проведением рыцарских турниров, о чем уже говорилось выше. Кроме гербовой экспертизы в обязанности герольда входило блазонирование герба, т. е. его объявление перед турниром и краткое описание. Герольды также ведали регламентом турниров, их помощники подавали во время состязаний все необходимые сигналы. Таким образом, от герольда для выполнения его обязанностей при профессионально хорошей памяти требовалось разбираться в

геральдике, генеалогии, знать об изменениях родовых взаимоотношений.

Эта сторона их деятельности в наибольшей степени имеет отношение к геральдике. Но помимо этого в повседневной военной практике в обязанности герольда входило объявление дня сражения; узнавание мертвых и раненых на поле боя; регламентация порядка обмена пленными; мы уже видели, какова его роль при наказании преступника. Все эти функции были разделены между герольдами разных рангов. Постепенно герольды взяли на себя и задачи парламентаров. В связи с этим они пользовались неприкосновенностью, хотя бывали и исключения в их дипломатической практике. Например, когда в 1429 г. Жанна д'Арк послала к англичанам, осаждавшим Париж, двух своих герольдов, один из них был задержан вопреки закону и обычаю и освобожден лишь месяц спустя под угрозой перебить всех пленных англичан. Безусловным нарушением дипломатических правил, с другой стороны, был случай 1475 г., когда французский король Людовик XI во время высадки английских войск во Франции послал к королю Эдуарду IV в качестве герольда своего слугу.

Герольд был облечен большими полномочиями и большими привилегиями. Но, кроме того, он был как бы олицетворением герба и даже олицетворением, как бы замещением его владельца. Поэтому оскорбление герольда расценивалось как оскорбление его сеньора.

Стать герольдом было непросто. «Кандидатский срок» для получения звания герольда во Франции, например, достигал 7 лет, что вполне сопоставимо со статусом подмастерья в ремесленной среде или оруженосца в рыцарской. В течение этого срока кандидат был помощником герольда и лишь затем, после особой церемонии, называвшейся «крещением герольда», когда сеньор выливал ему на голову вино и он приносил присягу, становился герольдом. Во Франции королевских герольдов было 30. Первый среди них, избираемый остальными на торжественной ассамблее, назывался Монжуа-Сан-Дени и считался гербовым королем. Он находился при королевском дворе. Остальные номинально ведали провинциями. Институт герольдов был распространен в Западной Европе повсеместно.

В Англии функции герольдов были аналогичны функциям их французских коллег. Первые гербовые короли зафиксированы здесь в XIII в. При Ричарде III была создана корпорация королевских гербовых должностных лиц, известная ныне как Коллегия гербов. Возглавлял ее гербовый король, остальные герольды имели отношение к разным районам английского королевства.

В эпоху феодального сепаратизма существовали и герольды частных лиц. Они носили на одежде гербы своих сеньоров как знак своей должности. При Генрихе VII практика частных герольдов в Англии сходит на нет, и в эпоху Тюдоров исчезают последние из них.

Шотландская геральдика знает институт герольдов по меньшей мере с XIV в. Должность гербового короля в Ирландии была учреждена в 1553 г.

В ранние времена своей деятельности герольды носили узкое платье, расшитое гербами, так называемую *cotte d'armes*. Позднее, с XIV в., их традиционной одеждой стал табард — расшитая одежда без рукавов с изображениями гербов. Во Франции она была из фиолетового бархата с золотыми лилиями.

Существование профессии герольдов тесно связано с наличием «живой» геральдики, с практическими потребностями по определению, составлению, а также истолкованию герба. С угасанием геральдики теряет свою важность и профессия герольдов. В Англии коллегия герольдов сохранилась поныне; она ведала наследованием, приобретением и составлением гербов потомков английской знати. Во Франции они утрачивают свои функции при Людовике XIII и до революции 1789 г. продолжают свое существование лишь как судебные чиновники.

Создание коллегий как оформление института герольдов означало высшую точку его расцвета и в то же время начало упадка.

Престижность обладания гербом тем не менее сохранялась, и массовое аноблирование, характерное для XVI—XVII вв., вызвало к жизни активное герботворчество и появление новых гербов. В то же время этот процесс содействовал «инфляции» герба и параллельно с угасанием породившей его действительности забвению его средневекового смысла и назначения.

Таким образом, есть основания полагать, что западноевропейская геральдика — явление, в специфической форме выражающее общественное сознание, присущее западноевропейскому типу феодализма и характерное исключительно для эпохи средневековья. Термин «геральдика» в строгом смысле слова применим и может иметь хождение лишь относительно периода XII—XVII вв. Для этого времени он означает совокупность всех гербов и имеющих к ним отношение знаков и предметов, а также деятельность по изучению и осмыслению геральдического материала.

В XVII в. с отмиранием особенностей общественного развития, породивших систему геральдики, гербы не исчезают, но утрачивают наполнявший их смысл и прежнюю связь с остальными элементами общественного бытия. Интерес же к гербам не падает, напротив, приобретает постепенно все более научный характер. Герб, существовавший или возникавший вновь после XVII в., находится вне средневековой геральдики как таковой и, следовательно, вне нашего рассмотрения. А для обозначения дисциплины, изучающей геральдику, и литературы по этому сюжету после XVII в. мы будем пользоваться преимущественно термином «гербоведение».

Источники. Данные по геральдической теории и практике мы можем обнаружить в источниках самого различного типа. По форме их можно разделить на источники изобразительного характера и источники письменные.

К первым прежде всего надо отнести изображения гербов на дипломах, в рукописях, в книгах. Богатый материал, зачастую уникальный, дают для изучения геральдики печати эпохи средневековья, как личные, так и корпоративные и городские. Не менее интересны с этой точки зрения и монеты, на которых нередко чеканились гербы территориальных владетелей, городов, союзов и пр.

Многочисленны изображения гербов на надгробных камнях, церковных хоругвях, на стенах церквей и домов и других архитектурных сооружений. Наконец, особую ценность представляют миниатюры, передающие не только изображение герба как такового, но нередко и воспроизводящие ситуации, в которых функционировали герб и герольды.

Наряду с изобразительным материалом огромное значение имеют письменные источники. Среди них необходимо выделить такие типы документов, как ленные грамоты, родовые книги, судебные постановления. Описания гербов можно нередко найти в хрониках. Один из ярчайших примеров этому — знаменитые страницы из хроники Яна Длугоша, посвященные описанию войск, участвовавших в Грюнвальдской битве³. Интересные данные дают разного рода описания турниров, торжественных выездов и погребений, которые могут содержаться и в хрониках, и в произведениях художественной литературы, и в житиях, и пр. Некоторые правовые аспекты геральдики освещены в законодательных памятниках.

Наконец, к геральдическим источникам относятся геральдические трактаты, получившие особое распространение уже после того, как геральдика, уже пережив свой расцвет в XIII—XIV вв., с конца XIV в. стала получать теоретическое оформление.

Самым ранним из этих сочинений считается датируемый 1300 г. трактат неизвестного автора *De Heraudie*. Как попытки осмысления геральдической практики трактаты получают распространение в XIV столетии. В Италии это — трактат Бартоло ди Сассоферрато «О знаках и гербах» (*«De insigniis et armis»*), в Испании — сочинение инфанта дона Хуана Мануэля, одного из самых блестящих литераторов Кастилии XIV в., известного главным образом как автор «Книги графа Луканора». С середины XV в. геральдическая тематика становится предметом внимания Дьего де Валеры (Испания), Николаса Аптона (Англия), Феррана Мехии (Испания) и др. С конца XV в. геральдические трактаты начинают издаваться типографским способом.

Трактаты, затрагивающие вопросы, связанные с геральдикой, являются весьма сложными по составу и задачам сочинениями. Они редко ограничивались изложением правил геральдики, законов составления гербов и прав приобретения и обладания гербом. Эти вопросы, составляя лишь часть сочинения, нередко довольно механически включались в повествование об истории рода, коро-

левства, в изыскания по поводу критериев благородства, анализ социальной структуры современного автору общества, соотношения власти и подчинения и многих других проблем. Некоторые, кстати, наиболее яркие авторы, такие, как Бартоло ди Сассоферрато и Хуан Мануэль, писали свои трактаты, отталкиваясь в основном от событий собственной жизни и от собственного мироощущения. Поэтому анализ геральдических трактатов требует особой осторожности и подготовки с учетом особенностей средневекового сознания в целом, специфики и реалий эпохи.

Промежуточное положение между письменными и изобразительными источниками занимают гербовники — рукописи с изображениями гербов, чаще всего цветными. В зависимости от типа гербовник мог состоять только из рисунков или включать более или менее подробные подписи и записи. Гербовники могли содержать в себе полное изображение герба — щит, шлем, шлемовую эмблему, намет, щитодержатели, или неполное, т. е. только гербовый щит или гербовый щит со шлемом.

Один из наиболее ранних известных памятников подобного типа, дошедший от XIII в., содержится в хронике Матвея Парижского. В нем изображено 75 гербовых щитов. Рукопись хранится в Лондоне в Британском музее. В 1881 г. было осуществлено ее издание в Берлине, которое, как и многие другие издания средневековых гербовников, ныне представляет библиографическую редкость.

В Англии сохранилось более двух десятков источников такого рода. От 1300 г. до нас дошли английские гербовые свитки, состоящие из 486 изображений гербовых щитов. Они хранятся в Лондонском обществе древностей и были изданы в Лондоне в 1884 г.

В начале XIV в. (между 1300 и 1400 гг.) была создана Гейдельбергская рукопись, в которую вошли 135 полных гербов и 10 шлемовых эмблем в раннеготическом стиле. Сейчас она находится в библиотеке Гейдельбергского университета. Издания ее были предприняты в 1887 г. в Страсбурге и в 1924 г. в Лейпциге. В целом за период до конца XV в. до нас дошло или, вернее, нам сейчас известно не менее 350 гербовых комплексов типа гербовников, гербовых свитков и т. п., происходящих из Западной Европы. В их числе около 130 английских, 80 французских, 60 германских, 30 фламандских, 20 испанских и итальянских.

В XVI в. составители гербовников делают следующий шаг в собирании и фиксации гербов: они пытаются создать общие для целых королевств или других крупных территориальных объединений своды гербов, стремясь закрепить и регламентировать их. Такова, например, Книга гербов королевства Наварры.

С точки зрения содержания трактаты и гербовники следует определить как собственно геральдические источники. Но именно они чаще всего дают нам неадекватное изображение действительности. Уже Николас Аптон видел и отмечал огромные различия между фиксированными правилами геральдических сочинений и

³ Длугош Ян. Грюнвальдская битва. М.; Л., 1962. С. 87—95 и др.

реальным существованием герба. Практика употребления гербов, их наследования, передачи, их соотношение друг с другом гораздо более явно прослеживается по повседневной документации и предметам материальной культуры, хроникам, миниатюрам. При изучении специфически геральдических проблем необходимы сочетание и сопоставление данных тех и других типов источников, их взаимная проверка, хотя это и представляет значительную сложность ввиду их ограниченности. Кроме того, необходимо заметить, что на практике составление и употребление герба отнюдь не следовало строгим правилам трактатов, особенно поздних. Большое разнообразие геральдического материала заставляет и в этом очерке говорить лишь об основных, наиболее распространенных или наиболее выразительных формах и чертах геральдики.

Формальная геральдика. Формальная геральдика на первый взгляд предстает довольно четко сконструированной системой. Однако это впечатление, как уже явствует из сказанного выше, — результат воздействия гербоведения отчасти XVIII, а в большей степени XIX в. Ранняя средневековая геральдика не знает обобщающих трудов в области теории геральдики, и то, что ныне называют ее законами, выведено на основании гербового материала и трудов гербоведов в основном XVIII в. Некий незафиксированный письменно набор употреблявшихся в практике положений, приемов, правил, конечно, существовал. Но утверждать, что формальная геральдика нового времени, реконструировав эту систему, точно передает ее, нельзя. Тем не менее обращение к формальной геральдике необходимо для любого, кто хочет изучить эти сюжеты, так как она вводит в специфику предмета, знакомит с терминологией и конкретным обликом изучаемого материала, дает возможность более точно прочесть описание герба при отсутствии изображений.

Формальная геральдика предметом своего изучения имеет собственно изображение герба и правила его составления.

Изображение герба может быть полным и неполным. Полный герб включает в себя следующие предметы: щит, шлем (или его заместитель), шлемовую эмблему, намет, щитодержатели, девиз. В специфических случаях могут возникать и прочие дополнительные элементы (рис. 4).

Основными принципами составления герба было то, что герб должен быть точным, кратким, по возможности своеобразным; он должен был отражать особенности положения своего владельца в семье, роде, обществе. При составлении герба до определенной степени могли руководствоваться геральдическими законами, которые будут приведены ниже, и исключениями из них.

Безусловно, основным элементом герба являются щит и изображение на нем⁴.

⁴ Однако геральдические изображения, геральдические цвета, знаки могут возникать и на знаменах, на одежде без изображения щита как такового.

Он несет максимум информации личного характера, в то время как часть иных аксессуаров имеет характер идентификации социальной — корона, шлем и т. д. (хотя преимущественная информативность гербового щита не так однозначна, подтверждением чему служит английский бэдж, соперничающий с ним).

Щит был, видимо, наиболее ранним по времени возникновения геральдическим элементом. Кроме того, в чисто изобразительном и «обиходном» отношении он оказался весьма емкой системой записи и передачи информации, не говоря уже о том, что в качестве щита он нес и семантическую нагрузку. В силу этих своих преимуществ он занял место связующего звена в системе геральдических изображений, мог существовать и как отдельный компонент, и как смысловой центр герба. С этой точки зрения форма щита не имеет значения для его геральдической сущности.

В гербе щит изображается чаще всего прямо стоящим, но иногда может быть наклонным, причем чаще всего вправо и очень редко влево. Изредка встречается опрокинутый щит.

Что касается собственно формы гербового щита, то речь идет о форме не рыцарских щитов, а геральдических. Лишь в ранних гербах форма гербового щита соотносима с воинским. В более поздней геральдике это соотношение так четко не прослеживается. Для человека средневековья форма гербового щита, если она не несла в себе каких-либо специфических особенностей, не играла большой роли и могла быть изменена. Поэтому нам надо подходить к ней с большим вниманием и осторожностью, так как форма щита в отличие от изображений подвержена веяниям «моды», претерпевает изменения в зависимости от господствующего стиля и сама по себе, изолированно, не может быть безусловным основанием датировки составления герба. Весьма осторожным надо быть и относительно более поздних этапов развития геральдики, когда появляется тенденция к удревнению родов и гербов. Вид гербового щита, установившийся и обозначаемый традиционно, отражает лишь преимущественно используемую в национальной геральдике форму и является в достаточной мере условным. К такой форме надо относиться с большой осторожностью и оговорками, в то же время не отбрасывая ее полностью, так как иной раз она может послужить указанием, пусть неточным, в каких гербовниках имеет смысл искать подобный герб.

Рис. 4. Элементы герба: 1. Шлемовая эмблема, 2. Намет, 3. Шлем, 4. Корона, 5. Щитодержатель, 6. Гербовый щит, 7. Лента девиза

Остроконечный треугольный щит, напоминающий норманский боевой и встречающийся в изображениях большинства старых гербовников, часто называется старофранцузским или французским древним, или норманским (рис. 5а).

В отличие от него французский новый гербовый щит наиболее распространен в поздней геральдике. Он тяготеет скорее к четырехугольной форме со скругленными нижними углами и остроконечным завершением в центре нижней стороны щита (рис. 5б).

Прямоугольный равномерно закругленный внизу щит нередко называют испанским, и он действительно часто встречается в странах Пиренейского полуострова (рис. 5в).

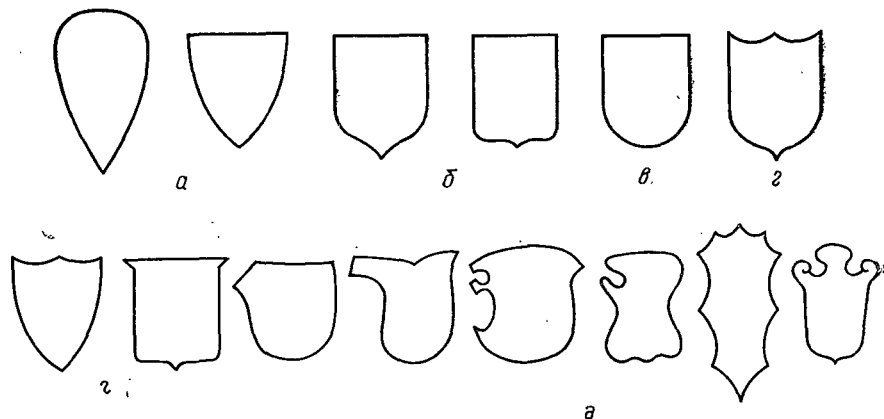

Рис. 5. Формы гербовых щитов: а, б, в, г, д

Гербы с волнообразным изменением линии верхнего края щита, с удлинением верхнего края щита и образованием небольших выступов считаются характерными для английской геральдики (рис. 5г).

Щиты с вырезанным правым краем встречаются в итальянской, немецкой, восточноевропейской геральдике. Кроме того, в итальянской геральдике, особенно позднего времени, нередки произвольные, весьма прихотливые формы щитов, овальные и тяготеющие к картушным конфигурациям.

Однако надо учесть, что выбор формы герба, особенно на ранних этапах развития геральдики, — вещь, судя по всему, достаточно произвольная. Это обстоятельство в сочетании с миграциями групп господствующего класса (тем более что они могли не сразу адаптировать свой герб в соответствии с местными традициями) должно подготовить к тому, что в разных странах можно встретить любые формы щита.

Несколько вернее региональной хронологической привязка форм гербового щита. Речь идет о том, что в наиболее древних геральдических памятниках щит тяготеет к треугольнику. Судя

по материалам гербовников, он представляется общераспространенным в XII—XIII вв. Со временем, особенно за гранью средневековья, наиболее часто стал встречаться французский щит.

Наряду с указанными выше возможны самые разнообразные формы гербового щита. В определенных случаях форма гербового щита дает точное указание на какую-либо сторону положения владельца герба; так, ромбический щит — принадлежность только дамского герба, хотя в нем могли быть щиты и другой формы, например овальной (рис. 6).

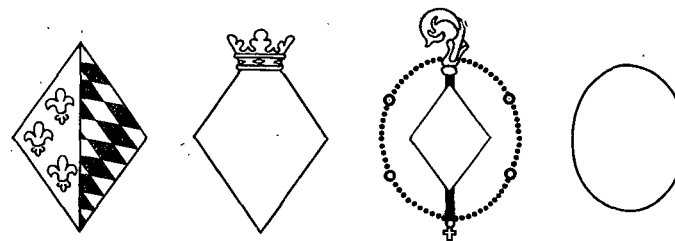

Рис. 6. Дамские гербы

В формальной геральдике принято классифицировать гербы по тому или иному признаку. В свое время гербоведение делило щиты на готические и барочные. Все упомянутые выше относились к готическим, а определение барочных прикладывалось к гербам и гербовым щитам с XVII в. Однако очевидно, что такое деление ничего не дает для изучения собственно средневековой геральдики. Возможно, что применение новых, в частности математических методов при этом по отношению ко всему комплексу гербовых изображений, сдерживаемое в настоящее время в гербоведении распыленностью и неоднородностью источников, могло бы дать более точные корреляты хронологии и типологии гербов даже с точки зрения такого внешнего признака, как форма гербового щита.

Для удобства описания герба, в том числе изображений на гербовом щите, в гербоведении принято делить щит на особые участки — создана своего рода «топография» щита. Расположение и обозначение этих участков желательно знать по двум причинам: во-первых, ими пользуются при описании расположения фигур в щите, во-вторых, их очередность отражает ту своеобразную иерархию частей щита, которая в свою очередь создает и иерархию фигур и изображений в гербе в зависимости от их местоположения на щите. При описании герба мы столкнемся с вполне естественно исторически сложившейся неразработанностью русской терминологии, поэтому приведем параллельно французскую как наиболее употребительную в международном гербоведении.

В гербоведении принято обозначать зоны щита латинскими буквами или цифрами. Систем буквенного обозначения несколько. Кроме того, цифровая система более проста и удобна в обращении. Ниже мы даем наиболее рациональный вариант деления гербового щита (рис. 7).

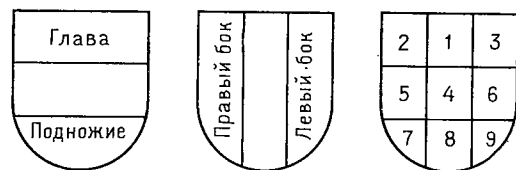

Рис. 7. Топография гербового щита

1. Глава (Chéf).
2. Правый кантон главы (Canton dextre du Chéf).
3. Левый кантон главы (Canton sénestre du Chéf).
4. Сердце (Coeur, abime).
5. Правая сторона (Flanc dextre).
6. Левая сторона (Flanc sénestre).
7. Правый кантон подножия (Canton dextre de Pointe).
8. Подножие (Pointe).
9. Левый кантон подножия (Canton sénestre de Pointe).

Добавим, что правый кантон главы, глава, левый кантон главы, вместе составляя верхнюю треть поля щита, именуются иногда «главой». Нижняя треть щита целиком именуется «подножием». Вся правая треть щита — правый кантон главы, правая сторона и правый кантон подножия именуются правым боком, противоположная ей сторона или треть — левым боком.

Таким образом, если сказано: голубой с золотым крестом во главе — это значит, что на голубом щите расположен золотой крест в зоне 1 (рис. 8); о правилах прочтения герба целиком см. ниже.

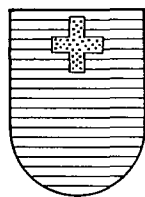

Рис. 8

Стороны гербового щита определяются не с точки зрения зрителя, а с точки зрения рыцаря, несущего щит. Поэтому, когда герб обращен к нам — зрителям или читателям гербовника, сторона его, представляющая нашим глазам как левая, считается правой (dextre), а правая — левой (sénestre). Такие наименования они и носят.

При этом и все движение в гербе и в его композиции устремлено вправо, и изображение обращено в правую сторону (т. е. для зрителя влево). Для средневекового сознания было недопустимым, чтобы несомый щит и изображение на нем двигались задом наперед навстречу противнику (рис. 9 а, б, в). Поэтому подобное изображение на гербе либо подделка, либо уникальный случай, требующий пристального внимания и

объяснения, либо, если мы имеем дело с современным изданием, может быть полиграфическим браком или ошибкой — так называемым зеркальным изображением.

Вообще правая (геральдическая правая) сторона и верхняя часть герба считаются наиболее почетными. Это учитывается при расположении фигур. Особенно это важно при совмещении гербов, о чем будет сказано ниже.

Гербовое поле щита может иметь разнообразные, но сводимые к нескольким направлениям деления: горизонтальные, делящие щит поперек; вертикальные, делящие его вдоль; наклонные (диагональные) и их сочетания. Линии деления могут быть прямыми и со всевозможными изгибами (рис. 10).

Гербоведение уделяло делению щита пристальное внимание в поисках возможностей и способов систематизации геральдической графики. Так, например, если в разделенном вертикально или горизонтально щите соотношение цветов было равным, то предлагалось считать это делением, а если оно нарушено, то говорить не о делении, а о так называемом сечении или гербовых фигурах (pièces honorables). Надо отметить, что это очень формальный подход. Практически отделить деления щита от гербовых фигур, исходя только из их начертаний, достаточно сложно.

Гербовые фигуры, выделяемые геральдикой в особый разряд геральдических изображений, согласно пространственному и в целом подтверждающемуся геральдическим материалом мнению, свойственны наиболее древним гербам. Существовала точка зрения, согласно которой они были условными обозначениями проявленных доблестей и пр. (например,

Рис. 9. а, б, в.

шеvron обозначал ранение в ногу), но уже гербоведение XIX в. отказалось от этого как от явной модернизации.

Вариантов деления щита и гербовых фигур насчитывается более трех десятков (рис. 11). Уместно подчеркнуть, что русские названия их наименее важны. Они являются очень поздним изобретением, в достаточной мере условным и не всегда устоявшимся, поскольку какой-либо средневековый материал, геральдически описанный в этих терминах, отсутствует. Западноевропейский геральдический источник, как правило, предельно лаконичен и зачастую не может быть переведен в эквивалентных русских терминах без утраты смысла. Это означает желательность для историка-медиевиста обращения к национальной геральдической терминологии того региона, с материалом которого он работает.

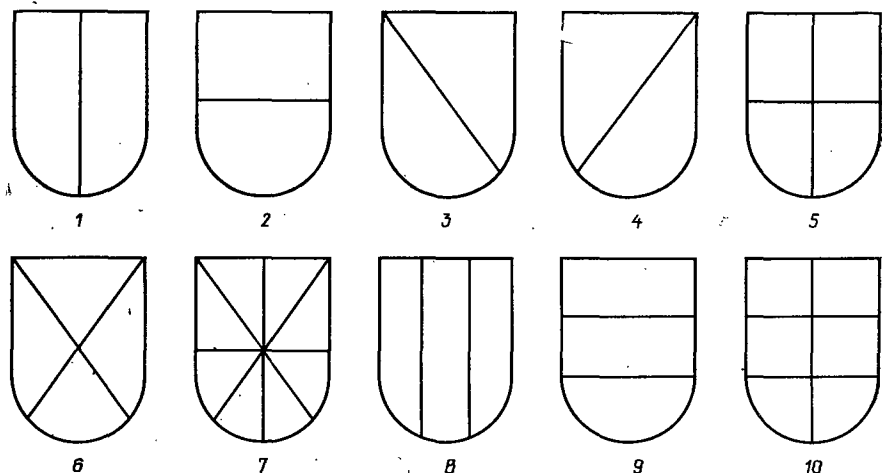

Рис. 10. Деление гербового щита: 1. Parti, 2. Coupé, 3. Tranché, 4. Taillé, 5. Ecartelé, 6. Ecartelé en sautoir, 7. Gironné, 8. Tiercé en pal, 9. Tiercé en fasces, 10. 6 quartiers

В таблицах и руководствах даются традиционно «нормальные» изображения гербовых фигур и делений гербового поля. Такой их вид подразумевается при описании герба. Более подробное описание дается лишь в том случае, если есть какие-либо отличия, отклонения от этой «нормы», например помещение фигур в нетрадиционных местах щита, усечения их и т. п. Размеры гербовых фигур также могут быть различны, позднее гербоведение дало им свои названия, но средневековая геральдика не всегда различала это. Гербовая фигура обычно должна занимать практически весь щит, но это зависит и от художественной стилистики.

Встречающиеся в гербах животные изображаются, как правило, в своем естественном виде и цвете. Исключение составляют лев, леопард, орел, которые имеют специфически геральдические

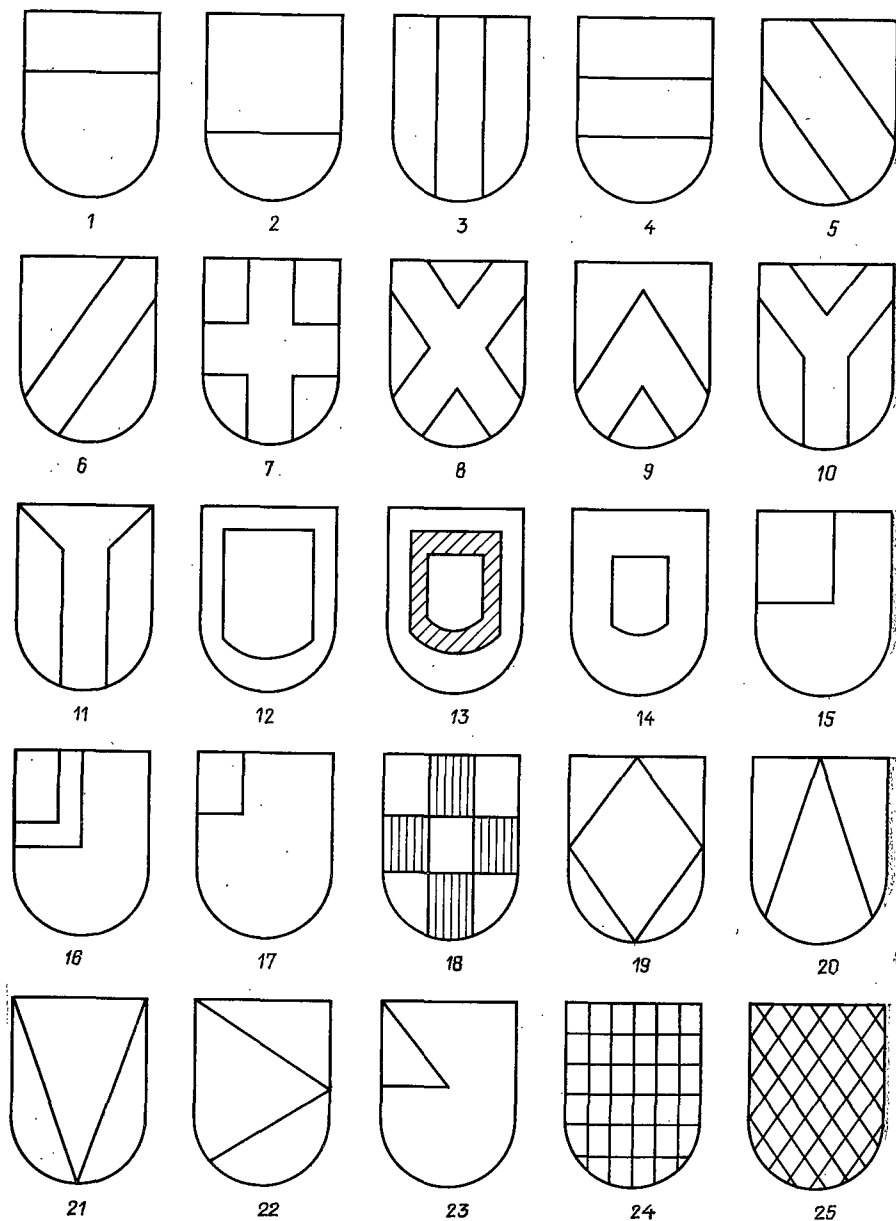

Рис. 11. Гербовые фигуры: 1. Chef, 2. Champagne, 3. Pal, 4. Fasces, 5. Bande, 6. Barre, 7. Croix, 8. Sautoir, 9. Chevron, 10. Pairle, 11. Gousset, 12. Bordure, 13. Orle, 14. Ecu en coeur, 15. Franc-quartier, 16. Escarre, 17. Canton, 18. Equipole, 19. Vetement, 20. Chape, 21. Chausse, 22. Embrasse, 23. Giron, 24. Echiquete, 25. Losange

цвета и изображение. Все они обращены в правую сторону. Львы могут быть двуххвостыми, а орлы двуглавыми и даже трехглавыми. Встречается и симбиоз этих фигур. Необычность изображения — двуглавый орел, крылатый лев и т. п., а также зверь с вырванными когтями, зубами, разрубленный и т. д. — всегда отмечается. Растения в гербах изображаются преимущественно в своем естественном виде, за исключением лилий, хотя встречаются сильно стилизованные. Среди гербовых изображений возможны также солнце, луна, звезды. В сущности, на гербах могло появиться изображение практически любого предмета или животного.

Когда в щите располагается несколько однородных фигур — монеты, кольца, котлы, то их расположение в принципе повторяет контуры треугольного щита.

Фигура в гербе часто описывается в зависимости от своего расположения в гербовом поле: если наблюдаются отклонения от прямостоящего расположения в центре поля щита, это считается не совсем обычным и указывается.

Щит может быть разделен на несколько полей. Тогда соразмерность изображаемых в них предметов определяется тем, что каждое поле многочастного герба — это отдельный герб. Многочастные гербы, безусловно, позднего происхождения. Особенно перегружены гербы немецких князей XVII—XVIII вв. Ранние образцы в большинстве своем очень просты и незатейливы.

В геральдических изображениях употребляется более или менее определенный набор цветов. В геральдике он подразделяется на собственно цвета⁵, металлы и покрытия. К сожалению, в отношении гербов, которые известны нам только по печатям или их оттискам, о цвете говорить не приходится. Цветное изображение вообще было возможно далеко не везде. Не всегда фактура поверхности, на которую наносилось изображение герба, позволяла выполнить его в цвете. К такому относятся изображения на оружии и доспехах, где, несмотря на достаточно высокую технику художественной обработки металла в средневековье, цветовая гамма оказывалась весьма ограниченной и применялась преимущественно гравировка. Ранние гербовники, если не были целиком раскрашенными, обозначали цвет гербовых полей начальными буквами или сокращениями. (А. — золото, а., атг — серебро, G — алый, от французского *gueules* и т. д.), как правило, с использованием французских геральдических терминов, общих, пожалуй, для всей средневековой Европы. Помимо буквенной существовали и другие системы обозначения геральдических цветов, например с помощью астрологических знаков.

⁵ В русском гербоведении они, будучи переводом французского термина, назывались эмальями, или финифтями. Тем, кто заинтересуется попытками нашего дореволюционного гербоведения создать отечественную геральдическую терминологию, имеет смысл обратиться к труду нашего замечательного гербоведа Ю. В. Арсеньева (см. рекомендованную литературу).

С началом книгопечатания появились и типографские изображения гербов, хотя это и не означает исчезновения практики ручного изготовления гербовых изображений. Даже в начале XVI в. Дюрер рисовал цветной герб по заказу. Стали создаваться системы штриховки, призванные обозначить цвет в черно-белом изображении герба. Однако эти системы сильно противоречили друг другу. В гербоведении XIX в. сложилась стабильная система штриховых обозначений геральдических цветов, применяемая и ныне, как в практике изображений гербов, так и в научных изданиях (рис. 12).

	1	2	3	4	5	6	7
Астрологические обозначения							
Я.Франкфорт 1623 г.							
С.Петра Санкта, М.Коломбьер 1638 - 1639 г.							
Э.Гелениус 1645 г.							

Рис. 12. Условные обозначения гербовых цветов и металлов: 1. Золото, 2. Серебро, 3. Алый, 4. Голубой, 5. Черный, 6. Зеленый, 7. Пурпурный

Согласно правилам геральдики в гербах может применяться ограниченное число цветов: алый, пурпурный, голубой, зеленый, черный и оранжевый. Так называемых геральдических металлов может быть только два: золото и серебро. Существуют также два основных типа покрытий поля: условно изображенные беличий и горностаевый меха (на подлинных гербовых щитах они могли быть покрыты настоящим мехом). Меховые покрытия в графическом изображении встречаются в разных вариантах расположения и цвета. Горностаевое покрытие, как правило, представляет собой белый с черным мех, но известны варианты красного с белым и др.

Поздняя формальная геральдика делит цвета на геральдические и естественные. К геральдическим относятся вышеперечис-

ленные. В них может быть окрашено как поле гербового щита, так и отдельные находящиеся в нем гербовые фигуры. Предметы, помещенные в гербовое поле в своем естественном виде, — голова мавра, рука человека, голова вепря — не являются гербовыми фигурами и изображаются в своем естественном цвете, хотя и с известной долей средневековой условности.

Как это было характерно для средневекового менталитета в целом, геральдические цвета имели свою внутреннюю иерархию. По трактату Бартоло, наиболее благородными считались золотой (из металлов), красный (из цветов), а наиболее низким — черный, и это соответствовало иерархии символизируемого. Однако положение цветов в этой системе, так же как и их символическое значение, менялось во времени.

При том, что основной частью герба является щит, прочие элементы герба также несут значительную смысловую и информационную нагрузку.

Характерный элемент герба — шлем. Как таковой он употреблялся преимущественно в рыцарской личной геральдике. Как правило, он отсутствует в гербах духовных лиц, в дамских, конфессиональных, городских гербах, в корпоративных. Однако известны случаи использования рыцарского шлема в цеховых гербах, правда, поздние, XVI в. Типы шлемов достаточ-

но разнообразны (рис. 13). Обычно они обращены на зрителя либо в правую геральдическую сторону. Особо стоит упомянуть об изображении гербов внутри церковных зданий, когда в нарушение правил шлем решеткой забрала был обращен к алтарю. Шлем не является таким обязательным элементом изображения герба, как щит. Малочисленность изображений гербов редко дает воз-

можность сопоставить несколько изображений одного и того же герба. Это не позволяет делать однозначных выводов о том, менялся ли шлем в одном и том же гербе или форма его сохранялась неизменной на протяжении всего существования герба у этого владельца.

К таким же дополнительным элементам герба относится и шлемовая эмблема. Она представляет собой еще одно средство личностной идентификации, так как даже лица, находящиеся в близком родстве и, возможно, обладающие гербом с одинаковыми гербовыми цитами, тем не менее будут носить различные шлемовые эмблемы. Шлемовая эмблема может повторять изображение на щите, может иметь общие с полем щита или его фигурами цвета, а может и не быть связана с ним очевидно. Шлемовые эмблемы гербов чрезвычайно разнообразны: животные и люди, целиком и их отдельные части (крылья, рога, руки), самые разные предметы (даже топор и пила), перья, растения и др. (рис. 14).

Формальная геральдика ничего не говорит о наличии шлемовой эмблемы в гербах клириков или дамских гербах. Но по материалам средневековых печатей известны нарушения этого: епископ Норича, Генри Диспенсер, имел на печати изображение герба, в котором вместо шлема была митра, а вместо шлемовой эмблемы — расположенная поверх митры голова грифона.

Обычно над гербовым щитом располагается один шлем. Но геральдика позднего средневековья при совмещении в одном щите двух значительных гербов дает примеры появления двух шлемов над одним щитом. Среди гербов конца XVII—XVIII вв., особенно из немецких земель, число шлемов над щитом доходит до десятка и более, но у каждого шлема сохраняется своя шлемовая эмблема.

Дополнительным элементом герба является и так называемый намет, представляющий собой изображение, как правило, двухцветных полос ткани, спускающихся с верхней части шлема, зачастую тех же цветов, что и щит либо шлемовая эмблема. При наличии многочисленных гипотез о происхождении намета окончательного мнения по этому вопросу не сложилось.

Нередко в изображении герба намет отсутствует, даже если в нем есть шлем. Так, Цюрихский гербовник XIV в. дает над щитом изображение шлема и шлемовой эмблемы, но не намета. В гербах XV в. и более поздних намет становится все пышнее, а изображение его — все более орнаментальным.

В период расцвета геральдики в гербах появляются многочисленные короны, обозначающие принадлежность к титулованной знати. Их иерархическая функция особенно наглядна.

Полный герб может обладать также щитодержателями. Среди фигур щитодержателей могут встречаться любые живые или мифические существа: люди (монахи в гербе княжества Монако), животные (медведи в гербе итальянского рода Орсини), драконы (в гербе португальского короля в XV в.). Их чаще всего два, но может быть и один (орел королей Испании (рис. 15); в гербе

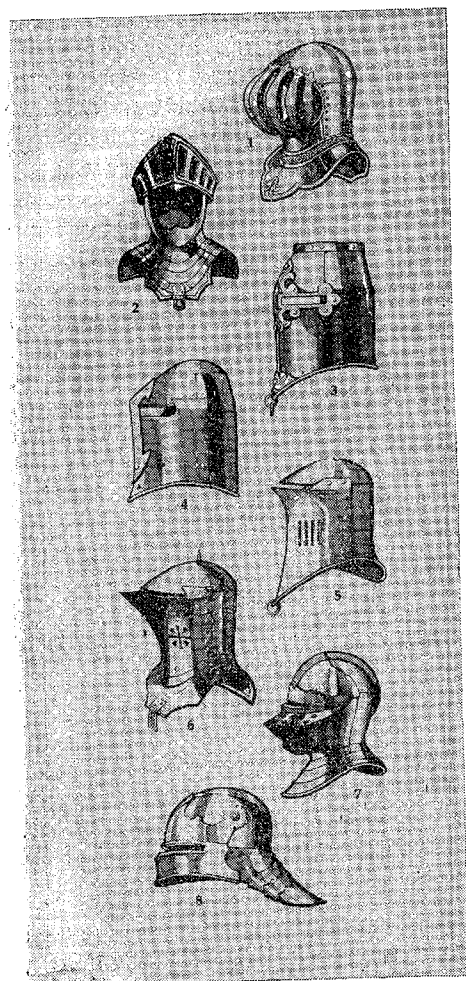

Рис. 13. Геральдические шлемы

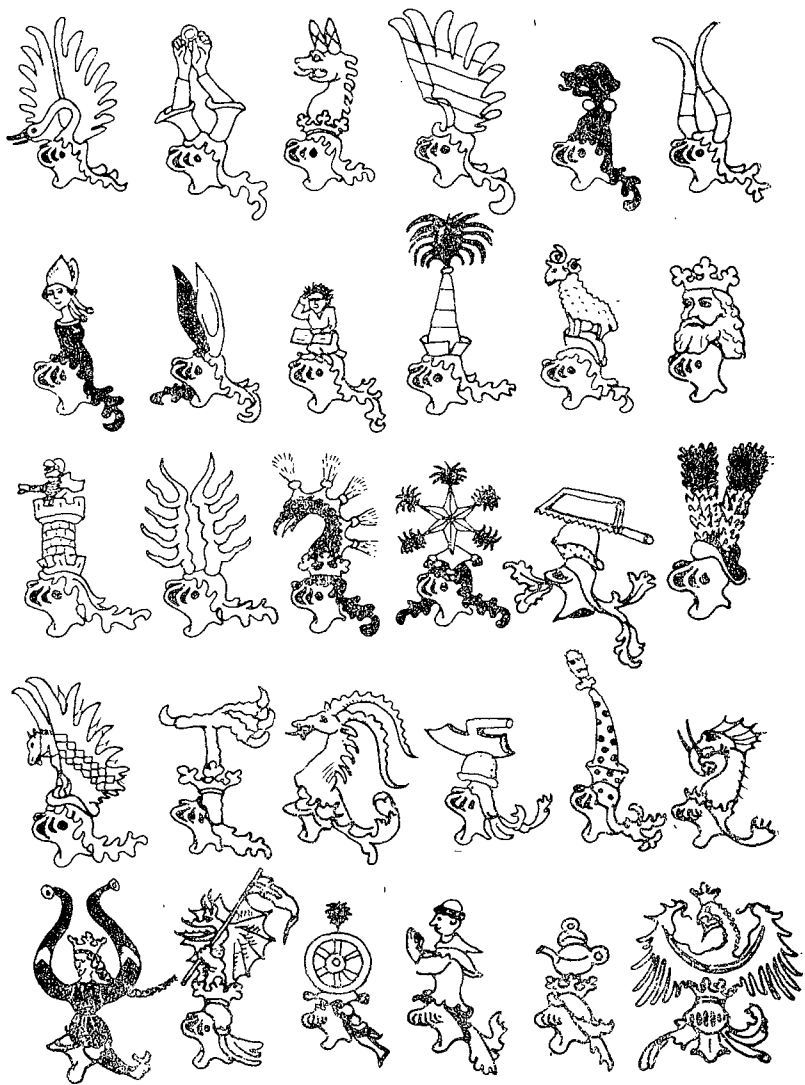

Рис. 14. Шлемовые эмблемы XV в.

французских королей бывал в разное время то два, то один ангел). При наличии двух щитодержателей они могут быть и разными (гербы английских королей после присоединения Шотландии — с английским львом и шотландским единорогом). В Северной и Центральной Европе среди щитодержателей были очень распространены львы. Иногда щитодержатели могут быть украшены геральдическими знаками, аналогичными тем, что находятся в поле щита.

По мнению Ю. В. Арсеньева, щитодержатели ведут свое происхождение от турнирной практики. Они встречаются в гербах с XIV в.

Определенных правил выбора щитодержателей не было даже в формальной геральдике. Это, пожалуй, наиболее легко изменяемая часть герба, не только в масштабах существования герба в роде, но и в течение жизни одного обладателя, поскольку она не была связана с его достоинством и званием.

Существуют и другие дополнительные элементы герба, но частично они более позднего происхождения, частично имели сравнительно узкую сферу применения. Имеет смысл подробнее остановиться на девизах.

Девизы, как правило, располагались отдельно от гербового щита, чаще всего под ним, на ленте или табличке, но известны примеры расположения девизов над щитом или на окружающей щит ленте. В большинстве своем девизы выражены словами — это изречения либо отдельные слова. Изречения могут быть общеизвестными, а могут, напротив, быть понятны лишь владельцам герба, иметь зашифрованное значение, относящееся к эпизодам родовой или семейной истории либо особенностям представителей рода, наконец, личным качествам обладателя герба. Девизы бывали производными от имени владельца.

Ими могли стать и боевые кличи, которыми обладали сеньоры с правом идти в бой под собственным знаменем. Так, клич Готфрида Бульонского — «Так хочет бог» — вошел в его герб в качестве девиза; в герб французского короля — «Монжуа». Встречаются и девизы-аббревиатуры из заглавных начальных букв слов, но редко.

В гербах пиренейских стран встречаются надписи, расположенные не отдельно от гербового щита, а непосредственно в его поле, по краям или по диагонали, по сути своей аналогичные де-

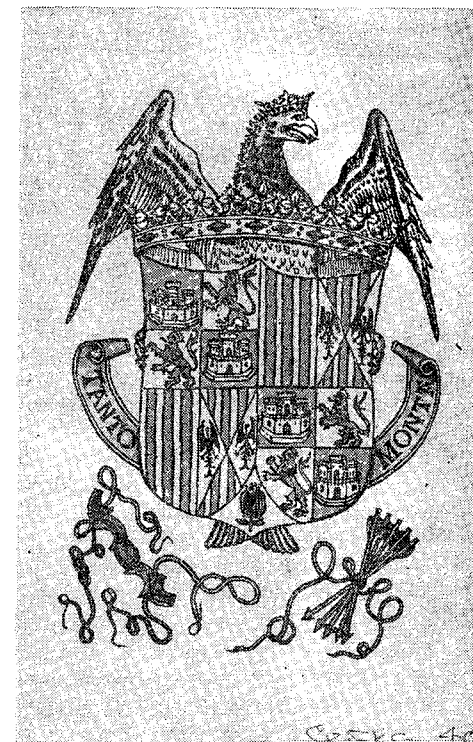

Рис. 15. Герб королей Испании

визам. Нередко они представляют собой начальные слова или строки католических молитв.

Вообще язык девизов не регламентировался. Ранние девизы представлены чаще всего на латыни либо на французском. Постепенно появляются девизы и на национальных языках.

Особенностью английской геральдики считается существование в ней дополнительных изображений, так называемых бэдж, которые иногда интерпретируются как своего рода девизы. Надо полагать, эти элементы нельзя считать тождественными, потому что, будучи древнее словесных девизов, сосуществуя с ними, бэдж в то же время воспринимался как эмблема лица или династии. Ряд современных английских исследователей полагает, что бэдж употреблялся даже шире, чем герб. В XIV—XV вв. его носили на одеждах, изображали на стенах, ливреях слуг и т. д. Он был настолько хорошо известен, что мог заменять имя владельца. Наиболее известные из этих изображений — белая роза, алая роза, белый олень, лебедь, синий вепрь. Соотношение их с изображением в гербовом поле пока остается неизученным и малоизвестным. Заметим, что, хотя это и считается чисто английской особенностью, сопоставимые примеры можно найти в геральдике и других стран. Например, в испанском королевском гербе XV в. под щитом изображались пучок стрел (*flechas*) и ярмо (*yugo*), рассматриваемые как обозначение инициалов католических королей Фернандо и Изабеллы. В то же время они несли и смысловую нагрузку.

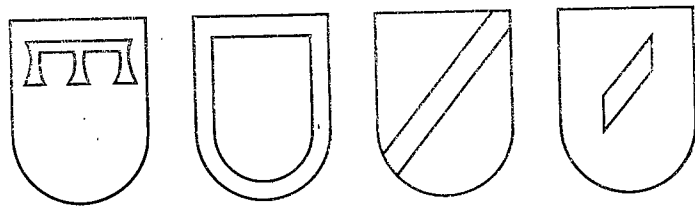

Рис. 16. Гербовые фигуры особых значений

Некоторые дополнительные элементы герба вводились для обозначения положения владельца герба в структуре семейно-родственных отношений. Наличие в гербе такой фигуры, как титло (*lambel*) или бордюр (*bordure*), в некоторых странах может служить указанием на то, что владелец данного герба принадлежит к младшим членам семьи. Наличие же так называемой балки (*bagge*), целиком или ее центральной части, может свидетельствовать, что обладатель герба — бастард. Нужно учитывать, что существует и много случаев отклонений от этих правил и иных систем обозначений (рис. 16).

Первоначально гербы скорее всего никак не регламентировались — ни законодательно, ни организационно, ни изобразительно. Время и практика отбирали наиболее удачные формы. Не случайно ими оказались не просто яркие и заметные, но и простые, легко запоминающиеся изображения. Но, несмотря на то что возможности вариантов представляются достаточно ограниченными, надо предположить, что в течение двух столетий после широкого распространения геральдики не возникло потребности их упорядочить, ибо конфликты по поводу одинаковых гербов оказывались более или менее легко разрешимыми, и с остальными своими функциями геральдическая система, видимо, справлялась. Прошло немало времени, прежде чем такое явление, как геральдика, попытались осмыслить на теоретическом уровне. В основном это означало попытку систематизировать и описать геральдические изображения с целью найти общие законы и правила, которым подчинялись и составление и прочтение герба.

Первой формой осмысления геральдики стали плоды ее практических потребностей — гербовники, фиксировавшие гербы с минимальными комментариями. Следующей формой стали трактаты, касавшиеся правовой стороны герба, — права на обладание им, законности и правильности его составления. На этой стадии геральдика начала перерастать в гербоведение, которое впоследствии попыталось формализовать положения, уже сложившиеся в практической, «живой» геральдике. Отсюда — геральдические законы, отсюда и их известная условность.

Законы геральдики — это скорее закономерности гербовых изображений, и потому знакомство с ними необходимо. Практически все поздние геральдисты и гербоведы сходятся в том, что геральдические законы — законы жесткие, но это не значит, что исключения отсутствуют. К таковым исключениям относятся так называемые «неправильные» гербы, большая часть которых датируется временем, предшествующим кодификации геральдики.

Самым общим, самым распространенным законом геральдики считается запрет расположения в гербовом поле металла на металле, цвета на цвете, покрытия на покрытии. Это значит, что в серебряном поле щита не может быть золотой геральдической фигуры.

Так как каждая часть составного многочастного герба обычно в геральдике рассматривается в качестве самостоятельного герба, этот закон относится только к каждой части, скажем четверти, в отдельности. Из действия этого закона исключаются дополнительные части геральдических фигур (кольца и т. п.). Когда к первородным гербам добавляются элементы для обозначения младших ветвей рода, то такие изображения тоже оказываются вне действия этого закона.

К правилам или закономерностям геральдики относится то, что если в щите имеется несколько предметов или фигур в одном

поле, то при их повторении без изменений они всегда имеют один цвет.

Правила совмещения нескольких гербов в одном щите обязательно требуют расположения их в соответствии с достоинством, каждого. Более «достойные» гербы должны располагаться в

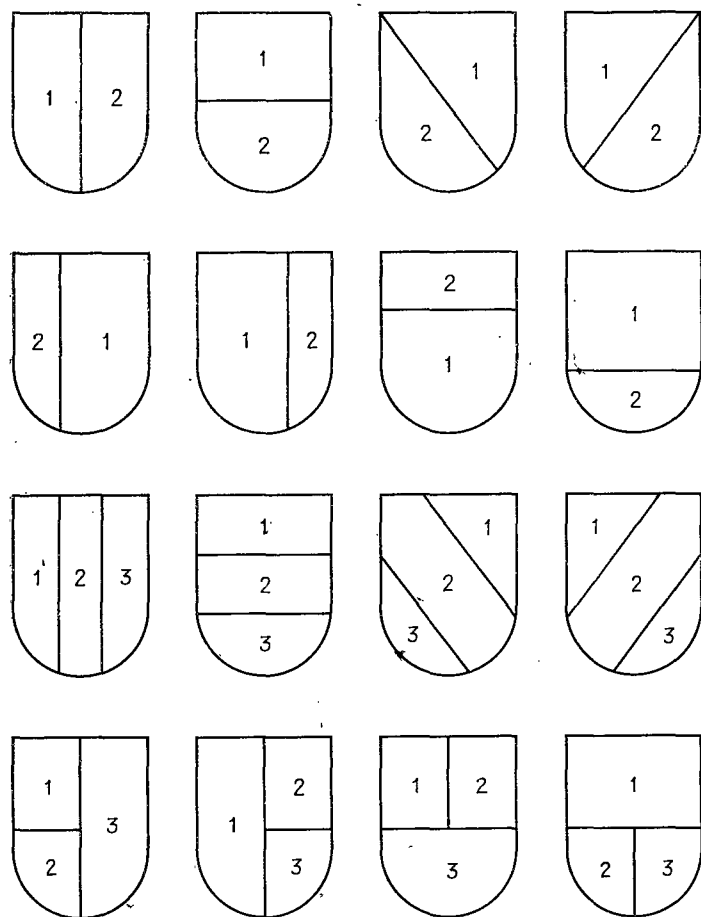
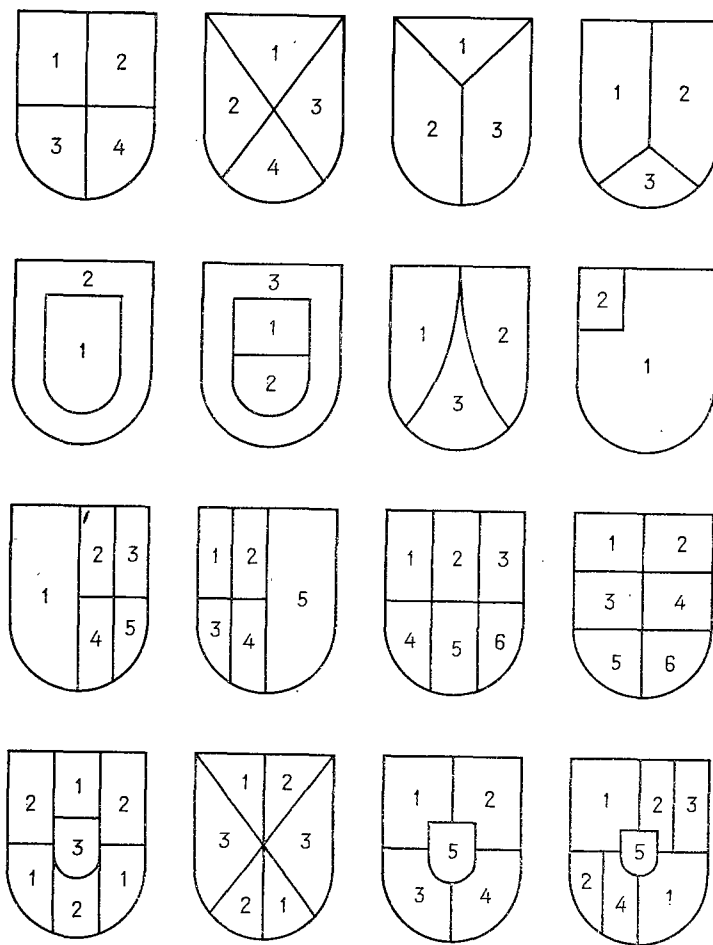

Рис. 17а,б. Соотношение полей

поле щита выше и правее прочих. «Вмещенные» гербы, изображаемые в центре щита в малых щитках, могут быть главными гербами или гербами новоприобретенных земель и достоинств (рис. 17 а, б).

Существуют определенные правила и последовательность описания и прочтения гербов.

Главное внимание при прочтении герба должно быть обращено на щит. Прежде всего необходимо оценить деление щита (разделенный вертикально, горизонтально, четырехчастный и т. д.). Если речь идет об описании герба, то о делении щита будет сказано в первую очередь. Затем последовательно рассматриваются

гербового щита по достоинству

следующие элементы: поля или щиты, расположенные в центре главного щита, верхняя часть щита, правая, левая, нижняя.

Если щит разделен одной или двумя чертами, то его описание содержит только два или три цвета без указания числа частей (рис. 18 а, в). Когда в гербе больше двух или трех частей, даже если цветов по-прежнему всего два, число частей обяза-

тельно должно быть упомянуто; первым указывается цвет верхней или правой частей (рис. 186).

При описании геральдической фигуры сначала называют ее тип, затем цвет. Первой рассматривают фигуру, которая при разделенном вертикально щите находится в правой части, при горизонтально разделенном — в верхней. Когда в щите несколько гербовых фигур, то начинают с главных. Закончив описание фигур в наиболее почетных верхней и правой частях, переходят к нижней и левой. Таким образом, основное правило: гербовый щит описывается и читается сверху вниз и справа налево (рис. 19).

После щита переходят к рассмотрению верхней части герба: шлема с краткой характеристикой (новый, старый, увенчанный короной; положение его относительно щита); шлемного намета с обозначением его цвета; шлемовой эмблемы.

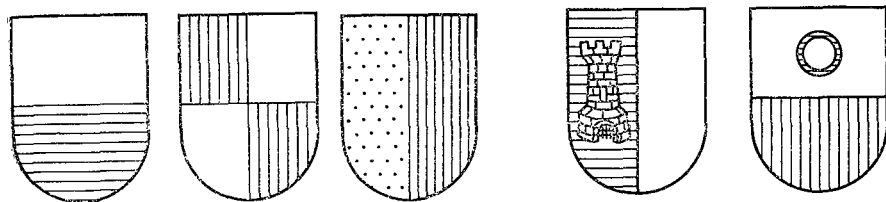

Рис. 18. а — разделенный поперек серебряный и голубой гербовый щит; б — четырехчастный, алый с серебряным; в — разделенный вдоль золотой и алый гербовый щит.

Далее указывают щитодержателей, знаки почетных званий, помещенные вне щита; орденовые знаки, гербовые мантии. Последним упоминают девиз. Наличие или отсутствие девиза, его язык — латинский или иной, как, например, часто употребляемый в английской геральдике французский язык девизов, — должны быть объектом внимания.

Такому порядку прочтения герба в целом соответствует и порядок его описания в источниках, гербоведении и справочниках. Это важно, потому что геральдическая терминология и лаконичность описания могут подчас поставить в затруднительное положение при отсутствии изображения герба.

Необходимо тщательно анализировать второстепенные его элементы, находящиеся вне гербового щита. Они могут оказаться высоко информативны. И щит и шлем, будучи основными элементами герба, являются как бы канонической, неизменной его частью. А форма щита, общий вид находящихся вне его частей герба могут быть весьма «говорящими», так как они в большей степени подвержены влиянию перемены стилей, воздействию личных вкусов. Подчас они могут уточнить и датировку изображения герба. Орденовые знаки и знаки почетных званий, помещен-

ные вне щита, желательно попытаться соотнести со временем возникновения ордена или звания.

Тщание и осторожность весьма не лишни при работе с гербами, и, видимо, лишь внимательность и опыт могут сделать для нас доступным то, что для средневекового герольда было привычным и легким.

Один из первых вопросов, который необходимо задать себе, приступая к прочтению или описанию герба: к какому типу гербов принадлежит рассматриваемый герб?

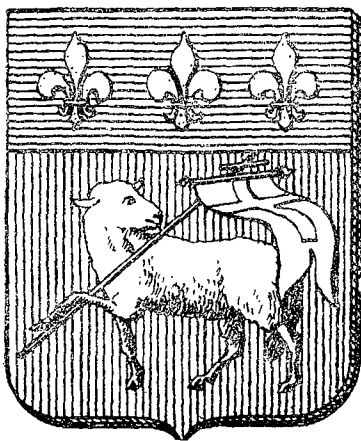
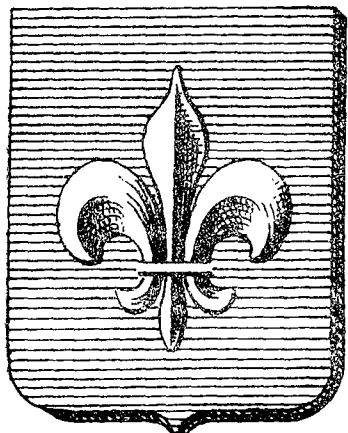
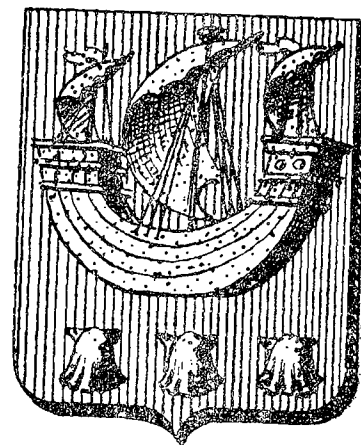
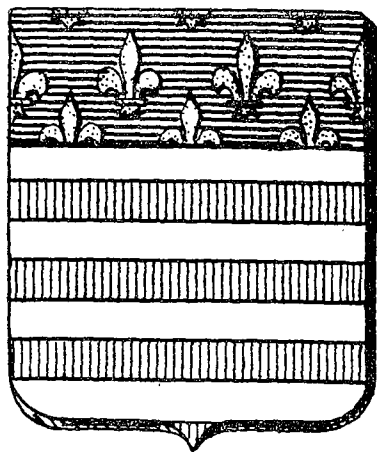
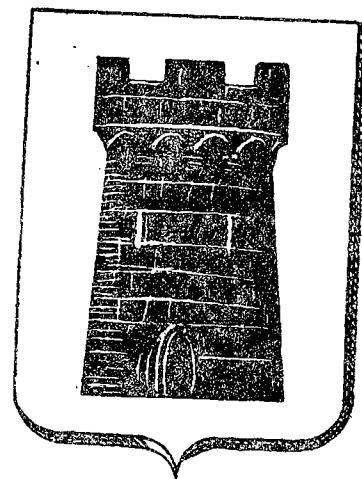
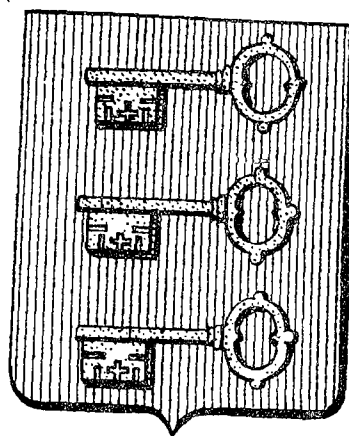
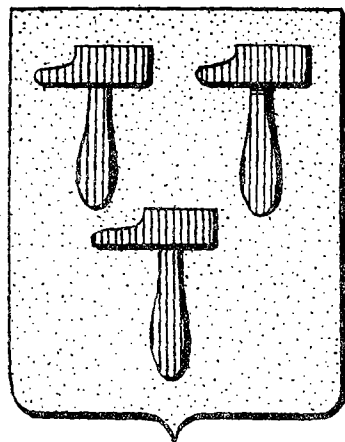
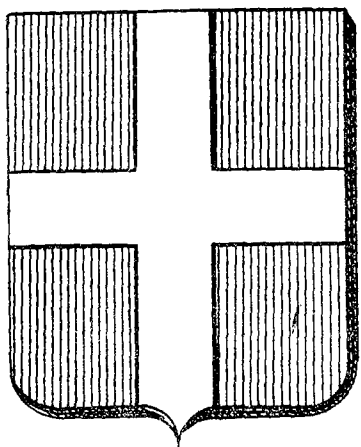
Попытки типологизировать гербы берут свое начало в самых ранних гербоведческих работах. Если поначалу они представляются собой сравнительно простые структуры, то к концу XIX в., по мере накопления гербоведческой информации, система типологии гербов становится все более дробной и все менее четкой. На это ее обрекают попытки объединения разных критериев типологизации в одно целое. Ярким примером такого подхода является классификация Гези.

Вряд ли плодотворны классификации, исходящие из внешне-го вида герба (в зависимости от обилия гербовых полей, изображенных на них предметов, гербов с геральдическими «неправильностями», «гласных» гербов и других подобных случаев).

К типологизации гербов можно подойти с нескольких позиций. Например, можно классифицировать гербы с точки зрения того, кому они принадлежат. В этом ряду надо выделить прежде всего наиболее древние — рыцарские личные гербы, гербы представителей привилегированных слоев. С течением времени эти личные гербы трансформировались в родовые. Частным подразделением их будут гербы титулованных особ; духовных лиц, вступающих в качестве феодальных сеньоров; дамские гербы.

Личные гербы высшего слоя титулованных особ (герцогские, королевские), обнаруживающие тенденцию к перерастанию в государственные гербы, стоят во главе классификационного раздела, объединяющего территориальные гербы, в которые будут входить и гербы отдельных исторических областей, а также крупная группа городских гербов. Они все относятся к этой группе не только по формальному территориальному признаку, но и прежде всего потому, что обладают несколько иным, отличным от личных гербов сущностным наполнением гербовых изображений.

Городская геральдика, заимствуя обычаи и формы геральдики привилегированных слоев, невольно наполняла их иным содержанием, хотя бы потому, что рыцарская геральдика всегда была личной, на любом социальном уровне, а городская, как правило, нет, независимо от того, пользовался город собственным гербом или гербом своего сеньора. С этой точки зрения, поскольку за городским гербом всегда стоит городская община, сообщество полноправных жителей данного поселения, городской герб занимает как бы промежуточное положение между группами корпоративных и территориальных гербов. Единый источник происхождения городских гербов отсутствует; зато хотелось бы подчерк-

нужно единодушное стремление горожан к обладанию гербом (рис. 20—28).

Некоторые группы можно выделить и внутри городских гербов. Они связаны и с изобразительными особенностями, и с характером городских центров, эти особенности обусловившими. Так, можно выделить гербы городов-портов, и морских и речных, но так или иначе связанных с дальней морской торговлей. Их гербы часто символически выражают наиболее общее и характерное для них, источник их могущества и основу их притязаний на своего рода суверенитет — торговое судно, фундамент могущества городского патрициата и вообще средневекового купечества; изображение корабля известно по многочисленным печатам и гербам таких городов, как Лиссабон, Париж, ганзейские города и т. д. По типу изображений они весьма сходны между собой.

Другой тип городских гербов — гербы с изображением городских стен как олицетворения самостоятельности города; роль стен города в сознании средневекового человека для обозначения поселения особого статуса хорошо известна.

Ряд городов, возникших на территории сеньора, принимали в качестве своего его герб, целиком или частично. Вариантом этого же типа адаптации герба, хотя некоторым образом с про-

Рис. 20—28. Городские гербы

типоволоженным знаком, является наличие в городском гербе геральдических фигур королевского герба в качестве обозначения королевского, т. е. свободного от сеньориальной зависимости, города.

Существует также обширная группа корпоративных гербов. Это цеховые гербы, гербы военных орденов, конфессиональные (отдельных монастырей, братств), гербы университетов. Ряд признаков роднит их с городскими. В то же время корпоративные гербы сопоставимы с личными, ибо за каждым из них стоял феодальный сеньор, только в случае с корпоративными гербами сеньор оказывается коллективным.

Безусловно, возможны и другие подходы к классификации и типологии гербов. Например, по способу появления герба у его обладателя: герб мог быть пожалован сеньором, а мог исконно принадлежать роду. Суть в том, чтобы классификация была удобной для работы и отвечала поставленным в исследовании целям.

Надо также отметить такие геральдические формы, как временные гербы. К ним относятся свадебные гербы, гербы политических союзов, притязаний на чужие земли и т. д.

Первыми по времени появления следует признать личные, рыцарские гербы. Они же, видимо, и в наибольшей степени воплотили черты геральдической системы в целом. Поэтому они, как представляется, вполне могут служить точкой отсчета для сопоставления с ними других типов гербов.

Основой герба духовного лица является щит его личного светского герба. Так, в гербе Чезаре Борджа в качестве протонотария был наряду с папскими ключами помещен и герб валенсийского рода Борха — щит с каймой и алый бык в золотом поле. Если речь идет о полном гербе духовного лица, то шлем будет отсутствовать, а вместо него будут изображены митра или головной убор клирика, по бокам которого вместо намета свисают шнуры с кистями. Употребление этих последних элементов возникло в Италии в XIV в. и стало общим в XV в. Сначала они были красного и черного цветов, причем красный цвет использовался в кардинальских гербах. Не раньше XV в. в изображении шнуров появился зеленый цвет для обозначения сана епископов и архиепископов, а черный стал принадлежностью клириков более низкого ранга. Количество кистей могло меняться и было строго фик-

Рис. 29. Герб Лорана Аллеман, епископа Гренобля. 1494 г.

сировано лишь в XIX в. За щитом иногда располагался епископский посох с навершием (рис. 29).

Средневековая дама обладала правом на герб в меру своего права на феодальную свободу и самостоятельность. Так, Анна Бретонская в качестве герцогини обладала им безусловно. До брака женщины, как правило, пользовались изображениями отцовских гербов, но иногда со щитом ромбовидной или иной формы. В Бургундии до замужества девицы обязаны были употреблять в гербе щит, разделенный вдоль, в левой половине которого располагался родовой герб, а правая оставалась пустой, для того чтобы в будущем там был помещен герб супруга. Гатерер считает, что ранее в верхней части герба изображали герб мужа, а в нижней — герб жены, и лишь с XVIII в. появилось продольное разделение герба в этом случае. Однако с этим трудно согласиться, так как пример брачного герба Анны Бретонской указывает на существование такой возможности и в эпоху средневековья.

Иногда гербы в браке совмещались таким образом, что левая половина щита жены соединялась с правой половиной герба мужа. Когда это было невозможно в виду характера изображения, применялись другие формы совмещения гербов. Супружеские гербы могли быть изображены и на двух щитах, сомкнутых или связанных.

Дважды вышедшая замуж женщина могла иметь изображение отцовского щита между щитами обоих мужей. Имеется пример помещения герба жены (леди Клинтон) между гербами ее четырех супругов.

Развитие гербоведения. С трансформацией герба в XVII в. возникает подход к нему как к предмету научного интереса. Одним из первых на эту стезю стало французское гербоведение. Недаром французского геральдиста XVII столетия Ф. Менестрие называли «отцом геральдики».

Характер научного знания XVIII — начала XIX в., а также сохранение за гербом практического смысла как знака сословной принадлежности до определенной степени обусловили тенденцию изучения гербов в это время. Гербоведение этого периода имело в большой мере формальный характер. Достигнув блестящих результатов в описании гербов и выявлении их многообразных форм, гербоведение не ставило своей задачей осмысление геральдики как исторического феномена. Не трактуя герб как определенный знак, а всю геральдику как систему с закономерностями возникновения и развития в средневековом обществе, гербоведение пошло по пути систематизации и анализа внешней стороны геральдического материала.

Все попытки осмысления были направлены на то, чтобы «разгадать» каждый герб в отдельности как некий шифр, криптограмму. Этим исследования по геральдике грешили долгое время. В результате гербоведческие труды превращались в сборники си-

стематизированных геральдических изображений. Однако дотошность и скрупулезность этой геральдики имели и положительную сторону: была выработана устойчивая геральдическая терминология, накоплен большой фактический материал. Нередко такие работы создавались как руководства по составлению новых гербов, что стояло в тесной связи с имевшим место аноблированием, или как свод гербов существовавших тогда знатных фамилий. Поэтому в таких трудах сложно проследить эволюцию гербов во времени, выявить первоначальные формы родового герба и последующие наслоения; гербы даются обычно в позднем варианте и без всяких хронологических привязок.

Для книги, ставившей своей целью познакомить читателя с такой дисциплиной, как геральдика, сложился определенный стереотип, диктовавший последовательность и форму изложения материала. Излишне усложненное, перегруженное формальностями строгих геральдических законов издание дожило до наших дней. В этом облике геральдика не только отличалась от живой и гибкой системы, которую составляли гербы в средние века, но и своим тяготением к сложности не оставляла никакой надежды на возможность применения столь громоздкой конструкции в историческом исследовании, становилась самодовлеющей дисциплиной и в каком-то смысле даже отталкивала.

Полученные исследователями результаты пытались использовать на практике, в геральдику старались вдохнуть жизнь. Примером этого может служить создание гербов в России и в еще большей степени — история французской геральдики эпохи Великой французской революции и Империи. В 1789 г. гербы были упразднены как признак привилегированного положения дворянства. При этом, кстати, было уничтожено много геральдических памятников, так как гербы сбивались с домов и ворот, сжигались грамоты с гербами и т. д. Наполеон попытался снова ввести геральдику. Однако наполеоновская геральдика основным в гербе делала элемент, отражающий прежде всего положение владельца герба в системе государства. Характерно, что долго эта искусственная «геральдика» не продержалась, в некоторых случаях уступив место реставрированным родовым и фамильным гербам.

Практический интерес к геральдике продолжает существовать до сих пор. Это объясняет такое явление, как наличие в современном гербоведении направления, фактически обслуживающего обладателей гербов. Такова в большой степени работа Института геральдики и генеалогии в Лиссабоне; итальянских бюро, составляющих или подтверждающих гербы, и других организаций подобного рода. Разумеется, и среди трудов этих учреждений можно найти работы, отмеченные печатью чисто научного интереса к геральдике. Деятельность по исследованию геральдики базируется на разработках в национальных центрах и стимулируется несколькими международными организациями: Международной академией геральдики (Париж), Международным инсти-

тутом генеалогии и геральдики (Мадрид), Скандинавским геральдическим обществом (Копенгаген) и др.

Разработка геральдической тематики как специальной исторической дисциплины зачастую переплетается с практикой современной эмблематики, но все больше и больше становится самостоятельной и набирает силу. Наиболее стабильной чертой этого направления с XIX в. являются постоянные поиски и публикация геральдических памятников — рукописей и гербовников, изображений гербов на памятниках материальной культуры. За последние годы вышло много изданий, посвященных региональной геральдике. Тем не менее далеко не все уже выявленные геральдические памятники опубликованы. Пожалуй только Швейцария может гордиться тем, что издала все известные рукописные гербовники.

К работам этого типа примыкают гербоведческие исследования по локальному материалу, изучающие гербы отдельных городов, областей, родов.

Однако характерной чертой современного гербоведения стало внимание к крупным задачам проблемного свойства. Последние полвека прошли под знаком международного внимания к геральдике. С 1928 г. начали созываться конгрессы по генеалогии и геральдике, публиковавшие свои труды. До настоящего времени состоялось 17 таких конгрессов. В 70—80-е годы прошли международные коллоквиумы по истории собственно геральдики. На них были вынесены такие важные для изучения геральдики темы, как возникновение гербов, формирование геральдики как системы, наличие и функции гербов у лиц неблагородного статуса. Эти коллоквиумы стали выражением давно назревшей необходимости перейти от формальной геральдики к изучению ее подлинного существования в средние века и вывести гербоведение на новый этап развития.

Дальнейшее изучение геральдики требует большого внимания к междисциплинарным исследованиям — привлечению сфрагистических, эмблематических, генеалогических данных, исследованию правовых аспектов геральдической практики. Чтобы на современном уровне выяснить, в какой мере приложимы к средневековой закономерности, выявленные предшествующим гербоведением, необходим новый анализ массового геральдического материала, возможно, с применением математических методов обработки.

Таким образом, после длительного кризиса гербоведения в Европе в последние десятилетия стали заметны новые тенденции развития этой области знания. Кратко их суть можно выразить в стремлении отойти от внешней, декоративной стороны геральдики и проникнуть в смысл этого явления как одной из ярких характеристик средневековой цивилизации. Успехи мировой медиевистики и близкое завершение публикации источников по геральдике в общеевропейском масштабе позволяют ставить проблему таким образом.

- Арсеньев Ю. В. Геральдика. Лекции, чит. в Московском археологическом институте в 1907—1908 гг. М., 1908.
- Бартоло ди Сассоферрато. Трактат о знаках и гербах/Пер., вступ. статья и ком. А. П. Черных//Средние века. М., 1989. Вып. 52. С. 307—322.
- Brault G. J. Eight thirteenth—Century Rolls of Arms in French and Anglo-Norman Blazon. The Pennsylvania State University, 1973.
- Cadenas Y., Vicent V. Diccionario heráldico. Madrid, 1954.
- Chabanne R. Le regime juridique des armoiries. Lyon, 1951. Conrad Grunenberg Wappenbuch. Gorlitz, 1875—1883.
- Fox-Davies A. C. A Complete Guide to Heraldry. London, 1969. 8 ed.
- Grand armorial de France. Paris—Alençon, 1934—1949. 6 vol., suppl.
- Grandmaison C. Dictionnaire héraldique contenant l'explication et la description des termes et figures usées dans le blason. Petit-Montrouge, 1852.
- Heim B. B. Coutumes et Droit héraldique de l'Eglise. Paris, 1949.
- Humphrey-Smith C. Anglo-Norman Armory and Related Studies. Canterbury, 1973.
- Leonard W. Das grosse Buch der Wappenkunst. München, 1976.
- Libro de armeria del reino de Navarra. Pamplona, 1982.
- Neubecker O. Le grand livre de l'heraldique. Paris—Bruxelles, 1977.
- A New Dictionary of Heraldry. Ed. by St. Friar. London, 1987.
- Oswald G. Lexicon der Heraldik. Leipzig, 1984.
- Parker J. A Glossary of Terms Used in Heraldry. London, 1894.
- Pastoureau M. Traité d'heraldique. Paris, 1979.
- Rietstap J. B. Armorial general. Lyon, 1950. V. 1—4.
- Die Wappenbucher Herzog Albrechts VI von Osterreich: Ingeram-Codex der ehem. Bibl. Cotta. Bohlau, 1986.

А. С. Беляков

НУМИЗМАТИКА

Автор данной главы поставил перед собой следующие задачи: дать общее представление о нумизматике европейского средневековья; ввести читателя в круг ее проблем; проследить тенденции развития монетного дела; выделить периоды господства тех или иных номиналов и хотя бы кратко охарактеризовать основные типы монет.

Предпочтительное внимание уделено ключевым и поворотным моментам истории монетного дела и денежного обращения, когда возникали качественно новые монеты, которые, утвердившись в роли главных номиналов, на столетия определяли развитие денежных систем. Монетам младших поколений, выпускавшимся в рамках этих систем, и монетам вторичного происхождения отведено значительно меньше места. В некоторых случаях они только упоминаются. Описания великого множества мелких разменных номиналов позднего средневековья, эмиссии которых иногда ограничивались лишь одним тиражом, пришлось опустить.

Монета — это слиток металла установленной формы, веса, достоинства и качественного состава, который служит законным средством обращения, что удостоверяют клейма, покрывающие одну или обе его поверхности, а иногда и боковое ребро. Монета — это знак стоимости, материально воплотивший в себе объективно существующие законы товарно-денежных отношений, и необходимый инструмент этих отношений.

Деньги, какой бы вид они ни принимали, с момента своего зарождения служат: мерой стоимости, средством обращения и образования сокровищ, средством платежа и мировыми (в доклассовом обществе — межплеменными) деньгами. Разным этапам эволюции товарного производства соответствует определенная степень развития той или иной функции. Это развитие происходит неравномерно. Рано или поздно наступает момент, когда «из функции денег как средства обращения возникает их мо-

нетная форма»¹. Монета представляет собой законченное, наиболее подходящее для исполнения всех пяти денежных функций воплощение всеобщего эквивалента, особый товар, с потребительной стоимостью которого прочно срослась эквивалентная форма стоимости.

Принято считать, что впервые монеты были выпущены в XII в. до н. э., сначала в Китае, а чуть позже в Индии. В районе Средиземноморья они появились совершенно самостоятельно в VII в. до н. э. Родиной первых монет здесь независимо друг от друга стали малоазийское государство Лидия и греческий остров Эгина. Затем они распространились по всей Элладе, в ее колониях, Иране, Италии и у варваров, которые испытывали на себе влияние античной культуры.

Латинское слово «монета» вошло в русский язык в петровские времена, причем вошло настолько органично, что теперь мало кто задумывается о его происхождении. В Древнем Риме оно сначала употреблялось в сочетании *Iuno Moneta* как один из эпитетов к имени богини Юноны. Этот эпитет был образован от глагола *moneo* — предупреждаю, предостерегаю, предвещаю. Согласно легенде богиня предупредила римлян, что им грозит испытание землетрясением. В знак благодарности они воздвигли на вершине Капитолия храм и посвятили его Юноне Монете, т. е. Юноне Предвозвестнице (букв. Предупреждающей).

Во второй половине IV в. до н. э. при храме открылась первая в Риме денежная мастерская, где было начато производство литых медных ассов лепешкообразной формы. Со временем и мастерскую, и монетное дело, и сами металлические деньги стали в переносном смысле называть монетой. Из всех значений этого слова до наших дней дошло только последнее.

В римских письменных источниках встречается еще одно наименование монеты — *numisma*. Оно представляет собой латинскую модификацию греческого слова *νομισμα* (монета), восходящего к одному корню с существительным *νομος* (закон) и глаголом *νομίζω* (устанавливаю).

Термин «нумизматика» намного моложе. Родившийся в средние века, он имеет искусственное происхождение. Грамматически — это новогреческое прилагательное *νομισματικη* (монетная), но с латинизированным корнем. Отсюда происходят разноречивые толкования истоков этого слова, каждое из которых по-своему справедливо.

В понятие «нумизматика» ныне включаются как коллекционирование монет и медалей, так и изучающая их наука. В Европе интерес к старинным, прежде всего античным, монетам впервые возник в эпоху Возрождения. Сначала они рассматривались с чисто эстетической точки зрения, а вовсе не как памятники денежного обращения. По свидетельству современников, крупным со-

бирателем римских монет был великий итальянский поэт Ф. Петрарка (1304—1374).

С течением времени коллекционирование предметов нумизматики превратилось в модное и престижное занятие. В середине XVI в. при дворах и в замках аристократов насчитывалось около 950 муницкабинетов. Для работы над коллекциями нанимались специальные служащие, в меру своих сил и возможностей занимавшиеся атрибуцией и описанием монет. В XVI в. появились первые нумизматические труды, в которых отсутствие достоверных сведений зачастую компенсировалось фантастическими домыслами. XVII в. и первые десятилетия XVIII в. особых изменений в характер подобных трудов не внесли. Тем не менее нумизматика не стояла на месте. С накоплением материала накапливались и знания. Так, многотомный каталог грошей, опубликованный в 1749—1769 гг. в Лейпциге И. Ф. Иоахимом и И. Г. Бёме, уже целиком опирался на информацию, заложенную в самих монетах.

Первые лекции по нумизматике были прочитаны в XVIII в. в университетах городов Галле (Саксония) и Упсала (Швеция). Научный кругозор профессоров и хранителей ограничивался эмпирическими знаниями, пригодными только для атрибуции, т. е. определения подлинности, времени и места чеканки монет. Сами монеты рассматривались как предмет интереса археологии и искусствоведения. В течение XIX в. преподавание нумизматики было введено во многих университетах Европы.

Основы научной нумизматики заложил И. Эккель (1737—1798), профессор археологии Венского университета, систематизировавший античные монеты по историко-географическому принципу. Итогом этого грандиозного труда явилось восьмитомное издание «*Doctrina nummorum veterum*» (Вена, 1792—1798).

В начале XIX в. австрийский ученый И. Мадер опубликовал три тома «Критических очерков по истории средневековых монет» (Прага, 1803—1813). Он не удовлетворился внешним описанием монет, а исследовал их в контексте политической истории и в тесной связи с феодальными правовыми нормами, определявшими их статус.

Трехтомное издание «Нумизматика средних веков» было осуществлено польским историком И. Лелевелем в Париже в 1835 г. Главной заслугой автора является то, что он одним из первых попытался представить средневековое монетное дело во всем его многообразии. К изданию прилагался атлас с изображениями монет, картами и хронологическими таблицами.

В 1865—1866 гг. немецкий нумизмат В. Ренцман опубликовал в Берлине практически полный свод встречающихся на европейских монетах имен правителей и святых, названий мест чеканки, а также легенд и аббревиатур с их расшифровкой. Эта книга и по сей день служит незаменимым подспорьем при атрибуции монет.

Большим событием явилось издание трехтомного «Трактата о нумизматике средних веков» (Париж, 1891—1905) французских

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 135.

ученых А. Анжела и Р. Серрюра. По охвату фактического материала, в том числе письменных документов, по разностороннему анализу монетного дела и самих монет, по объему информации этот труд до сих пор не имеет себе равных. Он по праву считается энциклопедией нумизматики средних веков. Недостатком издания, переходящим в его достоинство, является минимум объяснений теоретического порядка при максимуме фактического материала.

В XX в. статус нумизматики изменился. Исследования переместились из частных музеев в государственные собрания. Понятие «нумизмат» начало отделяться от понятия «коллекционер». Усилиями исследователей наука о монетах значительно продвинулась вперед. В ближайшем будущем ожидается выход в свет подготовленной учеными разных стран 13-томной истории монетной чеканки средневековой Европы. 1-й том этого всеобъемлющего труда уже издан в Кембридже в 1986 г.

В России научный интерес к нумизматике средневековой Европы зародился в середине XIX в., когда началось изучение многочисленных германских, английских и прочих денариев X—XII вв., найденных в составе кладов и при археологических раскопках. В советское время исследования в этом направлении были продолжены. В 1922 г. вышла из печати «Топография кладов с пражскими грошами» (Петроград, 1922) А. А. Сиверса, работавшего тогда в Эрмитаже. Серия статей под названием «Русские находки западноевропейских монет XI и XII вв.» (Берлин, 1929—1935) была подготовлена другим сотрудником Эрмитажа Н. П. Бауером. В наши дни в СССР центрами изучения не только западных, но и всех остальных монет являются Государственный Эрмитаж, Государственный Исторический музей, республиканские и некоторые краеведческие музеи, университеты и институты Академии наук.

В 30-м томе БСЭ (второе издание), подписанном к печати в декабре 1954 г., дано такое определение нумизматики: «Нумизматика — наука о монетах, вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю товарно-денежного обращения по его материальным остаткам (товароденьги, монеты, бумажные и другие денежные знаки), историю техники монетного дела, а также историю медальерного искусства (в том числе знаков отличия, жетонов)». Чувствуется, что это определение было выработано под сильным влиянием музейных работников. Все перечисленные предметы, во всяком случае в крупных музеях, традиционно хранятся в отделах нумизматики. Несмотря на это, товароденьги изучает археология и этнография, бумажные деньги — бонистика, знаки отличия — фалеристика, а памятными медалями и жетонами занимаются искусствоведы.

Клады и монетные находки, в том числе обнаруженные при археологических раскопках, вообще не упомянуты в определении. А ведь именно они являются сегодня основными объектами специальных исследований. Клад монет служит для нумизмата не-

заменимым источником, позволяющим ответить на многие вопросы, связанные прежде всего с изучением денежного обращения, экономических связей, торговых путей и денежно-весовых систем. Клады и монетные находки, зафиксированные по историко-географическому принципу или нанесенные на карту, создают новый вид источника — топографическую сводку. Характер таких сводок зависит от конкретных задач исследователя, но все они отражают особенности денежного обращения и его интенсивность, помогают выявить пути движения монеты и местонахождение торговых центров.

Никак не отмечены в определении и такие нумизматические источники, как слитки, весовые гирьки, материалы и инструменты монетной чеканки.

Определение не предусмотрело движения науки вперед. За последние 40 лет нумизматика вышла за рамки чисто вспомогательной дисциплины, хотя и не сняла с себя ее функций. За эти годы она превратилась в самостоятельную отрасль исторической науки, целью которой является всестороннее источниковедческое исследование монеты и связанных с ней документальных свидетельств, направленное на решение проблем истории денежного хозяйства и истории экономики в целом.

Вспомогательные функции нумизматики продолжает исполнять по отношению к истории, археологии, этнографии, политической экономии, истории искусства, языкознанию, истории техники, исторической географии, топонимике, ономастике и некоторым другим наукам. Нумизматика и такие дисциплины, как метрология, хронология, геральдика, генеалогия, сфрагистика, эпиграфика, фалеристика, разрабатывают некоторые проблемы совместно или с помощью друг друга.

В разные эпохи задачи нумизматики понимались по-разному. С появлением в конце XVIII в. труда И. Эккеля закончился донаучный, «иллюстративный» этап в ее развитии и начался этап «классификационно-описательный». Главным делом ученых стали «расшифровка» и атрибуция монет, после чего каждой из них отводилось принадлежавшее ей место в систематическом ряду. Параллельно или вслед за этим составлялось ее описание.

На рубеже XIX—XX вв. наметился переход от изучения отдельных монет к исследованию их совокупностей: кладов, монет из раскопок одного археологического памятника, монетных находок за определенный отрезок времени или на определенной территории, монет одного периода, государства, города, денежного двора, правителя и т. д. Принцип объединения монет может быть самым неожиданным, но во всех случаях они должны рассматриваться во взаимосвязи, а не как механическая подборка единичных предметов.

Хронологическая систематизация позволяет отдельно взятой совокупности монет проявить себя во времени, а исследователю увидеть ее в развитии. Фиксируя изменения нумизматического материала, он получает возможность проникнуть в суть скрытых за

ними процессов и явлений, которые происходили в те годы, когда эти монеты выпускались или находились в обращении.

Научная ценность каждой такой совокупности определяется не количеством монет, а тем, насколько заложенная в ней информация дополняет или превосходит информацию, сообщаемую другими источниками. Ныне задачу нумизматики можно сформулировать как комплексное исследование конкретных совокупностей монет, направленное на то, чтобы выявить нашедшие в них отражение события истории, которые не могут быть изучены с помощью других источников².

Нумизматическое исследование предполагает не только элементарные способы изучения монет (анализ изображений и надписей, взвешивание, обмер), но и более сложные методы: определение пробы, поштемпельный анализ, статистические подсчеты и т. д. В отдельных случаях применяются спектральный анализ, математическая статистика, нейтронная активизация, измеряется удельная теплоемкость монет. Широкие перспективы для научной обработки нумизматического материала создает компьютерная техника.

Как всякая сложившаяся наука нумизматика располагает своей методикой и терминологией; в то же время она постоянно совершенствует исследовательские приемы, углубляет понятийный аппарат, стремится к расширению круга источников.

Основные понятия и категории нумизматики

Монетный тип — устойчивая композиция элементов изображений, включая легенды, на лицевых и оборотных сторонах монет. Содержание легенд в данном случае значения не имеет. Толкование этой категории может иметь как узкий, так и широкий диапазон, поэтому она понимается достаточно субъективно.

Аверс — лицевая сторона. Лицо монеты определяют изображения (портреты правителя, с конца XIII — начала XIV в. — гербы) или легенды, которые указывают на эмитента. Обычно они дополняют друг друга и расположены на одной стороне. Если они разделены, то аверсом считается сторона с «государственной» легендой. Бывают ситуации, которые не укладываются в эту схему. Например, на обеих сторонах рижских талеров XVI в. даны практически одинаковые изображения городского герба. На одной из них помещено начало легенды («Денарий новый серебряный»), на другой — конец («города Риги»). В этом случае лицевой следует считать ту сторону, где начинается легенда, хотя здесь на государственную принадлежность указывает надпись на противоположной стороне.

Реверс — оборотная сторона. Понятие столь же условное, как и аверс. Несмотря на то что абсолютного рецепта определения

² Зеймаль Е. В. О современном этапе нумизматического источниковедения // Краткие тезисы докладов и сообщений научной конференции «Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении». Л., 1987. С. 41—42.

сторон не существует, схоластические споры на эту тему ведутся до сих пор. При этом забывается, что изобретены эти понятия были единственно для удобства описания.

Эмитент — обладатель права чеканки, выпускавший монету от своего имени. В средние века — правитель (император, король, монетный сенатор), феодальная республика, вольный город.

Монетное право — право чеканки — одно из суверенных прав государства (прежде всего в лице короля). Могло быть пожаловано в виде привилегии, поручено, продано, сдано в аренду, заложено, узурпировано.

Монетная регалия — привилегия обладателя монетного права извлекать из чеканки доход. Иногда неправомерно отождествляется с монетным правом.

Легенда — надпись на монете. Обычно располагается по кругу или горизонтально в одну или несколько строк, реже вертикально и крестообразно. Иногда вписана в изображение. Поскольку средневековое монетное дело начиналось в Европе как продолжение римского, такие надписи, за исключением единичных случаев, традиционно выполнялись на латинском языке. На рубеже позднего средневековья и нового времени на монетах (в основном на мелких разменных номиналах) стали все чаще появляться легенды на национальных языках. Даты выпуска монет тоже входят в состав легенд. До XV—XVI вв. они являлись редчайшими исключениями. На протяжении большей части средних веков монеты чеканились без дат. Примерно так же обстояло дело и с обозначениями номинала.

Номинал — достоинство монеты. В нумизматической литературе часто означает монету определенного достоинства.

Счетная денежная единица используется при счете, но не имеет вещественного воплощения в монете (в раннем средневековье — либра, солид).

Монетная стопа — количество монет из определенной весовой единицы металла (фунта, марки и т. д.).

Проба монеты — отношение массы драгоценного металла к общей массе монеты.

Порча монеты — уменьшение массы драгоценного металла в составе монеты за счет понижения ее веса и пробы.

Лигатура — примесь не драгоценного металла в золотом или серебряном сплаве.

Поле монеты — поверхность лицевой или оборотной стороны, не занятая изображениями и легендами.

Обрез — горизонтальная черта, отделяющая нижнюю часть монеты от основного поля.

О некоторых других нумизматических терминах речь пойдет ниже.

* * *

В истории монетного дела средневековой Европы можно условно выделить пять периодов:

первый — период варварской чеканки — V — середина VIII в.;
второй — период каролингского денария — середина VIII — X в.;
третий — период феодального денария — X — середина XIII в.;
четвертый — период гроша и флорина — середина XIII — начало XVI в.;

пятый — период талера — начало XVI—XVIII—XIX вв.

Социально-экономическое положение Западной Европы непосредственно после падения Римской империи отличалось низким уровнем развития производительных сил, господством натурального хозяйства, неразделенностью крестьянского и ремесленного труда, отсутствием товарного производства и городов, способных выступать в роли центров концентрации и перераспределения прибавочного продукта.

При отсутствии постоянных местных рынков монеты в основном выполняли функции международных денег, поскольку внешняя торговля была одним из важнейших и необходимых элементов хозяйственного уклада раннефеодального общества. Функция средств обмена, который едва теплился внутри страны, как бы срослась с функцией международных денег. Кроме того, монеты довольно активно выступали в роли сокровищ, в частности, выпадая в виде кладов, и в качестве средства платежа, т. е. различных штрафов, податей, даней, откупов и прочих выплат, но тем временам чаще всего чрезвычайных.

Монеты варварских королевств, несмотря на постепенную деградацию; до конца следовали традициям чеканки поздней Римской империи. В основе ее денежной системы, которая состояла из золотых, серебряных и медных (бронзовых) номиналов, лежал весовой фунт (лат. *libra*), равный 327,45 г. Главной монетой был золотой солид (лат. *solidus* — прочный, массивный) с установленным весом 4,54—4,55 г = 1/72 фунта = 1/6 унции = 4 скрупулам. Этой монетой император Константин I (306—337) заменил чеканившийся ранее ауреус. В Византии она почти без изменений выпускалась до XI в., а в трансформированном виде дожила до падения Константинополя (1453 г.). Здесь ее называли «номисмой», в средневековой Европе — «безантом».

Фракциями солида были семиссис (семис = 1/2 солида) и тремиссис, или триенс (1/3 солида), который имел широкое хождение на территории Восточной Римской империи вплоть до VII в. В эпоху Великого переселения народов на лицевых сторонах римских золотых монет изображался бюст императора (западно- или восточноримского), а на оборотных — фигура крылатой богини победы Виктории. При византийском императоре Тиберии II (578—582) были впервые выпущены золотые монеты, на реверсах которых помещался так называемый «ступенчатый» латинский крест, т. е. крест на ступенях, символизирующих Голгофу. Это было уже второе отступление от традиций римского монетного дела. Первые изменения в денежную систему внес император Анастасий I (491—518). 498 год, когда он ввел в обращение

новый медный номинал — фоллис (40 нуммусов) и его фракции, принято считать датой начала собственно византийской чеканки.

Драматична судьба римского серебряного денария. За столетия своего существования он неоднократно подвергался жестокой порче. К середине III в. его эмиссия прекратилась. Чеканку этих монет по стопе 96 штук из фунта возобновил император Диоклетиан (284—305). Однако при Константине I была выпущена новая серебряная монета — силиква (1/144 фунта), которая уже при Констанции II (337—361) полностью вытеснила из обращения денарий. 24 силиквы приравнивались по стоимости к золотому солиду. Это соотношение, в частности, зафиксировано в той части «Вестготской правды», которая датируется второй половиной V в. Со временем вес силиквы значительно снизился. У франков такая монета приобрела название своего предшественника — денария. Как свидетельствует «Салическая правда» (начало VI в.), стоимость солида соответствовала у них 40 денариям. Помимо солида в 40 денариев (большой солид) франки пользовались также счетным солидом, равным 12 денариям (малый солид). Бургундская, Лангобардская, Англосаксонские и прочие варварские правды позволяют составить представление о соотношении денежных единиц в других раннефеодальных королевствах.

Ниже в качестве характерных образцов варварской чеканки описываются прошедшие все стадии эволюции монеты вестготов, лангобардов, франков и англосаксов. Монетное дело других варваров (свевов, вандалов, бургундов, остготов), развитие которого шло тем же путем, но было насильственно прервано на более ранних этапах, не рассматривается.

Вестготы. Наиболее часто встречающимися памятниками вестготской нумизматики являются золотые триенсы. Силиды чеканились недолго и малыми тиражами. Серебряные монеты не известны вообще, а бронзовые номиналы дошли до нас в ничтожном количестве. Приступая к анализу денежного дела вестготов, следует помнить: во-первых, никаких других монет, кроме римских, они никогда не видели; во-вторых, их собственные монеты выпускались на территориях бывших римских диоцезов, где издавна существовали монетные дворы.

Первые вестготские триенсы, для чеканки которых были привлечены старые мастера, тщательно воспроизводят восточноримский (ранневизантийский) прототип. На лицевых сторонах этих монет помещены бюст императора Анастасия I, обращенный вправо, и круговая легенда с его именем. На реверсах изображена крылатая богиня победы с поясняющей надписью вокруг нее; под обрезом расположена аббревиатура CONO (в идеале — CONOB; CON — первые буквы слова «Константинополь»). Однако это не значит, что монеты варваров имели хоть какое-то отношение к

столице Восточно-Римской империи. Вероятно, надпись CONOB воспринималась монетными мастерами как необходимая деталь оформления, причем ее смысла они чаще всего не понимали. Со временем она превратилась в орнаментальный мотив. Намеки на эту надпись можно найти на всех варваризированных монетах, которые восходят к прототипу с фигурой Виктории.

Единственным внешним признаком, позволяющим выделить первоначальную денежную продукцию вестготов из массы оригинальных и псевдовизантийских тремиссисов, являются буквенные обозначения монетных дворов на оборотных сторонах монет. Помещались они либо рядом с Викторией (BV — Burdigala — Бордо, T — Tolosa — Тулуза), либо в конце круговой легенды (TO — Tolosa — Тулуза, N — Narbo — Нарбонна). Привязать эти триенсы к чеканке определенного короля довольно трудно. Это мог быть и Аларих II (487—507), что наиболее вероятно, и его сын Гезалих (507—511). Во всяком случае, в документах того времени «золото Алариха» фигурирует, правда, как синоним низкопробной монеты.

В 511 г. с помощью своего деда остготского короля Теодориха (493—526), разгромившего Гезалиха в битве у Барселоны, на вестготском престоле утвердился малолетний сын Алариха II Амаларих (511—531). Он начал выпускать триенсы, на оборотных сторонах которых уже присутствовала его именная монограмма, составленная из букв AMR. Располагалась она справа от Виктории (рис. 1). Аверсы этих монет повторяли изображения на тремиссисах Юстина I (518—527) и Юстиниана I (527—565). Кроме триенсов от Амалариха II сохранилось некоторое количество бронзовых номиналов с королевской монограммой на лицевых сторонах и христограммой на реверсах (христограмма — символ Христа, монограмма, составленная в форме шестиконечной звезды из греческих букв Х и Р (рис. 2). Поскольку к 511 г. большую часть вестготских владений в Галлии завоевали франки, Амаларих чеканил свои монеты только в Испании.

До 531 г. корона у вестготов передавалась по наследству. Со смертью Амалариха род его перестал существовать. Власть перешла к выборным королям, при которых выпускались подражания тремиссисам Юстиниана I (рис. 3). Каких бы то ни было признаков, указывающих на имя эмитента или место чеканки, эти монеты лишены. Изображения и легенды на них заметно искажены, чувствуется, что над штемпелями работали резчики, не прошедшие специальной выучки. Такие варваризированные триенсы чеканились примерно с 531 по 568 г. Чем меньше подражания похожи на оригинал, тем дальше они отстоят от него по времени. Исходя из этой закономерности, можно составить представление об их относительной хронологии. Главная трудность при атрибуции таких монет состоит в том, что их легко спутать с меровингскими подражаниями тремиссисам Юстиниана I.

В 568 г. королевский трон занял Леовигильд (568—586), один из наиболее выдающихся вестготских правителей. Он не только

с успехом противостоял византийцам, распространившим свою экспансию на Пиренейский полуостров, но и отвоевал у них Севилью, Кордову и всю Бетику. Леовигильд подчинил себе ряд ранее независимых областей Испании, а в 585 г., разгромив короля Авдеку, положил конец государственности свевов. В связи с расходами на ведение войны при нем значительно увеличился объем денежной чеканки. Леовигильд первым из вестготских королей вместо имени византийского императора поставил на монетах свое полное имя. Изображения на триенсах превратились в примитивные схематичные рисунки, выдержанные в своеобразном графическом стиле. Поскольку некогда беспомощные резчики штемпелей к этому времени полностью овладели тайнами своего ремесла, этот стиль следует рассматривать как сознательное выражение сложившейся варварской эстетики. Леовигильд, если не считать сепаратиста Герменгильда (579—585), был последним вестготским королем, при котором чеканились триенсы с Викторией на реверсе (рис. 4). Правда, теперь она стала походить не столько на крылатую богиню, сколько на стрекозу. При этом же короле место Виктории на монетах занял голгофский (ступенчатый) крест. Кроме того, Леовигильд ввел новый монетный тип с одинаковыми погрудными изображениями правителя (анфас) на обеих сторонах.

Преемники Леовигильда сохранили приверженность к графическому стилю вплоть до самого падения королевства. На лицевых сторонах триенсов Реккареда (586—601) и большинства последующих королей помещались бюст правителя анфас и круговая легенда, а на реверсах — разнообразные кресты, монограммы мест чеканки, но чаще всего такой же, как на аверсе, бюст короля анфас (рис. 5). В годы совместного царствования Эгики и Виттицы (696—701) были выпущены триенсы с двумя обращенными друг к другу головами и монограммами денежных дворов на обороте (рис. 6).

Все эти монеты определяются без особого труда благодаря четким, легко читаемым, наполненным конкретными сведениями легендам. На лицевых сторонах отдельных триенсов Леовигильда, Реккареда и Лиувы (601—603) они, как и на большинстве монет других варварских государств, предваряются аббревиатурой DN (Dominus Noster — повелитель наш). Однако чаще всего встречаются легенды, которые включают только имя короля и его титул, например + RECCAREDVS REX. При Киндасвинте (642—653) впервые применяется формула INDN (In Dei Nomine — во имя Божье), а начиная с триенсов Вамбы (672—680), она становится неперенным элементом легенд.

В круговых легендах на реверсах обычно дается название места чеканки с прибавлением возвышающего эпитета, например + TOLETO PIVS. Правда, эпитет относится к титулу REX, помещенному на лицевой стороне. Надпись на реверсе была задумана как продолжение надписи на аверсе. Вместе получается: RECCAREDVS REX TOLETO PIVS — Реккаред, король Толедо благо-

честивый. Кроме PIVS встречаются эпитеты FELIX (дарующий счастье), INCLITVS (достолавный), IVSTVS (справедливый), VICTOR (победоносный), причем некоторые из них (PIVS, IVSTVS) сопровождают имена практически каждого короля.

Чеканились эти триенсы не менее чем на 60 монетных дворах, среди которых были Аррос, Барселона, Брага, Валенсия, Кордова, Мерида, Саламанка, Сарагоса, Севилья, Росас, Таррагона, Толедо, Херона, Эбора, Эльвира и т. д.

Лангобарды. Первые золотые и серебряные монеты лангобардов имитировали византийские образцы с портретами императоров Юстиниана I, Юстина II (565—578), Тиберия II и Маврикия Тиберия (582—602) на лицевых сторонах. На оборотных сторонах, начиная с Тиберия II, вместо крылатой Виктории все чаще стало появляться изображение ступенчатого креста. Королевские инициалы, монограммы, знаки монетных дворов, а также какие-либо другие сознательные указания на лангобардскую чеканку на этих монетах отсутствуют. Тем не менее установлено, что все они выпускались в Павии, на королевском денежном дворе.

Отдельно от номиналов столичной чеканки следует рассматривать серебряную монету с именем Тиберия II и монограммой герцога Фароальда, известного тем, что в 579 г. он на некоторое время захватил морской аванпорт Равенны. Это был первый случай в лангобардской нумизматике, когда сеньор пусть не совсем открыто, но все-таки достаточно определенно декларировал свое монетное право. Во всяком случае, короли еще очень долго не решались на такой шаг. Уже на ранних экземплярах хорошо заметен выступающий за пределы штемпельных отпечатков край монеты, который со временем, превратившись в один из элементов ее оформления, станет широким и гладким. Эта особенность лангобардских золотых и серебряных номиналов делает их легко узнаваемыми.

В первой половине VII в. в королевстве сложился еще один центр монетного производства — Тоскана во главе с денежной мастерской в Лукке. Здесь, в частности, выпускались анонимные подражания тремиссам императоров Ираклия I (610—641) и Константа II (641—648) с крестом (ступенчатым или костыльным) на оборотных сторонах. Рядом с широкими (около 22 мм) и тонкими монетами, отчеканенными на севере королевства, они, имея диаметр около 12 мм, выглядят маленькими и толстыми. Легенды на них читаются с большим трудом или не читаются вовсе, так как некоторые буквы для экономии пространства заменены черточками. Выпускались подобные монеты, вероятно всего, по инициативе муниципальных властей Тосканы.

По мнению немецкого нумизмата А. Зуле, изображение лангобардского короля и его имя впервые появились на триенсах Ариперта I (654—661), т. е. примерно через 90 лет после образования королевства. На их лицевых сторонах кроме портрета пра-

вителя вправо помещалась буква М (Mediolanum — Милан), на оборотных — фигура Виктории. Такая монета, по свидетельству А. Зуле, известна пока в единственном экземпляре, который хранится в одной из частных коллекций в США³.

Мелкие серебряные номиналы весом около 0,20 г с монограммой PER, выпускавшиеся в Тоскане, большинство специалистов относят к чеканке Перктарита (672—688). Однако английский нумизмат Ф. Грирсон подвергает такую атрибуцию сомнению. Он допускает, что эмитентами этих монет могли быть и Куниперт (688—700) и Ариперт II (700—712), поскольку их имена включают слог PER. Пожалуй, первым королем, принадлежность монет которого не вызывает никаких сомнений, был Куниперт. На лицевых сторонах его триенсов вокруг повернутого вправо бюста помещалась надпись DN CVNICPER(T). При нем место Виктории на монетах занял крылатый архангел Михаил. После принятия христианства он заменил в верованиях лангобардов языческого бога Вотана, считавшегося их покровителем. При Ариперте II впервые на лангобардских триенсах появился портрет короля анфас. Широкое распространение в уже искаженном виде этот монетный тип получил при Ратхисе (744—749). В конце его правления на смену портрету пришла именная монограмма.

В 751 г. воинственный Айстульф (749—756) захватил столицу экзархата Равенну и некоторое время чеканил там монеты по «византийскому закону». Тогда же был выпущен единственный известный ныне лангобардский медный фоллис с погрудным изображением бородатого короля анфас. Несмотря на то что легенда с именем Айстульфа читается на этой монете очень плохо, она легко восстанавливается с помощью надписей на солидах и триенсах.

В свое время на триенсах тосканской псевдовизантийской чеканки вместо бюста правителя вправо появилась монограмма Лукки, затем ее заменила звезда (стилизованное изображение цветка), окруженная легендой FLAVIA LVCA. Подчинив себе денежное производство на юге страны и приступив к чеканке собственных монет в Лукке, Айстульф сохранил этот мотив на их оборотных сторонах. На аверсах он поместил костыльный крест. На севере королевства выпускались триенсы с монограммой, окруженной легендой, на лицевых сторонах и фигурой архангела Михаила — на оборотных (рис. 7). Король Дизедерий (756—774) унифицировал монетный тип для всего государства, взяв за основу тосканский триенс Айстульфа с костыльным крестом и звездой (рис. 8).

Если качество поздних солидов, которые выпускались в небольших количествах, было вполне приемлемым, то о триенсах этого сказать нельзя. При последних королях почти все они чеканились из низкопробного золота или из электра.

³ Suhle A. Die deutschen Münzen des Mittelalters. Handbücher der Staatlichen Mussen in Berlin. Berlin, 1936. S. 8.

Легенды с именами лангобардских правителей имеют несколько вариантов: укороченный, например DN ARIPER, обычный — DN AISTVL F REX и пространный, когда к титулу добавлены хвалебные эпитеты XCEL (Excellentissimus — превосходнейший) или GLORIOSO (Gloriosus — прославленный). Надписи на реверсах поздних золотых монет, такие, как FLAVIA TICINO (флавианская Павия), FLAVIA LVCA (флавианская Лукка) и т. д., в широком смысле отражают претензии лангобардских королей на законную преемственность власти римских императоров, а в узком — указывают на королевскую эмиссию в отличие от герцогской.

Число лангобардских денежных мастерских постепенно росло. В разные годы они функционировали в Виченце, Кастель Сеприо, Лукке, Милане, Павии, Пизе, Пьяченце, Тревизо и т. д. Основной их продукцией были золотые монеты, главным образом триенсы. Некоторые монетные дворы выпускали серебряные номиналы, для оформления которых характерны королевские монограммы и кресты. Последними собственно лангобардскими монетами были низкопробные триенсы с именем Карла Великого, которые чеканились с 774 по 781 г. (рис. 9).

Франки при Меровингах. История монетного дела Меровингов представляет собой обширную и плохо поддающуюся изучению область нумизматики. Главной денежной единицей франков до середины VII в. был золотой солид. Однако тиражи этих крупных монет значительно уступали тиражам триенсов. Поэтому до наших дней дошли преимущественно триенсы, причем в количестве весьма представительном, что характеризует их как номиналы, наиболее приспособленные для исполнения денежных функций в условиях нарождающегося феодализма. Кроме того, в некоторых областях королевства на первых порах выпускались серебряные и медные монеты. К середине VI в. их эмиссия заглохла, так как натуральное хозяйство упразднило розничную торговлю, для обслуживания которой они предназначались.

На первом этапе чеканки золотые монеты франков, как и монеты других варварских королевств, имитировали византийские образцы с именами и погрудными изображениями императоров Анастасия I, Юстина I и Юстиниана I. На оборотных сторонах помещалась фигура крылатой богини победы с поясняющей круговой легендой и аббревиатурой CONOB, расположенной под обрезом. На некоторых экземплярах по сторонам от Виктории просматриваются буквы или монограммы, за которыми обычно скрыты названия монетных дворов.

Уже в VI в. выделились три главных региона чеканки и денежного обращения: северный, юго-западный и юго-восточный. На севере Виктория изображалась с державой и венком в руках и головой, повернутой влево. Такой же иконографии придерживались фризы, но у них богиня победы получалась более призе-

мистой и грубой по очертаниям. У алеманов ее исполнение, напротив, отмечено некоторой изысканностью и декоративностью. На монетах, выпускавшихся в Галлии, Виктория изображалась шествующей вправо с венком и пальмовой ветвью в руках. На оформление солидов и триенсов, которые чеканились на юго-западе и юго-востоке королевства, известное влияние оказали традиции денежного производства вестготов и бургундов.

Тем не менее, несмотря на множество стилистических и иконографических отличий, локализация таких монет представляет большую трудность. Так же непросто отделить их и от собственной продукции бургундов и других варваров. Сложность усугубляется тем, что со временем тип франкских монет с богиней победы обрел неподвижность. Поэтому стиль и характер исполнения императорских портретов и фигуры Виктории имеют чрезвычайно широкий диапазон. Среди триенсов этого типа встречаются как точные копии византийских прототипов, практически от них неотличимые, так и монеты с настолько стилизованными изображениями, что они напоминают детские рисунки.

Во второй половине VI в. место Виктории на оборотных сторонах псевдовизантийских солидов и триенсов занял крест. К типу с крестом, в частности, принадлежат монеты муниципальной чеканки с изображениями императоров Маврикия Тиберия, Фоки (602—610) и Ираклия I. На реверсах этих монет по сторонам от креста помещены аббревиатуры монетных дворов Марселя, Арля, Вивье и других портовых городов Южной Галлии, которые активно торговали с Византией. В расчете на иноземных купцов и чеканились солиды и триенсы привычного для них облика. На некоторых из таких монет встречаются римские цифры, обозначающие номинальную стоимость в византийских силиквах: XXI (рис. 10) или XX — на солидах и VII — на триенсах.

Благодаря кладам до наших дней дошло огромное количество триенсов с портретом правителя и крестом, легенды которых не поддаются прочтению. Ничего другого, кроме того, что они выпускались франками, сказать о них нельзя.

Некоторую помощь в относительной датировке обезличенных монет могут оказать их метрологические данные. Примерно до 584 г. почти на всей территории Франкского государства чеканился солид стоимостью в 24 силиквы, весивший 4,55 г. Соответственно триенс приравнивался к 8 силиквам и весил 1,52 г. В 584 г. на юго-востоке королевства произошло снижение цены солида и триенса до 21 и 7 силикв. Теперь они весили 3,88 и 1,3 г. Чеканка по новой стопе началась с псевдовизантийских монет Маврикия Тиберия. При франкском короле Хлотаре II (613—629) стоимость солида была официально понижена до 20 силикв, а вес — до 3,18 г. Этот облегченный солид, известный под названием *solidus gallicus*, дожил только до середины VII в. В дальнейшем чеканился лишь один золотой номинал — сумевший сохранить свой вес триенс. Однако уже при Дагоберте I (629—639) началась его интенсивная порча за счет ухудшения качества.

металла. Долше всех ей сопротивлялись монетные дворы Прованса и в первую очередь Марсель, который выпускал львиную долю всей денежной продукции королевства.

Качественные изменения в оформлении монеты наметились, когда она стала выполнять политическую задачу, т. е. прокламировать королевское право чеканки, или, иными словами, выпускаться от имени государства. Первые имена Меровингов появились на медных монетах короля Австразии Теудериха I (511—534) и короля Нейстрии Хильдеберта I (511—558). На монетах Теудериха I имя эмитента расположено вокруг латинского креста, а поле оборотной стороны занимает королевская монограмма (рис. 11). Так же оформлялись и некоторые медные номиналы Хильдеберта I. Но гораздо чаще среди них встречаются монеты с именем короля в три строки на лицевой стороне и христоматомой на оборотной (рис. 12). Существовал еще смешанный тип с монограммой на аверсе и христоматомой на реверсе. Такие монеты чеканились не только из меди, но и из серебра. Хлотарь I (511—561), занимавший до того, как ему удалось сосредоточить единоличную власть в своих руках (558), престол в Суассоне, выпускал серебряные монеты с бюстом византийского императора на одной стороне и собственным именем в пять строк — на другой.

Оформление медных и серебряных монет у варваров в отличие от золотых гораздо меньше подчинялось традиции, предписывавшей равняться на византийские образцы. Изменения в типе начинались с более мелких номиналов, предназначенных для внутреннего пользования, и в последнюю очередь касались золота, обслуживавшего преимущественно внешний рынок и потому маскировавшегося под византийские солиды и тремиссисы.

Имя короля на солидах и триенсах появилось при Теудеберте I (534—548). Легенды, окружающие бюст правителя (вполоборота вправо) на их лицевых сторонах, чаще всего читаются как DN THEODEBERTVS VICTOR (рис. 13) или просто DN THEODEBERTVS. Надписи и буквенные обозначения монетных дворов — единственное, что отличает золотые номиналы этого короля от византийских солидов и тремиссисов с Викторией на оборотных сторонах. Ближайшие преемники Теудеберта I, при которых бюст правителя был развернут вправо, тоже использовали его изображение. Однако при Гунтрамне (561—593) крылатая богиня победы уступила место христианскому кресту (рис. 14). Последним меровингским королем, имя которого можно прочитать на монетах, был Дагоберт III (711—715).

В VII в. территория королевства Меровингов разделилась на две зоны денежного обращения. Одна из них — западная — с центрами монетной чеканки в Париже и Орлеане охватывала бассейны Сены и Луары. Другая — восточная — простиралась вдоль Роны, Соны, Мааса, Мозеля и Рейна от Марселя до самой Фризии. Этот регион в основном снабжался продукцией марсельского монетного двора. К этому времени его участие в производстве

королевской монеты практически сошло на нет, хотя он по-прежнему работал с полной нагрузкой.

Наряду с затухающей централизованной чеканкой в обособившихся от королевских доменов владениях практиковались неофициальные денежные эмиссии. Особый размах монетный партикуляризм приобрел при «ленивых королях». Их имена не считали нужным помещать на частных монетах даже для маскировки. Появилась новая, но так или иначе восходящая к византийским образцам разновидность триенса с головой обобщенного сеньора на одной стороне и крестами разных форм — на другой. Легенды, как правило, сообщают название места чеканки и имя монетария, который, помещая его на монете, тем самым гарантировал ее качество (рис. 15).

Всего в эпоху Меровингов работало около 900 денежных дворов. Монеты чеканились в Авиньоне, Андернахе, Арле, Безансоне, Бордо, Вьенне, Вормсе, Гренобле, Дижоне, Кельне, Лиможе, Лионе, Лозанне, Маастрихте, Майнце, Марселе, Меце, Намюре, Нанте, Орлеане, Париже, Пуатье, Реймсе, Страсбурге, Суассоне, Трире, Тулузе, Туре, Шартре и многих других городах, замках и деревнях. Память о некоторых из них сохранилась только на монетах. Большинство мастерских выпускало свою продукцию не регулярно, а эпизодически, например по случаю ярмарок, сессий суда и других многолюдных сборищ. Монеты чеканились как из казенного сырья, так и из материала заказчика. Не исключено, что деятельность отдельных мастерских ограничивалась лишь одной эмиссией.

Имена монетариев, а всего их насчитывается около 1600, встречаются галло-римского, германского, англосаксонского и еврейского происхождения. Главным образом это были лица, которые одновременно являлись и монетными мастерами, и арендаторами мастерских. При «ленивых королях» право чеканки часто присваивали земельные магнаты, поэтому денежные дворы, как правило, арендовались у них. Мало того, это право в условиях децентрализации нередко узурпировали сами мастера. Имена монетариев мало что говорят специалисту-нумизмату, скорее они — предмет интереса ономастики. В историю вошел единственный из резчиков штемпелей, увековечивших себя в надписях на монетах. Это — святой Элуа (Eligius), казначей, ювелир и денежный мастер при дворе Хлодвиг II (636—656), один из самых богатых и чванливых людей в Париже.

В VII в. возродились и стали широко обращаться маленькие, толстые, небрежно оформленные серебряные денарии весом 1,1—1,3 г (рис. 16). Особенно интенсивно они чеканились в Провансе и во Фризии. Выпускались денарии частными лицами, а также муниципальными и церковными властями. Изображения на этих монетах отличаются большим разнообразием. Легенды на них не читаются, так как составлены из литереобразных знаков, или отсутствуют вовсе. На лицевых и оборотных сторонах монет можно увидеть головы сеньоров, кресты, буквы и монограммы, стилизо-

важные фигурки людей и животных, плетеные узоры, геометрические фигуры и пр. Абсолютное большинство денариев, несмотря на то что значительная их часть происходит из кладов, атрибуции не поддается.

В период партикуляризма активно выпускали монету церкви и монастыри. В основном их номиналы чеканились из серебра, реже из золота. На отдельных экземплярах встречаются имена и титулы епископов, но чаще легенды имеют общий характер: *RATIO ECCLESIE* (дело церкви), *RATIO BASILICE* (дело храма), *RATIO MONASTERII* (дело монастыря).

В начале VIII в. централизованная чеканка прекратилась совсем. Триенсы частных выпусков подвергались невиданной порче. К середине столетия королевство было наводнено анонимными электровыми и серебряными монетами, которые чеканились без всякого контроля и системы.

Англосаксы. Чеканка собственных монет, которые отдаленно наминают македонские, началась на Британских островах еще в античную эпоху. Позже, в период оккупации римскими войсками, здесь от имени императоров выпускались ауреусы, денарии и бронзовые номиналы. Драгоценные металлы и медь для их изготовления добывались в самой Британии.

В последней четверти VI в., с приходом на острова англосаксов, чеканка монет возобновилась. Около 600 г. приступил к регулярным эмиссиям денежный двор в Кентербери, несколько позже — в Лондоне. На внешний облик английских монет заметное влияние оказало денежное дело соседнего Франкского государства. В Британии, как и на материке, выпускались солиды и триенсы римского образца, которые со временем были вытеснены более мелкими серебряными скеатами (правильно: шеаты — *sceats*). Скеаты чеканились до тех пор, пока их не сменили денарии. В большинстве королевств это произошло около 760 г. Со значительным опозданием начали и закончили эмиссию скеатов короли Нортумбрии и архиепископы Йорка.

Ранние скеаты имеют диаметр чуть больше 10 мм и значительную толщину. В конечном счете они тоже восходят к римским прототипам. Правда, заметить это трудно, так как изображения на них чаще всего до крайности стилизованы (рис. 17). Многие легенды выполнены латинскими буквами или руническими письменами. Большинство же скеатов лишено надписей. Определять их чрезвычайно трудно, поэтому обычно они датируются 575—750 гг.

В Нортумбрии скеаты чеканились в последней трети VII—IX в. Иногда их оформление ограничивается крестами и круговыми легендами, которые включают имена короля и монетария (рис. 18). Большинство монет Нортумбрии изготовлено из меди. На то, что они воспринимались отдельно от серебряных скеатов, указывает их название «стики» (*stycas*). Теоретически медные мо-

неты могли либо ходить по принудительному курсу, либо оцениваться гораздо ниже скеатов, т. е. служить разменными номиналами. Второй вариант отпадает, поскольку речь идет об обществе, которое жило в условиях натурального хозяйства, а разменная монета появляется только с возникновением мелкого товарного производства. В VIII—IX вв. стики наряду с золотыми номиналами и скеатами чеканили также архиепископы Йорка. Внешне эти монеты в основном повторяли североумбрийский тип с крестами на обеих сторонах.

Первый средневековый период в истории европейского монетного дела, или период варварской чеканки, растянулся более чем на 300 лет (V — первая половина VIII в.). В течение нескольких десятилетий завоеватели выпускали свою денежную продукцию не только в Западной Европе, но и в Северной Африке. До этого они использовали награбленные и захваченные на захваченных территориях римские монеты. Однако довольно скоро старые денежные ресурсы были исчерпаны, в результате чего образовался дефицит платежных средств.

Приступив к выпуску собственных монет, варвары поначалу рабски копировали римские образцы. Теоретически основной денежной единицей королевств был солид, но реально ее функцию выполнял чеканившийся в огромных количествах триенс. Кроме того, практически всеми варварами выпускались серебряные и медные номиналы. Их эмиссии не были обусловлены необходимостью, а являлись результатом механического перенесения традиций римского монетного дела на местную почву. Сколько-нибудь заметной роли в торговом обороте эти номиналы не играли, и вскоре их чеканка заглохла. Со временем в Меровингском государстве франков и англосаксонских королевствах серебряные монеты возродились заново, на этот раз в качестве денежных единиц, альтернативных испорченным триенсам.

Монеты варваров, возникшие как копии римских прототипов, спустя короткий срок начали приобретать отличительные признаки. Сначала на многих из них появились едва заметные обозначения монетных дворов, а затем, с зарождением государственного самосознания, инициалы или монограммы королевского имени. Крупные монограммы королей или их полные имена на первых порах помещались на медных и серебряных номиналах. Пройдя апробацию на разменных монетах, назначение которых из-за почти полного отсутствия рыночных отношений внутри страны в основном сводилось теперь к прокламативной роли, имена королей стали появляться на золотых триенсах и солидах. Эти акции имели огромное политическое значение. Присутствие на монетах королевского имени констатировало уже состоявшийся факт существования нового суверенного государства.

С этого момента начинается интенсивная деградация монет. Подражания все дальше и дальше уходили от прототипа. В государствах, которым удалось просуществовать довольно длительный срок или же вообще избежать гибели, стали чеканиться монеты

с собственными оригинальными изображениями. И тем не менее монеты варварских королевств так и не смогли оторваться от своих корней. По номиналам, весовым нормам, технике, а во многих случаях даже по типам они до конца следовали традициям позднеримской и ранневизантийской чеканки.

* * *

Историки и экономисты не раз задавались вопросом: почему при Меровингах преобладала золотая монета, а при Каролингах чеканился практически один серебряный денарий? Многих исследователей подводило стремление решить проблему однозначно, тогда как переход от одного денежного металла к другому был обусловлен целым комплексом социальных, экономических и политических причин. Ошибочность некоторых «решений» во многом также проистекала из убеждения, что замена золота серебром произошла одновременно, с восшествием на престол Пипина Короткого (751—768). Красноречивые нумизматические источники эпохи Меровингов убедительно опровергают это заблуждение.

Сосуществование в одной денежной системе монет из обоих драгоценных металлов обозначается термином «биметаллизм»⁴. Такая ситуация сложилась, в частности, при поздних Меровингах. Соотношение стоимости золота и серебра (рацио) в античную эпоху и средние века колебалось от 10:1 до 12:1. Господствующее положение того или иного металла на внутреннем рынке определялось экономическим законом, открытым в XVI в. английским финансистом Т. Грешемом. Согласно этому закону, в условиях биметаллизма в обращении преобладали монеты из металла, который в данный момент имел более низкую стоимость по отношению к установленному номиналу. Монеты из другого металла, будучи лучшего качества, стихийно изымались из оборота либо перекачивались за пределы страны или региона. Абсолютное понижение стоимости золотой или серебряной монеты являлось результатом порчи, относительное — следствием колебаний рацио.

Преобразование триенса из золотого в электровый происходило на протяжении всего VII в. При последних Меровингах некоторые монетарии чеканили его из одного серебра. Соотношение реальной стоимости триенсов и денариев постепенно сократилось до минимума. Путь за границу такому «золоту» был заказан, так как искушенные в денежных делах греки и сарадины попросту отказывались его принимать. Предпочтение отдавалось полноценному денарию. Превосходя золотую монету по качеству, новая валюта уступала ей в компактности. Суммы, выраженные в де-

⁴ Биметаллизм исторически выступал в двух формах: параллельного стихийного обращения монет и двойного регламентированного обращения. Здесь имеется в виду первый случай.

нариях, потяжелели в 10—12 раз. Тем не менее это никого не смущало, ибо потребность в серебре превращала кажущийся недостаток в реальное достоинство.

Порча золотой монеты в VII — первой половине VIII в. сопровождалась ростом объема чеканки денария, а следовательно, и постепенной активизацией его роли внутри страны. Спрос на серебро требовал увеличения тиражей этой монеты по крайней мере во столько раз, во сколько оно было дешевле золота. Возникли предпосылки для перехода к массовой чеканке из серебра. В золоте такая чеканка была неосуществима из-за его редкости.

Укреплению престижа денария в известной степени способствовало знакомство франков с арабским серебряным дирхемом, выпуск которого был начат в конце VII в. С выходом этой монеты на международную арену ее влияние на европейское денежное дело стало еще заметнее.

В государстве франков происходила стихийная перестройка унаследованной от римлян монетной системы на раннефеодальный лад. Переход от золота к серебру не был одновременным актом, а растянулся, по крайней мере, на полтора столетия. Этот процесс отразил те изменения в хозяйственной жизни и торговле франков, которые повлекла за собой феодализация страны.

Порченная золотая монета, утрачивая авторитет на внешнем рынке, теряла его и внутри королевства. Ввести для нее принудительный курс или восстановить былой вес и пробу мешал партикуляризм. Теперь она оценивалась по своей рыночной стоимости. Триенс, по сути дела, стал дублировать денарий. К середине VIII в. чеканка золотой монеты зашла в тупик. Эмиссия медной монеты захирела еще в VI в. Натурализация хозяйства и полный упадок мелкой розничной торговли сделали ее ненужной. Просуществовав некоторое время в качестве рудимента прошлой эпохи, медная монета отмерла сама по себе. Дифференцированность монетных систем является признаком достаточно сбалансированной экономики и соответственно развитых товарно-денежных отношений. Дробление основного номинала на фракции диктуется потребностями торгового оборота, который условно можно разделить на три потока: крупный, средний и мелкий. В развитом обществе каждый из них обслуживала адекватная монета.

Примитивная структура раннефеодального хозяйства, ограниченный характер внутренней торговли, отсутствие постоянного местного рынка вызвали к жизни систему, опиравшуюся на единственный усредненный номинал — серебряную монету. В данном случае это был денарий, универсальная денежная единица, которая наиболее полно отвечала потребностям современной ей торговли.

Каролингский монетный устав представлял собой ряд законодательных актов, отраженных в отдельных статьях капитуляриев Пипина Короткого (751—768) и Карла Великого (768—814). Первым постановлением устава была глава пятая Вернонского

капитулярия 755 г., изданного Пипином Коротким. Она предписывала, «чтобы впредь в весовой либре было только 22 солида, и из этих 22 солидов монетарий получает один, а остальные отдаст их хозяину».

Несмотря на видимую ясность, документ нуждается в комментариях. По единодушному признанию исследователей, под упомянутой в капитулярии либрой подразумевается римский фунт весом в 327,45 г. Серебряная монета под названием «солид» в раннем средневековье не чеканилась, в данном случае имелась в виду счетная денежная единица, равная 12 денариям (малый солид, наряду с которым существовал еще больший солид, насчитывавший 40 денариев). Таким образом, из фунта серебра надлежало изготовить не более чем 264 денария (12×22). До сих пор на фунт шло 25 солидов, или 300 денариев. Денарий отныне стал тяжелее, теперь его вес составлял около 1,25 г. Упоминание хозяина солидов говорит о том, что в государстве франков разрешалось чеканить монету из металла заказчика (свободная, или открытая, чеканка). Порядок, при котором монета выпускалась только из казенного сырья, называется блокированной, или закрытой, чеканкой.

Случайно или преднамеренно итогом постановления Пипина Короткого явилось приближение веса утяжеленного денария к весу половины дирхема. Зато несомненное арабское влияние прослеживается в том, что на обеих сторонах большинства монет Пипина изображения были полностью вытеснены надписями. До сих пор Европа ничего подобного не знала, в то время как в Халифате запрет на изображения предписывался Кораном.

Пипин Короткий предпринял также решительную попытку покончить с монетным партикуляризмом. По распоряжению короля, имя которого теперь обязательно присутствовало на денариях, количество денежных дворов было существенно сокращено.

Монеты Пипина Короткого довольно легко определить по монограммам из букв RP (Rex Pipinus) на лицевых сторонах и RxF (Rex Francorum) — на оборотных (рис. 19). На некоторых денариях его имя воспроизведено почти полностью, в форме PIPi (PIPI, PIPi REX, DOM PIPi). Нередко встречаются монеты, на реверсах которых помещены названия, аббревиатуры или монограммы мест чеканки: Анже, Безансона, Женеви, Камбре, Лиона, Маастрихта, Майнца, Нарбонны, Парижа, Реймса, Страсбурга, Шартра и др. Всего при Пипине Коротком насчитывалось около 40 денежных дворов. На денариях, выпущенных в Шартре, изображалась фигура святого (рис. 20). На фоне остальных монет Пипина, которые были лишены рисунков, такие денарии воспринимаются как исключение. Заслуга Пипина Короткого состоит в том, что он юридически закрепил предрешенную победу серебра над золотом. Выпущенные им денарии стали первыми подлинно средневековыми монетами, новыми как по метрологии, так и по типу. С обязательной оглядкой на позднеримские образцы было покончено.

После смерти Пипина его младший сын Карломан (768—771) унаследовал Эльзас, Бургундию, Прованс, так называемую Готию, восточную часть Аквитании, Алеманию и, по-видимому, южные области Австразии и Нейстрии. Монет он успел выпустить очень мало. Имя Карломана помещалось на них либо в две строки (CAR=LOM (рис. 21), либо в виде монограммы, которая имела четыре варианта. Всего на его денариях можно встретить названия шести монетных дворов: Анже, Арля, Клермон-Феррана, Лиона, Сент-Круа-де-Пуатье и Сент-Эньяна.

Правление Карла Великого ознаменовалось выпуском около 780 г. монеты на основе новой, более тяжелой либры, получившей название «каролингского фунта», или «фунта Карла Великого». Мантуанский капитулярий, девятая глава которого запрещала обращение старого денария, датируется 781 г. «Чтобы никому после августовских календ эти денарии, каковые имеются ныне, не осмелились давать или принимать». Документов с указанием веса каролингского фунта до нас не дошло, поэтому его неоднократно пытались реконструировать исходя из среднего веса денария, который колеблется от 1,79 до 2,03 г. Единого мнения о весовом содержании фунта так и не сложилось, поскольку подсчеты дают результат от 367,13 до 491,179 г.

Тогда же, т. е. около 780 г., из нового фунта начали чеканить не 22, как это было установлено Пипином Коротким, а 20 солидов, или 240 денариев. В Англии соотношение денежных единиц, введенное в каролингскую эпоху, сохранилось вплоть до реформы 1971 г., когда спустя без малого 1200 лет был осуществлен переход на десятичную систему. Фунт стерлингов (L=libra) составлял 20 шиллингов (s=solidus), что соответствовало 240 пенсам (d=denarius).

Несмотря на то что стопа денария значительно повысилась, население ряда завоеванных областей, привыкшее к золотому стандарту, отказывалось признавать новую монету. В связи с этим во Франкфуртский капитулярий 794 г. была включена статья, которая обязывала подданных принимать денарии под страхом наказания: свободных — штрафом, несвободных — плетью.

Способ преодолеть недоверие к новой монете Карл Великий видел в регламентации цен и централизации денежного производства. Тионвильский капитулярий 805 г. (Capitularia missorum) запрещал чеканить денарии где бы то ни было, кроме императорской резиденции или других мест, указанных монархом. Закон был направлен против держателей частных денежных дворов, которые в данном случае приравнялись к фальшивомонетчикам.

Говоря о централизации монетного производства, ее ни в коем случае нельзя рассматривать в географическом плане. Карл Великий не имел ни постоянной столицы, ни стационарной резиденции. Живя по-походному, он требовал того же и от двора. В перерывах между войнами он вместе с придворными кочевал по своим владениям и только в конце жизни стал подолгу задерживаться в ахенском дворце. Этим объясняется то, что количе-

ство одних только «столичных» денежных дворов, выпускавших монету от его имени, исчисляется несколькими десятками. Несмотря на противодействие центробежных сил, которые разъединяли феодальное общество, Карлу Великому все-таки удалось на какое-то время подчинить монетное дело единому началу. Все выпущенные при нем денарии несут на себе его имя. Имен и знаков монетариев они лишены, но зато на них практически всегда присутствуют названия монетных дворов.

Монетная чеканка Карла Великого подразделяется на два неравных периода, граница между которыми приходится примерно на 780 г. В течение первых двенадцати лет его правления денарии выпускались по стопе, установленной Пипином Коротким, а затем из расчета 240 монет на каролингский фунт. Таким образом, для того чтобы определить относительный возраст денариев Карла Великого, их нужно сначала взвесить. Легкие монеты следует отнести к старшей хронологической группе, более тяжелые — к младшей.

На первых порах преобладали денарии, на лицевых сторонах которых помещалось имя короля в две строки (CARO=LVS), а на оборотных — название или монограмма денежного двора (рис. 22). Всего на ранних монетах обозначено около 70 мест чеканки. В основном это старые центры монетного производства, функционировавшие еще в эпоху Меровингов: Авиньон, Амьен, Динан, Камбре, Кельн, Майнц, Мец, Париж, Трир и т. д. Надписи, которые передают их названия, расположены либо по кругу, либо в одну или несколько строк. Монограммы денежных дворов занимают все поле монеты. На некоторых денариях вместо топонимов помещены имена, принадлежавшие, по всей видимости, высшим должностным лицам королевства.

В 774 г. Карл Великий перешел через Альпы и завоевал государство лангобардов. Отныне его титул Rex Francorum получил добавление et Langobardorum. Лицевые стороны первых каролингских монет, чеканившихся на денежных дворах Италии, повторяли франкский тип с именем Карла в две строки. На оборотных сторонах располагались буквенные обозначения или полные названия мест чеканки: Венеции, Лукки, Мантуи, Милана, Павии, Пармы (рис. 23), Сиены, Тревизо и Флоренции. Довольно часто буквы, составляющие некоторые из этих названий, вписаны в углы креста. В дальнейшем количество денежных дворов в Италии было сокращено до четырех (Лукка, Милан, Павия, Тревизо).

Переход на новую стопу помог Карлу Великому добиться определенных успехов в централизации монетного производства. Количество денежных дворов уменьшилось вдвое. После 780 г. широкое распространение получили монеты с характерной крестообразной монограммой Карла (рис. 24) и монеты типа «XPISTIANA RELIGIO», названные так по легенде вокруг фасада, увенчанного крестом храма (рис. 25). Иногда, правда, это изображение сопровождается другими надписями. Оба типа оказались не-

обыкновенно живучими. Денарии с монограммой Карла и фасадом храма продолжали чеканиться и после того, как империя Каролингов распалась на отдельные государства. Подражания монетам этих типов эпизодически появлялись в разных концах Европы десятилетия и даже столетия спустя.

При Карле Великом была сделана попытка возобновить чеканку золотых номиналов. Реанимация лишь продлила их агонию, и от этой затеи в конце концов пришлось отказаться. Зато были восстановлены в правах оболы — монеты, составлявшие половину денария. Видимо, денарии, несмотря на свою универсальность, все-таки не до конца отвечали растущим потребностям мелкого рыночного потока. Доля оболы в монетном производстве значительно возросла. Несвершенство денежной системы, основанной практически на одном номинале, вскоре привело к тому, что денарии в случае необходимости стали разрезаться на мелкие части, которые заменяли в обращении разменную монету.

К началу IX в. Карл Великий отвоевал у арабов северо-восток Пиренейского полуострова до р. Эбро. Эта территория вошла в состав его империи под названием Испанской марки. На трех ее денежных дворах (Ампуриас, Барселона, Херона) была налажена чеканка денариев, отвечавших требованиям Каролингского монетного устава.

В конце 800 г. в Риме папа Лев III увенчал Карла Великого императорской короной. Это событие сразу же нашло отражение в оформлении монет. На них появилась легенда, включавшая новый титул IMP (ERATOR) AVG (VSTVS). Она окружает бюст облаченного в плащ и увенчанного лавровым венком императора. Портрет, характерный для позднеримских монет, на время восстановил свои позиции. На оборотных сторонах этих денариев изображались храм (рис. 26), городские ворота (рис. 27) или корабль (рис. 28). Большинство монет с храмом лишено указаний на место чеканки, но на некоторых из них под бюстом имеются инициалы итальянских денежных дворов: Венеции, Милана и Флоренции. Денарии с кораблем на обороте выпускались в Дорестаде, о чем свидетельствует круговая легенда DORESTADO. На монетах с городскими воротами названия мест чеканки тоже даны полностью. Это — Арль, Лион, Руан и Трир.

Основным сырьем для чеканки каролингской монеты на первом этапе оставалось старое серебро, сохранившееся с римских времен, в том числе и то, которое было превращено в меровингские денарии. Затем к нему добавилось арабское монетное серебро, доставлявшееся на территорию Франкского государства как самими сарацинами, так и норманнами.

От более поздних денариев каролингские монеты выгодно отличаются строгой формой, высоким рельефом изображений и тщательностью изготовления. Несмотря на то что легенды на них читаются без труда, определение этих монет, особенно денариев преемников Карла Великого, связано со значительными трудностями.

Питрский эдикт Карла II Лысого. Последним дошедшим до нас каролингским документом, который регламентировал производство и обращение монет в общегосударственном масштабе, был эдикт 864 г., изданный Карлом II Лысым (840—877) в местечке Питр (Edictum Pistense). Впервые в средние века оформление денария предписывалось законодательно. На лицевой его стороне вокруг королевской монограммы должна была помещаться легенда, включавшая имя короля, а на оборотной — название места чеканки вокруг креста (рис. 29). Эдикт на долгое время определил монетный тип. Документ предусматривал также изъятие из обращения старых монет. Чеканка запрещалась по всей стране, кроме специально оговоренных мест: Квентовика, Мелля, Нарбонны, Орлеана, Парижа, Реймса, Руана, Санса, Шалона-на-Соне и «palatio posiro». Правда, судя по монетам, добиться этого Карлу Лысому так и не удалось. Пафос документа был направлен против частных эмиссий, наносивших королевской власти огромный экономический и политический ущерб. Поэтому любой денежный двор, который не был утвержден свыше, объявлялся незаконным, а работавшие на нем мастера — фальшивомонетчиками. Чтобы предотвратить порчу монеты, эдикт категорически запрещал снижать пробу не только серебра, но и золота. Соотношение драгоценных металлов закреплялось юридически: фунт товарного золота приравнивался к 12 фунтам серебра в монете нового образца. Чтобы облегчить контроль за внедрением новой и изъятием старой монеты, эдикт повелевал графам представить перечни рынков, разрешенных Карлом Великим, Людовиком Благочестивым и самим Карлом Лысым, «дабы сохранены были полезные и законные рынки и закрыты все другие».

Придерживаясь предписаний эдикта по отношению к светским магнатам, Карл Лысый охотно шел навстречу духовным сеньорам. Так, уже в 865 г. он предоставил монетное право епископу Шалона-на-Марне. В 871 г. Карл Лысый передал в распоряжение епископа денежный двор в Безансоне. В 872 г. духовные сеньоры получили право чеканить денарии в Лангре и Дижоне, а в 877 г. — в Суассоне.

В дальнейшем монетное дело во владениях потомков Карла Великого отражало политическое противоборство Каролингов и их ослабевающее сопротивление сепаратистским устремлениям земельных магнатов. В Италии представители этой династии правили до 887 г., в Германии — до 911 и во Франции — до 987 г.

Второй период развития европейского монетного дела в средние века совпадает с эпохой Каролингов (середина VIII—X в.). Он характеризуется окончательным утверждением денария в качестве универсальной денежной единицы, которая наиболее полно отвечала ограниченным потребностям раннефеодальной торговли. Монетная политика Каролингов была направлена на продолжение децентрализации чеканки, и на этом поприще они достигли определенных успехов, хотя одержать полную победу над партикуляризмом им так и не удалось.

* * *

В X—XI вв., когда феодализм утвердился в большинстве стран Европы, вновь пробудились для хозяйственной жизни города. Медленно, но неуклонно рос товарооборот, а вместе с ним расширялись и укреплялись торговые связи. В X, а особенно в XI в., в зону обращения германских и английских денариев вошли Скандинавия, Восточная Прибалтика, Польша и Русь. Расширение географии товарно-денежных отношений требовало тотального увеличения объема чеканки, добиться которого было возможно, только обладая надежной сырьевой базой.

Историки горного дела считают, что добыча драгоценных металлов в средневековой Европе началась в Богемии в VIII в. Самым крупным из ее рудников был Пришибрам. До середины XIII в., когда его место заняла Йиглава, он оставался главным источником чешского серебра. В X—самом начале XI в. денежное производство в Чехии ориентировалось на удовлетворение собственных нужд, и ее денарии редко покидали пределы страны.

Общеввропейской сокровищницей стала Германия. Во второй половине X в. в Нижней Саксонии, в горах Гарца, было открыто Раммельсбергское месторождение серебра, и вскоре Германия приступила к регулярной добыче собственного денежного сырья. На первых порах оно целиком отправлялось в Кельн, но в самом конце X в., когда вступили в строй монетные дворы в Кведлинбурге, Хальберштадте, Мерзебурге и других саксонских городах, значительная его часть стала превращаться в монету на месте. В г. Госларе, расположенном у подножия рудоносной горы Раммельсберг, чеканка денариев началась чуть раньше середины XI в.

Затем серебряные россыпи были обнаружены в Верхнем Гарце: на рубеже X—XI вв. — в Вильдемане, около середины XII в. — в Целлерфельде, примерно в 1200 г. — на Клаустальском нагорье, а чуть позже — в Лаутентале. Из металла, добывавшегося в Вильдемане и Целлерфельде, чеканил свои монеты герцог Саксонии и Баварии Генрих Лев (1139—1180, 1156—1180).

Уже в XII в. наиболее умелыми, организованными и знающими рудокопами зарекомендовали себя монахи Цистерцианского ордена (бернардинцы). Довольно скоро их монастыри превратились в базовые центры горных работ. В 1141 г. при сооружении обители Зиттихенбах в восточных предгорьях Гарца инок натолкнулся на залежи серебра. Находка положила начало рудникам, которые не потеряли своего значения и по сей день. В 1180 г. монахи из цистерцианского монастыря Альтцелле, основанного в Рудных горах маркграфом Мейсенским Отто Богатым (1156—1189), открыли на своих землях еще одно месторождение серебра. Запасы руды были настолько велики, что инок обратился за помощью к «братьям»-бернардинцам из других монастырей и мирянам-издольщикам. Уже в 1186 г. неподалеку от обители вырос город, который позже стал называться Фрейбер-

гом. В ряду самых ранних горнодобывающих предприятий феодальной Европы следует также рассматривать серебряные рудники Тренто и Оберцайринг в Восточных Альпах и Банску-Штьявницу в Словакии.

В эпоху викингов монетное серебро в Англию в изобилии завозилось с материка. Ослабление этого потока в XII в. стимулировало разработку собственных рудников в Дареме. В конце XIII в. новое богатое месторождение серебра было открыто в Девоншире. Для Франции и Италии, где горное дело было развито слабо, главным источником монетного сырья в X—XI вв. являлась торговля, а в XII—XIII вв. эту функцию выполняли крестовые походы. Папская курия получала серебро в виде «денария святого Петра», который во многих странах Европы превратился в государственный налог.

Англия. Эмиссия денариев каролингского образца, которые очень рано получили название «пенни», началась на Британских островах около 760 г. Первыми их почти одновременно отчеканили король Кента Этельберт II (748—762) (рис. 30) и король Мерсии Оффа (757—796) (рис. 31). После 766 г. к выпуску денариев приступили архиепископы Кентерберийские, а еще через 20—30 лет — короли Уэссекса и Восточной Англии. Чеканка пенни в Нортумбрии, где правили норвежские и датские короли, началась только в 70-х гг. IX в.

Ранние денарии имели диаметр около 17 мм, более поздние, начиная примерно с конца VIII—начала IX в., — около 21 мм. Легенды на оборотных сторонах таких монет сообщали название места чеканки либо имя монетария. Лицевые стороны, на которых помещалось имя короля или архиепископа, оформлялись по-разному. Тем не менее уже на первом этапе чеканки определился тот тип изображения, который станет главным для денариев «королей всей Англии». Это погрудный портрет безбородого правителя (обязательно в профиль) с диадемой на голове. Почти не меняясь, он продержался на монетах вплоть до нормандского завоевания.

Несмотря на то что в 829 г. отдельные королевства объединились в одно государство, каждый король выпускал пенни от своего имени. Денарии и оболы, общие для всей Англии, впервые отчеканил Эдгар (957—975).

Один из монетных типов Эдгара утвердился как основополагающий уже при Эдуарде Мученике (975—978) (рис. 32). На лицевых сторонах денариев этого типа изображались профильный портрет монарха и круговая легенда с его именем и титулом. При преемниках Эдуарда и датчанах у плеча короля иногда появлялся скипетр, а на голове вместо диадемы — шлем. Менялся также поворот головы: иногда она смотрела влево, иногда — вправо. На оборотных сторонах денариев Эдгара и Эдуарда Мученика помещались маленький крест, который потом будет вос-

принят Этельредом II (978—1016), а также имя монетария и название места чеканки.

Максимальная насыщенность монетных легенд информацией надолго останется отличительной чертой английских пенни. Именно эта особенность уже в наши дни позволила исследователям, сопоставив сведения, сообщаемые монетными легендами и письменными источниками, установить с большой точностью хронологию эмиссий каждого монетного типа.

Англии приходилось постоянно откупаться от завоевателей-викингов. Необходимость выплачивать «датские деньги» заставила ее резко увеличить объем монетного производства. Если до 973 г. денарии выпускались на 27 денежных дворах, то в годы правления Этельреда II, при котором этот налог взимался наиболее интенсивно, число таких мастерских превысило 80.

При Этельреде II чеканились монеты 11 типов. Изменения коснулись главным образом оборотных сторон. Кроме малого креста, на них можно увидеть длинный «полый» крест, очерченный двумя линиями, такой же короткий крест, в углах которого помещены буквы, образующие надпись CRVX (рис. 33), благословляющую руку (рис. 34) и т. д. Новым для лицевых сторон было изображение «агнца божьего». Рисунки на монетах Кнута (1016—1035) (рис. 35), Гарольда I (1035—1040) и Хардакнута (1040—1042) представляют собой вариации на уже знакомые темы. При Эдуарде Исповеднике (1042—1066), который в целом тоже следовал установившейся традиции, появляются изображения фигуры короля (рис. 36) и его головы анфас (рис. 37). Вес английских денариев колеблется от 1,02 до 1,45 г. Таким же он оставался и после прихода нормандцев.

При Вильгельме I Завоевателе (1066—1087) утвердился денарий нового типа с изображением на аверсе бюста короля, увенчанного короной (анфас), и богато орнаментированного креста во внутренней окружности — на реверсе (рис. 38). В годы пребывания у власти Стефана (1135—1154), озаменованные соперничеством с дочерью Генриха I (1100—1135) Матильдой, была отчеканена компромиссная монета с двумя фигурами на лицевой стороне (рис. 39). Собственные денарии Стефана выпускались с портретом анфас, вполоборота и в профиль. При нем же появились пенни незаконных эмиссий, осуществленных баронами в связи с ослаблением королевского контроля над монетной регалией. На аверсах таких пенни изображались всадник, лев, фигура рыцаря и т. д. Матильда и ее сын Генрих Анжуйский тоже чеканили свои монеты, причем легенды на денариях Матильды ни много, ни мало провозглашали ее императрицей.

В 1180 г. английский король Генрих II Плантагенет (1154—1189), он же граф Анжуйский, начал чеканку пенни весом около 1,5 г. На лицевой стороне монеты изображалась голова бородатого короля в точечном венце (анфас), обычно с локонами, а слева от нее — скипетр; на оборотной стороне — короткий полый крест, в углах которого помещалось по четырехлистнику, обра-

зованному точками (рис. 40). Такие денарии задним числом получили название «стерлингов», обозначающее не столько номинал, сколько монетный тип. Происходит оно от слова «эстерлин», которым французы именовали денарии Вильгельма I Завоевателя, Вильгельма II (1087—1100) и Генриха I (1100—1135).

Ричард Львиное Сердце (1189—1199) и его незадачливый брат Иоанн Безземельный (1199—1216) полностью копировали стерлинги Генриха II, даже сохранили легенды с его именем. Генрих III (1216—1272) несколько видоизменил монетный тип. После 1247 г. стерлинги этого короля стали выпускаться с длинным полым крестом, упирающимся в край монеты, и точечными трилистниками в углах (рис. 41). К своему имени Генрих III прибавил порядковый номер. При Эдуарде I (1272—1307) король снова стал изображаться безбородым, крест сделался сплошным и расширяющимся на концах (рис. 42). В таком неизменном виде стерлинги выпускались до конца XV в. Параллельно чеканились полупенни и фартинги (1/4 пенни).

При более или менее постоянной пробе вес стерлингов постоянно уменьшался. При Генрихе II (1154—1189) он в среднем составлял 1,36 г, при Эдуарде III (1327—1377) — 1,1, при Эдуарде IV (1461—1483) — 0,97—0,78, при Генрихе VIII (1485—1509) — 0,548 г.

Благодаря привычному изображению и стабильной пробе стерлинги охотно принимались в странах Северной и Восточной Европы. Множество кладов с такими монетами найдено в Скандинавии и Польше. Стерлинги послужили образцом для монет, выпускавшихся им в подражание во многих странах Европы, особенно в Германии и Нидерландах.

Германия. В 911 г., после того как умер последний из немецких Каролингов Людовик Дитя (900—911), германским королем был избран франконский герцог Конрад I (911—918). Изгнав из Регенсбурга герцога Баварского Арнульфа, он начал чеканку монеты. В Германии денарий получил название «пфеннига». Расшифровке это слово, которое происходит от одного корня с английским «пенни», не поддается.

На лицевой стороне регенсбургского пфеннига, выпущенного Конрадом I, помещен заключенный во внутреннюю окружность равноконечный крест, в каждом углу которого имеется по точке. В ближайшем будущем такой крест станет характернейшим признаком германских денариев. На оборотной стороне описываемой монеты изображен фасад храма с треугольным фронтоном и кружком посередине (рис. 43). Кроме того, Конрад I выпускал пфенниги в Майнце, но уже с крестиком вместо кружка на фасаде храма. Обе эти монеты, которые представляют собой первые образцы послекаролингской чеканки, послужили прототипами для последующих денариев Регенсбурга и Майнца.

В 919 г. в обстановке острого соперничества германским королем был избран саксонский герцог Генрих I Птицелов (919—

936), положивший начало Саксонской династии (919—1024). Претендентом на корону выступил также Арнульф Баварский. Противники Генриха провозгласили его королем. Сделав ряд уступок, в том числе предоставив Арнульфу монетное право, Генрих I Птицелов заставил баварского герцога признать свою власть. Памятником этого соглашения остались монеты, выпущенные Арнульфом в Регенсбурге и Зальцбурге с легендой ARNVLFVS DVX. По типу они близки к денариям Конрада I.

К этому же типу принадлежат и монеты варварского облика, которые Генрих I Птицелов чеканил на востоке Саксонии (рис. 44). Легенды на них заменены палочками и колечками, составляющими орнаментальное обрамление для изображений храма и креста с точками. Высокая расплюснутая закраина монеты образовалась из-за того, что после чеканки денарию старались придать форму правильного кружка. Для этого пфенниг вертикально опускали в щель, а затем, надавливая доской, обкатывали его.

Подобные монеты называют «вендками», или «венедскими пфеннигами». В XVII—XVIII вв. немцы были убеждены, что эти монеты имеют славянское происхождение, так как чаще всего их находят между Эльбой и Вислой. Позже, когда ряд немецких ученых высказались за то, чтобы считать вендки продукцией германской чеканки, они получили название «саксонских пфеннигов». Такие монеты насчитывают около 10 типов и датируются 925—1100 г. Большинство из них, в отличие от стандартного по размеру пфеннига Генриха I Птицелова, имеет малый диаметр. Вероятно, ближе всего к истине подошли те ученые, которые считают, что одни типы вендок чеканились в Саксонии, а другие — полабскими славянами. В этом случае наиболее правомерным выглядит предложенное немецкими нумизматами название «рандпфенниги» (нем. Rand — кромка).

В 925 г. Генрих I присоединил к своему королевству лотарингские земли и отвоевал архиепископства Кельнское и Трирское, подпавшие под власть французских феодалов в 910 г. О победе германского короля напоминают денарии, которые он выпустил в Вердене (рис. 45), Меце и Страсбурге. Эти монеты, еще не порвавшие с каролингской традицией чеканки, по качеству изображений значительно превосходят саксонские пфенниги.

В 936 г. корону наследовал Оттон I (936—973), сам себя наградивший эпитетом Великий. Слово MAGNVS встречается на страсбургских монетах с надписью SCA MARIA (рис. 46). Легенда на денариях с погрудным изображением короля влево и церковью, отчеканенных в Страсбурге после 955 г., величает его Миротворцем: + OTTO REX PACIFICVS. В дополнение к денежным мастерским своего отца Генриха I Птицелова Оттон I восстановил или основал королевские монетные дворы в Кельне, Трире, Камбре, Туле, Шпейере. Кроме того, в рамках «Оттоновых привилегий» право чеканки получили некоторые духовные феодалы, открывшие свои денежные мастерские в Утрехте (936 г.), Камбре (941 г.), Магдебурге (942 г.), Корвее (945 г.), Санкт-Гал-

лене (947 г.), Оснабрюке (952 г.), Хуре (958 г.), Гамбурге (965 г.), Херфорде (973 г.). Таким образом, уже при Оттоне I наметились четыре региона германской монетной чеканки: Прирейнская область, Бавария, Фризия и Саксония. Главенствующее положение сразу же занял кельнский монетный двор, который при Оттонах чеканил львиную долю всех германских денариев. Широкие торговые связи Кельна с Нидерландами и Англией поставили выпускавшийся в этом городе пфенниг в особое положение, превратив его в своего рода валютный эталон. Престиж города в равной степени поддерживали монеты королевской (императорской) и архиепископской чеканки. Стабильность кельнского пфеннига по сравнению с денариями других монетных дворов снискала ему авторитет и популярность как внутри Германии, так и за ее пределами. В сохранившихся до наших дней платежных документах специально оговариваются расчеты в кельнской монете. Не меньшее влияние в качестве счетно-весовой единицы приобрела кельнская марка, вес которой в зависимости от места и времени колебался от 229,456 до 234,680 г.

Существует довольно значительная группа германских монет, которые внешне мало чем отличаются от денариев Кельна. Монеты такого рода называются «подражаниями». Их не следует путать с подделками, изготовлявшимися фальшивомонетчиками. Подражания чеканили как на законном основании, так и вопреки монетному праву, но внешне соблюдая все те формальные требования, которые предъявлялись к оригинальным монетам. Такие эмиссии преследовали цель или обеспечить под личиной признанных монет спрос на вполне качественную продукцию денежных мастерских, не заработавших пока достаточного авторитета, или же выбросить на рынок злонамеренно испорченную монету. Степень сходства подлинника и его имитаций имеет самый широкий диапазон: от буквального повторения до весьма вольной фантазии на тему исходного изображения. Довольно часто в средние века объектом подражания становилась не сама монета, а устоявшийся монетный тип.

Образцом для многочисленных имитаций явился, в частности, кельнский денарий Оттона I (рис. 47), который в свою очередь восходит к прототипу, впервые отчеканенному в Кельне еще в те времена, когда германским королем был Людовик Дитя (900—911). На одной стороне таких монет помещался крест с точками по углам, а на другой — надпись в три строки: S=COLONIA=—A. Расшифровывается она как Sancta Colonia Agrippina. Денарии этого типа также выпускали брат Оттона I кельнский архиепископ Бруно (953—965) и другие германские короли (императоры) из Саксонского дома. При Генрихе II (1002—1024, император с 1014 г.) на аверсах некоторых монет с надписью S=—COLONI=A изображалась голова короля в короне анфас.

Совместный чекан императора Конрада II (1024—1039, император с 1027 г.) и архиепископа Пилигрима (1021—1036) положил начало серии денариев с храмом под сводчатым или дву-

скатным перекрытием. На противоположных сторонах этих монет (стороны могут быть и лицевыми и оборотными) в одних случаях помещалась голова императора вправо, в других — крест, в углах которого расположены точки или буквы, составляющие имя архиепископа: PI=L1=GR=IM. Кроме того, монеты с крестом и храмом чеканили Конрад II, архиепископ Герман II (1036—1056) совместно с Конрадом II и самостоятельно, а также архиепископ Анно (1056—1075), сначала вместе с императором Генрихом III (1039—1056, император с 1046 г.), а затем с королем Генрихом IV (1056—1106, император с 1084 г.). После Генриха IV денарии с королевскими (императорскими) именами больше в Кельне не выпускались. Отныне монетная чеканка в этом городе надолго стала монополией церковных властей.

Бюст архиепископа с посохом (анфас) и изображение церкви с тремя куполами впервые появились на денариях архиепископа Германа II. Получив возможность выпускать денарии только от своего имени, этот монетный тип воспринял архиепископ Анно. Начиная со времени его правления и вплоть до 1282 г. облик кельнских монет, славившихся на всю Европу высоким качеством и стабильностью веса (около 1,45 г), практически не менялся. В XII, а особенно в XIII в., на кельнском монетном дворе стали выпускать заметно больше фракций денария — оболов и квадрантов.

Кельн был самым крупным центром производства денариев в Прирейнской зоне чеканки, где в XI в. сосредоточилось более 60 монетных дворов. Следом за ним шел Вормс. Вормские монеты, выпускавшиеся при Оттоне II (973—983) и других королях Саксонской династии, по типу очень близки к современным им денариям Майнца и Шпейера. Объединяют их изображения бревенчатой церкви с двускатной крышей и уже ставшего традиционным креста с точками в углах. В отличие от майнцских и шпейерских денариев в одном из углов креста на денариях Вормса помещалось изображение архиепископского посоха, которое при Оттоне III преобразовалось в полумесяц, расположенный рядом со стандартной точкой. Такой «значок», ставший отличительным признаком вормских монет, присутствовал на них вплоть до середины XII в.

При Генрихе III на денариях появились изображения короля (императора) (рис. 48), святого Петра и епископа Арнольда (1044—1065), имя которого соседствует в легендах с именем императора. В XII в. монетный кружок стал тоньше и шире. При епископе Буркхарде (1120—1149) на смену обычному пришел костыльный крест с точками, звездочками, крестиками или колечками в углах. В середине XII в. вормские денарии стали еще шире, но уже к концу столетия вновь обрели привычный вид. За годы чеканки их вес упал с 1,45 до 0,45 г.

Монеты в Прирейнской области выпускали германские короли (императоры), герцоги, графы, архиепископы, епископы и аббаты. На их денариях можно увидеть бюсты и головы правителей

чи святых (анфас и в профиль), кресты, церкви, благословляющую руку, пастырский посох, монограмму Карла Великого, крестообразные надписи и надписи в одну или несколько строк, орла, корабль и многое другое.

Баварскую, или южногерманскую, группу монет в первую очередь составляют денарии, выпускавшиеся в Регенсбурге, Аугсбурге, Зальцбурге, Наббурге и Нейбурге. Особенностью этих монет является высокий рельеф и грубая пластика, благодаря чему рисунки на них не только хорошо видны, но и осязаемы. На одной стороне большинства баварских монет помещалось изображение храма, место колонн у которого занято начальными буквами имен монетариев, а на другой — крест с треугольниками, кружками и точками в углах. Легенды обычно искажены, иногда очень сильно (рис. 49). В Регенсбурге, Аугсбурге и Зальцбурге монету чеканили герцоги, короли (императоры) и епископы (в Зальцбурге — архиепископы), в Наббурге и Нейбурге — только герцоги или короли.

Из примерно 20 монетных дворов, тяготевших к фризской зоне чеканки, прежде всего следует назвать Тиль, Гронинген, Девентер и Утрехт. В XI в. денарии в Тиле выпускались главным образом от имени королей (императоров) Генриха II и Конрада II. На лицевых сторонах этих монет помещалось изображение головы короля в короне анфас, а на оборотных — крест с точками в углах, кельнская «монограмма» или повторяющая ее композицию «монограмма» Тилиа $BO=XTIELE=NA$ (рис. 50).

Фризские графы Бруно III (1038—1057), Экберт I (1057—1068) и Экберт II (1068—1090) в основном чеканили свои монеты в Болсварде, Доккюме, Леувардене и Ставорене. Их денарий вдвое легче кельнской или тильской монеты, поэтому на рынке они соотносились как обол и денарий. При крупных расчетах разница в весе несколько не мешала, так как в то время денежные суммы, исчислявшиеся в солидах, марках или фунтах, принимались не поштучно, а на вес.

Пожалуй, самыми знаменитыми и самыми загадочными монетами Саксонии являются денарии с именами Оттона и Адельгейды. На лицевых сторонах этих монет помещаются крест, в углах которого расположены буквы, образующие слово $OTTO$ или $ODDO$, и круговая легенда $+D-I\ GR-A\ REX$ (сокращенное $DEI\ GRATIA\ REX$ — божьей милостью король), на оборотных — изображение бревенчатой церкви под двускатной крышей и круговая легенда $ANTELHET$ или $ATEANLHT$ (рис. 51). Во-первых, до сих пор до конца не выяснено, на каком монетном дворе чеканились эти денарии, во-вторых, до недавнего времени оставалось неясным, какой из Оттонов имелся в виду. Адельгейда была женой Оттона I, матерью Оттона II, бабкой и опекуншей Оттона III. Благодарякладам удалось установить, что денарии с именами Оттона и Адельгейды выпускались не ранее 991 г., т. е. уже после смерти двух первых Оттонов. В качестве предполагаемых мест чеканки этих монет называются Гослар и

Магдебург. Денарии Оттона III и Адельгейды вызвали многочисленные подражания в Хальберштадте, Кведлинбурге, Гильдесгейме и Польше. Вес как оригиналов, так и подражаний был близок к весу эталонного кельнского пфеннига. Среди германских денариев встречается много таких монет, которые невозможно ни идентифицировать, ни локализовать. Объясняется это тем, что их легенды либо не сообщают необходимых сведений, либо не читаются вовсе.

В X—XI вв. германские императоры из Саксонской и Франконской династий выпускали денарии в некоторых городах Северной и Средней Италии. Наиболее широко обращались монеты, отчеканенные ими в Павии (рис. 52), Вероне, Милане и Лукке. Характерной чертой большинства из них являются нечеткие крестообразные, круговые и строчные надписи на обеих сторонах.

В самой Германии в XII—XIII вв. монетная чеканка почти полностью перешла в руки духовных и светских князей. Эмиссии, осуществлявшиеся без контроля центральной власти, способствовали интенсивной порче монеты. Денарий, который в X—XI вв. в основном выполнял функцию международных денег, в XII—XIII вв. превратился в региональную монету.

Франция. При Капетингах вплоть до 1266 г. главными монетами Франции оставались денарии (денье). Сначала они чеканились из полноценного серебра, затем из низкопробного, а начиная с XII в. только из биллона. Вес денария Гуго Капета (987—996) составлял 1,2—1,3 г при содержании в нем чистого серебра около 1 г. Коронные денарии и оболы имели за пределами королевского домена весьма ограниченное хождение. По мере того как Капетинги присоединяли к нему новые земли, область обращения таких монет становилась все шире. Несмотря на это, королевские денарии и оболы сохраняли характер местной, домениальной монеты. В феодальных владениях собственные денарии выпускались с X в. Сначала на них присутствовали имена сеньоров, но с конца X в. чеканка стала анонимной. На безымянных монетах в состав легенд входят только титулы правителей или заставшие формулы каролингской эпохи и названия монетных дворов.

В XI—первой половине XII в. сеньориальные денарии в основном анонимны. Исключение составляют монеты некоторых церковных фьефов (Реймса, Мо, Лана), с середины XI в. выпускавшиеся с именами епископов. Отношения между королем и церковью были построены на взаимной поддержке, которая позволяла им с большим или меньшим успехом противостоять феодальной анархии. пожалование права чеканки было одним из способов завоевать расположение духовенства. В светских сеньориях эмиссии подписных монет возобновились во второй половине XII — первой половине XIII в.

Добившись монетного права или узурпировав его, многие феодальные владельцы маскировали свои денарии под королевскую монету, при этом в качестве прототипа выбирался не денарий здравствующего короля, а монета какого-нибудь давно умершего Каролинга. В одних случаях сеньориальные денарии тщательно копировали оригинал, воспроизводя даже легенду с именем короля, в других — несли на себе ярко выраженные следы деградации. Искажение монетного типа шло по линии схематизации изображения с параллельным расчленением его на элементы. Подобные же изменения претерпевали монограммы. Легенды при этом превращались в набор литерообразных знаков и становились нечитаемыми. Монетный тип, который независимо от степени его деградации восходит к единому образцу и, несмотря на смену правителей, не уступает места новому типу, называется неподвижным. На основе сеньориальных денариев тоже создавались такие типы. В частности, Жоффруа II Анжуйский (1040—1060) присвоил монограмму своего предшественника Фулька III Нерра, а Конан II Бретонский (1062—1066) — Герберта, графа дю Мэн (1015—1036).

Практика использования королевского или первоначального сеньориального монетного типа отнюдь не исключала оригинального оформления феодального денария. Иногда творческая смелость авторов приобретала совершенно неожиданные воплощения. Так, во второй половине XII—XIII в. графы де Сансерр чеканили монету с погрудным профильным портретом Юлия Цезаря и легендой IVLIVS CESAR на лицевой стороне. На обороте помещался крест и круговая надпись SACRVM CESARIS (рис. 53).

Крест или заменяющая его крестообразная фигура непременно присутствуют на всех ранних французских монетах. Изображения человеческой головы встречаются редко, зато такие элементы оформления, как храм, городские ворота, альфа и омега, монограмма Карла Великого, надпись REX, опоясанная круговой легендой, христограмма, надпись FRANCO в одну или две строки, отдельные буквы в поле монеты, вполне для них обычны. Стилистически французские денарии следовали каролингской традиции.

На коронных монетах первых Капетингов обязательно указывалось название денежного двора. Гуго Капет чеканил свои денарии в Париже, Сен-Дени и Санлисе. Каждый последующий король в дополнение к старым монетным мастерским открывал новые. Со временем коронные денарии стали выпускать Орлеан, Монтрей-скр-Мер, Санс, Этамп, Понтуаэ, Шато-Ландон, Дрё, Бурж, Компьен и т. д. С середины XI в. королевские денье чеканились из расчета 240 штук на парижскую марку серебра, составлявшую 244,7529 г.

При Филиппе II Августе (1180—1223), которому удалось значительно расширить домен Капетингов, открылись королевские монетные дворы в Бретани (Генган, Ренн) и ряде других областей Франции. Особую роль было предназначено сыграть продук-

ции денежной мастерской г. Тура, начавшей после 1205 г. выпускать низкопробные денарии весом около 1,16 г с характерным схематизированным изображением «турского замка» (рис. 54). Денье турнуа стал образцом для монет некоторых основанных крестоносцами государств. Во Франции последние денарии турского типа были выпущены Людовиком XIV в 1648—1649 гг.

При Филиппе II Августе авторитет королевских монет укрепился. Денарии парижского типа с надписью FRANCO подчинили себе север Франции и некоторые центральные области, а денье турнуа — земли по среднему и частично нижнему течению Луары. При Людовике VIII (1223—1226) названия мест чеканки исчезают с монет, вместо них помещается надпись: «денарий (обол) парижский» или «денарий (обол) турский». При Людовике IX Святом (1226—1270) в результате проведенной им реформы коронные монеты получили право хождения по всей территории Франции. Принцип, законодательно установленный этим королем в 1262 г., гласил: «Монеты каждого сеньора обращаются только в его владениях. Монеты короля имеют хождение по всему королевству».

На территории севернее Луары, подвластной Блуа-Шартрскому дому, с середины X в. утвердился один из наиболее курьезных типов сеньориальной монеты. В литературе он известен как шинонский тип, или «блуа-шартрская голова» (рис. 55). Изображение этой головы, распавшееся на отдельные элементы, восходит к прототипу в виде обращенного вправо профиля правителя (рис. 56). В большинстве случаев узнать ее невозможно даже при самом богатом воображении. Монеты такого типа чеканились до середины XIII в.

В Нормандии выпуск сеньориальной монеты был начат, по всей видимости, герцогом Вильгельмом по прозвищу Длинный Меч (927—942). Наибольшего могущества правящий дом достиг при его сыне и наследнике Ришаре I (942—996). В качестве основной монеты в герцогстве ходил денарий с грубым схематичным изображением такого же храма с треугольным фронтоном, как на каролингских монетах типа XPISTIANA RELIGIO. На ранних нормандских денариях еще можно прочесть имя Ришара (рис. 57). На протяжении полутора веков изображение храма или расчленялось на отдельные детали, которые затем собирались вместе в неожиданных сочетаниях, или заменялось изображением фронтона. Легенды искажались до такой степени, что становились нечитаемыми. В XII в. чеканились монеты с двумя, тремя или четырьмя фронтонами вместо храма (рис. 58).

На юге Франции, на территории графства Тулузского, в XII—XIII вв. широко обращался денарий, который получил название «раймондин» от распространенного у графов Тулузских имени Раймонд. На лицевых сторонах таких монет изображались звезда и полумесяц, окруженные легендой с именем и титулом графа Раймонда (рис. 59). С какого из них начался выпуск денариев этого образца, не установлено. Там же на юге, в регионе,

центром которого являлась Нарбонна, ходила монета другого неподвижного типа, так называемый «денарий графов Мельгейля» (рис. 60). В виконтстве Беарн, расположенном в предгорьях Пиренеев, с конца XI до самого конца XIII в. чеканилась монета от имени графа Сентулля. В центре ее лицевой стороны помещалась надпись: PAX.

Как коронные, так и сеньориальные монеты подвергались порче. Единая для всех монетных дворов регламентация денежного производства отсутствовала. Расхождения в весе и пробе денариев становились все заметнее. В связи с этим на местных рынках стихийно устанавливалась их курсовая стоимость. Бывали случаи, когда за более качественный денарий мастерской, продукция которой снискала себе авторитет, давали два или четыре низкопробных денария другого монетного двора. Со второй половины XIII в. роль денег как основы денежного обращения начала стремительно падать.

Порча монеты. Закон, согласно которому «хорошие деньги всегда вытесняются плохими», был открыт в XVI в. и называется законом Коперника-Грешема. Суть его состоит в том, что из числа монет одного и того же номинального достоинства, но различной себестоимости, в обращении остаются неполноценные деньги, а полноценные стихийно изымаются из оборота для последующей реализации разницы между ними в драгоценном металле. Монеты с большим его содержанием либо оседают в качестве сокровища, либо попадают в переплавку и превращаются в товарные слитки, либо уходят за границу.

Предпосылки для утечки из обращения полноценных денег создавала неоднократно упоминавшаяся «порча монеты». Это понятие включает в себя уменьшение ее веса или пробы, а зачастую и того и другого вместе. На денежных дворах монету портили совершенно сознательно, с тем чтобы извлечь дополнительный доход из чеканки (сеньораж). В этом случае ухудшали монетную стопу, т. е. из установленной весовой марки или фунта металла чеканили больше экземпляров, чем было предписано монетным уставом.

Понижение веса мастера-денежники камуфлировали тем, что сохраняли привычную ширину денария или же для большей убедительности увеличивали ее. Монета становилась шире за счет уменьшения толщины заготовки. Свое крайнее воплощение эта тенденция нашла в германских «широких» брактеатах конца XII — начала XIII в. Подробнее о таких монетах будет говориться впереди. Пока же достаточно сказать, что толщина тюрингских брактеатов относится к их диаметру как 1:1000, в то время как соотношение тех же величин у обычного денария составляет 1:20, в крайнем случае — 1:50.

Понижение пробы при соблюдении заданного среднего веса монеты достигалось с помощью частичной подмены доли драго-

ценного металла лигатурой. Примером денариев, испорченных в результате последовательного ухудшения их качества, могут служить почти лишенные серебра «черные пфенниги», которые чеканились в Баварии в XIV—XVI вв. и в Австрии с середины XIV до середины XV в.

Порчу денариев в процессе обращения влекла за собой так называемая зейгеровка. Этим термином обозначают выявление злонамеренными лицами самых тяжелых монет, изъятие их из оборота и последующую переплавку с целью наживы. Иногда зейгеровщики не переливали монеты, а только обрезали их до нижнего предела весовой нормы. Обрезки они отправляли в переплавку, а испорченные монеты снова пускали в оборот.

Причиной заметного расхождения в весе между отдельными денариями являлась чеканка *al magro*. При этом способе после юстировки⁵ вес всех полученных заготовок должен был совпасть с фунтом или маркой металла, отпущенного на их изготовление. При чеканке *al pezzo*, когда проверялся вес каждого монетного кружка, возможность зейгеровки практически исключалась. Для борьбы с переплавкой тяжелых монет государство принимало самые решительные меры, даже такие курьезные, как запрещение иметь в хозяйстве весы. Нарушители преследовались законом. Особенно строго наказывались те, у кого находили зейгеровочные ящики с прорезями, в которых при просеивании застревали крупные монеты.

Порчей монеты занимались короли, многочисленные светские и духовные феодалы, некоторые города, арендаторы монетных дворов, держатели незаконных денежных мастерских, фальшивомонетчики и зейгеровщики. В значительной степени этому способствовала децентрализация денежных дворов, сопровождавшая феодальную раздробленность, а также междоусобные войны, не говоря уже о междоусударственных конфликтах. За счет порчи монеты покрывались огромные расходы на содержание двора, наемных армий и ведение войны. На этом поприще особенно прославился французский король Филипп IV Красивый (1285—1314), получивший прозвище «Фальшивомонетчик».

Порча монеты приводила к расстройству денежных систем, отрицательно влияла на хозяйственную жизнь, препятствовала развитию внутренней и внешней торговли. Бесконтрольные эмиссии неполноценных денег сопровождались ростом дороговизны, способствовали имущественному расслоению и дальнейшему ухудшению материального положения низших слоев общества. В известной степени они задевали интересы мелких и средних феодалов.

В то же время вызывающая порча монеты, осуществлявшаяся вассалами и арендаторами денежных дворов, законодательно преследовалась верховной властью. Наряду с фальшивомонетчиками

⁵ Юстировка (от лат. *justus* — правильный) — подгонка веса монетной заготовки к допускаемой норме.

и владельцами подпольных монетных мастерских они подвергались жестоким наказаниям вплоть до смертной казни.

Принимались и другие меры, направленные на поддержание относительной стабильности денежной системы. Формально одним из средств борьбы с порчей считалась реновация (передел) монеты, получившая широкое распространение в XII—XIV вв. Раз в несколько лет, ежегодно или несколько раз в год старая монета в обязательном порядке обменивалась на новую, которая отличалась от предшествующей или по типу, или какими-либо деталями оформления. Как правило, за 12 старых денариев давали 9 новых. Поскольку по мере приближения очередного обмена покупательная способность монеты падала, новые денарии стремились приспособить к ней искусственно. Достигалось это опять же за счет порчи монеты. Справедливости ради нужно сказать, что, когда назревали кризисные ситуации, испорченные денарии обменивались на денарии более высокого качества. Потеря дохода от чеканки неполноценной монеты возмещалась с помощью чрезвычайных налогов. Общей тенденции порчи эти частные случаи не противоречили.

Реновации ощутимо били по бюргерскому карману. В 1369 г., вознамерившись стабилизировать денарий, несколько немецких городов, в том числе Берлин, Бранденбург, Кельн, Стендаль, купили у маркграфов Бранденбургских разрешение чеканить «вечный» пфенниг, который не подлежал реновациям. Однако этот проект был заранее обречен на провал. В соответствии с законом Коперника-Грешема «вечный» пфенниг вскоре уступил место низкопробной монете.

Монетные союзы, которые начали возникать с середины XIII в., тоже ставили своей целью введение единой стопы и контроля за ней, т. е. в конечном счете были призваны противодействовать порче монеты. Особенно часто они заключались в конце XIV в. В 1386 г. было подписано соглашение о создании Союза рейнских курфюрстов, в 1387 г. — Эльзасского монетного союза, в 1392 — Любекского союза, в 1396 — Союза князей и городов Швабии и Франконского монетного союза.

В 1399 г. на землях Рейнского союза был введен «пробационный день», на который назначалась всесторонняя проверка качества монеты. В XVI в. такая практика распространилась на все имперские округа Германии. Начиная с XIII в. официальное понижение номинала обычно удостоверялось контрамаркой. Она наносилась на поверхность монеты миниатюрным штемпелем с изображением геральдических символов, букв или цифр. Такая операция называлась надчеканкой. Однако все названные меры, в известной степени замедляя порчу монеты, были не в силах остановить этот процесс, на смену которому при капитализме пришла инфляция.

Брактеаты. Одним из результатов порчи денария было появление в Германии в начале 30-х гг. XII в. монеты необычного с

сегодняшней точки зрения облика. Много позже, в XVII в., ее стали называть «брактеатом». В документах XII—XIV вв., современных этой монете, она именовалась так же, как и привычный денарий, т. е. денариусом, нуммусом, пфеннигом и т. д. В основу нового термина легло трактованное слишком прямолинейно латинское прилагательное *bracteatus*, образованное от существительного *bractea* (тонкая металлическая пластинка). В древних текстах этому прилагательному придавалось несколько иное значение (покрытый тонким слоем листового золота, золотистый).

Брактеат представляет собой тончайшую серебряную пластинку с изображением, выдавленным одним штемпелем (рис. 61). «Читается» оно с лицевой стороны, а на обороте пропечатано его негативное отражение. Вес такой монеты колеблется от 1 до 0,11 г. Максимальный ее диаметр достигает 45—51 мм, минимальный — 12 мм. Первые брактеаты имели обычный для денариев размер. Широкие брактеаты выпускались в основном в конце XII — первой половине XIII в., малые приходятся на более поздний период (рис. 62). Чтобы подобная монета приобрела жесткость, способную держать форму, изображение на ней должно было иметь достаточно высокий рельеф. Прежде всего для этого требовался соответствующий штемпель, но он мог легко повредить заготовку. Во избежание брака во время чеканки под кружок серебряной фольги подкладывалась какая-нибудь податливая основа: свинец, олово, войлок или кожа. Если штемпель имел низкий рельеф, а заготовка была чересчур истончена, монета быстро теряла форму. На рубеже XIII—XIV вв. такие «мятые» брактеаты в большом количестве выпускались в Мейсене.

Технология изготовления брактеатов имела тенденцию к упрощению. Сначала с их лица исчезли надписи. Подобные монеты принято называть анэпиграфными, или немymi. В первую очередь «рационализация» коснулась брактеатов с однозначными символическими фигурами и геральдическими элементами, принадлежность которых была широко известна в регионе, охваченном продукцией денежного двора. Так, иконографическое изображение святого Стефана указывало на то, что монета отчеканена в епископстве Хальберштадтском, поскольку этот святой был его основателем и патроном. Присутствие на брактеатах орла или турнирного шлема свидетельствовало об их бранденбургском происхождении. На смену изысканным композициям пришли незамысловатые рисунки. Крайней степени деградация брактеатов достигла, когда их начали чеканить «пачками», т. е. когда под штемпель стали подкладывать сразу несколько заготовок.

В XII в. в Германии функция международных денег постепенно перешла от подверженных порче денариев к серебряным слиткам, стандарт которых специально оговаривался торговыми партнерами. В то же время рост товарооборота между феодальным городом и селом требовал увеличения количества ходячей монеты. При отсутствии на внутреннем рынке разменных номиналов

их роль взяли на себя трансформировавшиеся в брактеаты или просто ухудшенные денарии и оболы.

Начался процесс стихийной дифференциации германской денежной системы, которая на протяжении веков опиралась на единственный номинал — денарий. Этому процессу способствовала неизбежная в условиях феодальной раздробленности децентрализация чеканки. На внутреннем рынке теперь одновременно обращались пфенниги самой разной курсовой стоимости. Разобраться в них без знания конъюнктуры было чрезвычайно сложно. Отныне непеременимыми посредниками в финансовых операциях сделались менялы, которые, как правило, одновременно выступали в роли ростовщиков.

В соответствии с требованиями рынка объем монетного производства в XII в. увеличился в несколько раз. Открылось множество новых денежных дворов и резко возросла интенсивность чеканки. Загруженность монетных мастерских в значительной степени обеспечивалась за счет утвердившейся в это время практики переделов (реноваций) монеты, которые обычно приурочивались к открытию ярмарок.

Более всего для таких случаев подходили брактеаты. Простота и быстрота их изготовления, недолговечность этих монет, отсутствие прокламативных претензий говорят о том, что они выпускались с расчетом на короткий срок обращения в пределах местного рынка.

Наибольшее распространение брактеаты получили в Германии, однако и здесь их чеканка не была повсеместной и в разных ее областях осуществлялась неравномерно. Но даже там, где эти монеты штамповались в больших количествах, они обращались наряду с традиционными денариями и оболами. По примеру Германии брактеаты выпускали также в Польше, Чехии, Дании, Норвегии, Швеции и Венгрии. Время их интенсивной чеканки приходится на XII—XIV вв. Выпускались они и позже, однако эти эмиссии следует уже рассматривать как частные случаи. Последние брактеаты были отчеканены в 1718 г. ганноверским королем Георгом I (1714—1727).

Промежуточную форму между двусторонним денарием и брактеатом являет собой так называемый тонкий пфенниг, или полубрактеат. Впервые подобные монеты, если не считать полубрактеатов города Хедебу на Ютландском полуострове, появились в Бранденбурге, Брауншвейге и Ганновере в конце XI в., когда денарии, сохранив прежний размер, значительно потеряли в весе. В результате изображения аверса и реверса стали проступать на противоположных сторонах, искажая тем самым друг друга. Позже полубрактеаты получили широкое распространение в Баварии и прирейнской части Франконии.

Третий период средневековой монетной чеканки в Европе, или период господства феодального денария, продолжался с X до середины XIII в. В течение этого времени вес денария падал, а качество ухудшалось. Во многих странах монетное право

было приобретено или узурпировано сеньорами, вследствие чего произошло распыление чеканки. Организация монетного дела отражала степень децентрализации государственной власти.

Наибольшего размаха денежное обращение достигло в XI в. Денарии перемещались по континенту, преодолевая огромные расстояния. Свидетельством этого движения остались многочисленные клады. Русь, Восточная Прибалтика, Польша, Швеция с островом Готланд, Дания, Норвегия и Финляндия поглощали огромное количество иностранных монет, навечно выводя их из обращения. В Чехии, Венгрии, Италии, Германии, Франции и Англии чужие монеты практически не обращались. Чехия и Германия в них не нуждались, так как обладали природными ресурсами серебра. Остальные страны использовали иноземные монеты в качестве сырья для чеканки собственных денариев. Французские деньги, отличавшиеся своей низкопробностью, обращались только на территории королевства, да и то лишь в пределах сеньорий. В лучшем случае они проникали в Северную Италию или приграничные районы Германии. Английские пенни, напротив того, постоянно выплескивались на континент. Наиболее широко обращались германские денарии. Таким образом, в X—XI вв. главными производителями и поставщиками монет были Германия и Англия. Денарии Венгрии, Чехии и Дании тоже вывозились за границу, но в незначительном количестве. В XII в. экспорт монетного серебра резко сократился.

Примерно во второй трети XII в. появились брактеаты. Денарии этой разновидности имели хождение в некоторых областях Германии, а также в Дании, Норвегии, Швеции, Чехии, Польше и Венгрии. Брактеаты представляют собой тупиковую форму развития монеты, поэтому перспектив на будущее они изначально не имели.

* * *

Крестовые походы в ряду прочих факторов объективно способствовали развитию товарно-денежных отношений в самой Европе. Уже в период сборов грандиозные закупки на дорогу и не менее грандиозные распродажи имущества вовлекли в оборот крупные денежные средства.

Походы проложили пути на Восток, по которым в Европу устремились потоки золота, серебра и предметов роскоши. Правда, большая часть денежного металла, награбленного в мусульманских странах, а позднее и в Византии, осела в городах Северной и Средней Италии. Помимо посреднической торговли дополнительный доход этим городам приносили выплаты по кредитам, предоставленным крестоносцам, аренда участниками походов итальянских кораблей, таможенные пошлины на восточные и европейские товары и т. д. Денежные платежи в пользу папской курии, в том числе «денарий св. Петра», превратившийся в некоторых государствах в регулярный налог с недвижимости, тоже оседали на территории Италии. Недаром именно она стала пер-

вой страной Европы, где сформировался средневековый купеческий капитал.

Раннее развитие местного рынка и феодальных городов являлось характерной особенностью Северной и Средней Италии. Начиная с XII в. здешние купцы переориентировались на внешнюю торговлю. Традиционные административные центры раннего средневековья отошли на второй план. На передовые рубежи выдвинулись портовые города — Генуя, Флоренция, Венеция.

Интенсивная внешняя торговля способствовала дальнейшему развитию местного рынка. Происходившая параллельно порча монеты в конце концов превратила денарий в средство обслуживания мелкотоварного оборота. В других государствах Европы этот процесс протекал с отставанием и завершился несколько позже. Функцию международных денег отчасти взяли на себя серебряные слитки и чеканившиеся в некоторых странах золотые номиналы: византийские солиды (безанты), арабские динары, сицилийские августалы и тари, испанские мараведы.

Низкая покупательная способность денариев, рост потребности в ходячей монете стимулировали увеличение объема денежного производства. Это лишь усугубляло кризисную ситуацию, отражением которой являлись высокие цены и соответствовавшие им громоздкие суммы платежей. Обесцененный денарий мешал оперативности сделок. Возникла необходимость в новых денежных единицах, более емких по номинальной стоимости. Острую потребность в таких монетах ощущала как внутренняя, так и внешняя торговля.

Италия. Первым шагом, предпринятым для повышения покупательной способности монеты, была эмиссия 1162 г., которую осуществил император Фридрих I Барбаросса (1152—1190). По его распоряжению вес миланского денария был установлен в 0,82—0,84 г при 660-й пробе. На лицевых сторонах этих монет помещалась крестообразная монограмма IPTR (IMPERATOR), на оборотных — надпись FREDERICVS MEDIOLANIS в три строки. Новый денарий, который получил название «империала», выгодно отличался от монет других итальянских городов. Так, веронский денарий 230-й пробы, выпущенный в 1185 г., весил всего 0,35 г, а современная ему венецианская «скоделла» («мисочка») имела такой же вес и 270-ю пробу. Во многих городах подобные монеты получили название «пикколи». По номинальной стоимости они соответствовали 1/4 французского королевского денье. Более всего денарии-пикколи были приспособлены для мелкой розничной торговли. Миланские империалы довольно быстро завоевали авторитет и стали использоваться в обороте между итальянскими городами, однако в качестве международных денег им утвердиться не удалось.

По примеру Милана крупные торговые центры Италии начали поиск оптимального серебряного номинала. Во всех случаях это были укрупненные (толстые) денарии (лат. *denarii grossi*)

различной кратности. Надо сказать, что в 4, 6, 12 раз и более увеличивался не общий вес денария, а только количество чистого серебра, которое в нем содержалось. Одним из условий чеканки новой монеты была высокая проба, поэтому, например, шестикратный номинал весил значительно меньше, чем шесть низкопробных денариев. В 1172 г. генуэзские власти выпустили гроссо достоинством в четыре местных денария (вес 1,4 г), а в 1217 г. — достоинством в шесть денариев (вес 1,7 г). Обе эти монеты повторяли оформление чеканившегося с 1139 г. денария, характерной особенностью которого была неподвижность типа. На лицевой его стороне помещались крест и легенда CVNRADVS REX, на оборотной — стилизованное изображение городских ворот и надпись IANVA. Имя Конрада III (1138—1152), пожаловавшего Генуе в 1138 г. монетное право, сохранялось на ее монетах вплоть до 1638 г. (рис. 63).

Во Флоренции монета весом 1,75—1,80 г была выпущена в 1182 г. По стоимости она приравнивалась к 12 денариям-пикколи. На лицевой ее стороне изображен цветок — городской герб, на оборотной — покровитель Флоренции св. Иоанн Креститель. Цветок (лат. *flos*, ит. *fiore*) дал монете название «флорин» (ит. *fiorino*). В первой половине XIII в. 12-кратные денарии-гроссо появились в Сиене, Пизе, Лукке — городах, образовавших во главе с Флоренцией Тосканскую денежную лигу. В 1296 г. во Флоренции начали чеканить гроссо 958-й пробы, равный уже 24 пикколи. Весил он 2,5—2,7 г. В дальнейшем вес и проба флорентийского гроссо неоднократно менялись, качество монеты становилось все хуже.

В Венеции гроссо (матапан) был выпущен при доже Энрико Дандоло (1192—1205), вероятнее всего, в 1202 г. Новая монета стоила 24 венецианских пикколи, или 12 имперских денариев. Общий ее вес составлял примерно 2,18 г. На лицевых сторонах матапанов, оформленных в византийских традициях, изображались стоящие фигуры дожа и святого Марка, разделенные древком с герцогским вымпелом, на оборотных — Иисус Христос на престоле (рис. 64). Эта первая в Италии монета, которую можно отнести к типу гроша безо всяких натяжек, стала первой итальянской монетой, получившей признание в международной торговле.

Венецианские гроссо первых выпусков имели 962-ю пробу. Сохранение качества монеты было одной из важных забот республики. Строжайшие меры, вплоть до юстировки каждого гроссо перед вывозом за пределы Венеции, позволяли поддерживать стабильность матапанов до 1328 г., когда их проба была заметно снижена. Косвенным подтверждением высокого качества гроссо служит соотношение стоимости этих монет и подверженных порче пикколи в разные годы. Уже в ближайшие после начала чеканки месяцы оно составляло 26:1, в 1274 г. — 28:1, в 1282 г. — 32:1, а в середине XIV в. — 48:1.

Матапаны, которые играли важную роль в торговле Венеции с Востоком, Византией и Балканами, охотно принимались насс-

лением этих регионов. Венецианские монеты часто встречаются вкладах Югославии, Болгарии, Греции. Свидетельством их популярности являются подражания, чеканившиеся в Сербии, Болгарии, Византии, на острове Хиос и в самой Италии. В торговле с европейскими странами матапаны занимали несравненно меньшее место.

Поиски новых емких номиналов не ограничивались производством тяжелых денариев типа гроссо. Запасы золота германского, азиатского и африканского происхождения, сосредоточившиеся в богатых торговых городах Италии, позволили им приступить к чеканке монеты из этого металла. В 1252 г. в Генуе был выпущен золотой номинал весом 3,52 г, получивший название «дже-новино». По типу он следовал оформлению местных денариев и гроссо, т. е. имел изображение креста и городских ворот.

В том же 1252 г. началась чеканка золотых монет во Флоренции. Они отличались очень высокой пробой и весили 3,53 г. Эти монеты копировали оформление флорентийских серебряных номиналов (цветок и Иоанн Креститель). Обиходное название «флорин», относившееся к гроссо, отное стало связываться с золотой монетой. Флорин быстро распространился по Европе. С XIV в. в ряде стран, в том числе в Германии и Нидерландах, по его образцу стали чеканиться вольные подражания, на которых помещалось изображение Иоанна Крестителя либо местного святого патрона (или правителя), а цветок чаще всего заменялся собственным гербом (рис. 65). Немцы и голландцы называли такие монеты гульденами (нем. Gulden — золотой). Во Флоренции тип флорина без существенных изменений продержался до 1533 г.

Весной 1285 г. золотую монету начали выпускать венецианцы. Ее средний вес сначала достигал 3,56 г, но вскоре он был снижен до нормы флорина. На лицевой стороне монеты помещались круговая легенда с именем правителя и коленопреклоненная перед святым Марком фигура, персонифицирующая дожа; на оборотной стороне изображался Христос в мандорле (овальном нимбе), сопровождаемый звездочками с внутренней стороны. Христа окружает легенда: SIT T. XPE. DAT. Q. TV. REGIS. ISTE DVCAT (Sit tibi Christe datus, quem tu regis iste ducatus — Да будет твоим, Христос, это герцогство, коим ты правишь). Последнее слово легенды DVCAT дало монете сначала простонародное, а потом официальное название. С XVI в. дукат стал именоваться цехином (от ит. zessa — монетный двор).

Эта монета снискала себе заслуженный авторитет как на Востоке, так и на Западе. На протяжении пяти веков ее вес и проба практически не менялись. Столь же постоянным было и внешнее оформление дукатов (рис. 66). Чеканка этих монет продолжалась до конца Венецианской республики, т. е. до 1797 г.

С XV в. во многих странах Европы дукат стал синонимом флорина. В Венгрии и Чехии, где флорины выпускались с 1325 г., это произошло намного раньше. В 1559 г. император Фердинанд I

(1556—1564) вместо гульдена утвердил главной монетой Священной Римской империи дукат весом 3,49 г. В Голландии чеканка дукатов началась с 1586 г.

Франция. Во Франции грош появился в результате уже упоминавшейся денежной реформы, осуществленной в 1266 г. Людовиком IX Святым (1226—1270). Новая монета приравнивалась к 12 турецким денариям. Она получила название гро турнуа, или турецкого гроша (рис. 67). Из марки серебра 958-й пробы чеканилось 58 таких монет весом около 4,22 г каждая. В центральной своей части грош повторял оформление турецкого денария. На лицевой стороне вокруг креста помещались надписи: внутренняя — с именем короля и внешняя — BENEDICTVM SIT NOMEN DOMINI NOSTRI DEI IESU CHRISTV (Да будет благословенно имя господина бога нашего, Иисуса Христа). На оборотной стороне изображался «турский замок», окруженный легендой TVRONVS CIVIS, в свою очередь обрамленной орнаментальным поясом из 12 лилий в арочках — соответственно количеству денариев, составляющих грош. Таким образом, лилии не только указывали на королевскую эмиссию, но и обозначали номинальную стоимость. По сути дела, новая монета являлась материальным воплощением солида, который до сих пор существовал только как счетно-весовая единица.

Турский грош получил признание не только во Франции, но и за границей. В Германии, Нидерландах и Лотарингии появились монеты, полностью повторявшие его тип или подражавшие ему. В Кельне и других городах Рейнской области турецкий грош под названием «турноза» был принят в качестве договорной денежной единицы, которая нашла отражение в документах, предусматривавших крупные платежи.

Примерно в одно время с турецким грошем, т. е. около 1266 г., во Франции началась чеканка золотых денег (эку) весом около 4,2 г. На лицевых сторонах этих монет помещался гербовый щит с тремя лилиями, а на оборотных — цветочный крест, сопровождаемый легендой XPC VINCIT, XPC REGNAT, XPC IMPERAT (Христос побеждает, Христос правит, Христос царствует).

При Филиппе IV (1285—1314), прозванном Фальшивомонетчиком, содержание серебра в денариях начало резко снижаться. К началу XIV в. стоимость гро турнуа выросла до 42,5 денег. В 1306 г. Филипп IV был вынужден выпустить денарии такой же пробы и веса, как при Людовике IX, а собственную монету уценить в три раза. Официальный курс турецкого гроша упал до 15 и 1/8 денег.

Если первые французские золотые монеты были тяжелее флоринов, то после 1290 г. их вес практически сравнялся. Выпускавшиеся в это время руайальдоры с изображением короля, сидящего или стоящего под готическим сводом, весили 3,54 г. Анало-

гичные монеты двойного веса назывались массдорами (*masse-жесл*). В 1303 г. Филипп IV начал чеканку шездора (*chaise-трон*), золотой монеты похожего типа весом около 7 г (рис. 68). С 1311 г. выпускались мутоны, или мутондоры (вес около 4 г), названные так по изображению агнца (рис. 69). Кроме упомянутых чеканились и другие золотые монеты, которые отличались друг от друга по типу и по весу (курондоры, павийондоры, флорины св. Георгия, экю со шлемом и т. д.).

По инициативе Филиппа V (1316—1322) с 1318 г. гро турнуа стал чеканиться по стопе 59 и 1/6 штуки из марки серебра. Эта мера несколько пошатнула положение монеты. В 1329 г. Филипп VI (1326—1350), округлив итоговую цифру, изменил норму выхода грошей на марку до 60 штук.

В 1337 г. началась Столетняя война с англичанами. Гро турнуа и парижский грош (с короной и 15 лилиями), который чеканился по повелению Филиппа VI, были потеснены разнообразными модификациями этих номиналов, отличавшимися от них по оформлению и по содержанию серебра (гро с короной, «хвостатый» гро и т. д.). Эмиссии таких монет, сознательно подвергавшихся интенсивной порче, были предназначены покрыть расходы на войну. Из этих же соображений Иоанн II Добрый (1350—1364) низвел монетное серебро до состояния биллона. Отбеленные гроши, которые он чеканил из этого сплава, назывались белыми.

В 1365 г. Карл V (1364—1380) понизил стопу до 96 гро турнуа на марку серебра. Теперь грош весил 2,55 г и равнялся 15 турским денариям. На рубеже XIV—XV вв. гро турнуа уступил место другим монетам типа гроша.

Золотая монета весом 3,88 г, название которой «франк» благополучно дожило до наших дней, была отчеканена в 1360 г. для выкупа из плена Иоанна II Доброго. На лицевой ее стороне изображен король в рыцарском облачении и короне, скачущий на коне с мечом в руке, на оборотной — крест (рис. 70). Надпись *FRANCORVM REX* в сочетании с изображением всадника дала монете название «конный франк» (*franc à cheval*). «Конный франк» чеканился также при Карле V и Карле VII (1422—1461). Кроме того, Карл V выпускал золотую монету, именовавшуюся «пешим франком» (*franc à pied*), весом 3,82 г. Оба франка по стоимости приравнивались к ливру, или 20 су (солям, солидам).

Перечень типов французских золотых монет далеко не исчерпывается на этом. Особенностью многочисленных экю, анждоров, лиондоров, флоринов, салю и прочих подобных номиналов была подвижность их веса и пробы. Во Франции, как ни в какой другой стране Европы, эти важнейшие характеристики монет являлись индикатором переменчивой экономической и политической конъюнктуры. Разнообразие монетных типов свидетельствует не столько о творческой фантазии резчиков штемпелей, сколько о катаклизмах, пережитых Францией во время Столетней войны (1337—1453).

Чехия. В Чехии начало чеканки грошей было тесно связано с успехами горного дела. В XII в. сюда проникли монахи-рудокопы из Саксонии. В 1143 г. они основали первое на богемской земле цистерцианское аббатство Зедлец. Осваивая монастырские окрестности, иноки обнаружили богатейшие запасы серебряных руд. Около 1276 г. они начали их разработку в местечке Кутна-Гора (Куттенберг). Вместе с Пришибрамом, Йиглавой и другими рудниками Чехии и Моравии это месторождение давало более 1/3 всего европейского серебра. Надежда на обогащение привела сюда рудокопов с Альп, Рудных гор и Гарца, а также простолюдинов из Мейсена, Померании, Силезии, Словакии и самой Чехии. В 1307 г. Кутна-Гора была провозглашена вольным королевским городом горняков и вскоре по своему богатству и числу населения заняла второе место после Праги.

В июле 1300 г. чешский король Вацлав II (1278—1305) выпустил крупную монету по образцу гро турнуа. Отчеканена она была из серебра, добытого в кутногорских рудниках. Мастера для ее изготовления были специально выписаны из Флоренции. На лицевой стороне монеты помещались корона и двойная круговая легенда *WENCEZLAVS SECUNDVS* (во внутреннем поясе), *DEI : GRATIA : REX : BOEMIE* (во внешнем поясе). На обороте изображался шествующий влево двухвостый лев, окруженный легендой *GROSSI : PRAGENSES* (рис. 71). Именно эта надпись дала монете название «пражского гроша», которое многих вводит в заблуждение. Отсутствие в хрониках четких свидетельств породило две точки зрения на происхождение монеты. Ныне большинство нумизматов мира считает ее родиной Кутна-Гору. Им противостоит практически все население Праги, убежденное в том, что «пражский грош» мог чеканиться только в их городе.

Первоначально грош имел 938-ю пробу и весил около 3,7 г. В связи с началом его эмиссии король Вацлав II запретил обращение серебряных слитков, старых денариев и брактеатов. В качестве разменной монеты был выпущен парвус (лат. *parvus denarius pragensis* — малый пражский денарий), равный 1/12 гроша. На лицевой и оборотной его сторонах помещались те же изображения, что и на гроше. Чеканился парвус только до 1327 г., когда ему на смену пришел геллер — денарий специфического облика, впервые появившийся в XII в. в швабском городе Халле и от него получивший свое название (*Häller*). Пажский грош, как и все серебряные монеты средневековья, подвергался порче. В течение столетия его вес уменьшился на один грамм, а содержание серебра снизилось более чем на 40%. В 1547 г. чеканка пражских грошей была прекращена.

Несмотря на постепенное ухудшение качества, эти монеты почти 250 лет оставались признанной валютой во многих странах Центральной и Восточной Европы. Пажские гроши, предварительно снабженные контрамарками, были объявлены законными деньгами в Швабии, Вестфалии, Нижней Саксонии и некоторых других германских государствах. Помимо того они широко обра-

щались в Венгрии, Австрии, Польше и Великом княжестве Литовском; до конца XV в. в их ареал входили украинские, белорусские и русские земли к западу от Москвы.

Германия. В 1338 г., следуя примеру чешского короля Вацлава II, грош (грошен) 938-й пробы весом 3,9 г выпустил марграф Мейсенский Фридрих II (1324—1349). На лицевой стороне новой монеты изображался лилиевидный крест в четырехдужном обрамлении, окруженный легендой с именем и титулом правителя, на оборотной — шествующий влево лев, сопровождаемый круговой надписью: GROSSVS MARCHIONATVS MISNENSIS.

Тип мейсенского гроша оставался неподвижным до 1405 г. Начиная с этого времени, внешний облик монеты изменялся с каждым ухудшением ее качества. В том или ином виде мейсенский грош чеканился до XVI в.

В свою очередь он вдохновил на эмиссии грошей многие немецкие княжества и имперские города. Подобные номиналы стали выпускаться в Гессене, Брауншвейге, Вернигероде, Штольберге, Мансфельде, Эрфурте, Любеке, Гамбурге, Висмаре, Лüneбурге и т. д. В тех случаях, когда такая монета по стоимости приравнивалась к 12 пфенningам, или солиду, она носила название шиллинга. На Нижнем Рейне с середины XIV в. чеканились высокопробные гроши (шиллинги), именовавшиеся альбусами (лат. albus — белый). В то же время некоторые немецкие земли (Мекленбург, Померания) гроша в его первоизданном качестве, т. е. как крупную, «толстую» монету, не знали вообще. С появлением в XVI в. талера обесцененный грош превратился в довольно мелкий разменный номинал, равный сначала 1/21, а примерно с 1570 г. 1/24 части талера. Шиллинг, утратив метрологическую связь с пфенningом, выродился к XVII в. в мелкую биллоновую монету.

Англия. В Англии первую попытку чеканить «золотой пенни», который весил 2,93 г и по стоимости соответствовал 20 серебряным пенни, предпринял еще король Генрих III (1216—1272) в 1257 г. (рис. 72). На лицевой стороне монеты изображался сидящий на троне король, окруженный легендой HENRIC' REX · I · I · I ·, на оборотной — длинный крест с розами в углах и надпись по кругу: WILLELM ON LVNDE, сообщающая имя автора штемпелей — золотых дел мастера Виллема из Глостера — и указывающая на место чеканки — Лондон.

В 1265 г. постановлением парламента стоимость золотого пенни была повышена с 20 до 24 стерлингов и тем самым приравнена к двум шиллингам (солидам), или к 1/10 английского фунта. По ряду причин, одной из которых были колебания рации, вызывавшие отток золотых пенни на континент, попытка Генриха III наладить их регулярную чеканку потерпела крах. В 1267 г. выпуск этих монет был прекращен. Ныне они представляют собой чрез-

вычайную редкость. До наших дней их дошло всего несколько штук.

Первый серебряный грош, или гроут (англ. groat), с изображением на аверсе королевской головы (анфас) в четырехдужной рамке, который стоил 4 пенни, был отчеканен королем Эдуардом I (1272—1307) в 1279 г. одновременно со стерлингом нового образца (типа «длинный крест»). Вес этой монеты, выпускавшейся только на протяжении одного правления, колебался от 5,2 до 8,9 г (рис. 73).

Начало регулярных эмиссий «толстых пенни» связано с именем короля Эдуарда III (1327—1377). В 1351 г. монетные дворы Лондона и Йорка приступили к выпуску гроутов 925-й пробы достоинством в 4 пенни (вес 4,57 г) (рис. 74) и полугроутов, равных двум пенни (вес 2,22 г).

На лицевых сторонах этих монет изображался бюст увенчанного короной безбородого короля (анфас) в девятидужном обрамлении. На реверсах поверх двойной круговой легенды помещался длинный крест с тремя точками в каждом углу. Во внутреннем поясе располагалось название места чеканки, во внешнем — надпись: POSVI DEVM ADIVTOREM MEVM (Избрал я бога помощником своим). Этот монетный тип с небольшими изменениями в оформлении и легендах сохранился до Генриха VII (1485—1509).

В 1504 г. его правление ознаменовалось выпуском первого серебряного шиллинга весом 9,33 г, равного 12 пенни. При Елизавете I (1558—1608) эта монета весила уже 6,22 г. Чеканка шиллингов была прекращена только в 1971 г. в связи с введением десятичной денежной системы. Регулярная эмиссия английских золотых монет тоже началась при Эдуарде III. Первый флорин 995-й пробы весом 6,998 г был отчеканен в 1344 г. по французскому образцу (рис. 75). На лицевой стороне монеты изображен король со скипетром и державой в руках, который сидит на троне, охраняемом львами. Одновременно с флорином были выпущены монеты достоинством в полфлорина (на аверсе — леопард со знаменем на шее) (рис. 76) и четверть флорина (на аверсе — шлем, украшенный фигуркой льва) (рис. 77). Монеты этих типов очень редки, так как впоследствии они больше не выпускались.

В конце 1344 г. на смену флорину пришел более тяжелый нобль (англ. noble — благородный), весивший сначала около 9 г. К 1346 г. вес монеты упал до 8,33 г. В 1350 г. он уже составлял 7,97 г и лишь после 1351 г. стабилизировался на уровне 7,78 г. Наряду с основным номиналом выпускались также его фракции — 1/2 и 1/4 нобля.

Нобль и полунобль (рис. 78) принадлежат к одному типу. На аверсах этих монет изображен корабль, на котором стоит король с мечом и четырехчастным гербовым щитом в руках. На реверсах в восьмидужном обрамлении помещен богато орнаментированный цветочный крест со львами и коронами в углах. Изо-

бражения сопровождаются круговыми легендами, в которых нашли отражение претензии английских королей на французскую корону. Считается, что нобли и полунобли были выпущены в назадания французам, побежденным в морской битве при Слейсе (Эклизе) 22 июля 1340 г. На лицевых сторонах монет достоинством в 1/4 нобля вместо корабля помещен четырехчастный гербовый щит в рамке из дужек, число которых колеблется от 6 до 8 (рис. 79).

В 1465 г. во время войны Алой и Белой розы (1455—1485) Эдуард IV (1461—1470; 1471—1483) выпустил нобль стоимостью 10 шиллингов с изображением розы на борту корабля и штандартом с королевским инициалом на его корме. В центре оборотной стороны монеты крест заменен солнцем с возложенной на него розой. Эта монета получила название «райэла», или «розенобля» (транскрипция, утвердившаяся в отечественной литературе. Правильно «роузноубл»). Вес и проба у него остались теми же, что и у ноблей. Чеканка розеноблей прекратилась при Якове I (1603—1625) примерно в 1619 г.

На континенте нобли и райэлы превратились в объект для подражания. В XIV в. их копировали во Фландрии, в XVI — в Нидерландах, в XVII в. — в Дании. На Руси подобные монеты назывались «корабельниками». При Иване III (1462—1505) даже была сделана попытка начать чеканку подражаний английским ноблям.

Параллельно с розеноблями в Англии выпускались другие золотые номиналы: энджелы (с 1470 г.), соверены (с 1489 г.) и кроны (с 1526 г.). В 1633 г. на смену соверену и кроне пришла гинея, монета из гвинейского золота весом около 8,47 г.

Четвертый период средневековья монетной чеканки, или эпоха гроша и флорина, условно датируется серединой XIII — началом XVI в. Точками отсчета этой эпохи принято считать годы, когда были выпущены первые монеты повышенной стоимости, которые вскоре получили общеевропейское признание, а затем почти повсеместно утвердились в качестве основных денежных единиц. Для золотых номиналов — это 1252 г. — начало чеканки флорентийских флоринов, для грошей — 1266 г. — начало эмиссии турецких гро.

К этому времени обесцененные денарии полностью изжили себя как международные деньги. Одной из форм деградации этих монет являются брактеаты. Крупные платежи требовали емких денежных единиц. Образовавшийся вакуум заполнили флорины, гроши и дукаты. Утверждению новых номиналов в значительной степени способствовали успехи горного дела. С возрождением эмиссий золотых монет в Европе была восстановлена система биметаллизма. Если дукаты поддерживали свою стабильность на более или менее постоянном уровне, то гроши в итоге подверглись жесточайшей порче. С появлением в начале XVI в. талеров они превратились в разменные монеты, а еще позже стали синонимом мелких номиналов.

Тестоны. Во второй половине XV в. грош деградировал настолько, что в очередной раз встал вопрос о введении нового, долготного номинала. В 1472 г. дож Николо Трон (1471—1473) выпустил в Венеции серебряную монету 948-й пробы, которая весила 6,52 г и соответствовала 20 венецианским сольди, или одной счетной либре. На лицевой стороне этой монеты, получившей название «лиры», изображался бюст дожа влево, на оборотной — крылатый лев. Поступок Николо Трона, увековечившего себя на монетах, был воспринят как вызов республике, поэтому в дальнейшем лира (лира Мочениго) чеканилась с традиционными для Венеции изображениями дожа, коленопреклоненного перед святым Марком, и фигуры Христа.

Тем не менее пример был подан. Уже в 1474 г. герцог миланский Галеаццо Мария Сфорца (1466—1484) выпустил монету со своим портретом (рис. 80). Весила она 9,65 г при 960-й пробе и стоила 20 миланских сольди. Такие монеты стали называться «тестонами» (от ит. testa — голова). Через некоторое время их чеканили многие итальянские герцоги. Вскоре к ним присоединились папы. Эти монеты, отличительной чертой которых являются поясной портрет или изображение головы правителя, представляют собой выдающиеся памятники пластического искусства Возрождения. Кроме того, в Милане чеканились двукратные и трехкратные, а в Савойе даже четырехкратные тестоны, полуофициально именовавшиеся «медалями». Страны, куда благодаря торговле регулярно проникали итальянские монеты, приступили к выпуску собственных тестонов, повторявших тип оригиналов. Однако, не успев утвердиться в качестве главных денежных единиц Европы, тестоны вынуждены были уступить свое место качественно новым монетам.

Талеры. В начале XVI в., после того как в Америке начались разработки недавно открытых богатейших месторождений серебра, в Старом Свете, куда оно через порты Испании поступало прямо с рудников, началась «революция цен». Характеризовалась она обесценением денег и резким подорожанием товаров. Причиной этих явлений было невиданное до сих пор падение стоимости серебра, которое по-прежнему оставалось главным монетным металлом. Гроши и тестоны, до сих пор более или менее успешно справлявшиеся со своими рыночными задачами, стали терять покупательную способность. Возникла потребность в новой денежной единице, более весомой в буквальном значении этого слова. В Тироле, Зальцбурге, Саксонии, Берге, Гессене, Бремене, Кёльне, Любеке, Мекленбурге, Вюртемберге, а также на отдельных денежных дворах Италии, Швейцарии (рис. 81) и Венгрии монету талерного достоинства пытались чеканить еще в конце XV — самом начале XVI в. Однако повсеместного распростра-

ния она тогда не получила, поэтому каждый из этих случаев следует рассматривать как событие локального значения.

Родиной талера, которому суждено было сделаться главной монетой мира, стал чешский город Яхимов, или по-немецки Санкт-Иоахимсталль. Серебряными рудниками в его окрестностях владели имперские бароны Шлик, носившие также титул графов Бассано. В 1518 г. по их распоряжению была выпущена большая серебряная монета без даты, приравненная по стоимости к золотому гульдону и потому называвшаяся гульденгрошеном. На одной ее стороне был изображен святой Иоахим, на другой — чешский лев. Весила она около 29 г. По всем характеристикам это была как раз та денежная единица, потребность в которой к моменту ее появления на рынке уже назрела.

В 1524 г. собравшиеся на сейме в Эслингене германские князья и представители городов постановили считать ее образцовой монетой для всей Священной Римской империи. Полностью название этой монеты произносилось по-немецки как «иоахимсталер гульденгрошен» (иоахимсталльский гульденгрош). Вскоре определение «иоахимсталер» проникло в обиход, а через некоторое время от неудобного даже для немцев словосочетания сохранилась только его вторая часть — «талер», впоследствии превратившаяся в обозначение достоинства монеты. Новая монета быстро завоевала Европу, а спустя полстолетия стала основной денежной единицей Испанской Америки. В Голландии талер преобразовался в далдер, в Италии — в таллеро, в Скандинавии — в далер, в англоязычной Северной Америке — в доллар. В России название монеты, будучи образованным от первой половины слова и переименованным на отечественный лад, звучало как «ефимок». В некоторых странах привились собственные наименования, не связанные с первоосновой слова. В Англии талер стал кроной, в Испанских Нидерландах — патагоном и дукатоном, в Испании — песо, в некоторых областях Италии — скудо, а во Франции — серебряным эку. В XVI в. эта монета, под каким бы названием она ни выступала, эпизодически или регулярно чеканилась почти во всех европейских странах. Позже других, только в 1641 г., ее начал выпускать французский король Людовик XIII (1610—1643).

С появлением талеров начала развиваться техника чеканки. На протяжении веков в этой области не происходило никаких сдвигов, поэтому до конца XV — начала XVI в. монеты изготавливались примитивным ручным способом. Единственными «техническими средствами», применявшимися в денежных мастерских, были молоток и пара штемпелей. Нижний штемпель неподвижно крепился к специальной наковальне, а верхний вырезался на торце цилиндрического стержня. Чеканя монеты, мастер был вынужден придерживать его рукой. Если требовалось обеспечить постоянное соотношение лицевых и оборотных сторон, штемпеля соединялись друг с другом наподобие шипцов. Для массовой чеканки талеров ручной способ не годился. В производство начал внедряться молотовый снаряд (механический молот), падавший на

монетный кружок со значительной высоты и поэтому обладавший большой ударной силой. Цаны (полосы денежного металла), из которых потом вырезались заготовки, обрабатывали теперь не вручную, а на плющильном станке. На технику чеканки обратили внимание ученые. В 1514 г. Леонардо да Винчи сконструировал пресс для вырубки монетных кружков и усовершенствовал механический молот.

Около 1550 г. в Халле (Тироль) был изобретен вальцовочный станок. Штемпеля вырезали прямо на его барабанах или закрепляли в специально предусмотренных для этого гнездах. Сплюсненные цаны прокатывались между вальцами целиком, а уже потом из них вырубали монеты. Получались они несколько деформированными. Несмотря на этот и ряд других недостатков, вальцовка довольно долго применялась на некоторых монетных дворах Южной Германии (в Вене, Халле, Зальцбурге и др.). Наиболее совершенный станок для чеканки монет — винтовой пресс (балансир) — начал работать в Аугсбурге в середине XVI в.

В 1576 г. на французских серебряных пьефорах (франц. *piefort* — кратная монета на толстом кружке) впервые появилась рельефная гуртовая надпись. Ее наносили на ребро монеты (гурт) с помощью разъемного кольца, вставлявшегося в круглую рамку. В такое кольцо, на внутренней стороне которого было выгравировано зеркальное изображение надписи, заготовка заключалась перед тем, как попасть между штемпелями. После сжатия под прессом монету от него освобождали. Сначала снимали рамку, затем разбирали само кольцо. Гораздо чаще гурт украшался узорчатым орнаментом или просто насечкой. Такое оформление имело сугубо практическое назначение — препятствовать обрезанию и подделке монет. Технические новшества отнюдь не отменили ручную чеканку. На многих монетных дворах Европы она сохранялась вплоть до конца XVIII в.

Развитие внутреннего и местного рынков, дифференциация товарных потоков возродили медную монету. В XV в. она была введена в обращение в Португалии, Италии и Нидерландах. В 1575 г. началась ее чеканка во Франции, в конце XVI в. — в Англии, а в 20-х гг. XVII в. — в Швеции. В Германии, если не считать Вестфалии, где медная монета появилась в XVI в., к ее регулярным эмиссиям приступили только в XVIII в. В новое время такая монета станет обязательным элементом денежных систем.

Пятый период европейской монетной чеканки, или период талера, начался в XVI в. и закончился уже в новое время. Предтечей талера выступил тестон. Впервые эта монета была отчеканена в 70-х гг. XV в. в Италии. Главной причиной ее появления была прогрессирующая порча основной денежной единицы Европы — гроша.

Закрепиться тестону в качестве главной денежной единицы помешала «революция цен», начавшаяся из-за наплыва в Европу дешевого американского серебра. Покупательная способность де-

нег резко упала. Спас положение талер, вес которого на протяжении веков колебался между 23,5 и 33,5 г. Эта монета легла в основу многочисленных денежных систем позднего средневековья. Их характерными чертами были «многоярусность» и сосуществование различных систем счета. В XVI, XVII и отчасти XVIII в. чеканилось множество разменных номиналов, в том числе медных. Все это порождало чудовищную неразбериху и тормозило развитие товарно-денежных отношений. В связи с ростом внешне-торгового оборота выросла потребность в монете, способной выполнять функцию международных денег. Золотые монеты, которых было сравнительно мало, сами по себе с этой задачей справиться не могли. Основная нагрузка легла на талеры, которые наряду с золотой валютой стали признанными мировыми деньгами.

С победой абсолютизма возникли предпосылки для создания унифицированных денежных систем на добротной талерной основе. Ранее всего это произошло в централизованных государствах Европы. В Священной Римской империи региональные монеты сохранились до ее падения, а в Германии — вплоть до первой мировой войны (1914—1918).

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. I. Деньги в феодальном хозяйстве. Л., 1948.

Потин В. М. Введение в нумизматику//Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXVI. Л., 1986. С. 69—161.

Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Минск, 1977.

Слепова Т. И. Развитие монетной чеканки Северной Италии в XII—XIV вв.//Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л., 1982. С. 100—129.

Соболева Н. А. Обращение пражского гроша в Центральной Европе//Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 70—87.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты — свидетели прошлого. М., 1985.

Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1982.

Bloch M. Esquisse d'une histoire monétaire de l'Europe. Paris, 1954.

Cippola C. M. Money, Prices and Civilisation in the Mediterranean World from the 5th to the 17th century. Princeton, 1956.

Dannenberg H. Die deutschen Münzen des sächsischen und fränkischen Kaiserzeit. Berlin, 1876—1905. 4 Bde.

Engel A., Serrure R. Traité de numismatique du Moyen Age. T. 1—3. Paris, 1891—1905.

Engel A., Serrure R. Traité de numismatique moderne et contemporaine. Paris, 1897. Part I (XVI—XVIII s.).

Fornia E. Histoire monétaire de l'occident médiéval. Paris, 1970.

Friedenburg F. Die Symbolik der Mittelaltermünzen. Berlin, 1913—1922. 2 Bde.

Die Geschichte des Geldes auf dem Territorium der Tschechoslowakei. Prag, 1983.

Grierson P. Money and coinage under Charlemagne//Karl der Grosse. Düsseldorf, 1965. Bd 2. S. 501—536.

Grierson P. Numismatics. Cambridge, 1975.

Grierson P. Monnaies du Moyen Age. Fribourg, 1976.

Grierson P., Blackburn M. Medieval European Coinage. Vol. 1. The early Middle Ages (5th—10th centuries). Cambridge, 1986.

Heiss A. Description générale des monnaies des rois wisigoths d'Espagne. Paris, 1872.

Morrison K. F., Grunthal H. Carolingian coinage. New York, 1967.

North J. J. English hammered coinage. London, 1963. 2 vols.

Porteous J. Coins in History. A survey of coinage from the Reform of Diocletian to the Latin Monetary Union. London, 1969.

Schrötter F. von. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin—Leipzig, 1930.

Suhle A. Die deutschen Münzen des Mittelalters. Handbücher des Staatlichen Museen in Berlin. Berlin, 1936.

Suhle A. Deutschen Münz- und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum 15. Jahrhunderts. Berlin, 1955.

Wroth W. Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards, and of the Empires of Thessalonica, Nicaea and Trebisond in the British Museum. London, 1911.

1

3

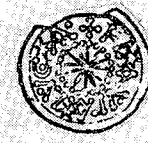
5

7

9

11

13

2

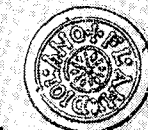
4

6

8

10

12

14

15

17

19

21

23

25

27

16

18

20

22

24

26

28

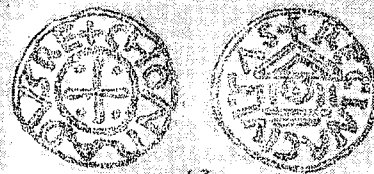

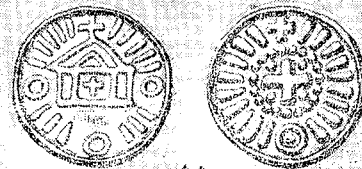
29

30

43

44

31

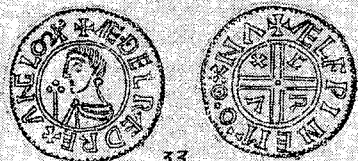
32

45

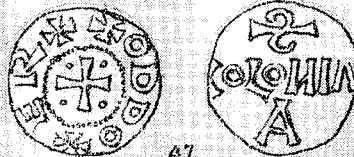
46

33

34

47

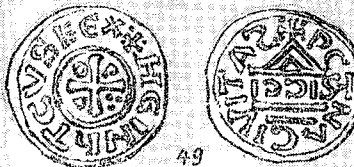
48

35

36

49

50

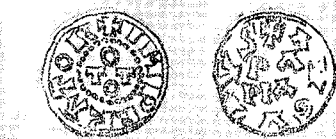
37

38

51

52

39

40

53

54

41

42

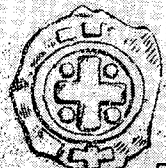
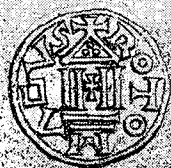
55

56

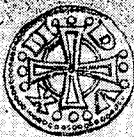
57

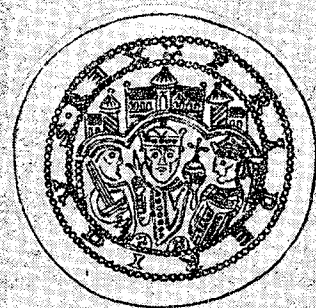
58

59

60

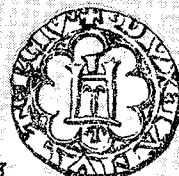
61

62

63

64

65

66

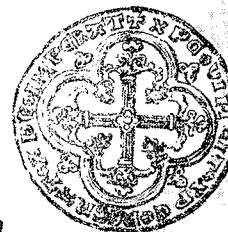
67

68

69

70

71

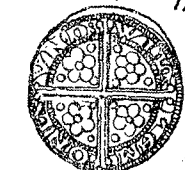
72

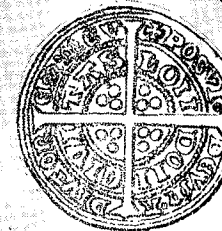
73

74

75

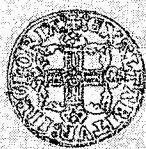

76

77

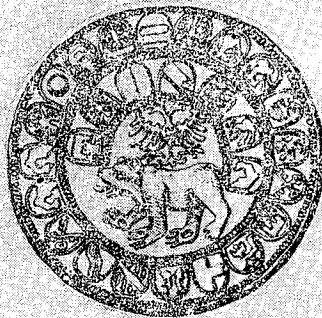
78

79

80

81

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

К СТАТЬЕ А. С. БЕЛЯКОВА «НУМИЗМАТИКА»

- Рис. 1. Вестготы. Амаларих (511—531). Триенс. Золото.
 Рис. 2. Вестготы. Амаларих. 10 нуммусов. Бронза.
 Рис. 3. Вестготы. Подражание монетам Юстиниана I (527—565). Триенс 531—568 гг. Золото.
 Рис. 4. Вестготы. Леовигильд (568—586). Триенс. Золото.
 Рис. 5. Вестготы. Таррагона. Реккаред (586—601). Триенс. Золото.
 Рис. 6. Вестготы. Эгика и Виттица (696—701). Триенс. Золото.
 Рис. 7. Лангобарды. Павия. Айстульф (749—756). Триенс. Золото.
 Рис. 8. Лангобарды. Милан. Дизедерий (756—774). Триенс. Золото.
 Рис. 9. Лангобарды. Лукка. Карл Великий (768—814). Триенс 774—781 гг. Золото.
 Рис. 10. Меровинги. Марсель. Подражание монетам Маврикия Тиберия (582—602). Солид. Золото.
 Рис. 11. Меровинги. Теудерих I (511—534). 10 нуммусов. Медь.
 Рис. 12. Меровинги. Хильдеберт I (511—558). 10 нуммусов. Медь.
 Рис. 13. Меровинги. Туль. Теодоберт I (534—548). Солид. Золото.
 Рис. 14. Меровинги. Шалон-на-Соне. Гунтрамн (561—593). Триенс. Золото.
 Рис. 15. Меровинги. Меш. Триенс. Золото.
 Рис. 16. Меровинги. Шартр. Денарий. Серебро.
 Рис. 17. Англосаксы. Скеат 575—760 гг. Серебро.
 Рис. 18. Нортумбрия. Эанред (806—841). Скеат. Серебро.
 Рис. 19. Каролинги. Пипин Короткий (751—768). Денарий. Серебро.
 Рис. 20. Каролинги. Шартр. Пипин Короткий. Денарий. Серебро.
 Рис. 21. Каролинги. Сент-Эньян. Карломан (768—771). Денарий. Серебро.
 Рис. 22. Каролинги. Бонн. Карл Великий (768—814). Денарий. Серебро.
 Рис. 23. Каролинги. Парма. Карл Великий. Денарий. Серебро.
 Рис. 24. Каролинги. Мелль. Карл Великий. Обол. Серебро.
 Рис. 25. Каролинги. Карл Великий. Обол. Серебро.
 Рис. 26. Каролинги. Карл Великий. Денарий 800—814 гг. Серебро.
 Рис. 27. Каролинги. Лион. Карл Великий. Денарий 800—814 гг. Серебро.
 Рис. 28. Каролинги. Дорестад. Карл Великий. Денарий 800—814 гг. Серебро.
 Рис. 29. Каролинги. Верден. Карл II Лысый (840—877). Денарий. Серебро.
 Рис. 30. Кент. Этельберт II (748—762). Денарий. Серебро.
 Рис. 31. Мерсия. Оффа (757—796). Денарий. Серебро.
 Рис. 32. Англия. Эдуард Мученик (975—978). Денарий. Серебро.
 Рис. 33. Англия. Этельред II (978—1016). Денарий 991—997 гг. Серебро.
 Рис. 34. Англия. Этельред II. Денарий 979—985 гг. Серебро.
 Рис. 35. Англия. Кнут (1016—1035). Денарий 1023—1029 гг. Серебро.
 Рис. 36. Англия. Эдуард Исповедник (1042—1066). Денарий 1056—1059 гг. Серебро.
 Рис. 37. Англия. Эдуард Исповедник (1042—1066). Денарий 1062—1065 гг. Серебро.
 Рис. 38. Англия. Вильгельм I Завоеватель (1066—1087). Денарий 1074—1077 гг. Серебро.
 Рис. 39. Англия. Стефан (1135—1154) и Матильда. Денарий. Серебро.
 Рис. 40. Англия. Генрих II (1154—1189). Денарий 1180—1189 гг. Серебро.
 Рис. 41. Англия. Генрих III (1216—1272). Денарий 1247—1272 гг. Серебро.
 Рис. 42. Англия. Эдуард I (1272—1307). Денарий. Серебро.
 Рис. 43. Германия. Регенсбург. Конрад I (911—918). Денарий. Серебро.
 Рис. 44. Саксония. Генрих I Птицелов (919—936). Денарий. Серебро.
 Рис. 45. Верхняя Лотарингия. Верден. Генрих I Птицелов. Денарий. Серебро.
 Рис. 46. Эльзас. Страсбург. Оттон I (936—973). Денарий. Серебро.
 Рис. 47. Германия. Кельн. Оттон I. Денарий. Серебро.
 Рис. 48. Германия. Вормс. Генрих III (1039—1056). Денарий 1046—1056 гг. Серебро.
 Рис. 49. Германия. Регенсбург. Генрих II (1002—1024). Денарий. 1002—1004 гг. Серебро.

- Рис. 50. Фризия. Тиль. Конрад II (1024—1039). Денарий 1024—1027 гг. *Серебро*.
- Рис. 51. Саксония. Оттон III и Адельгейда. Денарий 991—1040 гг. *Серебро*.
- Рис. 52. Италия. Павия. Оттон II (973—983). Денарий. *Серебро*.
- Рис. 53. Франция. Сансерр. Анонимный денарий конца XII в. *Серебро*.
- Рис. 54. Франция. Сен-Мартен-де-Тур. Филипп II Август (1180—1223). Денарий 1214—1223 гг. *Серебро*.
- Рис. 55. Франция. Блуа. Анонимный денарий XII—XIII вв. *Серебро*.
- Рис. 56. Франция. Блуа. Анонимный денарий X—XI вв. *Серебро*.
- Рис. 57. Нормандия. Руан. Ришар I (942—996). Денарий. *Серебро*.
- Рис. 58. Нормандия. Денарий XII в. *Серебро*.
- Рис. 59. Франция. Маркизат Прованс. Раймонд VI (1194—1222) или Раймонд VII (1222—1249). Денарий. *Серебро*.
- Рис. 60. Франция. Нарбонна. Денарий графов Мельгейля (конец X—XI в.). *Серебро*.
- Рис. 61. Тюрингия. Фридрих I Барбаросса (1152—1190). «Широкий брактеат». *Серебро*.
- Рис. 62. Германия. Кведлинбург. Брактеат XIV в. *Серебро*.
- Рис. 63. Генуя. Гроссо 1350—1353 гг. *Серебро*.
- Рис. 64. Венеция. Матапан 1275—1276 гг. *Серебро*.
- Рис. 65. Пфальц. Оппенгейм. Рупрехт I (1353—1370). Гульден. *Золото*.
- Рис. 66. Венеция. Дукаст 1789—1797 гг. *Золото*.
- Рис. 67. Франция. Тур. Людовик IX Святой (1226—1270). Грош. *Серебро*.
- Рис. 68. Франция. Филипп IV (1285—1314). Шездор. *Золото*.
- Рис. 69. Франция. Людовик X (1314—1316). Мутондор. *Золото*.
- Рис. 70. Франция. Иоанн II Добрый (1350—1364). «Койный франк». *Золото*.
- Рис. 71. Чехия. Вацлав II (1278—1305). «Празжский грош». *Серебро*.
- Рис. 72. Англия. Лондон. Генрих III (1216—1272). «Золотой пенни».
- Рис. 73. Англия. Эдуард I (1272—1307). Гроут. *Серебро*.
- Рис. 74. Англия. Эдуард III (1327—1377). Гроут. *Серебро*.
- Рис. 75. Англия. Эдуард III. Флорин. *Золото*.
- Рис. 76. Англия. Эдуард III. Полфлорина. *Золото*.
- Рис. 77. Англия. Эдуард III. Четверть флорина. *Золото*.
- Рис. 78. Англия. Эдуард III. Полунобль. *Золото*.
- Рис. 79. Англия. Эдуард III. Четверть нобля. Лицевая сторона. *Золото*.
- Рис. 80. Милан. Галеаццо Мария Сфорца (1466—1484). Тестон. *Серебро*.
- Рис. 81. Берн. Гульдинер 1494 г. *Серебро*.

С. Д. Червонов, М. А. Бойцов

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТРОЛОГИЯ

Историческая метрология — вспомогательная историческая дисциплина, предметом изучения которой являются применявшиеся в прошлом отдельные единицы измерения длины, площади, объема, массы и т. д., системы таких единиц, измерительные инструменты и приемы измерений¹.

В средневековой Западной Европе первыми «метрологическими» сочинениями можно признать трактаты юристов и купцов XIV—XV вв. (например, «Торговую практику» Франческо Бальдуччи Пеголотти, итальянского торговца XIV в.), в которых систематизировались для нужд коммерции сведения о применяющихся в разных краях мерах и весах. Примерно тогда же появляются и первые обширные трактаты землеустроителей, где подробно излагались способы измерения длины и поверхности. Среди этих сочинений заслуживает упоминания «Кульмская геометрия» (рубеж XIV и XV вв.), обобщившая опыт немецких поселенцев по разметке полей, который они приобрели в ходе многовековой колонизации ряда областей Центральной и Восточной Европы.

Повысившиеся требования к точности измерений в период позднего феодализма привели к тому, что инициатива в составлении работ о весах и мерах стала переходить от «практиков» — купцов и землемеров к «теоретикам» — математикам. Книга одного из них, жителя Вены Кристофа Рудольфа, «Искусный счет», в которой сравнивались фунты, меры зерна, вина и масла, локти, распространенные в различных районах Западной Европы, выдержала восемь изданий за более чем 60 лет (с 1526 по 1588 г.). И все же издатели не могли удовлетворить спрос на такого рода со-

¹ Способы измерения времени — предмет особой дисциплины — хронологии. Что касается собственно метрологии и исторической метрологии, то они в настоящее время далеко отстоят друг от друга по методам и задачам исследования, предмету изучения. Современная метрология — точная наука, разрабатывающая приемы измерения различных сложных процессов и явлений (главным образом физических и химических), а также эталоны и шкалы.

чинения, которые на протяжении всего XVI в. многократно переписывались от руки. Рукописи различных трактатов «о мерах и весах», относящиеся к этому времени, можно встретить во многих западноевропейских архивах.

Хотя отдельные попытки теоретически осмыслить сущность процесса измерения предпринимались еще в XV в. (например, в трактате знаменитого философа Николая Кузанского «Простец об опытах с весами»), возникновение метрологии как самостоятельной научной дисциплины относят обычно к XVI в. и связывают с именами выдающихся ученых Георга Агриколы (1494—1555) и Жозефа-Жюста Скалигера (1540—1609). Сочинение Агриколы «Пять книг о мерах и весах римлян и греков», опубликованное в 1550 г., положило начало и исторической метрологии.

На протяжении XVI—XVIII вв. предметом внимания исторической метрологии было преимущественно «классическое» прошлое, т. е. античный мир и Ближний Восток в библейские времена. Средневековые западноевропейские системы мер и весов интересовали преимущественно краеведов и некоторых эрудитов антикваров. В XVIII—XIX вв. во многих странах Европы выходили справочники, позволявшие читателям ориентироваться в безбрежном море западноевропейских «современных» единиц измерения (еще не вытесненных метрической системой), многие из которых были прямыми «наследниками» средневековых мер.

В XIX в. в связи с усилением интереса к истории экономики средневековым единицам измерения стали уделять несколько большее внимание. По отдельным вопросам метрологии появились специальные исследования. Судьбы «фунта Карла Великого», «кельнской марки», «гуфы» и других стали предметом дискуссий.

В XX в. средневековые системы мер и весов все чаще привлекают ученых не только как своего рода инструментарий при исследовании историко-экономических проблем, но и как самостоятельный объект изучения, особенно для более глубокого осмысления процессов духовной жизни средневековья. Свой вклад в изучение исторической метрологии вносит Международная комиссия по исторической метрологии, с 1975 г. стали созываться конгрессы по этой дисциплине. В целом же, хотя историческая метрология находится на подъеме, наши знания о средневековых мерах и весах явно недостаточны.

Древнегреческая и римская системы измерений изучены несравненно лучше. Чем это объясняется? Во-первых, в отличие от Римской империи, где интересы хорошо отлаженной торговли и централизованной администрации настоятельно требовали унификации мер и весов, Западная и Центральная Европа в средние века представляла собой конгломерат разнообразных по уровню социально-экономического и политического развития образований, имеющих разные культурные традиции. Во-вторых, сам характер феодального производства со сравнительно скром-

ным значением торговли, с абсолютным превалированием аграрной сферы в экономике, особенно в раннее средневековье, с широким распространением разного рода натуральных повинностей и обязательств предполагал замкнутость, изолированность отдельных областей и владений даже в рамках одного государства, господство местных обычаев и традиций, в том числе и «метрологических». Так, читая картулярий Рамсейского монастыря в Англии (начало XIII в.), мы обнаруживаем, что в его владениях, расположенных лишь в одном из графств (Хантингдоншир), существовало по меньшей мере 16 способов измерения земельных наделов. При этом все единицы земельной площади, несмотря на различие в величине, имели одинаковые названия (гайда, виргата, акр). Более того, даже внутри одной вотчины могли практиковаться разные единицы измерения: землю, как правило, считали не в привычных нам геометрических единицах площади, а в том количестве семян или саженьцев, которые можно было там посеять, или в количестве урожая, или в доходе, или даже в социальном статусе, который она давала своему владельцу². Иногда в одной поместной описи исследователь обнаруживает характеристики земельных владений, данные с помощью столь различных единиц измерения, что сопоставление друг с другом по величине даже соседних участков оказывается практически невозможным. Трудность задачи усугубляется еще и тем, что на одной и той же территории одна и та же мера постоянно менялась. Так, в начале XI в. в испанском городе Леоне решили, что ежегодно в условленный день горожане будут определять заново меры вина, зерна и мяса. Иногда такие изменения происходили незаметно, исподволь, и нередко случаи, когда один и тот же участок земли, описанный с интервалом в два-три века, измерялся совершенно по-другому³.

Сравнительно медленное развитие средневековой метрологии объясняется особой сложностью этой дисциплины. И социально-экономический строй, и политическая организация общества, и особенности религии и культуры, и характер международных отношений влияли на системы измерений, запутывали их, порождали невероятный хаос в информации, создающий для исследователя немалые трудности.

С другой стороны, именно то обстоятельство, что метрология тесно связана со всеми важнейшими пластами средневековой истории, привлекает к ней все больший интерес. Метрология довольно тесно взаимодействует с другими специальными дисциплинами. При изучении весовых соотношений она часто соприкасается с нумизматикой. Специалисты по метрологии нередко используют данные археологии и этнографии. В связи с тем что в средние века единицы измерений подчас прямо зависели от природных

² Так, в Кастилии XIII—XIV вв. иногда применяли термин *caballeria* для обозначения участка земли, достаточного для содержания одного кабальера.

³ Один участок в швабской деревне Вайсбах «насчитывал» в 1292 г. 8 моргенов, а в 1466 — 11 моргенов.

факторов (урожайность, особенности почвы, ландшафта, климата), в трудах по метрологии нередко можно встретить ссылки на литературу по географии, астрономии, геологии, агрономии и т. д.

Источниками для метрологических исследований помимо упоминавшихся трактатов служат хроники (как правило, городские), тексты договоров и соглашений, в той или иной мере затрагивающих «экономические» вопросы, документы торговой отчетности, описи владений, судебные протоколы и другие материалы. Помимо письменных в метрологии широко используются вещественные источники: эталоны мер и весов, измерительные приборы и инструменты, остатки поселений, отдельных построек, полей (размечавшихся или строившихся по заданным размерам), монеты. В книжных миниатюрах, на фресках и капителях колонн, в скульптурных и живописных изображениях нередко можно видеть, чем и как пользовались люди средневековья для своих измерений. Топографические карты XVII—XVIII в., метрологические справочники XVIII—XIX вв. предоставляют некоторый материал для ретроспективного изучения средневековых мер.

В настоящее время преимущественное внимание к накоплению отдельных фактов сменяется тягой к концептуальному их осмыслению. Однако этот процесс еще только обозначился. Далеко не для всех стран Европы, а тем более ее областей существуют надежные справочники, не говоря уже о подробных исследованиях эволюции отдельных единиц длины, веса, объема и т. д.

Задача данной главы состоит в попытке выделить часто встречающиеся системы средневековых мер и измерений (главным образом на материале истории Англии, Германии и Франции), с которыми начинающему медиевисту приходится бегло знакомиться, будучи студентом. Главная цель видится в том, чтобы дать читателю представление о своеобразии средневековой метрологии, научить его применять принципы историзма при обращении к средневековым источникам, для того чтобы избежать ошибки и заблуждения.

Рассказ о средневековых мерах и весах не может обойтись без краткой характеристики римской системы измерений, поскольку она составляет основу многих мерных единиц, распространенных не только в романских странах. В раннее средневековье она была практически единственной действующей системой. Характерной чертой ее было понятие «целого» (as) — базовой единицы измерения. 1/12 часть целого именовалась унцией. Все остальные единицы представляли собой либо доли аса или унции, либо были кратны им. Такой принцип унифицировал способы измерения, облегчал установление соответствий между линейными, квадратными и кубическими мерами. Так, в системе линейных мер базовой единицей («асом») был pes (буквально стопа, фут), равный 29,57 см. 5 футов составляли один passus — двойной шаг (1,48 м); 1000 шагов — одну милю (milia passum или miliarium — собственно «мильный камень»). Фут делился на полуфу-

ты, унции (2,46 см), полуунции и т. д. В архитектурной практике применялась несколько иная система мер, в которой, согласно Витрувию, соотношение единиц соответствовало пропорциям частей человеческого тела: 1/16 фута называлась digitus — «палец»; 4 «пальца» составляли «ладонь» (palma); 1,5 фута были равны одному «локтю» (cubitus, 6 «ладоней»). Палец делился на доли вплоть до 1/288 фута (scrupulum, отсюда слово «скрупулезный»).

Большое влияние на средневековые метрологические системы оказали меры длины, применявшиеся римскими землемерами. Здесь базовой единицей был акт — actus, по Плинию, длина борозды, которую пара быков пропахивает без понукания. 1/12 actus'a составляла пертика, равная 10 футам. Слово «пертика» означало землемерную жердь, которой пользовались при межевании⁴. На основе этих линейных мер сформировалась система мер площади. Наименьшая из них была квадратом со стороной, равной одной пертике, — скрупул (8,75 кв. м). 288 скрупулов составляли основную единицу площади — югер (от jugum — упряжка). Он был равен 2519 кв. м, что первоначально считалось равным дневной норме вспашки для пары быков. 2 югера составляли heredium («наследственное имение», «наследство»). Для измерения больших земельных массивов применялись такие меры, как «центурии» (200 югеров, 50,377 га) и «сальтус» (4 центурии, или 201,5 га).

Меры измерения объема жидких и сыпучих тел исчислялись несколько по-иному. Один кубический фут (26,26 л) назывался «амфора» и употреблялся только для измерения жидкостей. Его доли — 1/2, 1/8, 1/48, 1/96, 1/192, 1/384, 1/576 — назывались соответственно urna, congius, sextarius, hemina, quartarius, acetabulum, cyathus. Последний являлся минимальной мерой жидкости (0,045 л), которая применялась в тавернах при розливе вина. Для определения объема сыпучих тел исходной величиной был модий (1/3 объема «амфоры» — 8,754 л), известен также полу-модий и те же единицы (от сектария и меньше), которые употреблялись для измерения жидкостей.

Наконец, основой римской системы весов являлся фунт — libra (собственно «вес», «весы»), равный 327,5 г, и его производные: 1/12 (унция 27,3 г), 1/48 (сицилик), 1/96 (драхма), 1/288 (скрипул 1,138 г), 1/576 (обол), 1/1728 (или же 1/144 унции) — силиква, равная 0,189 г. Фунт был основой не только весовой, но и денежной системы в средние века.

Обратим еще раз внимание на некоторые черты римской системы мер, которые важно иметь в виду при сопоставлении их с мерами средневековыми. Исходными (разумеется условными) эталонами для единиц измерения могли выступать: части челове-

⁴ Исидор Севильский (VI в.) производил это название от глагола portare («носить»), очевидно, потому, что только пертику приходится с собой носить специально, а остальные меры называются по частям человеческого тела.

ского тела (стопа, локоть и т. п.), мерный инструмент или сосуд традиционного размера или веса (пертика, амфора и т. п.), соответствующее орудие труда или способ обработки (югер). Одинаковые названия могли иметь самые разнородные меры (например, унция, скрипул). При измерении площадей устанавливается связь между размером земельного участка и временем, затраченным на его обработку. Все эти черты в той или иной степени свойственны и средневековым мерам, что, однако, далеко не всегда объясняется заимствованием римской системы, поскольку она была построена на очень естественных и приемлемых для любого земледельческого народа способах измерения, к которым было легко прийти и самостоятельно.

Средневековая метрологическая терминология во многом была заимствована из латинского словаря; однако, как правило, эти термины имели столь сложную судьбу, что с течением времени утратили соответствие своему римскому прототипу. Так, к концу средневековья в Южной Франции сетье (от «секстарий») составлял в округе Монпелье 48,92 л, Нарбонны — 70,6, Тулузы — 93,32 л. В Париже в XIII в. сетье оценивается даже в 156 л. Между тем объем римского секстария равнялся примерно 0,55 л. Точно так же мюнд (от римского «модия», объем которого, как уже говорилось, был несколько меньше 9 л) в Париже равнялся 268 л, а на юге Франции — 274 л. Испанский «вариант» модия — мойо — тогда же, в XIII в., составлял около 258 л. Римский югер (0,25 га) дал название испанской югаде, но она уже означала участок площадью около 30 га.

Из приведенных фактов следует весьма банальная, но необходимая рекомендация: встретив в тексте средневекового памятника название какой-либо древнеримской меры даже в правильной латинской форме, ни в коем случае нельзя удовлетворяться тем значением, которое ей дает словарь классической латыни, — это может повлечь за собой грубейшие ошибки. В римских провинциях сохранялись и некоторые местные меры, которые, как правило, соотносились с общепризнанными. Официальная практика их не признавала, но для медиевиста они важны, так как стали основой образования ряда средневековых мер. Так, в Южной Галлии и Испании 0,5 югера назывались агереппис (отсюда французская мера площади арпан); галльская *leuga*, *leuca* (отсюда лига) была равна 1,5 римским милям.

Относительно стройная система древнеримских мер разделила судьбу империи: она распалась под влиянием варварских нашествий, хотя, как уже говорилось, следы ее сохранялись на протяжении всего раннего средневековья. Германцы принесли с собой не только свои способы делать расчеты, но и свое отношение к числу и точности. Уже Цезарь в «Записках о галльской войне», ссылаясь на информаторов из среды германцев, говорил, что Герцинский лес насчитывал по протяженности девять дней пути, и замечал попутно: «Определить это иначе никак нельзя — ведь у них нет мер для измерения расстояний». Действи-

тельно, архаичное сознание германских племен эпохи Великого переселения народов не было чересчур склонно к точным измерениям. Неверно было бы, впрочем, представлять себе дело так, что древние германцы до вторжения в пределы империи не имели совершенно никакого представления о счетных системах и не умели пользоваться простейшими измерительными приспособлениями. Были сферы деятельности, в которых германцы при всей своей нелюбви к точности давно уже пользовались различными мерами.

Археологические раскопки на территории Скандинавии позволили обнаружить мерные «локты», относящиеся к рубежу нашей эры. У некоторых из этих измерительных инструментов на разных сторонах сделаны насечки в соответствии с несколькими системами измерений, которые идентифицируются без особого труда. Прежде всего это римский фут (29,6 см), «греческий» фут (31,6 см), «кельтский» фут (33,5 см), который еще долго будет встречаться в средневековых Франции и Англии, «германский» фут, широко распространенный в средние века по всему европейскому северу (28,3 см), и «готландский» фут (27,6 см). Увеличение «греческого», «римского», «кельтского» и «германского» футов в 1,5 раза давало соответствующие «локты». Особняком стоял «готландский локоть», состоявшийся из двух футов. Новобразованием стал локоть, который называют «ютландским». Он получился путем сложения не полутора, а двух «германских» футов.

Проведенные историками обмеры полей и остатков сооружений, относящихся к первым векам нашей эры в Скандинавии, показали, что все перечисленные локти и футы находили широкое применение, причем использовались порой одновременно при возведении одного здания. Планомерно размечались поля, причем оказывается возможным установить, по скольку локтей было в мерных шнурах или жердях древних скандинавов. Правда, можно предполагать, что измерения при нарезании пашенных конов или строительстве сильно отличались по существу от аналогичных современных операций. Речь шла, вероятно, не просто о построении определенной геометрической фигуры на земной поверхности, а о священнодействии, мистической операции, установлении сверхъестественных связей между людьми и землей, которая должна будет их кормить и нести на себе их постройки. В этом случае измерительные приспособления (локоть, жердь, шнур) играли роль ритуальных предметов, участвовавших в общении между человеком и божествами.

В Скандинавии было обнаружено и изрядное число римских весов с наборами гирек. Эти весы маленькие, они предназначались для взвешивания редких и дорогих вещей, например монет, изделий из золота и серебра, что подтверждает отсутствие крупной регулярной торговли, элитарный характер обмена.

Великое переселение народов заставляло порвать не только со старыми местами поселения, но и со старыми мерами, что со-

ставляло в сознании людей единое целое. Возможно, что «действенность» мер, бытовавших у различных народов ранее, была «парализована» интенсивным взаимодействием этносов в ходе завоеваний. Похоже, что умение считать было утрачено даже в большей мере, чем умение читать и писать и у жителей покоренной варварами империи. «Вкус к точности с его вернейшей опорой, уважением к числу, был глубоко чужд людям того времени, даже высокопоставленным»⁵. В «варварских правдах» встречаются еще редкие упоминания о римских единицах измерения, но все чаще при необходимости сформулировать какой-либо количественный показатель прибегали к описаниям, выглядевшим иногда, с нашей точки зрения, довольно странно. Например, Фризская правда предписывает: «Если в драке будет нанесена рана и из нее выступит кость такой величины, что звук от удара щитом об эту кость можно будет услышать по другую сторону дороги, то виновный должен заплатить повышенный штраф». Сподобясь весьма непрактичный, поскольку во Фризии дорог, заслуживающих такого названия (*via publica*), было крайне мало, и истекающего кровью человека приходилось, очевидно, переносить довольно далеко, чтобы щитом постучать по обнаженной кости.

Возникновение Каролингской державы не привело к какой-либо унификации в пределах ее границ мер и весов. Напротив, картина, которая вырисовывается из сообщений картуляриев и полиптиков VIII—X вв., весьма хаотична. Появляется новая единица площади — бонуарий. Точное его значение неизвестно до сих пор (в литературе принят подсчет, сделанный издателем Сен-Жерменского полиптика Гераром, — примерно 1,28 га). Хотя бонуарий очень часто упоминается в грамотах IX—X вв., уже в XII в. монастырский писец в Шартрском аббатстве св. Петра простодушно сознается: «Что такое бонуарий, я не знаю». С самого начала средневековья складывается практика измерения земли мерами зерна, которое можно на ней посеять. Иногда такое измерение проводится описательно («поле, где можно посеять два модия зерна»), иногда — с помощью специальных единиц: «модиата», «секстариата», «квартариата». Если учесть разное количество земли и зерна, станет понятным, что вычислить соотношение, допустим, модияты и бонуария — задача практически невыполнимая. В Сен-Жерменском полиптике содержатся, например, описания деревень, в одной из которых есть «287 бонуариев, где можно посеять 800 модиев пшеницы», а в другой — «65 бонуариев, где можно посеять 300 модиев пшеницы»⁶. Расходы семян на 1 бонуарий составляют соответственно 2,8 и 4,06 модиев. При этом надо учесть, что, во-первых, франкский модий не был равен римскому; во-вторых, в государстве Каролингов офици-

ально применялись по крайней мере два модия: малый (около 14 л) и большой (около 20 л)⁷.

Встречаются и иные способы измерять землю: по урожаю, который здесь можно собрать, по количеству скота, который здесь можно пасти, по длине периметра участка⁸. Положение усугублялось тем, что одновременно происходит смешение квадратных и линейных мер. Так, пертика (по сравнению с римской она удлинилась — иногда до 5 м) в каролингских памятниках выступает и как линейная мера, и как квадратная, и как обозначение полосы земли в общинном коне шириной в одну линейную пертику (разумеется, длина каждого кона была разной). Королевская власть изредка предпринимала попытки определенной стандартизации мер. Так, § 9 «Капитулярия о поместьях» гласит: «Мы желаем, чтобы всякий управитель в своем ведении имел такие же меры — модии, секстари, ситуты, что в восемь секстариев, и коробы, какие и у нас во дворце находятся». Однако, судя по пестроте единиц измерения, бытовавших в королевских владениях при Карле Великом и позже, это предписание осталось таким же благим пожеланием, как и требование того же капитулярия о повсеместном насаждении розариев и персиковых садов.

Очевидно, сложившееся положение, неудачи попыток его преодолеть вовсе не были случайными. Несопоставимость единиц измерения даже в пределах одной сеньории, по всей видимости, не представляла собой проблемы для ее жителей, поскольку к этому времени утратилось представление об абстрактной земельной площади, порожденное административными и фискальными реальностями Римской империи, сложились традиционные, обладающие хозяйственной самостоятельностью и спецификой местные мирки, где земля имела свою меру лишь в связи с ее качеством, урожайностью, конфигурацией полей, лежащими на ней повинностями. И если в грамоте указывалось, что в такой-то деревне отчуждается столько-то пертик или секстариат, то было ясно, что речь идет о конкретном участке, на котором высевается определенное количество секстариев зерна — по обычаям, принятым именно здесь. Представить же себе, какого рода были прецеденты, давшие начало традиции в данной местности, насколько они рационального или же чисто ритуального свойства, практически невозможно. «Вообще в отношении ко всему, что следовало выразить в количественных показателях — меры веса, объема, численность людей, даты и т. п. — царили большой произвол и неопределенность. Здесь сказывалось особое отношение к числу: в нем склонны были видеть в первую очередь не меру счета, а проявление царящей в мире божественной гармонии, магическое средство»⁹.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Подробнее см.: Серовайский Я. Д. Изменение системы земельных мер как результат перемен в аграрном строе на территории Франции в период раннего средневековья // Средние века. 1956. Вып. 8.

⁹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 69.

⁵ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 138.

⁶ Цит. по: Агрикультура в памятниках западного средневековья. М.; Л., 1936. С. 52.

И все же, начиная с раннего средневековья, предпринимались и попытки унификации мер и весов. Их делали монархи, заинтересованные в том, чтобы королевские меры были действительны на всей территории государства. Этого хотел добиться Карл Великий; англосаксонский король Этельред (978—1016) повелевал, чтобы во всех городах королевства использовался такой же фунт, как на королевском монетном дворе. Известно немало и других указов аналогичного содержания в разных странах раннесредневековой Европы. Правда, ни один из них не возымел действия. Эти неудачи были обусловлены причинами экономического, социального и психологического свойства, о которых еще будет сказано. Здесь же хотелось указать на одну очень серьезную техническую сложность, справиться с которой оказалось возможным только в результате развития науки нового времени. Эта сложность — отсутствие природных эталонов. Не существует двух совершенно одинаковых горошин, капель, песчинок. В каких единицах можно измерить бушель, ярд или фунт? В долях того же бушеля, ярда или фунта? Сравнивая с аналогичными единицами у соседей? А в чем выражать разницу? Пожалуй, стоит признать, что при существовавших до конца XVIII в. знаниях о природе ничего более доступного нельзя было придумать, чем части человеческого тела (предплечье, стопа, ладонь, палец) и зерна различных растений (мак, ячмень, пшеница, горчица, рожь и др.) в качестве единиц длины и веса. Нередко «зерна» и «части тела» соединялись в одну систему. Так, чешский король Оттокар II (1253—1278) велел считать ширину «пальца» равной длине четырех ржаных зерен, положенных рядом. Статут Эдуарда II 1324 г. определил английский дюйм равным по длине «трем ячменным зернам, вынутым из средней части колоса и приставленным друг к другу своими концами»¹⁰. Даже в одном сочинении XVII в., написанном в Прибалтике, можно встретить сходные определения, но тут уже предлагалось приравнять ширину пальца к четырем ячменным зернам.

Эталоны таких единиц, как фут или локоть, в раннем средневековье создавались по образцу частей тела людей, занимающих, как правило, особое положение в обществе. Легенды часто приписывали средневековым королям и императорам готовность одарить своих подданных какими-либо измерительными единицами, соответствующими пропорциям монаршего тела. Именно так якобы появился фут Карла Великого, ярд Генриха I.

Основная линия развития средневековых мер и весов шла не через усилия европейских государей, а через стихийное формирование локальных и региональных систем единиц. Рассказ о «метрологической ситуации» в период развитого феодализма стоит

¹⁰ Р. де Биниз, автор «Книги об измерении земли» (1527), весьма рассудительно заметил: «Каковое правило не во все времена верно, ибо длина ячменного зерна при некоторых способах земледелия длиннее, при других — короче» (Кёнингем У. Рост английской промышленности и торговли. М., 1909. С. 103).

начать с описаний двух разных, но по-своему типичных для этого времени способов измерения земель. Речь пойдет об английской гайде и немецкой гуфе.

В средневековой Англии римская система мер не оставила глубокого следа, разве что сохранились отдельные римские названия. Исходной единицей землевладения, а также фискальной единицей была гайда (hide, англосакс. hid, higid от hiwan, higan — «домашние, члены домохозяйства»). Под гайдой первоначально понимали земельную площадь, достаточную для прокормления в течение года крестьянской семьи. Употреблялся и латинский термин для обозначения гайды — каруката (от сагуса — плуг; ср. русская «соха» как мера площади и фискальная единица или же «плуг» в «Русской правде»). Гайда делилась на 2, чаще — на 4, иногда на 3, 5, 6 и 7 виргат (от лат. virga — лоза, жердь), а виргата в свою очередь — на 2 (редко 3) боваты (от лат. bos — бык, первоначально означало участок земли, который бык в упряжке может вспахать в течение сельскохозяйственного года) или 4 фартингдейла (буквально «четверть»). Более или менее точное представление о площади гайды можно получить, начиная с XI в., когда ее и связанные с ней единицы начали пересчитывать в акрах. Акр являлся второй «основной стандартной» единицей и понимался первоначально как площадь участка земли, который упряжка быков могла вспахать за день¹¹.

Число акров в гайде могло равняться 60 (около 24,3 га), 64 (около 25,9 га), 80 (около 32,4 га), 100 (около 40,5 га), 120 (около 48,6 га), 140 (около 56,7 га), 180 (около 72,9 га). Гайда из двух виргат, каждая по 2 боваты, равнялась 48 акрам (около 19,44 га). Гайда из трех виргат не имела стандартного перевода в акры, а из четырех — состояла из 160 акров (около 64,8 га) из расчета: на одну виргату — 40 акров, на один фартингдейл — 10. Площадь акра (около 4050 кв. м) вычисляется потому, что его уже измеряли в линейных мерах, чего никогда не делали с гайдой: «3 фута составляют локоть, пять с половиной локтей — пертику. А 40 пертик в длину и 4 в ширину составляют один акр». Не случайно, что в приведенном отрывке из «Карнарвонского регистра» (начало XIII в.) акр описывается как вытянутая в длину полоса земли — это отражало аграрную практику не только Англии, но и всей Западной Европы. На участках земли различного качества размечались поля в виде широких прямоугольников, затем они делились вдоль на полосы по числу хозяев в деревне, каждый получал по одной полосе на каждом поле. Естественно, что при такой разметке наделы оказывались сильно вытянутыми в длину. Все было бы хорошо, если бы сам акр оставался постоянной

¹¹ Кстати, стоит обратить внимание на то, что у многих европейских народов существовали аналогичные «меры» земли (вспомним хотя бы югер, нижелоги гайды — варианты «годового» семейного надела. В названиях таких участков отразилась очень архаичная (если не первоначальная) система измерения

величиной. Однако акр не был исключением из прочих средневековых мер — он тоже имел свои локальные варианты. Даже в начале XIX в. акр в Лейстершире равнялся 0,19 га, а в Чешире — 0,86 га. Если подобное оказалось возможным в столь централизованном по средневековым меркам государстве, как Англия, где королевская власть с давних пор практиковала составление всякого рода кадастров и ревизий, то чего же можно ожидать, например, от мер площади в Германии — стране, не отличавшейся единообразием ни в политическом, ни в экономическом, ни в культурном отношениях.

В Германии «аналогом» гайды была гуфа. На английский акр, как уже говорилось, был похож морген (другие названия: тагверк, акер). Название «гуфа» впервые встречается в документах VII в. в районах соприкосновения бывшей римской Галлии и германского мира. Первоначально гуфа (как и другие архаические земельные меры), по-видимому, не представляла собой какой-то компактной территории и означала не столько меру площади, сколько социальный статус. Владелец гуфы (или позже ее части) признавался полноправным членом общины, имел долю в альменде и участвовал в самоуправлении. Но постепенно, вероятно, под влиянием остатков римской системы и в результате усилий Каролингов по организации освоения пустошей и расчистке земель (новопоселенцам должны были предоставляться особенно большие гуфы, а значит, необходимо было хотя бы примерно оценить размеры гуфы обыкновенной), гуфа становится единицей площади. Первоначально число моргенов в одной гуфе могло равняться 12, 15, 18, 20, 24, 28, 30, 32 и более. Моргены в свою очередь делились на участки «руте» (руте, как и «виргата», тоже означает измерительную жердь, прут). Их было в различных моргенах по 120, 160, 180, 240, 300, 400. Руте не составляла постоянную величину — ее длина колебалась примерно от 3 до 5,5 м. Соответственно можно представить себе степень разнообразия гуфы в западных районах Германии. И все же размах внутренней колонизации и особенно немецкая экспансия на Восток вели к постепенной «конкретизации» гуфы, сведению ее к нескольким наиболее типичным вариантам. Это было вызвано тем, что колонистов необходимо было наделять землей в местах, где не сложилась такая устойчивая, как в западных районах Германии, традиция землепользования. Локаторам или же упоминаемым в источниках землемерам (*mensurator*) приходилось заново размечать земельные участки новопоселенцам, применяя простейшие инструменты, известные со времен античности: мерный шнур, жердь, гномон (устройство для измерения углов). Самой распространенной гуфой стала та, что состояла из 30 моргенов (с вариантами в пределах 24—45 моргенов), но в колонизируемых районах, особенно за Эльбой, как правило, моргены были в два раза больше обычных.

Особенно большое значение для землепользования в Восточной Европе сыграла так называемая «фламандская» гуфа, возникшая

вовсе не в Нидерландах, а в Бранденбурге, правда, на основе моргена, «принесенного» голландскими колонистами. Размеры фламандской гуфы могут быть приблизительно рассчитаны по сведениям, относящимся к Восточной Пруссии и Силезии (чем далее на Восток, тем позже пришли колонисты, а следовательно, тем более точными и конкретными были их измерения). Длина каждой руте равнялась 7,5 локтям по 0,576 м каждый, т. е. 4,32 м, а «квадратная» руте соответствовала 18,65 кв. м. В моргене таких руте 300 (это удвоенный нижнерейнский морген), значит, его площадь 56 ара, а вся гуфа равняется 16,8 га.

Необходимо обратить особое внимание на то, что даже к позднему средневековью и началу нового времени гуфа еще не проределась до конца путем превращения в абстрактную меру площади, какую, скажем, представляет гектар. Определенная гуфа была тесно связана с социальным статусом ее владельца, а главное, со способом ведения хозяйства и даже типом планировки деревни. Так, «фламандская гуфа», как правило, состояла из трех полей (озимое, яровое и пар) примерно равной величины и пропорций (10×300 руте, или 43,2×1296 м). Участок под огород и дом выделялся особо в любом удобном месте, поэтому деревня могла быть спланирована свободно. А вот, скажем, «франкская» гуфа представляла собой единое широкое поле со сторонами примерно в 2300 и 104 м и площадью 24,2 га. Крестьяне ставили свои дома на «нижнем» конце такого поля. Гуфы располагались параллельно, а потому дома в деревне выстраивались рядом друг с другом в один ряд на расстоянии примерно в 100 м друг от друга.

Подробный рассказ о гуфе и гайде избавляет от необходимости перечислять и другие средневековые способы измерения земли (франкский манс, скандинавские «бол» и «догверк», упоминавшийся уже французский арпан, колебавшийся между 34 арами в Париже, 42 — в Шампани, Пуату и других районах и 51 аром для межевания лесов). В большинстве стран развитие шло в сторону «геометризации» единиц измерения площади земли, и во многих районах они успешно вытесняли более архаичные системы подсчета¹².

Говоря о мерах площади, нам уже приходилось упоминать и некоторые меры длины. Самая известная система длины и расстояний складывалась на протяжении всего периода средневековья в Англии. Законченный вид она приобрела лишь при Елизавете I (1558—1603), хотя главные элементы этой системы регламентировались королевскими указами еще в начале XIV в. (табл. 1).

¹² Были и обратные процессы, например в Дании в эпоху викингов. Тогда относительно регулярные поля, разбитые с помощью предварительных измерений в футах, локтях и т. п., приобретают вдруг новые названия в соответствии с тем, какую, предположительно, меру зерна можно высеять на таком поле. Возможно, в этом переименовании сыграли роль тесные контакты викингов с племенами и народностями Восточной Европы, у которых были весьма распространенны подобные способы подсчета площади земли.

Таблица 1

Английская система мер длины*

лига	миля	фур- лонг	пертика (перч)	локоть	ярд	фут	дюйм	ячменное зерно	м
1	3 1	8 1	320 40 1		1760 220 5,5 1,25 1	15 840 5 280 660 16,5 3 1			4827 1609 201,2 5,029 1,143 0,91 0,3 0,025 0,008
				1			45 36 12 1	36 3 1	

* Таблица показывает соотношение различных единиц длины. Читать ее следует так: «Одна лига равна 3 милям, или 15 840 футам, или 4827 м. В свою очередь 1 миля равняется 8 фурлонгам, или 320 перчам, или 1760 ярдам, или 1609 м...» и т. д.

Пропуски означают редко встречающиеся на практике соотношения единиц. Кому придет в голову измерять, скажем, милю в ячменных зернах? В землемерных расчетах ярд и фут вытеснили локоть. Нередко ярд и локоть воспринимались как одна и та же мера. Среди других отклонений от этой системы можно указать, например, что пертики бывали длиной в 9, 9,3, 10, 11, 11,5, 12, 15, 16, 18, 18,25, 18,75, 19,5, 20, 21, 22, 22,5 и 26 футов (т. е. от 2,74 до 7,9 м). Правда, английские «перчи» были специализированными: от 9 до 16,5 футов включительно применялись главным образом для обмеров пахотной земли, а те, что превышали 16,5 футов, использовались лесниками и дровосеками при измерении площади леса или городскими мастерами, работавшими по прорытию дренажных канав, возведению изгородей, кладке стен и т. д. В Шотландии распространенная пертика составляла 18,25 фута.

Локоть состоял не всегда из 45 дюймов; из 54 — в Шропшире (т. е. 1,37 м), из 48 — в Джерси (1,22 м), из 37,5 — в Шотландии (около 0,95 м). Миля могла состоять и из 5 тыс. футов (около 1,52 км), она делилась на 100 «шагов» по 5 футов каждый или на 8 фурлонгов по 125 «шагов» каждый, при «шаге» также равном 5 футам. Существовала и миля в 6600 футов (около 2,01 км), состоявшаяся из 10 фурлонгов по 220 футов каждый. Старая английская миля содержала 1500 «шагов», причем «шаг» был различной длины в отдельных районах. Некоторые лиги строились из расчета: 1,5 мили по 5000 футов (2,29 км), другие же включали определенное количество фурлонгов или линейных фартингдейлов (около 2,34, 2,41, 2,72, 3,05 км).

Слово «фурлонг» указывает на происхождение этой меры из практики разметки полей (оно переводится «длина борозды»). Фурлонг, как и «линейный фартингдейл», заслуживает особого внимания. Мы видели неоднократно, как названия линейных мер

становятся названиями соответствующих мер площади — главным образом это происходит со всевозможными мерными жердями, по которым начинают называть отмеренный с их помощью участок. Фартингдейл, наоборот, первоначально обозначал, как было сказано, 1/4 виргаты и лишь позже (примерно с XV в.) превращается в меру линейную. Фурлонг является производным от акра. Уже говорилось о том, что площадь акра довольно рано стала исчисляться рациональным способом¹³. Он нередко описывался как прямоугольник со сторонами в 22 и 220 ярдов. Отсюда и получилась величина, равная длине прогона плуга «до поворота», т. е. 220 ярдам. Традиционно считается, что ярд установил в 1101 г. король Генрих I, использовав в качестве эталона то ли собственную руку, то ли королевский скипетр. До сих пор сохранился медный шестиугольный в сечении прут, который считают тем самым образцом ярда, изготовленным по приказу Генриха I. Так ли это, сказать трудно, но во всяком случае данный образец возник не позже рубежа XIII и XIV вв., поскольку на одном его конце есть клеймо Эдуарда I (1272—1307).

Клейма Эдуарда I и Генриха VII (1485—1509) удостоверяют, очевидно, что длина эталона дважды проверялась и была признана соответствующей норме. «Ярд Генриха I» оказался короче стандартного английского ярда XIX в. всего на 0,04 дюйма.

Другой известной системой мер длины была французская (точнее говоря, парижская), основанная на единице, называвшейся туаз и похожей по своему происхождению на русскую косую сажень. Эталон «королевского туаза» находился в Париже во дворце Шатле. Он выглядел как два вмурованные в стену металлических бруска, расстояние между которыми и соответствовало туазу (аналогичные по своему «устройству» эталоны длины были во многих европейских городах). Туаз равнялся примерно 1,9 м, так что, когда французы говорят о высоком человеке «длинный, как туаз», их сравнение куда менее грешит преувеличением, чем, скажем, аналогичная русская поговорка «длинный, как верста коломенская». Зато другое выражение: «мерять на свой туаз» напоминает снова о том, что королевские меры и во Франции вовсе не были единственными и общепотребительными. Только во франкоязычной части Швейцарии известно около 15 различных туазов. Парижский туаз делился на 6 футов по 12 дюймов. Позже в связи с возрастанием точности измерений дюймы стали делить на линии, а линии в свою очередь — на точки. Соотношение различных частей туаза удобно выразить таблицей.

Большие расстояния измерялись милями и лье (бывшая лига). Лье в соответствии еще с галло-римскими традициями приравнивалась к 1,5 мили (что составляло примерно 4,8 км).

Типичная для германских земель система соотношений основных единиц длины сформулирована в древнейшем в Германии

¹³ Впрочем, еще в начале XV в. мы встречаем такое курьезное определение акра: «Заметь, что на акре земли можно разместить 58 тысяч зайцев».

Таблица 2

Французская система мер длины

туаз (toise)	фут (pied)	дюйм (pouce)	линия (ligne)	точка (point)	см
1	6 1	72 12 1	864 144 12 1	8640 1440 120 10 1	195 32,6 2,7 0,2 0,02

трактате о разметке полей *Geometria Culmensis* (рубеж XIV и XV вв.). Согласно этому сочинению четыре пальца составляют ладонь, четыре ладони — фут, два фута — локоть. Конкретные значения этих единиц длины изменялись в разных областях весьма существенно.

В XIX в. только на территории великого герцогства Баденского (площадь около 15 тыс. кв. км) зафиксировано 112 различных «старых» локтей, значительная часть которых, несомненно, восходит к средневековью. Футы практически всегда делились на дюймы, но число их могло равняться не только 12, но и 10 в каждом футе. Из 10 дюймов состояли футы, например, в Бадене, Швейцарии, Вюртемберге. Вюртембергский фут по своей длине (28,6 см) оказался ближе всех зафиксированных в позднее средневековье и дошедших до XIX в. футов к древнему «германскому футу», о котором шла речь выше. Футы, применявшиеся в Копенгагене, Люцерне, Вене, Рейнской области, колебались около 31 см. В Бадене, Мюнхене, Берне, Базеле, Праге, Стокгольме они были близки к 30 см. Около 29 см был фут в Бремене, Гамбурге, Любеке. Чуть больше 28 см были футы в Дрездене и Франкфурте-на-Майне. Что же касается «локтя», то он похоже раньше фута утратил свою связь с частью человеческого тела и превратился в меру, особенно охотно применявшуюся купцами для отмера тканей. Трудно найти человека, длина предплечья которого равнялась бы венскому локтю — 76,4 см, но и это не предел; например, в Верхней Австрии, локоть приближался к 80 см. Во Франкфурте-на-Майне, напротив, существовал локоть всего 54,7 см, а о коротких локтях менее 50 см (римском и германском) говорилось выше.

Меры больших расстояний в разных странах Европы различались между собой не меньше, чем локти или футы.

«Большая немецкая миля» приближалась по своей длине к 7,3 км, но это лишь одна из многих миль, употреблявшихся в Германии. В Италии популярна была венецианская миля (около 1,7 км), но наряду с ней применялись римская, ломбардская и другие мили. Специальные меры длины применялись в море (морские мили и лиги), которые были, как правило, длиннее соответствующих сухопутных миль и лиг. Так, французское морское лье

равнялось примерно 5,5 км, немецкая морская миля, применявшаяся на Балтике, — приблизительно 10 км и т. д.

Попытки разобраться со средневековыми системами веса встречаются те же препятствия, что и любые другие исследования в области метрологии этого периода истории. Надежность выводов не обеспечивается даже тогда, когда в руках историка оказывается хорошо сохранившийся (что само по себе уже нечасто) весовой эталон. Две «древние» гири, представленные кёльнским магистратом в начале XIX в. в качестве образцов кёльнской марки весили: одна — 233,38 г, а другая — 234,06 г. Найдены и гири весом в 233,75 и 233,8 г. Анализ так называемого «набора гири Карла Великого», хранящегося в Париже, дает для парижской марки вес между 244,144 и 244,576 г, что можно считать едва ли не пределом точности, достигнутой в средние века. Этого нельзя сказать о безымянных гирях, порой сильно поврежденных, которые находят в захоронениях, особенно если гирька отмечала какой-то не вполне очевидный вес, например 1/27 марки, или 3/7 эре, или еще что-либо в таком роде. Подобный археологический материал открывает простор для самых смелых гипотез о соотношениях и заимствованиях различных весовых систем или их элементов.

Новые веса, в изобилии возникавшие в средние века, являлись нередко следствием суммирования серии неточных измерений. Поскольку больший вес получали, как правило, путем сложения малых весов далеко не идеальной точности (в качестве гири очень часто использовали монеты), то и ошибка в итоге становилась ощутимее. Неправильно установленный вес становился образцом и превращался в очередной «фунт» или «марку».

И все же позднеимский фунт (327,45 г) со всевозможными местными вариациями в течение длительного времени оставался основой как весовой, так и денежной системы в раннефеодальной Европе¹⁴. При Карле Великом фунт потяжелел до 367,13—491,179 г (более точно его вес установить не удастся)¹⁵. Каролингский фунт делился на 20 солидов по 12 денариев в каждом. Впоследствии солиды стали называться шиллингами, а денарии — пенни, пфеннингами, пеннингами (в Скандинавии), денье (во Франции), данарами (в Италии).

Примерно в то же время происходит сближение значений *talentum* и *libra*. Если в раннее средневековье *talentum* имел впол-

¹⁴ Метрология занимается монетами только как весовыми единицами, оставляя все прочие вопросы нумизматике.

¹⁵ Еще в документах XIII в. встречаются указания на то, что измерения проводились «фунтами Карла Великого». Другое дело, какой именно вес под этим подразумевался. В ряде городов Европы сохранились эталонные гири XIII—XIV вв., которые, судя по надписям на них, назывались каролингскими фунтами. Но в этих случаях имя Карла использовалось для того, чтобы придать больше авторитета местной весовой единице. Вес этих гири не соответствует один другому; они имеют мало общего между собой (например, 108,35, 162,55 или 274,4 г). Попытки вычислить подлинный фунт Карла Великого делались, естественно, не на этом материале, а путем взвешивания денариев рубежа VIII и IX вв.

Структура серебряной немецкой марки

марка	полумарка	фердинг	лот	сетин	квентин	рихт- пфеннинг	геллер	эсхен
1	2	4	16	32	64	256	512	4352
	1	2	8	16	32	128	256	2176
		1	4	8	16	64	128	1088
			1	2	4	16	32	272
				1	2	8	16	136
					1	4	8	68
						1	2	17
							1	8,5

не античный облик (большой талант равен 120 фунтам, средний — 72, а малый — 50), то теперь слово *talentum* обозначает практически то же, что и *libra*, — фунт, а с XI в. он употребляется в этом значении повсеместно. Правда, каролингский фунт ненадолго пережил Карла Великого. В IX—XI вв. реальный вес денариев постоянно падал, а значит, все дальше расходились друг от друга фунт — весовая единица и фунт — счетная единица. Одно дело — кусок серебра весом примерно в 400 г, совсем другое — 240 сильно полегчавших за прошедшее время денариев. Иногда это расхождение пытались сократить, увеличивая число денариев, в других случаях, наоборот, весовой фунт падал вместе с падением веса реальных 240 монет; а порой появлялись два или более разных фунтов, одним измеряли серебро, другим — прочие предметы и т. д. Вновь возник на первом плане римский фунт с его делением на 12 унций.

Возможно, именно в силу неопределенности и запутанности всех этих процессов Европу начинает завоевывать новая денежная и весовая система, основанная не на фунте, а на марке. Марка появляется впервые в Англии уже в IX в. Она имеет скорее всего датское происхождение. На протяжении всего средневековья марка в Скандинавии делилась на 8 эре, причем вес эре довольно легко устанавливается благодаря найденным в захоронениях гирикам. Он оказался равным римской унции (27,3 г). Эре делилось на 3 эртуга, каждый из которых подразделялся в зависимости от местности на 10, 12, 16 или 20 пфеннигов. Итак, древняя скандинавская марка равнялась 218,3 г. В середине XI в. она распространяется по всей Западной Европе, вытесняя фунт из монетных дворов в купеческие лавки, но в то же время «устанавливая взаимоотношения» как с ним, так и с шиллингами. Поскольку первоначальная марка равнялась 2/3 римского фунта, то во многих странах марка стала по аналогии приравниваться к 2/3 местного фунта. Только в Германии стали считать на фунт две марки. Основной фракцией марки стал лот — 1/16 ее веса. Лоты начинают упоминаться в источниках с середины XII в. Очень быстро стали появляться различные виды марок, что можно объяснить не только региональными особенностями, но и применением разной марки в зависимости от того, какие предметы взвешивали. Во многих городах Германии выделились специальные марки для серебра, из которого чеканятся монеты. Как правило, именно такие меры тщательнее всего хранились, и для них с наибольшей точностью изготавливались эталоны и гири. В конечном счете в основу общегерманской весовой системы, формировавшейся с 1524 г., легла кельнская марка, предназначенная как раз для чеканки монет.

Не вдаваясь в подробности запутанной эволюции различных немецких марок, ограничимся общей схемой деления серебряной марки, сложившейся к XVII в. (геллеры вошли в структуру марки начиная со 2-й пол. XIV в., эсхены — в XVI в.) (табл. 3).

На практике соотношения между частями марки, вес каждой из них и их названия сильно отличались в различных областях.

Например, в Шпайере XIII в. марка «по образцу» римского фунта делилась на 12 фракций, каждая из которых называлась унцией (хотя была существенно легче унции римской). В других городах Германии эти же фракции именовались шиллингами и могли вполне в духе каролингской традиции делиться еще на 12 «денариев». Со второй половины XIII в. на северо-западе Германии подобные «традиционные» марки перестраиваются под влиянием распространившегося из Англии способа делить марку на 160 фракций¹⁶.

Таким образом, элементы различных весовых систем, каждая из которых претерпела собственную эволюцию, самым тесным образом переплетались, создавая причудливые сочетания, часто изменяясь до неузнаваемости, но сохраняя старые названия. Некоторые единицы измерения вплоть до позднего средневековья проявляли высокую степень мобильности. Они легко переходят не только из одной страны в другую, но и от культуры к культуре, легко вырываются из того социума, где они родились или активно функционировали и под старым или новым названием укоренялись в других землях. Но во многих областях, напротив, системы мер и весов оставались практически неизменными на протяжении веков. Благодаря этому «консерватизму» историки в ряде случаев используют ретроспективный метод для установления приблизительного значения средневековых единиц, в частности при помощи справочников конца XVIII — начала XIX в. Так, скажем, можно сравнить реальный вес некоторых фунтов Центральной Европы на рубеже XVIII и XIX вв. и за триста лет до этого. Вес фунтов XV и XVI вв. вычисляется на основании метрологических сочинений того времени, авторы которых использовали в качестве общей единицы измерения веса «ячменное зерно». Оказалось возможным установить, что вес «ячменного зерна» в данном случае идентичен 0,043—0,044 г (табл. 4).

¹⁶ Выше уже говорилось, что марка в Англии приравнивалась к двум третям фунта, соответственно на нее пришлось 160 (из 240) пени.

Таблица 4

Единицы веса в Центральной Европе в XVI—XIX вв.

Названия единиц измерения	Вес в «зернах» (XV—XVI вв.)	Вес в граммах (XV—XVI вв.)	Вес в граммах (XIX в.)
Фунт г. Анторфа	10 628	465,97	466,29
Фунт для серебра г. Анторфа	11 190	490,61	489,50
Фунт г. Франкфурта-на-Майне	10 968	480,87	484,45
Фунт для серебра г. Франкфурта-на-Майне	10 650	466,93	467,02
Фунт г. Нюрнберга	11 600	508,58	507,85
Фунт для серебра г. Нюрнберга	10 856	475,96	476,88
Фунт г. Офена (Буды)	11 212	491,57	491,60

Согласно другим подсчетам, марка г. Офена в XIII в. равнялась 245,5 г. Следовательно, офенский фунт в XIII в. весил 491 г. Обращает внимание столь высокая степень совпадения с данными как XVI, так и XIX в. И все же ретроспективным методом необходимо пользоваться с большой осторожностью — слишком просто было бы устанавливать средневековые меры по справочникам нового времени.

Образец традиционности в сохранении средневековых систем измерения веса представляет собой Англия. В истории Англии заметное место занимают две системы веса, за которыми закрепились названия соответственно авердюпойз и трой. Первое слово — испорченное французское *avoirdu poids* или *averdepois* — можно перевести как «иметь правильный вес». Второе — тоже французского происхождения — восходит к названию г. Труа, вернее, к весу, применявшемуся во время ярмарок в этом городе. (Заметим в скобках, что и так называемый «набор гирь Карла Великого» легенда также связывает с Труа: якобы именно оттуда император привез образец своего веса). В основе систем авердюпойз и трой лежат фунты: весом в 453,59 г, состоящий из 16 унций, и весом в 373,2 г, состоящий из 12 унций. Последний, действительно, слегка напоминает стандартный парижский вес из «набора Карла» — 367,13 г. В Англии был распространен еще третий фунт — «торговый» — весом примерно 464,5 г, но он часто путается даже в средневековых источниках с фунтом «авердюпойз». Фунт «трой» применялся в основном для взвешивания драгоценных камней, металлов, лекарств и т. п. «Авердюпойз» — древний английский вес, использовался очень широко, прежде всего в торговле. До сих пор сохраняется эталон фунта «авердюпойз» в составе набора стандартных гирь («каменной»), изготовленных еще при Эдуарде III. Именно «авердюпойз» имелся в виду, когда Эдуард III определил вес стандартного мешка шерсти в 26 «каменных», или 364 фунта. Мешок такого веса почти совпадал с тем, что использовали в своих расчетах флорентийские купцы. Он весил 500 флорентийских либр, что составляло как раз примерно 360 фунтов «авердюпойз». Такое внимание короля к тому, в каких мешках его подданные будут

продавать шерсть, свидетельствует о важности места, которое занимала в английской жизни экспортная торговля шерстью уже в XIV в.

Стоит сказать также и о том, с помощью каких инструментов производилось взвешивание в средние века.

На протяжении всего средневековья использовались два основных типа весов. Первый — обыкновенные весы с двумя равными по весу чашками и равноплечим коромыслом, как правило, со стрелкой (если не считать раннего средневековья, когда и этот нехитрый измерительный прибор подвергся примитивизации). Немало таких весов сохранилось до наших дней, еще больше их изображений известно по живописным и скульптурным произведениям средневекового искусства, особенно в сюжетах Страшного суда, когда архангел взвешивал людские души. Второй тип весов — это безмены, у которых плечи коромысла не были одинаковыми, на короткое подвешивался груз, а по длинному перемещались гири. Вес вычислялся в зависимости от того, на каком расстоянии от оси вращения гиря-противовес уравновешивала груз. Существовали безмены разных конструкций, но общим у них всех была низкая точность измерений. При небольшой сноровке в обращении безмен позволял торговцу совершенно нагло обманывать покупателя. Несмотря на столь очевидное достоинство безмена, в большинстве районов Европы он постепенно вытесняется из широкого употребления, иногда в результате распоряжения короля (так было в Англии, где безмен (*steelyard*) был официально запрещен с 1351 г.), иногда в результате соглашений купцов торгующих между собой городов (как в ганзейском союзе).

Меры объема (сыпучих и жидких тел) строились на основе линейных мер. Это известно не только предположительно, но и на основе измерений сохранившихся в большом количестве традиционных мерных «инструментов». Они представляли собой примитивные берестяные или деревянные «лукошки», выдолбленные каменные «ступы», металлические «корыта», но встречаются и литые из меди и бронзы настоящие произведения искусства. Систематические обследования таких мер производились пока только на севере Европы. Они показали, что исторические корни традиционных местных мер уходят в глубь веков, ко многим древним и ранне-средневековым системам измерений. Меры для зерна имеют в Скандинавских странах особенно большое значение, поскольку там часто в период средних веков роль монетного эквивалента играло зерно, а не серебро.

В большинстве случаев старинные меры выглядели как низкие широкие цилиндры. Эталонный для данной местности объем задавался высотой, диаметром основания, диагональю сосуда (а также различными их комбинациями), выраженными в локтях, футах, дюймах и других принятых в данной местности единицах длины. Так, например, в Дании различные местные меры отличались друг от друга прежде всего высотой. Как правило, она равнялась 6, 8 или 10 дюймам. Интереснее всего оказалось выяснить, каким

футам принадлежали некогда эти дюймы. Наряду с комбинациями, выстроенными на основе традиционного для европейского Севера «англо-датского» фута (30,2 см), неожиданными для исследователя оказались меры, распространенные на о. Фюн и в восточной Ютландии, где дюймы отсчитывались в масштабе классического римского фута (29,57 см).

В течение средневековья на юге Дании и в Сконе постепенно начинают распространяться, тесня старые меры, немецкие единицы длины как основа для построения зерновых мер. В Сконе, например, такая мера по высоте равнялась точно половине рейнского фута в 31,4 см.

Пожалуй, самая известная система измерения объема, родившаяся в средневековье, — это английская, основанная на бушеле и галлоне. В «Трактате о весах и мерах» (написан около 1303 г.) говорится: «С согласия всего королевства королевская мера была сделана так, что английский пенни, именуемый стерлингом... который весит 32 пшеничных зерна, высушенных в середине года, взятый 20 раз, дает унцию, а 12 унций составляют фунт, а 8 фунтов вина составляют галлон». Дальше разъясняется, что 8 галлонов составляют лондонский бушель, а 8 бушелей — квартал. Здесь мы видим иную методику образования мер объема, чем в случае с датскими зерновыми мерами: за основу берется не линейная, а весовая единица. Похоже, что для измерения не сыпучих, а жидких тел это был более употребительный способ. Подсчеты показывают, что объем «лондонского галлона для вина» составлял 231 куб. дюйм, т. е. это цилиндр с основанием и высотой соответственно в 7' и 6 дюймов (кстати, средневековые геометры имели представление о числе «пи», они принимали его в своих подсчетах за дробь $22/7$). Этот галлон до сих пор в употреблении, но не в Англии, а в ее бывших заморских колониях — в США. Его емкость равняется 3,785 л.

Эталоны королевского бушеля в Англии создавались мучительно. Несколько раз уже отлитые и разосланные по городам страны эталоны изымались и возвращались на переплавку. Король Генрих VII и парламент предлагали друг другу нести расходы за изготовление нового образца. Только в 1696 г. был найден удобный стандарт (не весовой, а геометрический): было велено считать королевским бушелем любой цилиндр диаметром 18,5 дюйма и высотой 8 дюймов. Объем его был очень близок к объему бушеля, созданного с такими усилиями при Генрихе VII, — он составил 2150,4 куб. дюймов и тоже сохранился до наших дней как стандартный бушель США.

В средневековой Западной Европе было множество особых, специфических мер и систем подсчетов, применявшихся в строго определенной области. Так, скажем, в горном деле существовала своя тщательно разработанная система измерения площадей участков (в лахтерах) и глубины штолен¹⁷. Вес драгоценных камней и

отчасти металлов измерялся в каратах. Слово «карат» означало зерно рожкового дерева, растущего в Африке. От арабов карат попал в средневековую Европу, получил, естественно, несколько вариантов исчисления и в одном из них просуществовал до сегодняшнего дня. Луга измеряли не в моргенах или акрах, а в стогах, которые можно на таком лугу поставить. Много своеобразных мер и весов вызвали к жизни нужды оптовой торговли. Ясно, что перемеривать локтями или футами большие партии ткани было в высшей степени неудобно. Купцы нашли выход из положения. Во-первых, они ввели так называемый «большой локоть», равный по длине 10 обычным локтям; во-вторых, мерой длины стала сама упаковка товара. Клеймо поставщика на кипе или тюке гарантировало, что внутри содержится строго определенное количество локтей ткани. Соответственно счет шел уже не на локти, а на кипы и полукипы.

Крупные корабельные грузы во всем северном торговом регионе измерялись в ладах. Слово «лад», вероятно, древнеанглийского происхождения и означает «груз». Лад оказывался единицей емкости, веса или штучной мерой в зависимости от того, что именно им измеряли.

Так, лад зерна в Англии представлял собой 80 бушелей, (т. е. 28,19 гкл), лад перьев равнялся 1700 фунтам (771,1 кг), «лад сельди» означал 12 тыс. шт. В восточной части Балтики, похоже, более последовательно выдерживался тот принцип, что лад составляется из дюжины каких-либо крупных партий товара. Скажем, при перевозке соли, золы, сельдей лад означал 12 «обычных» бочек. Для ворвани и растительного масла лад означал уже 12 «двойных» бочек. Для товаров, измерявшихся по весу, лад составлял 12 берковцев. Берковец (корабельный фунт, *schippunt*, *talentum navale*) широко применялся во всем Балтийском регионе, возможно, уже с X в. Название этой единицы связывают с торговым центром Бирка в Скандинавии. Берковец, как правило, получался из 400 фунтов, принятых к употреблению в том или ином городе. В Ливонии для оптовой торговли применяли также капь и ливонский фунт. Последний считался равным $1/20$ части берковца, или 20 рижским фунтам, т. е. приблизительно 8,2 кг. Восемь ливонских фунтов составляли капь.

Подобные единицы крупного веса возникали и распространялись везде, где большой размах приобретала торговля. На Средиземном море одной из самых известных был генуэзский кантаро грассо (около 52,3 кг), на сухопутных торговых путях очень часто считали груз на «повозки» или «телеги». В Англии, например, вес «воза» предполагался равным примерно 2 тыс. фунтов, т. е. около 600 кг.

Очень часто считали на штуки, в основном десятками и дюжинами, причем «сотня» вовсе не обязательно обозначала 100 предметов. Были «сотни», составленные из дюжины десятков (120), и даже «большие сотни» из дюжины сотен (1200). «Тысяча» тоже часто обозначала 1200, а «большая тысяча» — до 2880. Была и

¹⁷ Агрикола Г. О горном деле и металлургии. М., 1962.

«двойная сотня» ($120 \times 2 = 240$), «большая дюжина» означала двенадцать в квадрате (144), дорогие меха считали на «сорока» и т. д.

Нужды развивавшейся коммерции, техники и строительства, общий подъем западноевропейской экономики на исходе средних веков выдвигали новые требования к точности измерений. Заново пересматривались в XVI—XVII вв. эталоны мер и весов. Для их проверки и усовершенствования привлекались лучшие ученые.

О значительном изменении отношения к эталонным мерам по сравнению с ранним средневековьем в массовых представлениях, а не только исследованиях ученых мужей свидетельствует, на наш взгляд, один пример, относящийся к Франкфурту-на-Майне XVI в. Там для определения длины одной «руте» рекомендовалось, «чтобы 16 человек, высоких и низких, когда они, например, выходят из церкви, поставили свои башмаки один перед другим: эта длина должна быть законной мерой, которой надлежит мерить поля». Футом же считали не длину какого-то одного башмака, будь его обладатель высоким или низким, а $1/16$ часть полученной длины¹⁸. Конкретное, сугубо предметное мышление начинает сдавать позиции: понятие «среднестатистического» фута было бы чуждо человеку раннего средневековья. Он предпочел бы взять вполне реальный башмак какого-либо особо уважаемого человека — будь то король или староста данной деревни — и использовать его в качестве эталона.

Проблемами выработки эталонов активно занимались и монархи в складывавшихся централизованных государствах Западной Европы. Для этой цели привлекались самые авторитетные специалисты, разработанные ими образцы мер и весов буквально навязывались подданным государя. И тем не менее трудно найти в Европе страну, где удалось бы добиться до рубежа XVIII и XIX вв. (т. е. до появления метрической системы) метрологического единообразия. Даже в Англии — стране относительно небольшой по площади, в которой рано сложилась сильная монархия, где столько усилий уделялось стандартизации мер, успехи в этой области весьма скромные. Достаточно привести слова из одного Елизаветинского статута: «Меры веса, используемые в разных местах нашего королевства, не определены четко и различаются друг от друга к немалому ущербу для королевства и благополучия всех людей как продающих, так и покупающих». И уж совсем безотрадную картину рисует донесение мэра г. Эксетера, датированное 24 июня 1620 г. Мэр докладывает, что он попытался выполнить очередной королевский указ, требующий унифицировать местные меры для зерна, но встретил при этом массу сложностей «по причине великого несогласия народа оставить свою старую меру». Если такое происходит в Англии XVII в., то что говорить о попытках Филиппа V (1316—1322) урегулировать меры и вес во Франции или тем более императора Карла V (1519—1556) в Германии. В Венгрии

в 1407 г. было предписано под угрозой конфискации имущества привести все меры и единицы веса в полное соответствие с принятыми в г. Офене (Буде). Ландтагу пришлось вновь требовать подобной унификации в 1588, затем в 1655 г., а после еще трижды возвращаться к тому же вопросу на протяжении XVIII в. Уже после первого указа многие города Венгрии стремились не столько действительно приравнять свои меры к офенским, сколько всеми правдами и неправдами добиться того, чтобы власти провозгласили их идентичными с г. Офеном. Ситуация осложнилась тем, что Буда оказался под властью турок, и уличить хитрецов в лукавстве стало совсем уж непросто. В конце концов во время очередного спора двух городов за право признать именно свои меры идентичными офенским, ландтаг постановил считать, что меры и вес г. Пресбурга идеально совпадают с аналогичными мерами Буды. С тех пор Пресбург фактически занял место Офена, но это вовсе не означало исчезновения местных единиц измерения. Напротив, на протяжении всего XVII в. они даже преобладали. К тому же турецкая оккупация части Венгрии привела к тому, что в занятых районах укоренились меры турецкого и балканского происхождения. Ситуация была изменена в пользу центральной власти только после введения в стране метрической системы в XIX в.

Подобное упрямство со стороны жителей отдельных областей объяснялось, по всей видимости, тем, что местные («свои») меры воспринимались как существенная, освященная веками часть общественного статуса данного коллектива (города, деревенской общины, района). Утрата этой части, навязывание извне «чужих» мер должны были рассматриваться как весьма болезненное ущемление этого статуса, потеря собственного лица и нарушение устоев своего мирка, подобное, скажем, уничтожению ландшафта или вселению иноверцев. К тому же в сознании человека того времени меры, по-видимому, были как-то связаны и с сущностью того предмета, для измерения которого они предназначались. Иначе почему в одном и том же месте существовало множество локтей для измерения различных тканей, фунтов для взвешивания различных товаров и т. п. Серебро нельзя было измерять той же единицей, как и муку, а зерно — мерой для вина. Унификация мер и весов могла подсознательно восприниматься как обеднение окружающего мира вещей, утрата ими части своих отличительных черт.

Европейская торговля испытывала, естественно, значительные неудобства от всей этой необозримой пестроты мер и весов. И все же она находила способы вполне благополучно приспособливаться к этому разнообразию, сохранявшемуся вплоть до XIX в. С течением времени устанавливались постоянные пропорции между мерами и весами городов и стран, находившихся в оживленных торговых отношениях. «Собственные» меры могли подгоняться к мерам «старшего партнера» если и не до полной идентичности, то по крайней мере так, что перевод из одной системы в другую происходил легко и просто. Вновь основанные города часто получали

¹⁸ Горячкин Е. Н. Из истории мер и весов. М., 1953. С. 32—33.

свои меры и веса вместе с городским правом от одного из старых и авторитетных городов, а затем сверялись с ним не только в судебных вопросах, но и в вопросах метрологии. Города обменивались между собой эталонами мер и весов. На крупнейших ярмарках перед зданиями ратуши выставляли образцы всевозможных футов и локтей, гирь и мер, принадлежащих близким и далеким странам, городам и местечкам со специальными клеймами их обладателей, подтверждающими идентичность этих мер. С помощью справочников и на основе купеческой практики легко было узнать, что центнер (т. е. 100 фунтов) в Нюрнберге равнялся 95 пражским фунтам, 108 — в Ульме и 102 — в Кёльне. В свою очередь пражский центнер равнялся 161 «малой либре» Венеции, 31 пресбургская зерновая мера — 40 венским, английская миля на 280 футов длиннее итальянской и т. п. Достаточно узнать значение одного звена в такой цепочке и можно отправляться в путешествие или на отдаленную ярмарку.

Современному историку средневековых мер и весов куда сложнее нащупывать путь в лабиринтах бесконечно менявшихся единиц и их соотношений, неуловимых переходов из одних счетных систем в другие, туманных вычислений и невнятных истолкований в старинных трактатах.

Сказанного, вероятно, достаточно, чтобы показать читателю сложность средневековой метрологии и в то же время ее важность для медиевистики. При ориентации в мире средневековых мер и весов не обойтись без многочисленных словарей и справочников, которые, впрочем, не дают ответа на все вопросы. Историческая метрология средних веков — сравнительно новая дисциплина, в ней еще много нерешенных проблем, которые ждут своих исследователей.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Земзарис Я. К. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XVI вв.)//Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. IV. С. 210—215.

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975.

Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.

Alberti H.-J. Mass und Gewicht. Berlin, 1957.

Berriman A. E. Historical metrology. London, 1953.

Edler F. Glossary of medieval terms of business. Italian series 1200—1600. Cambr., Mass., 1934.

Fauerholdt J. Danske kornmål: 1600-tallet. Odensee, 1986.

Hall H., Nicholas F. J. Select Tracts and Table Books relating to english weights and measures (1100—1742)//Camden Third Series. 41. 1929. P. 1—53.

Hannerberg D. Die älteren skandinavischen Ackermasse//Lund Studies in Geography. Lund, 1955. Ser. B. N 12.

Hultsch F. Griechische und römische Metrologie. Graz, 1882 (2. Auflage — 1971).

Klüntz R. Lexikon der Münzer, Masse, Gewicht. Berlin, 1896.

Kuhn W. Flämische und fränkische Maße als Leitform der mittelalterlichen Ostsiedlung//Hamburger mittel- und ostdeutsche Forschungen. 1960. Bd 2. S. 146—192.

Kula W. Miary i ludzie. Warszawa, 1970.

Machabey A. Histoire des poids et mesures depuis le 13. siècle. La metrologie dans les musées de province et sa contribution à l'histoire des poids et mesures en France. Paris, 1962.

Sahlgren N. Äldre svenska spannmålsmått. En metrologisk studie. Stockholm, 1968.

Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970.

Stoicescu N. Cum măsurau strămosii. Metrologia medievală pe teritoriul româniei. București, 1971.

Witthöft H. Umriss einer historischen Metrologie zum Nutzen der wirtschafts- und sozialgeschichtlichen Forschung. Göttingen, Bd 1—2. 1979.

Witthöft H. Literatur zur historischen Metrologie 1945—1982 (Literaturbericht)//Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1982. Bd 69. H. 4. S. 515—541.

Witthöft H. Münzfuss, Kleingewichte, pondus Caroli und die Grundlegung des nordeuropäischen Mass- und Gewichtswesen in fränkischer Zeit. Ostfildern, 1984.

Zupko R. E. A dictionary of English weights and measures. Madison, 1968.

Zupko R. E. British weights and measures. Madison, 1977.

Zupko R. E. French weights and measures before the Revolution. Bloomington, 1978.

Zupko R. E. Italian weights and measures from the Middle Ages to the nineteenth century. Philadelphia, 1981.

Т. П. Гусарова

ХРОНОЛОГИЯ

Слово «хронология» происходит от двух греческих слов «хронос» (χρονος) — время и «логос» (λογος) — слово, учение и означает науку об измерении времени. Она подразделяется на две части: астрономическую (математическую) и историческую (техническую). Первая, исследуя закономерности движения небесных тел и астрономических явлений, призвана устанавливать точное астрономическое время. В задачи второй входит изучение того, как разные народы в разное время измеряли и исчисляли время, как развивались и взаимодействовали различные системы времяисчисления (календари). Опираясь на данные письменных и археологических источников, историческая хронология определяет и уточняет даты исторических событий, соотносит их с современной системой счета времени. Она является одной из традиционных вспомогательных исторических дисциплин.

Уже у первобытных народов возникла потребность соизмерять во времени происходящие в их жизни события. Сначала примитивные, способы счисления времени с ростом практических потребностей людей и их знаний в области математики и астрономии все больше совершенствовались. На Древнем Востоке возникли первые календарные системы, отдельные наиболее удачные элементы которых были восприняты и развиты при разработке календарей в Древней Греции и Древнем Риме. Христианские народы средневековой Европы, с одной стороны, переняли элементы летосчисления у древних народов, с другой — создали новые. По мере расширения межгосударственных связей появилась необходимость выработать общепринятый эталон исторического времени.

Начало хронологии как науки принято относить к концу XVI — началу XVII в., когда с критикой григорианской реформы календаря выступил выдающийся французский ученый-гуманист Жозеф Скалигер. В своих трудах «Об улучшении счета времени» (1583),

«Сокровище времен» (1606) и других он разработал систему унификации летосчисления, оказавшую огромное влияние на последующие научные разработки и до сих пор широко применяющуюся в астрономических и хронологических подсчетах. В его календаре, называемом юлианским периодом, счет дней производится непрерывно в течение всего периода от начала условной даты и не подразделяется на годы. Это позволило связать различные календарные эры. Полемика, вызванная трудами Скалигера, стимулировала появление большого числа работ по астрономической и технической хронологии, содержащих обширный фактический материал.

В XVIII в. этот материал был обобщен и дополнен в книге французских бенедиктинцев д'Антина, Клеменсе и Дюрана «Искусство проверки дат», последнее издание которого включало 44 тома. В XIX — начале XX в. научная хронология достигла своей вершины. До сегодняшнего дня не потеряла своего значения работа известного немецкого астронома и хронолога Христиана-Людвига Иделера «Справочник по математической и технической хронологии». На более современной основе построен одноименный труд другого известного немецкого ученого — Ф. Гинцеля. Ценность работ Х.-Л. Иделера и Ф. Гинцеля для нас возрастает в связи с тем, что в них содержится богатый материал по истории западноевропейского счета времени. Среди авторов, исследования которых специально посвящены этому периоду, следует назвать немецких ученых Х. Гротефенда («Летосчисление немецкого средневековья и нового времени») и Ф. Рюля («Хронология средних веков и нового времени»). Двое последних, а также французский автор А. Жири («Учебник дипломатики») и венгерский медиевист И. Сентпетери («Справочник по хронологии») рассматривают средневековую хронологию в тесной связи с дипломатикой, анализируют методы датировки средневековых источников. Материал, содержащийся в этих фундаментальных трудах, был использован и в настоящем разделе. Большую помощь историкам оказывают таблицы сопоставления различных календарных систем. Среди них особое место занимают «Календариографические и хронологические таблицы» австрийского ученого Р. Шрама, который через систему счета времени Скалигера по юлианским дням связал различные календарные стили.

В русской дореволюционной и советской науке основной акцент делался и делается на системы летосчисления, применявшиеся на Руси и в России; технические приемы хронологии даны также преимущественно на русском материале. Однако календарям, имевшим хождение в Европе в средние века, уделяется внимание в работах общего характера по хронологии и истории календаря. Наибольшей известностью пользуются книги советских авторов Н. И. Идельсона, С. И. Селешникова, И. А. Климишина, Е. И. Каменцевой, Я. И. Шура, В. В. Цыбульского, известного советского византиста М. Я. Сюзюмова. Последний специальное место отводит вопросам дедуции дат различных систем на современное

летосчисление, а также определению различными способами дат исторических событий.

Основные элементы русской технической хронологии изложены в главе «Хронология» учебного пособия «Вспомогательные исторические дисциплины» под ред. В. Г. Тюкавкина.

Единицы счета времени. Первой естественной единицей времени, которую выделили, создавая свои примитивные календари первобытные народы, были сутки, связанные со сменой дня и ночи — времени работы и отдыха. Позднее, обратив внимание на прохождение Луной различных фаз от одного новолуния до другого, люди выделили более крупную единицу измерения времени — *лунный месяц*. Его продолжительность сначала определяли в 30 дней. С фазами Луны в значительной мере было связано установление следующей единицы времени — *семидневной недели*. Наконец, необходимость следить за сменой времен года вызвала к жизни появление *солнечного года*. В зависимости от того, какая из двух единиц — лунный месяц или солнечный год — бралась за основу времяисчисления, возникали лунные, солнечные или лунно-солнечные календари. Лунные календари возникли и первоначально распространились у кочевых народов, занимавшихся пастушеством. Потребность в солнечном календаре была более острой у оседлых, земледельческих народов, для которых по Солнцу надо было определять время сельскохозяйственных работ. Лунный календарь до сих пор сохраняется у мусульманских народов. По солнечному счислению времени велось в Древнем Египте, некоторых государствах Индии, в Древнем Риме после реформы календаря Юлия Цезаря, в христианской Европе. Сейчас им пользуются большинство стран мира. Лунно-солнечный календарь применялся в Древнем Вавилоне, государствах Древнего Китая, Иудее, Древней Греции. В настоящее время он сохранился в Израиле. Его используют также при составлении пасхалий в христианских церквях.

Год, месяц и сутки оказываются несоизмеримыми величинами. Их нельзя просто выразить одну через другую. Поэтому при составлении солнечного календаря за естественную единицу принимается средний солнечный год, истинную продолжительность которого в данном случае необходимо определять как можно точнее, а месяц является условной единицей. В лунном календаре, наоборот, исходной является величина лунного месяца, в то время как год — единица условная. Поэтому в солнечных календарях согласуются год и сутки, а в лунных — сутки и лунный месяц. В лунно-солнечных календарях согласовываются все три величины.

Вместе с тем в общеупотребительных системах летосчисления солнечный год и лунный месяц неудобно и нельзя выражать через дробное число. Но если дробь игнорировать, то вскорости действительное число дней в году придет в несоответствие с календарным. Для того чтобы избежать этого, составители календарей устанавливали равновесие путем введения дополнительных дней и даже месяцев в течение одного года или цикла лет. Эта компенса-

ция также должна быть очень точно рассчитанной, в противном случае счет времени через некоторый промежуток лет также оказывался ошибочным, и действительное время начинало отставать от календарного или опережать его.

Юлианский календарь и его предшественники. В основу современного солнечного календаря положен реформированный календарь Юлия Цезаря, который в свою очередь базировался на лунно-солнечных доюлианских римских календарях. Поэтому следует коротко остановиться на них.

Календарь древних римлян эпохи Ромула Августа (VIII в. до н. э.) состоял из 10 месяцев и содержал 304 дня. Год начинался с первого весеннего месяца, а название его и последующих месяцев заменяли порядковые числительные. Со временем четыре первых месяца получили названия март (Martius, в честь Марса), апрель (Aprilis), май (Maius, в честь богини земли Майи), июнь (Junius, в честь богини Юноны, дарующей людям благоприятную погоду, дожди и урожай). Название «апрель» связывают со словом «аргиге» (открывать), так как в этом месяце «открывались» (вспахивались) поля. Последующие месяцы сохранили названия: квинтилис (пятый), секстилис (шестой), сентябрь (седьмой), октябрь (восьмой), ноябрь (девятый), декабрь (десятый).

В VII в. до н. э. при Нуме Помпилии к десяти месяцам были добавлены два: январь (Januarius, в честь двуликого Януса — божества неба и солнечного света, выпускавшего солнце на небосвод) и февраль (Februarius, в честь бога подземного царства Февруса). Эти месяцы завершали год, который теперь увеличился до 355 дней. Март, май, квинтилис, октябрь содержали 31 день, апрель, июнь, секстилис, ноябрь, январь, сентябрь — 30 дней, а февраль — 28 дней. Это календарь был лунно-солнечным. Началс каждого месяца римские жрецы определяли по новолунию. Количество дней в году (355) также приближалось к продолжительности лунного года (354,4 суток). Поскольку этот год на 10 дней короче тропического¹, то со временем он все больше не соответствовал сезонам года. Для устранения этого несоответствия был введен добавочный месяц мерцедоний, который каждые два года вставлялся между 23 и 24 февраля. Он содержал то 22, то 23 дня. Средняя продолжительность реформированного таким образом года превышала средний тропический год на сутки ($366\frac{1}{4}$ суток). Жре-

цы, ведавшие вопросами календаря, в корыстных целях то продолжали, то сокращали год, внося во времяисчисление еще большую путаницу. Случалось так, что праздник урожая отмечали зимой. Вольтер метко охарактеризовал такое положение: «Римские полководцы всегда побеждали, но они никогда не знали, в какой день это случилось».

¹ Тропическим годом называют период кажущегося перемещения Солнца из точки весеннего равноденствия (21 марта) в течение года с возвращением в ту же точку. Для календарных подсчетов берется средний тропический год, который равен 365 дням 5 часам 46 секундам.

Реформа календаря стала насущной проблемой. В 46 г. до н. э. она была осуществлена по инициативе Юлия Цезаря, пригласившего для разработки новой системы известного александрийского ученого Созигена. Чтобы исправить ошибки прежнего летосчисления, Цезарь распорядился ввести два чрезвычайных месяца продолжительностью в 33 и 34 дня между ноябрем и декабрем 46 г. до н. э., увеличив, таким образом, этот до 445 дней. Чтобы избежать ошибки в дальнейшем, за продолжительность года были приняты $365\frac{1}{4}$ суток, что в большей степени соответствовало сред-

нему тропическому году. При этом предполагалось, что каждые три года будут состоять из 365, а четвертый — из 366 дней. Таким образом, каждый год был представлен целым числом, в то же время учитывалась его действительная (по тогдашним представлениям) величина. Кроме того, начало календарного года приходилось теперь на одно и то же число и время суток и переносилось на 1 января, когда происходили изменения в римских органах управления.

Дополнительный 366-й день Цезарь поместил после 23 февраля, где раньше находился мерцедоний, а мерцедоний убрал. 24 февраля повторялось дважды. По римскому обратному счету дней от ид, нон и календ (см. об этом ниже) 24 февраля называлось шестым днем от мартовских календ. Таким образом, повторный день 24 февраля оказался bissextus. От этого слова и весь год, состоявший из 366 дней, получил название bissextilis. В русском языке под влиянием византийской традиции это слово приняло вид «високосный». Високосными годами стали считать те, которые без остатка делились на четыре.

Год юлианского календаря был поделен на 12 месяцев. Седьмой месяц в честь Юлия Цезаря был переименован в июль (Julius). Семь месяцев содержали 31 день, четыре — 30, а один — 28 или 29 дней. При преемнике Цезаря Октавиане Августе юлианский календарь принял тот вид, в котором он был унаследован западноевропейским средневековьем и использовался до конца XVI в. — до реформы календаря папы Григория XIII. Месяцы получили свое окончательное название и продолжительность. Бывший секстилис в честь Августа переименовали в август (Augustus). На Никейском Вселенском соборе 325 г. юлианский календарь был признан обязательным для всего христианского мира. В этот год равноденствие весной приходилось на 21 марта. Несмотря на постановление Никейского собора, новый календарь еще долго внедрялся в практику летосчисления западноевропейских стран.

Точность юлианского календаря превышала древнеегипетский (в котором ошибка величиной в одни сутки накапливалась за 4 года), но была недостаточной для того, чтобы избежать ошибки. Принятая в нем продолжительность среднего солнечного года превосходила истинную настолько, что за 128 лет накапливалась ошибка величиной в один день. В результате сроки действительного весеннего равноденствия перестали совпадать с кален-

дарными. Это имело принципиальное значение для пасхальных расчетов. Ошибку обнаружили уже в средние века, хотя и в античности имелись более совершенные подсчеты среднего солнечного года, произведенные Гиппархом. Однако Созиген не учел их при составлении юлианского календаря. В XIII в. в Кастилии, в правление Альфонса X Мудрого, при изготовлении пасхальных таблиц была установлена продолжительность среднего солнечного года, расходящаяся с принятой ныне меньше, чем на полминуты. В XIV в. византийские ученые Никифор Григора, Матфей Властарь, Аргир обратили внимание на ошибку, но по разным причинам не добились ее преодоления. В XV в. вопросами календаря занялась папская курия, но лишь в XVI в., когда погрешность составляла уже 10 дней, при папе Григории XIII удалось приступить к реформе юлианского календаря. Для этого была создана комиссия, которая, изучив несколько проектов, приняла предложения итальянского математика и врача из Перуджи Луиджи Лилио (Алоизий Лилий). Декретом папы от 24 февраля 1582 г. устанавливалось, что за 5 октября 1582 г. должно следовать 15 октября, т. е. счет передвигался на 10 дней вперед, «утерянных» по юлианскому летосчислению. Для того чтобы избежать подобной ошибки в дальнейшем, следовало на основе более точного определения продолжительности солнечного тропического года установить новый принцип чередования високосных и простых лет. Длина тропического года по григорианскому календарю была определена в 365 дней 5 часов 49 минут 16 секунд, что на 30 секунд превышало истинную величину. По юлианскому календарю каждые 400 лет набегала ошибка в 3 дня, при том, что на этот период выпадало 100 високосных лет. Луиджи Лилио предложил сократить число високосных лет за 400 лет до 97 и считать впредь високосными те вековые годы, которые без остатка делятся на 400: 1600, 2000, 2400 гг. и т. д. В то же время вековые года между ними становились простыми: 1700, 1800, 1900, 2100 гг. и т. д. Соответствующие изменения были внесены и в расчеты Пасхи, отставшей к концу XVI в. от весеннего равноденствия, которое является точкой отсчета при определении сроков Пасхи, на 3—4 дня.

Хотя григорианский календарь тоже не был точным, его погрешность давала разницу в один день за 3280 лет. Григорианский календарь не сразу получил всеобщее признание у христианского мира. Раньше всего его приняли католические государства Испания, Португалия, Франция, Польша, часть Италии (1582 г.), император и католические княжества Германии (1584 г.). Протестанты же, как правило, сопротивлялись нововведению. В их кругах сложилась поговорка: «Лучше разойтись с Солнцем, чем сойтись с папой». Так, из-за противодействия протестантов в Венгрии юлианский календарь был широко распространен еще в первые десятилетия XVII в., несмотря на принятое в 1588 г. Государственным собранием постановление о переходе к новому календарному стилю. Протестантские города и княжества Германии еще в XVII в. (до 1700 г.) держались за старый стиль, а

принцип счисления Пасхи по григорианскому календарю приняли лишь в 1775 г., и то после неудачных попыток самостоятельных реформ. В 1700 г. к григорианскому стилю присоединились лютеранские Дания и Норвегия. В Англии это событие произошло в 1751 г. Чуть позже (в 1753 г.) примеру Дании и Норвегии последовали Швеция и Финляндия. В то же время в Европе были и такие протестантские страны, для которых очевидная ра-

Таблица 1

Промежуток времени (по старому стилю)	Поправки, дни
От 5 октября 1582 г. по 29 февраля 1700 г.	+10
От 1 марта 1700 г. по 29 февраля 1800 г.	+11
От 1 марта 1800 г. по 29 февраля 1900 г.	+12
От 1 марта 1900 г. по 29 февраля 2100 г.	+13
От 1 марта 2100 г. по 29 февраля 2200 г.	+14

Таблица 2

Промежуток времени (по старому стилю)	Поправки, дни
От 1 марта 300 г. по 29 февраля 400 г.	0 суток
От 1 марта 400 г. по 29 февраля 500 г.	+1
От 1 марта 500 г. по 29 февраля 600 г.	+2
От 1 марта 600 г. по 29 февраля 700 г.	+3
От 1 марта 700 г. по 29 февраля 900 г.	+4
От 1 марта 900 г. по 29 февраля 1000 г.	+5
От 1 марта 1000 г. по 29 февраля 1100 г.	+6
От 1 марта 1100 г. по 29 февраля 1300 г.	+7
От 1 марта 1300 г. по 29 февраля 1400 г.	+8
От 1 марта 1400 г. по 29 февраля 1500 г.	+9
От 1 марта 1500 г. по 29 февраля 1700 г.	+10

циональность перехода к новому летосчислению была важнее религиозных разногласий с папистами: среди этих стран — Голландия (1582 г.) и Швейцария (1584 г.). Ряд стран пришел к григорианскому календарю только в XX в. (Болгария, Сербия, Румыния, Греция, Турция, Египет, Советская Россия). Юлианский календарь до сих пор используется русской православной церковью.

Между тем сохранение старого порядка счета лет увеличивало ошибку. В XVI в. она составляла 10 дней, в XVII — 11, в XIX — 12, в XX в. — 13 дней. В XVII в. изменений не произошло, потому что 1600 г. оказался високосным как по старому, так и по новому стилю. Для перевода дат с одного стиля на другой важно знать, когда точно происходит прибавка лет. На данный вопрос отвечает таблица, составленная С. И. Селешниковым (табл. 1).

Точно так же можно пересчитывать даты событий, имевших место до принятия григорианского календаря, взяв за точку отсчета век, когда происходил Никейский собор (325 г.) (табл. 2).

Элементы датировки событий в средние века. В средние века при датировке событий употреблялись год, месяц, день недели, хотя все три компонента соединялись не всегда. Название месяца нередко опускалось без особого ущерба для датировки, поскольку вместо него обычно назывался церковный праздник, происходивший в один день с обозначенным событием, накануне или после него. Напротив, если опускался год или день — что также нередко происходило, то установление даты связано с большими трудностями. Обозначение лет и дней могло производиться разными способами, которые могли встретиться в одном и том же источнике и применительно к одному и тому же моменту. Эти данные в свое время служили для более точного определения времени и контроля за правильностью обозначения даты.

А. Год. Годы правления.

Часть способов, служивших в средние века для обозначения года, была взята из античности. Так, датировка годов по консулатам практиковалась византийскими императорами, но она довольно быстро была вытеснена сначала употреблявшимся наряду с ней, а затем самостоятельно летосчислением по году правления императора (*annus imperii*). Такой способ встречается в императорских грамотах, начиная с постановления Юстиниана от 537 г., которое касалось как раз этого вопроса. Эту практику вскоре переняли западноевропейские светские и церковные власти. Франкские монархи стали обозначать годы своего царствования уже в меровингскую эпоху, а римские папы — с Адриана II. С X в. епископы и архиепископы датируют документы по своему правлению. Уже в эпоху Карла Великого распространился обычай, по которому в том случае, если один властитель правил в нескольких странах, то год его правления ставился для каждой страны отдельно. Так, германские императоры рядом с годом восшествия на императорский престол (*annus imperii*) помещали год своего правления (*annus regni*), допустим, в Италии.

Для вычисления года правления необходимо знать, когда данный властитель оказался у власти, что, конечно, не совпадало с началом ни церковного, ни гражданского года. При этом следует учитывать, что, например, начало правления пап до XIV в. отсчитывалось со дня освящения (*consecratio*), а с XIV в. — еще и от момента выборов (*creatio*); у германских императоров — со дня коронации. Датировка по годам правления применима только к конкретному отрезку времени, нередко его трудно вставить в общую канву хронологически последовательных событий, хотя, зная начало правления, можно произвести перерасчет этих дат.

Индикты. В средние века существовал счет лет индиктами. Индиктами называется порядковый номер текущего года внутри

определенного временного цикла. Сам цикл именуется индикционом. Считают, что счет индиктами возник в Римском Египте и был связан с периодическим пересмотром налоговых списков. В средние века длительность индикциона определялась 15 годами, обозначавшимися порядковыми номерами от 1 до 15 без указания номера цикла по отношению к какой-либо исходной точке. Вследствие этого индикционы очень трудно поддаются расшифровке, которая становится возможной только при наличии дополнительных данных. Номер индикциона можно высчитать, взяв за исходную точку индикционного счета 3-й год до Рождества Христова, как это обычно делалось в средние века. Прибавив 3 к номеру года в соответствии с нынешним летосчислением и разделив сумму на 15, получим остаток, который показывает номер соответствующего индикциона. Если остаток равен 0, то номер цикла равен 15.

Вычисления индиктов затрудняются из-за того, что начало индикционного года не совпадало с началом гражданского или церковного года. Более того, были приняты три варианта начала индикта. 1) Греческий индикт (*indictio Graeca*, или *Constantinopolitana*) начинался 1 сентября, а до середины V в. — с 25 сентября, что соответствовало началу византийского года. Его употребляли не только в Византии, но и в Западной Европе, например в папской канцелярии в конце XI — середине XII в. 2) Исходная точка индикта Беды (*indictio Bedana*, или *Caesariana*), названного так по имени впервые упомянувшего его англосаксонского монаха Беды Достопочтенного, приходится на 24 сентября. 3) Отправным моментом папского индикта (*indictio Romana*, или *pontificia*) служило 25 декабря или 1 января. Таким образом, на исчисляемый по христианской эре год приходятся два номера индикта. Еще в большей степени затрудняет подсчеты то обстоятельство, что в одном и том же месте время от времени типы начала индиктов менялись. Так, например, в папской канцелярии с конца VI в. до второй половины XI в. употреблялся греческий индикт, в конце XI в. — индикт Беды, а в XII в. — папский индикт. Но одновременно с каждым из них в документах встречаются и два других типа начала индиктов. Известны отклонения от названных вариантов. В средневековой Генуе индикт начинался 24 сентября, но считался на год меньше общепринятого, в Сиене — с 8 сентября.

Эры. Счет лет можно вести более легко и точно, последовательно обозначая годы порядковым номером, начиная от определенной исходной точки и бесконечно продолжая их. Исходный момент подобного летосчисления называется эрой. При такой системе счета достаточно знать отправной момент, чтобы точно определить место данного года в ряду других.

Счет по эрам был известен еще в древности. К нему относятся летосчисления по Олимпиадам (от 776 г. до н. э.), от «основания Рима» (с 754 г. до н. э.), эра Диоклетиана (со времени воцарения императора Диоклетиана 29 августа 284 г. н. э.) и др.

В средние века употреблялись разные эры. Наряду с христианской эрой большое значение имела испанская эра, начало которой относили к 1 января 38 г. до н. э. Этот счет стал использоваться со второй половины V в. и встречается, в частности, у Исидора Севильского. В Португалии испанская эра сохранилась еще в XV в. Широкое распространение в странах православия получила византийская эра, возникшая в IV в., по которой летосчисление велось с 5509 г. до н. э. (или согласно другому варианту с 1 марта 5508 г. до н. э.). С этой датой связывалось сотворение мира. Надо сказать, что христианская церковь так и не смогла установить единую дату этого события, и в разных летосчислениях принимались различные точки отсчета: в антиохийской эре — 5969 г. до н. э., в александрийской — 5501 г. до н. э. и т. д.

Однако самой устойчивой оказалась христианская эра (так называемая *aera vulgaris*), ведущая счет времени от Рождества Христова. Она была введена в 525 г. римским монахом Дионисием Малым, «установившим» дату мифического рождения Христа во время вычисления пасхалий. В средневековых документах годы этого летосчисления называются «годом Господа» (*annus Domini*), годом «от воплощения Господня» (*annus ab incarnatione Domini*), годом от «рождества Господня» (*annus ab nativitate Domini*), годом от «воплощенного слова» (*annus ab verbi incarnatione*), годом «милости» (*annus gratiae*) и др. Дионисий отнес дату рождения Христа к 753 г. от основания Рима, или 284 г. до начала эры Диоклетиана, ссылаясь при этом на противоречивые евангельские даты.

Впервые в документах христианская эра стала употребляться в первой половине VII в. В XV в. все папские документы обязательно имели дату от «рождества Христова». Всеобщим же это летосчисление стало лишь в конце XVIII в. На протяжении же большей части средних веков наряду с христианской существовали и применялись и другие эры, что затрудняет датировку средневековых документов. Подсчеты усложняются еще и из-за того, что в зависимости от обычаев местной хронологической практики наступление нового года относили к разному времени. Однако в документах не всегда указывалось это обстоятельство.

Датировка начала нового года. В средние века было распространено несколько новогодних стилей. От римской эпохи было унаследовано начало года от 1 января (*stilus communis*, или *stilus Circumcisionis*). Этот стиль, как упоминалось, установил Юлий Цезарь. Христианская церковь долго не могла примириться с этой практикой, идущей от язычества. Но поскольку она сохранялась в гражданской жизни, церковь соединила с этой датой праздник, связанный с жизнью Христа, — Обрезание Господне (*Circumcisio Domini*). Тем не менее этот стиль редко использовался в официальных документах до XIV в. и получил широкое признание лишь в XVI в. Так, в Испании его «узаконили» с 1556 г., в Дании и Швеции — с 1559, во Франции — с 1563, в Нидерландах — с

1575, в Шотландии — с 1660. Позже всего на него перешли Германия и папская канцелярия — с 1691 г., а Венеция — с 1797 г. В то же время в некоторых государствах Пиренейского полуострова им пользовались уже в XI—XIV вв., а в Священной Римской империи — в XIII—XIV вв. Переход к новому стилю в некоторых местах вызвал народные волнения. Так, в Англии, где это событие произошло в 1751 г. в связи с принятием григорианского календаря, толпа преследовала лорда Честертона, бывшего инициатором этих нововведений, и требовала возвращения «украденных» трех месяцев — того времени, на какое сократился 1751 г. в результате замены благовещенского стиля начала года (с 25 марта) гражданским (с 1 января).

Благовещенский стиль (*stilus Annuntiationis*, или *Incarnationis*), по которому начало года относили к 25 марта, был чрезвычайно популярен в средневековой Европе благодаря исключительному значению отмечавшегося 25 марта праздника Благовещения (*Annuntiatio Mariae*). От него отсчитывалось земное пребывание Христа. Этот стиль зародился, как видно, в Италии, которая дольше других стран была к нему привержена. В IX—X вв. благовещенский стиль распространился во Франции, но во второй половине XI в. был несколько потеснен пасхальным стилем, одновременно с которым употреблялись благовещенский и рождественский. Довольно рано стиль от 25 марта стал известен в Англии и в качестве «официального» сохранялся там до 1751 г.

Известны два варианта благовещенского стиля. Во Флоренции и там, где следовали флорентийской практике, год отсчитывали от 25 марта в соответствии с нашим летосчислением. С этого момента и до конца декабря номер флорентийского года совпадал с нашим, в то время как период с 1 января до 25 марта обозначали на номер меньше, чем наш год. В Пизе с нашим счетом времени совпадала лишь часть года от 1 января до 25 марта, а после этого дня до конца года пизанский счет на год обгонял наш. Флорентийский стиль был распространен значительно шире пизанского, который встречается в документах некоторых итальянских городов, папской канцелярии, кое-где во Франции.

Новый год по пасхальному стилю (*stilus paschalis*) не имел постоянной даты, а был связан со сроками Пасхи. Естественно, в этом случае менялась и продолжительность года: были годы, содержавшие больше 365 дней, а одни и те же числа повторялись в году. Например, в 1231 г. Пасха приходилась на 23 марта, а в 1232 г. — на 11 апреля. Поскольку согласно пасхальному стилю год начинался с Великой пятницы или с полуночи Великой субботы², то в соответствии с этим год продолжался с 21 (22) марта по 8 (9) апреля 1231 г. Следовательно, дни между 21 марта и 1 апреля в этом году встречались дважды: в начале и в конце года. И напротив, по этим же причинам

² Дни последней предпасхальной недели.

1261 г. длился только с 23 апреля по 7 апреля следующего года, лишившись чисел между 8 и 22 апреля. Таким образом, 1261 г. содержал меньше 365 дней. Вследствие этого такой стиль был непрактичен, и его сохранение может быть объяснено лишь большим значением Пасхи. Пасхальный стиль был довольно широко распространен во Франции в XII—XV вв., из-за чего его принято также называть галликанским (*mos Gallicus*, или *Gallicanus*).

По византийскому стилю начало года приурочивалось к 1 сентября. Он практиковался в Византии и странах православной церкви, а также в Южной Италии, долго находившейся под византийским влиянием.

25 декабря являлось начальной точкой года по рождественскому стилю (*stilus Nativitatis*), широко применявшемуся в странах Западной и Центральной Европы самостоятельно или в сочетании с другими. Например, в Венгрии к нему прибегали в церковной и светской документации с XI в. на протяжении всего средневековья, хотя с XIII в. все более прочные позиции стал занимать гражданский стиль начала года с 1 января. Если какая-либо дата употреблена в рождественском стиле, следует обращать внимание на последние дни года после 25 декабря, так как в средневековых документах они записывались в счет следующего года.

При переводе на современное летосчисление встречающихся в источниках дат от «сотворения мира» по юлианскому календарю в соответствии с византийской эрой следует учитывать дату начала года в данном источнике. И если речь идет о дне, стоящем в промежутке между 1 января и 31 августа (включая их), то из полной годовой даты от «сотворения мира» надо вычесть 5508. А если событие произошло в какой-то день, начиная с 1 сентября и кончая 31 декабря, то от годовой даты отнимается 5509. Например, в источнике обозначен год 6945 от «сотворения мира». Для перевода на современное летосчисление даты от 15 июля произведем действие: $6945 - 5508 = 1437$. Полученное число является 1437 г. н. э. Если событие произошло 15 ноября 6945 г., то, вычтя из последней цифры 5509, получим искомый 1436 г. н. э.

Б. Месяц и времена года. Как уже говорилось, европейское средневековье унаследовало от римлян деление солнечного года на 12 месяцев вместе с их названиями и числом дней в каждом из них. Латинские названия месяцев в средние века по разным областям менялись. Например, несколько вариантов существовало для слова «май»: *Majus*, *Madius*, *Magius*.

Наряду с латинскими стали использоваться названия месяцев на национальных языках. Например, Карлу Великому приписывают неудавшуюся попытку утвердить немецкие названия месяцев: *Wintermanoth*, *Horung*, *Lentzinmanoth*, *Ostermanoth*, *Winnermanoth* etc. Венгерские названия месяцев употреблялись в XVI в. в частной переписке (январь — месяц девы Марии, *Boldogass-*

zony hava, апрель — месяц св. Дёрдя, Szent György hava; июнь — Троицын месяц, Pünkösöd hava и т. д.).

Названия месяцев в средневековых документах указывались не всегда. В то же время были в ходу названия месяцев по зодиакальным созвездиям. Уже в древности эклиптику³ делили на 12 частей, в каждой из которых созвездиям было отведено свое место. При этом созвездия Скорпион и Змееносец объединились в одно под общим названием Скорпион. Месяцы в таких случаях назывались по тому из них, в котором в данном месяце находилось Солнце, совершая свое кажущееся движение по эклиптике: Овна, Тельца, Близнецов, Рака, Льва, Девы, Весов, Скорпиона, Стрельца, Козерога, Водолея, Рыбы.

В средневековой хронологии времена года, астрономически определявшиеся по летнему и зимнему солнцестоянию, практического значения не имели и использовались только для общего, неточного обозначения времени. Но они были приняты в народном календаре, где с осенью, зимой, весной и летом связывались такие обозначения сельскохозяйственных сезонов, как сев, жатва, сбор винограда, покос и т. д. В церковной практике за временами года закреплялись 4 поста (quattor tempora). Деление года в связи с этим на 4 части установил папа Урбан II. В день св. Луки, 13 декабря, начинался рождественский пост, 14 октября — воздвиженский (в честь праздника воздвижения св. Креста). Время cineres. (Пепельная пятница) и начало Великого поста, как и Троицын пост, зависели от пасхи.

Датировка по церковным постам в средневековье использовалась часто. По ним, например, определялось время цеховых собраний.

В. Неделя. Средневековье заимствовало от древних семидневную неделю, которая соответствовала продолжительности одной из четырех месячных фаз Луны. «Семерка» почиталась народами Месопотамии как магическое число. Они поклонялись также пяти планетам: Марсу, Венере, Сатурну, Юпитеру, Меркурию и, добавляя к ним Луну и Солнце, снова получали магическое число. Постепенно имена этих небесных тел стали названиями дней недели. Семидневная неделя была воспринята древними евреями, греками, римлянами, а от последних перешла в средневековье, которое с некоторыми изменениями усвоило и римское наименование дней недели. Первое время христиане, как и евреи, праздновали субботу как день, посвященный богу. Но во II в. н. э. день отдыха был перенесен на день Солнца. Император Константин узаконил этот праздник. Он получил название дня Господа (Dies Dominica) и шел первым среди дней недели. Вместо дня Сатурна впоследствии стало широко употребляться слово «Sabba-

tum» от древнееврейского «шаббатон» — покой. В неороманских языках названия дней недели повторяли латинские. В германских некоторые из них носили имена германских богов, соответствующих римским: Тиу — Марс, Вотан — Меркурий, Тор — Юпитер, Фрейя — Венера. Ниже приводится таблица, которая дает представление о соотношении названий дней недели в некоторых европейских языках с латинскими римской эпохи и в средние века (табл. 3).

Таблица 3

Русское название	Латинское в Древнем Риме	Средневековое латинское	Французское
Понедельник	Dies Lunae	Dies Lunae	Lundi
Вторник	Dies Martis	Dies Martis	Mardi
Среда	Dies Mercurii	Dies Mercurii	Mercredi
Четверг	Dies Jovis	Dies Jovis	Jeudi
Пятница	Dies Veneris	Dies Veneris	Vendredi
Суббота	Dies Saturni	Dies Saturni	Samedi
Воскресенье	Dies Solis	Sabbatum Dies Dominica	Dimanche
Итальянское	Испанское	Английское	Немецкое
Lunedì	Lunes	Monday	Montag
Martedì	Martes	Tuesday	Diensday
Mercoledì	Miércoles	Wednesday	Mittwoch
Giovedì	Jueves	Thursday	Donnerstag
Venerdì	Viernes	Friday	Freitag
Sábado	Sábado	Saturday	Sonnabend
Dominica	Domingo	Sunday	Sonntag

На Руси праздничный день долго назывался седмицей, или неделей. «Воскресенье» для обозначения дня недели стало употребляться лишь в XVI в. До тех пор «воскресеньем» назывался лишь один день — первый день пасхи. Часть венгерских названий недели заимствована у славян (szerda — среда, csütörtök — четверг, péntek — пятница) и происходит от порядковых числительных, а часть — оригинальная (hetfő — понедельник, голова недели; kedd — вторник, второй день; vásárnap — воскресенье, базарный день).

Стараясь избегать упоминаний о языческих богах, христианская церковь стала обозначать будни словом feria и пометать их порядковым номером: понедельник — feria secunda; вторник — feria tertia; среда — feria quarta; четверг — feria quinta; пятница — feria sexta. Вместо воскресенья изредка употреблялось название feria prima, а вместо субботы — feria septima. Эта система и сегодня сохраняется в Португалии.

В средние века при датировке событий, связанных с неделями, часто встречаются octava (octavae), quidena (quidenaе). Первое

³ Эклиптика — круг небесной сферы, по которому происходит видимое годичное движение Солнца среди звезд.

из них означает «восьмой день после недели», т. е. повторение того же дня предыдущей недели на следующей («через неделю»). Под *Quindena* подразумевается 15-й день, начиная от данного, с включением его в этот срок, т. е. тот же день через две недели. В соответствии с этим выражение *in octavis festi Epiphaniarum* следует понимать как 8-й день, считая с 6 января, т. е. 13 января, а *in quindenis Epiphaniarum* — как 20 января. Если же при слове *feria* стоят предлоги *infra, intra, inter, sub*, такое выражение следует понимать как какой-нибудь день внутри *octava*, начинающейся после данного праздника (дня), например *feria secunda infra octavas Epiphaniarum* означает понедельник после Крещения. С точки зрения хронологии важно знать, на какой день недели падает то или иное число. Уже давно найден способ расшифровки с помощью подставления так называемой «воскресной буквы» (в русской хронологии называется вруцелетой). Если дни года, начиная с 1 января, последовательно обозначить буквами латинского алфавита от А до G (в соответствии с числом дней в неделе), а потом снова вернуться к А и т. д. до конца года, то дни, обозначенные одними и теми же буквами, будут соответствовать одним и тем же дням недели. Узнав таким образом, какой буквой будет помечено первое воскресенье года, мы можем узнать не только о днях, помеченных той же самой буквой, т. е. воскресеньях, но и том, на какой день недели приходится любое число. Существуют специальные таблицы, по которым легко устанавливается воскресная буква некоторых лет.

Г. День. Для обозначения дней в средние века применялись также несколько способов.

Римское счисление

Вместе с Юлианским календарем средневековые восприняли от римлян и обозначение дней месяца. Оно сохранялось на протяжении очень долгого времени, хотя с XI в. стало вытесняться другими принципами счета дней, связанными в первую очередь с христианскими праздниками.

Римский счет дней велся не по порядку от начала до конца месяца, а от трех его базовых дней: календ, ид и нон. Календы обозначают первое число месяца; ноны — 5-е число в январе, феврале, апреле, июне, августе, сентябре, ноябре, декабре и 7-е число в марте, мае, июле, октябре. Иды выпадали на 13-е и 15-е числа соответственно в те месяцы, в которые ноны приходились на 5-е и 7-е числа. От этих главных вех дни месяца отсчитывались назад и помечались таким-то по счету от календ, ид, нон, которые также входили в счет. День, предшествующий одному из главных, назывался канунами. В итоге римская система счета выглядела так, допустим, в январе (табл. 4).

Сохранив эту систему счета, средневековые несколько изменили его по форме. Название месяца давалось не в форме прилагательного, как у римлян, а существительным в родительном

Таблица 4

Счет от календ	Счет от нон	Счет от ид
1 янв. = календы января 31 дек. = канун январских календ 28 дек. = 5-й день январских календ	5 янв. = январские ноны 4 янв. = в канун январских нон 3 янв. = 3-й день январских нон	13 янв. = январские иды 12 янв. = канун январских ид 8 янв. = 6-й день январских ид

падеже. Название главного дня ставилось в винительном, а перед ним в аблативе — порядковое числительное, обозначавшее день, например *quinto Kalendas Julii*, или сокращенно *V. Kal. Jul.* Классическая же форма выглядела бы так: *ante diem quintum Kal. Julias*. Можно встретить в средневековой практике и другие, более мелкие отступления от римских правил. Так, день, предшествующий главному, обозначался на римский манер словом *Pridie*. Но случалось, что рядом помещали выражение *secundo* (например, *II. Kal. Julii*) и даже *primo* (*primo (die) Kal.*). Встречаются выражения *Ultimus Kalendis, ultimo Kalendarum*, которые следует понимать как *Pridie*. Такой способ обозначения чисел в Европе в средние века приводил к многочисленным ошибкам в счете. Особенно частой была неточность, происходившая из-за того, что рядом с календами ставили название не следующего, а текущего месяца.

Порядковые числительные при нумерации дней месяца стали регулярно употребляться в средневековых источниках лишь с XIV в., а всеобщее признание эта практика получила только в конце средневековья.

Нечто среднее между этими двумя системами счета дней представляет так называемый итальянский, или болонский, счет (*consuetudo Bononiensis*). В нем первая половина месяца (до 16 числа при продолжительности месяца в 31 день, и 15 — при 30 днях) обозначалась обычно порядковыми числительными, при которых ставилось *mense intrante* (*instante, introvente, ingrediente*) или *mensis intantis* (например, *die quinto intranto Junio* = 5 июня). Во второй половине месяца дни считались от его конца по принципу календ, но не от первого числа следующего, а от последнего числа текущего месяца. При этом добавлялось *mense exeunte* (*stante, astante, restante*, или *in exitu, in fine mensis*). Например, *die X. exeunte Julio* = 22 июля). Последний день называли *dies ultimus*, а предпоследний — *penultimus*. Датировку по *mensis exiens* следует расшифровывать так: к числу дней данного месяца прибавить один и вычесть из суммы число месяца по этому счету.

Обозначение дней по церковным праздникам.

Этот способ заключался в том, что для обозначения дня брался тот или иной церковный праздник, который приходится на этот

день, или ближайший к нему праздник — как ожидающийся, так и уже прошедший. Во втором и третьем случаях рядом с праздником указывали день недели (*feria*), на который он приходился. Этот способ появился в X—XI вв. и получил широкое признание благодаря важному месту церковных праздников в жизни средневековья, а также тому, что едва ли не большая часть средневековых документов исходила от церкви. Хотя каждый день года был отмечен не одним праздником, только часть их служила для датировки. Расшифровка документов, в которых дни обозначены церковными праздниками, связана с определенными трудностями, потому что, во-первых, сроки некоторых церковных праздников расходились в разных странах в соответствии с местными традициями; во-вторых, из года в год менялось время праздников, связанных с положением Луны.

Церковные праздники принято делить на подвижные (переходящие) и неподвижные (непереходящие).

Непереходящие праздники (*festas immobiles*) приходятся на одни и те же числа каждый год. Правда, бывали случаи их переноса. Например, папа Климент XII распорядился впредь праздновать день св. Иоахима не 20 марта, как прежде, а в воскресенье, следующее за 15 августа. Праздники переносились и от случая к случаю: например, если Благовещение приходилось на Великий четверг, или Великую пятницу, или Великую субботу, то с 25 марта оно передвигалось на субботу перед *Dominica Palmarum* (неделя ваий, соответствующая вербному воскресенью в православии). Из непереходящих праздников при датировке средневековых источников чаще других встречаются Рождество Христово (*Nativitas Domini*, 25 декабря), Обрезание (*Circumcisio Domini*, 1 января), Крещение (*Epiphaniae Domini*, 6 января); Рождество Марии (*Nativitas Mariae beatae virginiae*, 8 сентября), Введение во храм Марии (*Praesentatio Mariae*, 21 ноября), Благовещение (*Annuntiatio Mariae*, 25 марта), Успение Марии (*Assumptio Mariae*, 15 августа); праздники, посвященные культу святых, наиболее употребительными из которых были: св. Михаила Архангела (28 сентября), Петра (29 июня), Мартина (11 ноября) и др.

Переходящие праздники (*festas mobiles*) по большей части зависят от сроков Пасхи. Поскольку они могут приходиться на 35 различных дней в промежутке между 22 марта и 25 апреля (о сроках пасхи см. ниже), то вслед за ними перемещаются и дни других подвижных праздников. Они делятся на допасхальные и послепасхальные. К первым относятся воскресные дни, начиная с девятого от пасхи. Они обозначались порядковыми номерами, а также по начальным словам мессы:

- 9-е воскресенье — *dominica Septuagesima* (*Circumdede- runt me*)
- 8-е воскресенье — *dominica Sexagesima* (*Exsurge*)
- 7-е воскресенье — *dominica Quinquagesima* (*Esto mihi*)
- 6-е воскресенье — *dominica Quadragesima* (*Invocavit*)

- 5-е воскресенье — *dominica secunda Quadragesima* (*Remi- niscere*)
- 4-е воскресенье — *dominica tertia Quadragesima* (*Oculi*)
- 3-е воскресенье — *dominica quarta Quadragesima* (*Laetare*, или *dominica mediae Quadragesimae*)
- 2-е воскресенье — *dominica quinta Quadragesimae* (*Judica- me Deus*)
- 1-е воскресенье — *dominica sexta Quadragesimae* (*Palmarum*, или *Ramis Palmarum*)

Кроме воскресений на допасхальный период приходятся: мясопуст — *Carnisprivium* (вторник, следующий за *Esto mihi, dies Cinerum* — Пепельная среда, следующая за *Esto mihi*. Предваряющая Пасху неделя называется Святой, или Великой (*Hebdomada sacra*, или *magna*). Среди дней, широко употреблявшихся при датировке документов по этой неделе, следует назвать Великий четверг, или Господню вечерю (*Coena Domini*) и Великую, или Страстную, пятницу (*Passio dominica*).

В седьмое послепасхальное воскресенье, т. е. в 50-й день после пасхи праздновали Пятидесятницу (*Pentecosta*), или Троицу. Воскресенья между ней и Пасхой также обычно называют по началу мессы: 1) *Quasi modo geniti*, или *in albis*; 2) *Misericordia Domini*; 3) *Jubilate*; 4) *Centate*; 5) *Vocem iucunditatis*, или *Rogate*; 6) *Exaudi Domine*. Неделю, которую открывает 5-е воскресенье, принято называть Крестоходной (*Rogationes*), а ее дни — *feria secunda, tertia, quarta rogationum* (понедельник, вторник, среда) — любили использовать при датировке, как и четверг этой же недели, когда церковь отмечала праздник Вознесения Господа (*Ascentio Domini*).

После Пятидесятницы вплоть до первого воскресенья Адвента число воскресений колеблется от 23 до 28 в зависимости от сроков Пасхи и Пятидесятницы. Их также именуют по начальным словам мессы: 1) *Domine in tua* (Троицно воскресенье, *dominica Trinitatis*); 2) *Factus est Dominus*; 3) *Rescipe in me*; 4) *Dominus illuminatio mea*; 5) *Exaudivit Domine*; 6) *Dominus fortitudo mea*; 7) *Omnes gentes*; 8) *Suscepimus Deus*; 9) *Ecce Deus adjuvat me*; 10) *Dum clamarem*; 11) *Deus in loco sancto*; 12) *Deus in adiutorium*; 13) *Respice domine*; 14) *Protector noster*; 15) *Inclina Domine*; 16) *Miserere mihi*; 17) *Justus es domine*; 18) *Da pacem domine*; 19) *Salus populi*; 20) *Omnia quae fecisti*; 21) *In voluntate tua*; 22) *Si iniquitates*; 23) *Dicit dominus*. Воскресенья с 24 по 28 не имеют специального названия. Эта практика счета стала применяться с конца XV в. До этого при датировке было в употреблении лишь воскресенье, следующее за Троицей (т. е. второе), и именно в этот день звучала месса *Domine in tua*. Помимо воскресений после Троицы отмечали день Тела Господня (*festum corporis Christi*), который приходился на четверг после Троицы.

Церковь почитала не только день самого праздника, но и предшествующий ему день (*vigiliae, profestum*). При этом если

канун праздника выпадал на воскресенье или другой праздник, то по церковным правилам vigилию переносили на день вперед. Правда, при датировке эта тонкость учитывалась редко.

Часть переходных праздников не была связана с Пасхой и Троицей. Это касается рождественских и крещенских воскресений: 1) воскресенье, приходящееся на период между 1 января и Крещением (*dominica infra octavam Circumcisionis* или *dominica post annum*); 2) воскресенье между Крещением и *Septuagesima* обозначались по порядку: *dominica prima, secunda etc. post Epiphaniam*; 3) четыре адвентных воскресенья перед Рождеством и 1 января (*dominica infra octavam Natalis Domini*).

Большое количество церковных праздников в средние века сделало возможным обозначение одной и той же даты различными способами. Например, 20 июня 1313 г. в трех разных грамотах могло быть выражено тремя различными способами.

feria IV. proxima post festum sanctorum Gervasii et Prophasi;
feria IV. proxima post quindenae Pentecostes;
feria IV. proxima ante octavas Corporis Christi.

В греческой церкви до и после падения Византии придерживались византийской эры. В отношении же церковных праздников католическая и православная церкви заметно отошли друг от друга.

Главные церковные праздники (Рождество, Троица, Пасха), часть постоянных и подвижных (Обрезание, Крещение, богородичные, некоторых святых и т. д.) совпадали там и здесь. Однако дни некоторых святых — в православной церкви иные, например: день святого мученика Стефана в католической церкви приходится на 26 декабря, в православной — на 27 декабря; день св. Анны — соответственно на 26 и 25 июля и т. д. Кроме того, в восточной христианской церкви есть такие праздники, которых нет в западной. Иначе называются воскресенья.

Обозначение дней по Cisioianus: Этот способ был, пожалуй, наиболее трудным из распространенных в средние века. Суть его состояла в том, что на латинском языке гекзаметром составлялось стихотворение из 12 строф, по числу месяцев в году. Каждому месяцу уделялось по две строки. Число слогов соответствовало количеству дней в данном месяце. При этом каждый слог представлял собой начало названия важнейших церковных праздников, которые занимали в строфе место, отвечающее их положению в календаре. Ниже приводится одна из распространенных форм этого счета.

Январь: *Cisio Janus sibi vendicat Oc Feli Mar An*
Prisca Fab Ag Vincen Ti Pau Po nobile lumen.
Февраль: *Bri Pur Blasus Ag Dor Febru Ap Scolastica valent*
Juli conjunge tunc Petrum Matthiam inde...
Май: *Philip Crux Flor Got Johan latin Epi Ne Ser et Soph*
Maius in hac serie tenet Urban in pede Cris Can Pan.

Как видим, название этого способа счета дней произошло из начальных строк январской строфы. Датировка по *cisioianus* производилась таким образом, что из строфы выделяли тот слог, который отвечал дню данного месяца. Например, в источнике читаем: «*a festo s. Petri in vere ... usque ad illam syllabam Cris Pan...*» В первой части фразы речь идет о празднике св. Петра. Начало этого слова падает на 22-й слог второй февральской строки. Значит, событие, о котором говорится в источнике, произошло во время этого праздника — 22 февраля; а вторая дата, которая фигурирует во второй части фразы, — 30 мая. *Cisio anus* вошел в употребление в Центральной и Западной Европе в XIII в.

Расчет пасхалий. Развитие систем летосчисления и большая часть литературы на эту тему в средние века были связаны с расчетами Пасхи.

Уже в первые столетия христианства среди христианских общин возникли разногласия о сроках празднования Пасхи. В восточных провинциях Римской империи она, по традициям антиохийской церкви, совпадала с еврейской Пасхой и начиналась в полнолуние, т. е. 14 числа первого весеннего месяца по лунному календарю евреев (месяц нисана). Общины Египта и некоторых западных провинций Римской империи, следуя александрийской церкви, относили начало Пасхи к ближайшему воскресенью после первого весеннего полнолуния и рассчитывали его независимо от иудеев. Свои способы расчетов имелись и у части западных общин во главе с Римом. Никейский собор 325 г., стремясь, с одной стороны, преодолеть эти разногласия, а с другой — не допускать совпадения христианской Пасхи с еврейской, установил в качестве общего времени для христианского праздника воскресенье, следующее за первым весенним полнолунием, считая за начало весны равноденствие 21 марта. В случае же, если полнолуние приходилось на 20 марта, т. е. за день до весеннего равноденствия, то первым весенним полнолунием следовало считать то, которое наступало через месяц, 18 апреля, а началом Пасхи — ближайшее воскресенье: от 19 до 25 апреля. Таким образом, Пасха могла начинаться в любой из 35 дней между 22 марта и 25 апреля, и могло быть 35 вариантов зависящих от нее праздников. Уже в III в. стали предприниматься попытки выявить определенную регулярность в смене дат Пасхи и установить ее цикличность. Эти расчеты привели к созданию пасхальных таблиц, или пасхалий, в которых сроки Пасхи вычислялись за много лет вперед.

В 525 г. н. э., или в 241 г. эры Диоклетиана, римский монах Дионисий Малый, используя опыт предшественников, создал пасхалию по принципу, который лег в основу расчетов сроков Пасхи на протяжении почти всего средневековья. Он, как уже упоминалось, предложил заменить эру Диоклетиана — гонителя христиан — счетом лет от «Рождества Христова». Дату мифического рождения Христа Дионисий использовал в качестве отправной

точки при расчете пасхалий. При этом он пользовался «кругом Луны» и «кругом Солнца».

Метонов цикл, или «круг Луны». При составлении пасхалий исходят из двух главных принципов. Важно знать, когда в предстоящем году наступит первое полнолуние после 21 марта и когда после этого придет ближайшее воскресенье. К тому времени, когда alexandрийские ученые после Никейского собора взялись за составление общих для всех христиан пасхалий, наступление полнолуний умели определять с помощью так называемого Метонova цикла. Еще в V в. до н. э. афинский астроном Метон, пытаясь согласовать солнечный и лунный годы, установил, что все лунные фазы на одни и те же числа месяцев солнечного года через 19 лет, т. е. через 235 лунных месяцев. Этот цикл получил название Метонova. Чтобы учесть дробную величину лунного месяца ($29\frac{1}{2}$), Метон стал чередовать месяцы про-

должительностью в 29 и 30 дней. В то же время с целью уравнивания солнечных лет и лунных месяцев в этом цикле афинский астроном вставил в него через определенные промежутки дополнительные месяцы разной продолжительности, а также дни високосных лет (их 4 в цикле). Полученная величина в 6940 дней на 1 день превышала тропический год. Этот день, названный «прыжком Луны» (*Saltus Lunae*), нужно было выбросить из 19-летнего цикла. В средние века дополнительные месяцы вставляли в 3, 6, 8, 11, 14, 17, 19-й годы, а *Saltus Lunae* — в июле и ноябре последнего года цикла. Порядковый номер внутри цикла стал именоваться золотым числом, или кругом Луны. Для его определения по юлианскому летосчислению нужно к номеру года от рождества Христова прибавить единицу и разделить на 19. Остаток и есть золотое число. Если он равен 0, то золотое число составляет 19. Единицу же необходимо прибавлять потому, что за начало цикла Дионисием Малым был принят второй год от Рождества Христова.

На основании Метонova цикла можно было довольно точно определять изменения Луны, в частности начало полнолуния.

До XI в. для установления сроков фаз Луны служили так называемые лунные буквы (*litterae lunares*). Буквы латинского алфавита дважды повторялись по порядку от А до Y: в первый раз без каких-либо пометок (*litterae nudaе*), а во второй раз помечались точкой снизу (*litterae subnotatae*). В третий раз буквы следовали от А до Т и точка ставилась над ними (*litterae supernotatae*). Каждая из этих 65 букв соответствовала определенному дню года от 1 января. Одинаковые буквы означали новолуния. Отсюда можно было узнать любую фазу Луны, в том числе и полнолуние, ожидавшееся после 21 марта. Однако то обстоятельство, что в Метонов цикл включались дополнительные месяцы, нарушало порядок и приводило к ошибкам при вычислении Пасхи.

Круг Солнца. Как уже говорилось, для установления срока

Пасхи важно знать, когда наступает первое воскресенье после первого весеннего полнолуния. Из года в год на разные числа приходится разные дни недели из-за того, что число недель и дней в году не составляет целого (52 недели + 1 или 2 дня в зависимости от того, високосный данный год или простой). Если бы год состоял только из 365 дней, то дни недели ежегодно на один передвигались бы вперед. Но каждые четыре года приходится добавлять еще один день. Этот день обойдет все дни недели через 28 лет (четыре семилетки) и на 29-й год вернется на свое исходное место. Этот цикл получил название круга Солнца. Каждый год имеет в нем свой порядковый номер. Цикл был известен еще древнегреческим астрономам, а при составлении пасхалий был впервые употреблен в сочетании с Метоновым циклом аквитанцем Викторием в 475 г. и далее разработан Дионисием Малым.

С помощью круга Солнца и Метонova цикла можно узнать, когда полнолуния будут вновь повторяться в те же самые числа месяцев и дни недели. Для этого надо перемножить числа, обозначающие оба круга: $19 \times 28 = 532$. Это число означало, что Пасху можно рассчитать на следующие 532 г., по истечении которых праздник повторится в том же порядке. Этот цикл получил название Великого круга.

С XI в. для вычисления фаз Луны вместо лунных букв стали применять более легкий и точный способ — комбинацию золотых чисел с воскресными буквами (см. выше). Это так называемый вечный юлианский календарь. Средневековые хронологи принимали за первый год 19-летнего цикла тот, в котором январский лунный месяц начинался 24 декабря предыдущего года, и, стало быть, в январе новолуние имело место 23 числа. Отсчитывая отсюда и чередуя лунные месяцы в 29 и 30 дней, мы получим новолуния первого года 19-летнего цикла, т. е. всех тех лет, золотое число которых равно 1. В декабре первого года этого цикла, согласно этим подсчетам, новолуние придется на 13 число, а на второй год — на 12 января (13 + 30). Если таким образом будут определены дни новолуния каждого года 19-летнего цикла и в соответствии с этим к дням года будут подставлены золотые числа, обозначающие отдельные годы цикла, а к каждому дню, начиная с 1 января, — еще и воскресные буквы от А до G, то и получится готовый вечный юлианский календарь.

Эпакты. С помощью золотого числа и воскресных букв по вечному календарю можно легко найти дату Пасхи. Но для ее установления средневековые хронологи использовали и другие данные, о которых следует знать из-за того, что они встречались при датировке лет.

Так, эпакты (*epactae lunaris*, *epactae minores*, *adiectioes Lunae*) показывают, сколько дней Луне в данный день определенного года. За точку отсчета при обозначении эпакт бралось 22 марта — самый ранний срок Пасхи. Поэтому, например, выражение IV Эпакта означало, что в данном году после новолуния

к 22 марта прошло 4 дня. Поскольку разница между солнечным и лунным годами составляет 11 дней (365—354), то из года в год эпакты будут возрастать на 11. Число эпакт следует увеличивать до 12 для того, чтобы в конце 19-летнего цикла выравнять неучтенные часы и минуты лунного месяца, составляющие дробное число. Тогда золотые числа и эпакты будут соотноситься следующим образом:

Золотое число	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Эпакта	0	XI	XXII	III	XIV	XXV	VI	XVII	XXVIII	IX	XX
Золотое число	12		13	14		15	16	17		18	19
Эпакта	I		XII	XXIII		IV	XV	XXVI		VII	XVIII

Эпакты принято помещать в таблицах. Если мы знаем эпакту какого-либо года, то можем легко определить срок Пасхи. Например, эпакта 1205 г. — 28, т. е. 22 марта 1205 г. возраст Луны составлял 28 дней. Значит, ближайшее полнолуние ожидалось 25 марта, а полнолуние — 7 апреля. В следующее за ним воскресенье — 10 апреля — начиналась Пасха. В средние века в соответствии с александрийской традицией эпакты меняли 1 сентября. Стало быть, ее номер действителен только до 1 сентября текущего года, после чего следовал номер эпакты очередного года. Это обстоятельство принималось во внимание при составлении грамот.

После проведения григорианской реформы календаря при составлении пасхалий стали использовать эпакты Луиджи Лилио, который исходил из более точного определения продолжительности солнечного года, а также из установления возраста Луны на 1 января любого года. Эти расчеты производились с помощью вечного Григорианского календаря. При этом новолуние первого года 19-летнего цикла падало на 30 января, а предшествующее ему — на 31 декабря. Таким образом, 1 января Луна была однодневной, и эпакта этого года равнялась 1. 1 января следующего года возраст Луны будет определен уже в 12 дней (1+12), в третьем — в 23 дня (12+11) и т. д. Когда это число превысит 30, из него следует вычислить 30. Соотношение между золотыми числами и эпактами Лилио будет таким:

Золотое число	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Эпакта Лилио	0	XII	XXIII	IV	XV	XXVI	VII	XVIII	XXIX	X	XXI

Золотое число	12	13	14	15	16	17	18	19
Эпакта Лилио	II	XIII	XXIV	V	XVI	XXVII	VIII	XIX

В конце 19-летнего цикла эпакта вырастет до 12. Это соотношение было действительным лишь до 1700 г., так как по григорианскому календарю 1700 г. не считался високосным и с него начинали действовать другие закономерности счета.

Византийский расчет Пасхи отличался от западноевропейского. В соответствии с византийской эрой лунный цикл начинали с 1 января 5508 г., а золотое число представляло собой остаток от деления номера года на 19. Иное значение имели и византийские эпакты. Лунные эпакты показывали, какого возраста Луна была 1 сентября, а солнечные — сколько дней прошло до 1 октября с последнего воскресенья. Самый важный компонент в византийских расчетах Пасхи — *themelios* (Θεμελιος) — число, которое показывает возраст Луны на 1 января любого года.

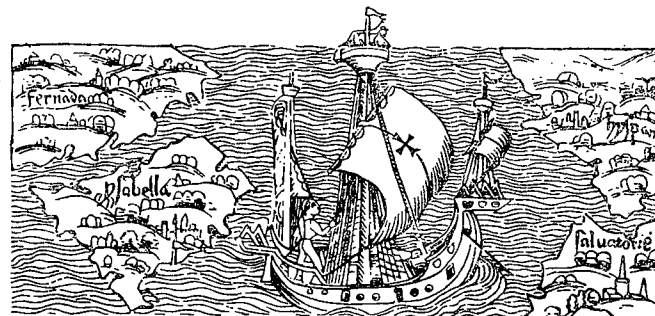
Так в основных чертах выглядят главные элементы времяисчисления у западноевропейских народов в средние века. Точность хронологических расчетов прямо зависела от уровня астрономических и математических знаний общества, а способы летосчисления находились в тесной связи и во многом диктовались космографическими и религиозными представлениями эпохи. Монополия католической церкви на идеологию и культуру отразилась на системах времяисчисления при датировке событий и в том, что основным вопросом средневековой хронологии, определявшим ее развитие, стало вычисление Пасхи.

Западноевропейское средневековье не было оригинальным с точки зрения создания календаря. Оно унаследовало и усовершенствовало римский юлианский календарь, который в свою очередь опирался на многовековой опыт предшествующих календарных систем. В то же время средние века характеризуются богатым разнообразием способов времяисчисления, нередко сложных, противоречивых, трудно поддающихся расшифровке. Поэтому специалист, изучающий средневековый источник, должен быть знаком с основами исторической хронологии. С ее помощью он может дать правильную, полную и точную датировку источника, от чего во многом зависит та или иная трактовка исторического события. Знание исторической хронологии помогает в проверке подлинности исторического документа. Например, если известно, что христианская эра стала употребляться только с первой половины VII в., то датируемые ею более ранние документы внушают историку сомнения в их подлинности. Наконец, разработка принципов соотношения различных способов датировок и их перевода из одной системы в другую, особенно в нашу, помогает представить события истории в определенной последовательности. Для облег-

чения этих пересчетов существуют многочисленные таблицы, помещенные в специальных изданиях, некоторые из которых названы в списке литературы.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Володомонов Н. В. Календарь: Прошлое, настоящее, будущее. М., 1974.
- Ермолаев И. П. Историческая хронология. Казань, 1980.
- Идельсон Н. И. История календаря. Л., 1925.
- Каменцева Е. И. Хронология. М., 1982.
- Климишин И. А. Календарь и хронология. М., 1981.
- Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984.
- Лалош М. Сравнительный календарь древних и новых народов. Спб., 1896.
- Перевошиков Д. Д. Правила времячисления, принятого православной церковью. М., 1880.
- Пронштейн А. П. Хронология. Ростов-на-Дону, 1973.
- Селешников С. И. История календаря и хронология. М., 1972.
- Степанов Н. В. Календарно-хронологический справочник//Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1917. Кн. 1.
- Сюзюмов М. Я. Хронология всеобщая. Свердловск, 1971.
- Хавский П. В. Хронологические таблицы сравнения юлианского календаря с григорианским. М., 1849.
- Цыбульский В. В. Календарь и хронология стран мира. М., 1982.
- Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944.
- Шур Я. И. Когда? Рассказы о календаре. М., 1968.
- Bickerman E. Chronologie. Leipzig, 1963.
- Carrelli A. Chronologia e calendario perpetuo. Milano, 1906.
- Ginzler F. K. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie, das Zeitrechnungswesen der Volker. Leipzig, 1906. Bd I; 1911. Bd II; 1914. Bd III. (Переиздание Leipzig, 1958).
- Grotefend H. Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit. 1891—1898. Bd I—II.
- Grotefend H. Taschenbuch der Zeitung des deutsches Mittelalters und der Neuzeit. 1922 (Переиздание Hannover, 1971).
- Giry A. Manuel de diplomatique. Paris, 1894.
- Grumel V. La Chronologie. Paris, 1958.
- Ideler L. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. Berlin, 1825. Bd I; 1826. Bd II. (Переиздание Breslau, 1883).
- Lacoinne E. Tables de concordance des dates des calendrier. Paris, 1891.
- Lietzmann H. Zeitrechnung der romischen Kaiserzeit, des Mittelalters und der Neuzeit für die Jahre 1—2000 nach Christus. Berlin, 1956.
- Neugebauer P. V. Hilfstafeln zur technischen Chronologie. Kiel, 1937.
- Rühl F. Chronologie des Mittelalters und der Neuzeit. 1897.
- Scaliger J. Opus novum de emendatione temporum. Lutetiae, 1583.
- Schram R. Kalendariografische chronologische Tafeln. Leipzig, 1908.
- Szentpetery J. A kronológia kézikönyve. Budapest, 1985.
- Watkins H. Time Counts. The Story of the Calendar. London, 1954.
- Zemanek H. Kalendar und Chronologie. München; Wien, 1984.

И. С. Филиппов

ОНОМАСТИКА

Ономастика (от греч. *онопа* — имя, название) — это научная дисциплина, изучающая имена собственные, и как таковая принадлежит одновременно истории и филологии. Филолог, исследующий собственные имена как особый вид лексики, не может не рассматривать их вне исторического контекста породившей их культуры. Историк, видящий в собственных именах прежде всего важный исторический источник, обязан учитывать его лингвистическую специфику. Поэтому обычно говорят, что, будучи отраслью языкознания, ономастика в то же время является вспомогательной исторической дисциплиной. Историк ищет в ономастическом материале сведения об обществе, филолог ономастика интересуется главным образом с точки зрения развития языка. В том, что касается определения времени рождения и этнической принадлежности топонима, равно как и собственно лингвистических его метаморфоз, историк обычно опирается на результаты работы филолога, с тем чтобы сосредоточиться на аспектах социального характера. С другой стороны, семиотические и некоторые другие штудии филолога-топонимиста по необходимости базируются на данных, собранных историками.

Ономастика изучает все собственные имена, совокупность которых иногда также называют ономастикой, но чаще онимией, что терминологически более удачно. В соответствии с обозначаемым объектом онимия делится на ряд составных частей: *антропонимию* (имена людей), *топонимию* (географические и топографические названия), *этнонимию* (названия народов, племен, этнических групп), *теонимию* (имена богов и других мифологических персонажей), *космонию* (обозначения звезд, планет, частей Вселенной), *зоонию* (прозвища животных) и т. п. Объектом ономастического исследования в принципе могут быть любые собственные имена, в том числе названия кораблей, личного оружия, драгоценных камней, но по причинам историографического характера на сегодняшний день они сравнительно редко выступают как

некая сумма данных и потому не имеют устойчивых, а главное общепотребительных обозначений. Во всяком случае, как историческая дисциплина ономастика занимается по преимуществу антропонимией, топонимией и этнонимией. Соответствующие разделы ономастики называются *антропонимикой*, *топонимикой* и *этнонимикой*. Антропонимика иногда именуется также на старом ладе «собственно ономастикой», но такого словоупотребления следует избегать как создающего терминологические затруднения и в принципе некорректного.

Каждый из этих трех основных разрядов собственных имен включает в себя великое множество весьма разнородных объектов, которые поэтому, для облегчения специальных научных изысканий, также приходится классифицировать. Так, в рамках топонимии различаются названия: населенных пунктов (*ойконимы*); рек, озер и других водных бассейнов (*гидронимы*); гор и возвышенностей (*оронимы*) и т. д. Иногда необходима еще более дробная классификация. Например среди ойконимов выделяют полисонимы и комонимы, т. е. обозначения городских и сельских поселений. Существует целый ряд терминов, характеризующих элементы внутригородской топографии, названия которых, взятые в совокупности, именуются *урбанонимами*; это *агоронимы* — названия площадей, *годонимы* — названия улиц (отличаемые от дромонимов — внегородских дорог), *эргонимы* — названия предприятий и т. п. Уточняющая классификация может основываться и на других принципах. Для медиевиста бывает, например, актуально, выделение в особую группу ойконимов, обязанных своим возникновением монастырской, вообще церковной колонизации конца раннего — начала классического средневековья и образованных по большей части от имени святого, которому был посвящен тот или иной основанный тогда храм. В литературе эту группу ойконимов обычно называют агнотопонимами, или агно-ойконимами. Составленный Н. В. Подольской «Словарь русской ономастической терминологии» (М., 1978) двух этих последних терминов еще не знает, они появились позднее, когда в них обнаружилась потребность. Следует ожидать рождения все новых и новых ономастических понятий, создаваемых самими исследователями (филологами и историками) по мере надобности, в соответствии с логикой развития науки. Нужно лишь не забывать, что словотворчество в данном случае не самоцель, а средство, и что призвано оно не придать тексту наукообразие, а облегчить работу как исследователя, так и читателя.

Ономастические данные бывают двоякого рода: сохранившиеся в современном живом языке и уже исчезнувшие из него, но запечатленные в текстах минувших времен. Различие это в известной мере формальное, поскольку на деле, за достаточно редкими исключениями (связанными обычно с анализом микротопонимии), исследователь имеет дело с ономастическими данными, уже облеченными в письменную форму, так что дело лишь во времени создания текста. Наибольшую ценность представляют, естествен-

но, сведения, синхронные изучаемому времени, но довольно часто из-за нехватки источников приходится довольствоваться более поздними, иногда и более ранними материалами. В первую очередь это касается топонимии.

Львиная доля средневековых ономастических данных содержится в нарративных (повествовательных) и особенно в документальных источниках; по понятным причинам законодательные в этом смысле намного беднее. Обычный документ той эпохи нередко вообще состоит на добрую половину из антропо- и топонимов: помимо имен участников сделки и ее объектов (главным образом земельных и, следовательно, нуждающихся в локализации) в нем, как правило, имеется также более или менее длинный список свидетелей. Картина станет полной, если учесть, что события, в том числе и сам акт создания грамоты, зачастую датировались по именам правителей, а земельные владения сплошь и рядом характеризуются по именам их нынешних и прошлых владельцев, а также обрабатывающих их крестьян-держателей. Очень насыщены антропонимическими сведениями земельные и налоговые описи, приходно-расходные книги, долговые и закладные обязательства. Документ без имен собственных — редкость, исключение из правил; другое дело, что документы разных типов содержат неодинаковое количество онимов.

Информативные возможности нарративных источников в этом отношении менее значительны. Некоторые виды нарративных текстов, например трактаты и проповеди, порой почти совсем обходятся без упоминания конкретных людей и мест их обитания. Хроники, летописи, послания, тем более саги или мартирологи, конечно, много богаче, но все же уступают документальным. Ценность их, однако, очень велика: не говоря уже о том, что во многих случаях это практически единственные носители ономастических сведений (саги для Скандинавии до XIII в., летописи для Руси до XIV в.), сами эти сведения несколько другие, чем в грамотах и описях. По последним можно составить родословную, но с меньшей уверенностью в ее полноте, чем по хроникам, мемуарам и подобным им сочинениям. Разумеется, число воссоздаваемых по нарративным памятникам родословных ничтожно в сравнении с теми, что основаны на документах, и, как правило, не включает в себя родословных простонародья, но зато в большинстве своем они надежнее и полнее и поэтому могут служить своего рода эталонами, оберегая нас от ошибок в оценке численности семей, правовых и моральных отношений между родственниками и т. д.

Другим выразительным примером является художественная литература эпохи, которая, пожалуй, лучше, чем другие дошедшие до нас источники, вводит исследователя в мир бытовой ономастики: прозвищ, уменьшительных, ругательных и прочих имен, редко встречающихся в документах и официальных текстах повествовательного характера. Важно поэтому понять, что с точки зрения выявления ономастических данных во всей их целостности

и многообразии типологически разные источники не подменяют, а дополняют друг друга.

Выявление ономастического материала, разумеется, сугубо подготовительная, но отнюдь не механическая работа. В зависимости от задач, которые ставит перед собой историк, требуется либо собрать воедино всю массу онимов определенного рода, относящихся к определенному району в определенное время, либо ограничиться нахождением в источниках отдельных фактов, наиболее ярких и убедительных. В принципе было бы оптимальным всегда иметь под рукой весь корпус ономастических сведений, из которого можно было бы черпать как единичные, так и массовые, статистически обрабатываемые свидетельства. На сегодняшний день создано уже немало подобных сводов, главным образом антропонимических, в частности по вестготской Испании, лангобардской Италии, палеологовской Византии. Для ранних периодов, с их ограниченным и, по сути дела, фиксированным набором источников такие своды, как правило, очень полные, даже исчерпывающие; для поздних периодов, обеспеченных огромной массой часто малоизученных и просто невыявленных материалов, такие справочники относительно редки, а их надежность (даже с учетом закона больших чисел) меньше. Кроме того, выстраивая в один ряд антропонимы, запечатленные в типологически, хронологически и географически разнородных источниках, подобные издания, при всей их ценности, делают некоторые виды исследований трудновыполнимыми. Такие справочники очень удобны при изучении проблем этноса, культа, ремесла, массовых социальных представлений и т. п., их даже можно рассматривать как уже подвергшиеся первичной обработке источники. Занимаясь же историей отдельных семей, учреждений, местностей, словом, явлений индивидуальных (что зачастую служит необходимой ступенькой к исследованию макросоциальных процессов демографического, политического, экономического свойства), основываться на них нецелесообразно, а иногда и опасно. Поэтому, даже если в нашем распоряжении есть сводный ономастикон, бывает полезнее (хотя, конечно, это более трудоемко) обратиться к именникам, построенным на материале отдельных памятников, будь то хроника или картулярий; хорошие издания обычно снабжены антропо- и топонимическими указателями. Наконец, медиевист должен быть готов к тому, чтобы самому составлять именники. Эта обременительная работа окупается сторицей, так как речь идет о блоках фактов, систематизируемых с учетом задач данного конкретного исследования.

Антропонимика. Первая проблема, с которой сталкивается исследователь антропонимического материала, — это проблема идентификации. Не выявив все случаи употребления одного и того же имени, точнее, имени одного лица, зачастую невозможно понять смысл даже отдельно взятого источника, тем более оценить

как некую целостность всю сумму, быть может, весьма разнородных источников, где это имя встречается. Определить круг и количество деловых операций, совершенных одним человеком (что важно, например, для выяснения размеров его состояния, географии его владений и т. д.), разобраться в его родственных связях, должностном продвижении, политических и религиозных симпатиях — все это и многое другое удастся сделать только при условии правильной антропонимической идентификации.

Дело это не простое, поскольку случается, что даже в пределах одного текста, не исключая и небольшую грамоту, один и тот же человек именуется по-разному. Такое положение объясняется отнюдь не обязательно небрежностью или малограмотностью писца, тем более не ошибками издателей, а в первую очередь недостаточной устойчивостью средневековых имен, приверженностью людей той эпохи к двум, а то и к трем антропонимическим системам одновременно, а также объективными трудностями самоидентификации, неизбежными в условиях еще только зарождавшихся фамилий и социально-правового неравенства.

Чаще всего вариации незначительны и проявляются в добавлении, изъятии или перестановке отдельных букв (*Ricardus* — *Richardus*, *Aldairadis* — *Aldaraidis*), видоизменении окончаний, обусловленном прежде всего тем, в какой мере писец ориентируется на нормы латинской орфографии (*Petrus* или *Pietro*, *Peiro*, *Pedro*, *Peter* и т. д.), чередовании некоторых, в том числе заглавных, букв (*Guillelmus* — *Willelmus*). Последнее обстоятельство особенно важно учитывать, работая со сводными ономастическими указателями. Однако нередко приходится сталкиваться и с более серьезными колебаниями в написании имен, связанными, например, с трудностями восприятия и передачи на письме иноязычных антропонимов. Для медиевистов, изучающих так называемые контактные зоны, где соприкасались и накладывались друг на друга разные культуры (Восточное Средиземноморье и Черноморье, Испания, Сицилия, Ирландия, славяно-германская граница и др.), искажения антропонимов вырастают в настоящую проблему. Каждый такой случай нужно анализировать особо; в качестве общей рекомендации можно посоветовать постараться понять обусловленную лингвистическими различиями парадигму искажения оригинальных имен. Затруднения может вызвать также употребление уже известного, встречавшегося нам имени с уменьшительными, уничижительными и другими суффиксами (*Justinus* — *Justinianus*, *Paolo* — *Paolino*), что объясняется иногда идеологическими мотивами, например покаянным настроением совершающего благочестивое дарение, иногда — минутной прихотью писца или самого контрагента.

Немалые сложности возникают перед исследователем в связи с длительным (по крайней мере до конца раннего средневековья) использованием в обиходе одновременно христианских и языческих имен, а впоследствии довольно частая в ряде стран католи-

ческой Европы (особенно в Испании) практика наречения детей двумя или даже несколькими культовыми именами, которые употребляются то вместе, то порознь. И наконец, всевозможные дополнительные онимы, присоединяемые к главному: имя отца, прежде матери, употребляемое, как правило, в генетиве (Ugo Isnardi); прозвище, индивидуальное или семейное; указание на профессию, социальный статус, место рождения или проживания, земельное владение или земельные владения. Призванные, по замыслу автора или писца, уточнить, о ком идет речь, эти дополнительные обозначения создают историку лишь дополнительные проблемы, так как один и тот же человек может быть назван в разных документах очень разными способами. Систематизация имеющихся в наличии антропонимов приобретает принципиальное значение.

Для того чтобы справиться с этой задачей, необходимо составить некоторое представление об истории антропонимических систем средневековой Европы. Поскольку антропонимия каждой страны, даже области, по-своему уникальна и нуждается в специальном изучении, здесь приводятся лишь наиболее общие сведения. В целом можно сказать, что система имен средневековья возникла в результате взаимодействия трех элементов: римского, варварского (в первую очередь германского, а также кельтского, славянского, мадьярского, арабского) и христианского, первоначально главным образом еврейскими и греческими источниками. Поэтому начать следует с характеристики этих трех элементов.

Римское имя классической эпохи, например Гай Юлий Цезарь, содержало в себе три компонента: *praenomen*, или личное имя человека (их было всего 18), *nomen*, или родовое имя, передаваемое по наследству, и *cognomen* — также передаваемое по наследству имя ответвления рода. Обладателем такого трехчленного имени мог быть только полноправный римский гражданин. Имя римской гражданки образовывалось от родового имени ее отца (соответственно дочь Цезаря звали Юлией); сестер различали по номерам, реже по прозвищам. Свободные иноземцы, перекрестники, именовались по обычаям своего народа. Греки, например, назывались в официальных документах такой-то, сын такого-то. В латинских текстах иноземные имена, как правило, слегка видоизменялись под стать латинской фонетике и орфографии. Рабы также носили пронациональные имена или же прозвища, характеризующие их происхождение, профессию, индивидуальные особенности. Будучи отпущены на свободу, рабы автоматически включались в род своего господина и на этом основании получали *nomen*, одновременно они порой принимали и «настоящее» римское личное имя (рабы, рожденные в неволе, часто уже обладали таковым). Что же касается *cognomen*, то его отпущенник в первом поколении не мог, лишь его сын или даже внук, которым уже было, к кому возводить свой род, получали право называться полноценным трехчленным именем римского гражданина. Этот оним ино-

гда несет на себе отпечаток происхождения семьи, например местности, где появился на свет ее основатель, и зачастую является единственным средством узнать, принадлежит ли тот или иной римлянин к числу потомственных латинян или же относительно новых граждан.

К концу античности древняя антропонимическая система латинян деформируется. Тому было много причин: постепенное разрушение родовых связей, распространение римского гражданства на большинство населения Империи, которое далеко не всегда перенимало ономастические традиции римлян, влияние поглощенных Римом иноязычных культур, наконец, процесс христианизации. В IV—V вв. трехчленных имен продолжала держаться лишь аристократия, простонародье же все чаще довольствуется одним-двумя именами, социальные функции которых уже, по сути дела, не различались. Одновременно появляется множество новых, несомненно, латинских, но не встречавшихся ранее имен, образованных путем видоизменения старых и изобретения неизвестных доселе, иногда семантически активных антропонимов. По всей видимости, в развитии этого процесса немаловажную роль сыграла интеграция в римскую антропонимию причудливых когноменов вольноотпущенников и приобретших римское гражданство перекрестников. И конечно же, распространение христианства, повлекшее за собой проникновение в римскую среду иноязычных, преимущественно восточносредиземноморских имен.

Принципиально иными были имена варваров Северной и Центральной Европы. Рассмотрим их особенности на примере германской антропонимии, наследие которой было наиболее значимым для западноевропейского средневековья. Не считая прозвищ, имевшихся как будто далеко не у всех, германцы обоих полов обладали всего одним именем. Германцы видели в личном имени действительно индивидуализирующий признак, свойственный только данному человеку; соответственно у них существовало великое множество имен, каждое из которых означало какое-то понятие, отражающее признаки, считавшиеся специфическими для рода и призванные в известной мере формировать характер человека. По традиции имя ребенка представляло собой понятие, близкое имени-понятию хотя бы одного из родителей или других родственников. Обычно эта близость выражалась в том, что имя ребенка включало какую-то смысловую часть имени его отца, матери, дяди и т. д. Так, если отца звали *Adalbertus* («благородство и знаменитость»), а мать — *Hildegardis* («борьба и защита»), то сын имел много шансов получить имя *Hildeburtus*, а дочь — *Adalgardis*. Чаше, однако, в имя ребенка вкраплялся компонент, отсутствовавший в именах родителей (то мог быть элемент антропонима какого-то другого родича, а также патрона, вождя, просто знаменитого человека); при большой численности детей в семье это было даже неизбежно. Поэтому наряду с уже названными детьми в этой гипотетической семье на свет могли появиться также *Adalardus* («благородство и смелость»), *Rainhildis*

(«совет и борьба») и т. п. Выбор антропонимических элементов не был совершенно произвольным. Так, существовали понятия, употребимые исключительно в женских и, напротив, исключительно в мужских именах. К числу первых принадлежит, например, *gagin* («совет»), к числу вторых — *hard* («крепость, смелость»). Кроме того, изначально некоторые имена-понятия, прежде всего образованные от зоонимов (типа *Ber* — «медведь», *Wolf* — «волк»), являлись, вероятно, прерогативой отдельных родов, т. е. своеобразными именами-тотемами. В целом древнегерманская антропонимическая система была необычайно гибкой и обеспечивала человеку в подлинном смысле личное имя: по всей видимости, в пределах своего поколения средний германец мог за всю жизнь не столкнуться с тезкой.

Христианская антропонимия — феномен совсем другого порядка. Основу ее составляли имена, упомянутые в книгах Ветхого завета, безотносительно их этнической принадлежности, не только еврейские, но и египетские, сирийские, арамейские, переданные, разумеется, в гебраизированной форме. На эту основу ложились греческие, латинские и иные имена Нового завета, всегда одинарные. Наконец, новохристианские антропонимы, т. е. имена святых мучеников, по преимуществу латинские (чаще всего неклассические, вновь образованные) и греческие, а также кельтские, с V в. и германские, некоторые другие имена. В античную эпоху принятие христианского имени не влекло за собой автоматического отбрасывания прежнего, языческого имени. Как, например, мог римлянин отказаться от своего родового имени? Речь, безусловно, могла идти лишь о сосуществовании двух различных антропонимических систем (трех, если иметь в виду получивших римское гражданство греков, кельтов и др.), не вступающих в особые противоречия именно потому, что каждая из них была значима в какой-то определенной сфере общественной и частной жизни.

Эпоха Великого переселения народов резко катализирует взаимодействие антропонимических пластов римской, варварской и христианской культур. Германцы начинают намного активнее, чем раньше, заимствовать латинские, греческие, а через Библию и ближневосточные имена. (Следует отметить, что проникновение языческой по происхождению римской антропонимии в германские языки совершалось в основном через посредство церкви: к VI—VII вв. среди новохристианских имен, связанных с культом святых, было уже много специфически латинских антропонимов, в том числе и очень древних.) Со своей стороны римляне, под которыми подразумеваются и романизированные жители провинций, все больше проявляют интерес к причудливым именам северных пришельцев. Восприятие римлянами варварских имен началось еще до германских завоеваний, примером может служить имя жившей в середине V в. в районе Парижа св. Женевиевы галло-римянки по происхождению. После завоеваний этот процесс получает ускорение. Применительно к Галлии решающей вехой следует, по-видимому, считать рубеж VI и VII вв., когда количество

германских антропонимов в стране заметно увеличивается и продолжает расти, достигнув в VIII—X вв. своего максимума: в некоторых районах Северной Галлии (Турени, Иль-де-Франс, Шампани) доля варварских имен превышает в это время 90 %. Такую картину рисуют нам полиптики, грамоты, некоторые другие источники. Стимулом для принятия имен завоевателей были, вероятно, престижные соображения: знать стремилась таким образом влиться в правящую франкскую элиту, низшие слои — повысить свой социальный статус, уподобившись хотя бы по имени свободному германскому крестьянству.

Начиная примерно с XI столетия в Западной Европе намечается обратный процесс, в ходе которого варварские имена понемногу вытесняются христианскими, в массе своей греко-латинского корня. Из бесчисленного множества германских имен (создававшихся по тем же принципам, что и в древности), столь характерного для раннего средневековья, в обиходе остается лишь несколько десятков. Большинство из них активно употребляется и в наши дни. Если говорить о Франции, это — Альбер, Арман, Бертран, Гильом, Раймон, Рауль, Робер и им подобные. При этом, как уже говорилось, степень их популярности падает. Одновременно неуклонно нарастает доля христианских имен (почти полностью вытеснивших языческие латинские имена, до XI в. встречающиеся в источниках не так уж редко), в основном новозаветных и связанных с культом святых, среди которых к этому времени уже многие носили имена германского происхождения. Подчеркнем все же, что подавляющее большинство населения Западной Европы к XIII в. носило новозаветные, евангельские имена.

Связь этого процесса с завершением подлинной христианизации континента очевидна (темпы христианизации и соответственно темпы замены языческих имен библейскими в разных странах были, разумеется, неодинаковыми, но мы сейчас по возможности отвлекаемся от региональных различий). Собственно, сама победа христианской антропонимии над языческой является важнейшим свидетельством о проникновении христианской веры в сознание народных масс. Однако дело отнюдь не только в изменении количественного соотношения в пользу библейских имен. Проследившая историю средневековой антропонимии, важно увидеть, что резкое увеличение их численности к концу XIII в. идет рука об руку с изменением западноевропейской антропонимической системы в целом.

Усилившаяся склонность родителей нарекать детей именами апостолов и некоторых, наиболее почитаемых святых (например, Мартина на севере Франции и Понтия — на юге), приведшая к тому, что даже братья носили иногда одно и то же имя, в значительной мере лишила его роли индивидуализирующего признака. Так, по данным налоговых списков 1313 г., 20 % жителей Парижа звались Жанам; в других частях страны в то время наблюдалась сходная картина. При таком положении вещей неизбежны были настойчивые поиски средств, которые бы

не только позволили как-то различать этих бесчисленных тезок, но (что не менее важно) помогли бы им самим заявить на языке имен о собственной индивидуальности. Не будем забывать, что мы вступаем в эпоху, когда развитие личности делает один из самых значительных шагов за всю историю.

Справедливости ради следует сказать, что и в XI—XIII вв. в рамках существовавшей тогда антропонимической системы имелись известные возможности для социального, в том числе социально-психологического, обособления индивидов. Наиболее явная из них — своего рода неофициальное закрепление определенных имен за определенными социальными группами (разумеется, лишь как тенденция, а не норма). Чаще всего, по крайней мере если речь идет о профессиональных группах, это явление связано с культом святых — покровителей тех или иных занятий. Поскольку, например, патроном купцов и моряков считался св. Николай, среди тех, кто обращался к нему с молитвой о помощи, было особенно много людей, носивших имя Николай. По той же причине среди кузнецов были распространены имена Косма и Демьян, среди стрелков — имя Себастьян и т. п. В каждой стране, подчас и области, бытовали еще и свои представления о том, кто является заступником за мастеров такого-то профиля.

Если же иметь в виду социальные страты, то следует признать тот факт, что уже на заре классического средневековья существует определенный набор имен, употребляемых преимущественно, в отдельных случаях — почти исключительно в среде господствующего класса. Для романоязычных стран и анжуйской Англии это прежде всего те сравнительно немногочисленные германские имена (конечно, романизированные), что уцелели в период натиска христианской антропонимии. Лишь некоторые из них, например Гильом и Робер, одинаково широко используются как в дворянской, так и в крестьянской среде. Другие оказались фактически узурпированы рыцарством. Многообразны причины, по которым то или другое имя обрело быструю и прочную популярность. Распространению имен Ролланд и Оливье немало способствовал огромный успех «Песни о Ролланде». Имя Филипп, столь привычно связываемое с западноевропейским феодализмом, было, по всей видимости, завезено на Запад Анной Ярославной, во всяком случае, до того, как в 1060 г. королем Франции стал ее сын Филипп I, это имя пользовалось симпатией прихожан преимущественно восточной церкви. Древнехристианские имена, таким образом, также привились в феодальной элите этого времени, не исключая и тех, которым отдавал предпочтение простой народ. Дело в дозировке, да еще в том, как одно и то же имя употреблялось наверху и внизу социальной лестницы. В феодальных семьях в рассматриваемый период сложились достаточно определенные представления о родовых именах, передаваемых из поколения в поколение. Обычно следовали одной из двух схем: старший сын наследовал имя либо отца, либо деда (во втором случае два имени чередовались); младшие сыновья также полу-

чали специфические для данного рода имена, достаточно часто, впрочем (как и менее жестко запрограммированные имена дочерей), разбавляемые антропонимами родственников по женской линии. Разумеется, гомогенность родовой антропонимии была не столько нормой, сколько тенденцией, в массовом порядке нарушаемой бездетной смертью старшего брата, обретением нового сеньора или влиятельного свояка, вспышкой интереса к новому для данной семьи культу, многими другими, подчас ускользающими от нас факторами. Но само по себе наличие такой тенденции несомненно.

Появление родовых имен тесно связано со становлением в X—XII вв. феодальных линияжей — значительных по размерам групп феодалов, возводящих свой род по мужской линии к общему предку. Будучи детищем линияжей, общие имена в свою очередь служили немаловажным средством их сплочения и идентификации. Той же цели служили дополнительные антропонимы, постепенно закрепляющиеся за тем или иным линияжем. В X—XI вв. это были по большей части прозвища, приклеившиеся к основателям родов или кому-то из их наиболее значимых с генеалогической точки зрения членов. В дальнейшем на первый план выходят антропонимы, образованные от названия главного замка или сеньории, рода или его ответвления. Сочетаясь с прозвищами, такие антропонимы позволяли уточнить, к какому именно ответвлению рода принадлежит тот или другой человек. Так, если человека звали, скажем, Рауль Фабри де Пейреск, все понимали, что речь идет об одном из тех Фабри, что владеют замком Пейреск. Для того чтобы личное прозвище укоренилось в роду, потребовались столетия; этот процесс в целом завершился к концу раннего средневековья. Превращение дополнительных антропонимов из факультативных и блуждающих (известны случаи временного отказа от них) в устойчивые и фактически обязательные заняло сравнительно небольшой отрезок времени, датируемый в большинстве стран Западной Европы (кроме кельтских и скандинавских) XII—XIII вв. С этого времени правомерно говорить о существовании дворянских фамилий.

То обстоятельство, что фамилии раньше всего появились в среде господствующего класса, долгое время толковалось сугубо идеалистически как результат (и показатель) хронологически более раннего развития личностного начала в верхних стратах общества. Это объяснение верно лишь отчасти. Не приходится сомневаться, что осознание себя как личности, принципиально отличной от всех других людей, зародилось именно среди элиты. Однако следует помнить, что в противоположность прозвищу фамилия возникла как обозначение не отдельного человека, а рода в его линияжной форме. (Показательно, что на это же самое время падают становление и регламентация родовых гербов и девизов рыцарства.) Поэтому более существенной предпосылкой появления фамилий правильно будет считать обусловленное общими социально-политическими процессами оформление систе-

мы противостоящих друг другу и в то же время сплоченных в корпорацию феодальных линий.

В XIII в. фамилии проникают и в городскую среду, сначала в Италии, затем в Южной Франции и Испании, потом в Северной Франции, Нидерландах, Германии, Англии. В Скандинавских странах классического средневековья бюргеры, имеющие фамилии, — это практически всегда немецкие поселенцы. В первую очередь фамилии были взяты на вооружение городской верхушкой. В какой-то мере это нововведение было вызвано подражанием дворянству, стремлением уподобиться ему и тем самым одновременно отгородиться от мужичья. Были, конечно, и другие причины: увеличение численности населения, сконцентрированного на небольшой территории города, потребовавшее изобретения дополнительных антропонимических идентификаторов; образование семейных предприятий — торговых и ремесленных «домов», соперничавших не только за власть, но и за преобладание на рынке. «Доброе имя купца» понемногу превращалось в передаваемое по наследству, пользующееся хорошей репутацией название семейной фирмы. У остальных горожан фамилии появились с запозданием: и во Франции и в Германии, тем более в Англии они еще в XIV—XV вв. зачастую различались по личным прозвищам, лишенным наследственного характера.

Еще позднее фамилии получили распространение в крестьянской среде. Когда именно — вопрос спорный. Дело в том, что помимо индивидуальных прозвищ начиная с XI—XII вв. (раньше всего в Италии и во Франции) мы все чаще сталкиваемся с более или менее стабильными обозначениями членов одной семьи одним и тем же дополнительным антропонимом, образованным от названия крестьянской усадьбы, типа Paulus de Rocca Nigra. Однако это еще не была (по крайней мере всегда) фамилия в подлинном смысле слова, поскольку сплошь и рядом речь идет не об урочище, где могла находиться лишь одна усадьба, а о поселении, пусть даже хуторского типа, где таких усадеб насчитывалось хотя бы несколько. Отличие этих топоантропонимов от настоящих фамилий доказывается также тем, что в новое время, когда крестьянство в массовом порядке обзаводится фамилиями, они сравнительно редко несут территориальный характер. Наиболее ярким примером служит, пожалуй, Скандинавия, в средние века изобиловавшая подобными топоантропонимами: сегодня большинство ее жителей имеет фамилии, буквально означающие сын такого-то: Ларсен, Хансен и т. д. Наконец, следует отметить, что в некоторых районах, особенно в кельтских, вплоть до нашего времени вместо фамилий или в качестве таковых употребляются имена древних родов: Макдуглас, Маккой и им подобные в Шотландии, О'Коннор, О'Рейли и т. п. в Ирландии. В этих областях все люди, во всяком случае аборигены, обязательно были членами какого-то рода и независимо от своего социального положения носили его имя.

Распространение фамилий повлекло за собой очень существенные изменения во всей антропонимической системе. Во-первых, оно в значительной мере свело на нет значение иных способов идентификации людей, например при помощи патронимов, которые, впрочем, достаточно часто сами превращались в фамилии. Так обстояло дело во всех странах Западной Европы, особенно же заметно в Испании и Скандинавии. Во-вторых, оно вызвало ослабление роли личного имени как идентифицирующего признака. Совершенно очевидно, что резкое сокращение численности находящихся в обращении имен, наблюдаемое в XIII—XIV вв., тесно связано с появлением фамилий: общество смогло позволить себе ограничиться небольшим набором приобретших популярность личных имен как раз потому, что появились новые, в целом надежные идентификаторы в виде фамилий. По той же причине падает значение специфически родовых личных имен. Не случайно, что именно в XIII—XIV вв. древнехристианские имена, столь полюбившиеся тогда простолюдинам, проникают и в рыцарскую среду, где раньше придерживались изысканных имен германского происхождения. Результатом явилось уменьшение различий между антропонимией верхов и низов общества. Лишь очень немногие имена, как германские, так и греко-латинские, остаются неписанной прерогативой господствующего класса, среди них Александр, Гвидо, Далмаций, Мило, Оливер. Что же касается непрестижных имен, которых бы чуралась знать, столь характерных для непривилегированных сословий России, то в Западной Европе классического и позднего средневековья они, по сути дела, отсутствуют — весьма любопытный, как представляется, факт, сигнализирующий одновременно о состоянии социально-психологического климата и о векторе общественного развития.

Такова в общих чертах схема эволюции западноевропейской средневековой антропонимии. Знакомство с ней, подкрепленное изучением специального страноведческого материала, заметно расширяет возможности для правильной идентификации упоминаемых в текстах индивидов, что в свою очередь способствует использованию антропонимических сведений в качестве исторического источника.

Применение антропонимики дает хорошие результаты во многих, весьма многочисленных областях исторического знания. Назовем лишь те из них, где оно наиболее плодотворно.

На первое место следует, безусловно, поставить историю семьи. Эксплицитно присутствующие в текстах указания на родственные и брачные связи, другие свидетельства демографического, генеалогического и просопографического характера незаменимы при идентификации персонажей наших источников. Но и антропонимические данные бывают крайне полезны при изучении истории семьи и смежных с ней вопросов. Например, учет особенностей древнегерманских принципов имяобразования помогает разглядеть в случайных и ничего не говорящих, на взгляд непосвященного, нагромождениях имен (так часто встречающихся в

описях, грамотах, поминальных книгах, некоторых других видах источников) нечто читаемое, закономерное и информативное. Опыт сплошного обследования именника Сен-Жерменского полиптика аббата Ирминона (около 10 тыс. личных имен), предпринятый Ю. Л. Бессмертным, убедительно свидетельствует, что антропонимия содержит поистине уникальный материал по целому ряду аспектов истории крестьянской семьи: ее размерам, структуре, динамике, социально-правовым отношениям между супругами, родителями и детьми. Нужно подчеркнуть, что уяснение этих аспектов важно не только с точки зрения разработки историко-демографической проблематики, но и для изучения тех вопросов, которые с этой проблематикой тесно связаны. Очевидно, например, что без четкого представления о численности и самом типе крестьянской семьи пытаться анализировать уровень ее эксплуатации просто бессмысленно. А состояние источников таково, что без антропонимических данных это зачастую невозможно. Более того, привлечение этих данных позволило внести весьма существенные коррективы в наше понимание многих реалий крестьянско-сеньориальных отношений. Не требуется особых усилий и для доказательства того, насколько ценен антропонимический материал при проведении генеалогических и просопографических изысканий, важных для изучения социально-политической истории средневековья, будь то история княжеств или отдельных учреждений.

Вторая область знания, где антропонимические источники по своему информативному значению выходят на первый план, — это история этноса. Имена являются фактом не только социальным, но и национальным, хотя связь имени с этносом, равно как и с обществом, отнюдь не жесткая, однолинейная, а, напротив, очень сложная. Но какие бы сложности не таило в себе использование антропонимических данных в плане исследования национальных отношений и этноса в целом (что, кстати сказать, важно и ради истории права, религии, международных контактов), довольно часто это необходимо из-за отсутствия или недостаточности других источников.

Суть затруднений в том, что этническая принадлежность имени далеко не всегда совпадает с этнической принадлежностью его носителя. Особенно остро эта проблема стоит, естественно, для зон соприкосновения разных цивилизаций, в хронологическом же ключе — для раннего средневековья, когда древнехристианские имена еще не получили массового распространения, и противостояние греко-римской и варварской антропонимии выступало в наиболее чистой и наполненной значимым содержанием форме. Каково было численное соотношение германцев и римлян? Ответ на этот существеннейший для ранней истории средневековья вопрос по необходимости строится в значительной степени именно на антропонимическом материале. Во всяком случае, завышенные оценки численности германского элемента во франкском, лангобардском и других варварских королевств-

вах в немалой мере обязаны своим существованием излишне доверчивым отношениям к данным антропонимики. В северофранцузских полиптиках VII—IX вв. (Турском, Сен-Жерменском, Реймском) доля германских имен действительно более чем внушительная и составляет свыше 90%, но означает ли это, что эта часть населения района была германоязычной или хотя бы происходила от германских завоевателей? Казалось бы, сама непомерность этой цифры должна была бы заставить исследователя отнестись к ней настороженно — ведь речь идет о сердце Франции. Тем не менее в прошлом находились весьма именитые ученые, среди них Я. Гримм, которые на основании подобных данных утверждали, что большинство населения Иль-де-Франса в каролингское время было по происхождению германским. Впоследствии историки придерживались более умеренных оценок, говоря обычно о 25—30% германского населения в этой части Франции, но и это представляется сильным преувеличением. Выше уже отмечались причины, побуждавшие романизованное население провинций и самой Италии в массовом порядке принимать варварские имена. Поскольку так поступали тем не менее не все, очень заманчивой видится гипотетическая возможность определить коэффициент, который бы позволил вычислить истинное соотношение варваров и римлян. Различить контуры этнической картины раннего средневековья в кривом зеркале антропонимии, конечно, нелегко. Может быть, ключ к решению проблемы следует искать в сопоставлении пропорций варварских и греко-латинских имен, рассчитанных для разных районов, об этническом облике которых есть и другие, не ономастические свидетельства. Так, если доля германских имен, названных в Марсельском полиптике начала IX в., превышает 40%, и при этом достоверно известно, что численность германцев в Провансе была ничтожной, правомерно предположить, что антропонимия северофранцузских описей каролингского времени достаточно сильно искажает соотношение этносов.

В-третьих, антропонимические источники представляют исключительную ценность для изучения социокультурной проблематики. Возможности их использования весьма разнообразны. Начать с того, что география и хронология распространения личных имен являются важным подспорьем при исследовании истории тех или иных культов, в том числе их популярности и миграций. Косвенно сведения такого рода проливают свет на историю межрегиональных культурных связей. Далее следует отметить, что и вне связи с религией, самим фактом своего семантического облика средневековые имена (варварские, безусловно) являются важными свидетельствами о социальных, моральных и прочих представлениях эпохи. Как уже говорилось, средневековые имена часто образовывались из лексем-понятий; их анализ поэтому приподнимает завесу над тем, что было в глазах тогдашних людей значимым, предпочтительным и престижным. Разумеется, нельзя забывать, что носители варварских имен нередко не понимали их

содержания, поскольку слабо или вовсе не знали тех языков, откуда к ним пришли эти имена. Свидетельством тому появление в среде романоязычного населения Юго-Западной Европы германских по звучанию, но совершенно бессмысленных антропонимов, отсутствующих в собственно германских землях. Но такие факты все же достаточно нетипичны, поэтому даже применительно к романским областям анализ варварских имен, взятых в совокупности, для историка культуры отнюдь не бесполезен — по всей видимости, романоязычное население в какой-то мере все-таки отдавало себе отчет в смысле тех слов, которыми нарекало своих детей. Кроме того, будучи в значительной части языческими, их собственные, латинского корня имена тоже могут быть проанализированы с точки зрения семантики.

Опыт подобных исследований на сегодняшний день накоплен небольшой, но небезыңтересный. Удалось выявить набор наиболее часто используемых лексем; в их числе оказались богатство, сила, слава, родовитость, храбрость, счастье, удачливость, верность, способность дать совет, защитить и т. д., причем некоторые понятия (например, храбрость) даны в разных лексических вариантах. Очевидно, что речь идет о достоинствах и добродетелях еще доклассового общества. Понятия, важные для повседневной жизни крестьянина, — земля, труд, урожай, дети, усердие, мастерство и им подобные — встречаются гораздо реже, причем нет уверенности, что они не употреблялись в именах еще в дофеодалный период. Показательно достаточно четкое разграничение понятий, используемых в мужских и женских именах, практически не нарушаемое даже в романских странах. Было бы очень интересно сопоставить языческий именник раннего средневековья с христианской антропонимикой более позднего времени: семантика христианских имен, конечно, совершенно иного рода, но, учитывая, что многие святые считались покровителями определенных занятий, здесь могут обнаружиться интересные параллели. К сожалению, таких исследований пока нет. Определенные возможности для разработки социокультурной проблематики содержатся также в изучении закономерностей заимствования чужеземных имен в классическое и позднее средневековье. Распространение франкского имени Карл в славянских землях, обусловленное фольклорной популярностью Карла Великого, могло бы служить примером, свидетельствующим о перспективности такого рода штудий. Однако на сегодняшний день это в основном еще дело будущего.

В исторической науке накоплен немалый опыт привлечения антропонимических материалов для изучения ряда других, в том числе социально-экономических, проблем. Так, наличие в текстах грамот и нотариальных актов иноязычных имен и фамилий в ряде случаев является важным указанием на географию внешнеэкономических связей. Еще более информативными фамилии и прозвища бывают при изучении истории ремесла и связей города с деревней. Конечно, не так уж часто прозвища типа Кузнец или

Врач представляют собой главные свидетельства о развитии соответствующих ремесел в том или ином районе; обычно мы располагаем намного более пространными и содержательными сведениями. Но вот сообщения документов о том, что такое-то поле принадлежит человеку по кличке Кузнец, могут представлять уникальную ценность. Проблема в том, что обычно нет уверенности, что это личное прозвище, отражающее профессию человека, — ведь речь может идти и о фамилии. Выше упоминалась дворянская фамилия Фабри, образованная от романского *faber* — «кузнец»; таких примеров можно было бы привести множество.

Изучение прозвищ представляет большой интерес и для истории быта. Какие только прозвища не встречаются в источниках: Не Пьющий Воду, Волчий Глаз, Целовавший Дьявола, Широкое Брюхо, Сутяга, Паломник. Систематизация данных может в этом случае проиллюстрировать восприятие простонародья писцами и господами, но подчас красноречиво и отдельно взятое имя, позволяющее словно через замочную скважину заглянуть туда, куда нас не хочет впускать ни один другой источник.

Топонимика. Изучение топонимических данных также предполагает в качестве первоочередной задачи решение вопроса об идентификации. Трудности здесь отчасти те же, что и при работе с антропонимическим материалом: неустоявшаяся орфография топонимов; чередование латинских и «вульгарных» лексических форм; различное наименование одних и тех же объектов даже в синхронных памятниках. Однако у топонимиста есть и свои специфические проблемы, и о них следует сказать особо.

Наиболее неприятная из этих проблем связана с претензиями многих средневековых авторов и писцов на латинскую ученость. Источники сплошь и рядом именуют макро- и микротопонимические объекты на латинский лад, не только переименовая оригинальные названия в соответствии с требованиями латинского правописания, но и калькируя смысловые компоненты этих названий на язык Цицерона. Если речь идет о романских названиях, это еще полбеды, так как в большинстве случаев в латинском топониме можно без заметных усилий разглядеть название, данное самим народом и, к слову сказать, сохранившееся часто до наших дней. Иное дело перевод германских, кельтских, славянских, венгерских, тюркских или греческих топонимов: даже если исходное название было понято правильно (что, к сожалению, скорее исключение, чем правило), восприятие текста затруднено и далеко не всегда облегчается необходимыми справочниками. Другая трудность для исследователя — это обескураживающая манера средневековых писателей и писцов использовать вместо современных древние топонимы, отличающиеся иногда не только орфографически, но и семантически. Увидеть в Лондониуме Лондон труда, разумеется, не составляет. Зная основные парадигмы превращения латинских топонимов в «вульгарные», при определенном навыке можно научиться различать в Август-Таурино-

рум Турин, а в Августа-Винделикорум — Аугсбург. Но никакого воображения не хватит, чтобы угадать в Биттерисе Безье, в Лугдунуме — Лион, тем более Страсбург в Аргенторате — городе, существовавшем в римскую эпоху по соседству со средневековым Страсбургом, но воспринимавшимся в средние века как его непосредственный предшественник. Трудности здесь весьма ощутимые, но в данном случае существуют хорошие справочники, превращающие эту работу из исследовательской в техническую, например *Orbis latinus* у Г. Т. Грессе. Между прочим, это актуально и для библиографии: в старинных изданиях место издания писалось зачастую по латыни, в некоторых серийных изданиях, начатых в прошлом веке, эта традиция сохраняется и сегодня.

Другая серьезная проблема топонимических идентификаций обусловлена несовершенством средневековых принципов обозначения микротопонимических объектов, в первую очередь земельных участков (в специальной литературе их названия фигурируют как агроонимы). У писцов имелись две основные возможности уточнить, о каком именно участке идет речь в совершаемой сделке: они могли обозначить его либо по какому-то заметному и всем известному природному объекту, расположенному на этом участке или вблизи его (река, холм, скала и т. п.), либо по имени его владельца. Реже делались отсылки к объектам социального происхождения: церквям, мельницам, милевым камням. Такие привязки считались менее надежными, так как возле церкви могло располагаться много земельных участков. Но и те способы обозначений, которые люди средневековья полагали предпочтительными, на взгляд современного историка, весьма уязвимы. Меняли русло речки, высыхали пруды и болота, поэтому указания на то, что луг или поле находится вблизи какого-то болотца, как правило, почти ничего не дают для их привязки к карте. Малопонятными такие обозначения иной раз были уже спустя несколько десятков лет после составления документа, тем более что среди них попадались и совершенно невероятные, вроде «там, где прежде рос большой дуб».

Немногим лучшие возможности предоставляла для идентификации и укоренившаяся в делопроизводстве практика характеризовать участки по именам их владельцев или держателей. В момент оформления документа такая характеристика обеспечивала достаточно надежную локализацию объекта сделки. Криво толки могли возникнуть лишь в тех нередких, впрочем, случаях, когда речь шла только о части земельного владения, расположенного в данной местности. Главная же ущербность подобной идентификации заключалась в том, что рано или поздно участок менял хозяина — не в результате отчуждения, так в силу естественной смены поколений. Отдавая себе в этом отчет, писцы старались избежать недоразумений, неизбежно порождаемых частой переменой антропогенных топонимов, прибегая к таким обозначениям, как «манс, который некогда занимал (держал, обрабатывал) такой-то». Иногда для верности они называли и имя ны-

нешнего держателя манса. Проблема идентификации тем самым автоматически не снимается, поскольку со временем менялись очертания и размеры держаний (так что один старый манс мог превратиться в два новых), а в конце концов они в большинстве своем все равно утрачивали первоначальные названия. Отсюда нагромождение топонимических обозначений в средневековых документах, где объект подчас локализуется и по названию урочища, и по именам его владельцев, прежнего и нынешнего, и по именам собственников или держателей соседних участков. Современники, безусловно, осознавали опасность топонимической неразберихи в своих записях и пытались бороться с нею, но без особого успеха: столь характерные для средневековья тяжбы по делам земельной собственности не в последнюю очередь объясняются объективными трудностями локализации спорных владений. Неупорядоченность топонимии плюс неупорядоченность и неудобство используемых мер создавали заслон, непреодолимый для средневекового делопроизводства.

Средневековые писцы, отчасти и авторы исторических сочинений довольно рано выработали формулу географической привязки упоминаемых земельных объектов. Во Франции, Германии и Италии это произошло в X—XI вв., в Англии и Северо-Западной Испании — столетием позже, когда в основном завершилось складывание территориального устройства этих стран. Первым делом называлось графство или епископство, в пределах которого находилось описываемое владение; нередко, например в Южной Франции, их границы совпадали, так как административное деление — и светское, и духовное — восходило к римскому. В целом границы диоцезов были более устойчивыми (существенные изменения произошли лишь дважды: в первой половине XIV и затем уже в конце XVII в. — в обоих случаях имело место разукрупнение старых и образование новых епископств), поэтому писцы предпочитали оперировать именно названиями диоцезов. На этом этапе работы трудности обычно не возникают, потому что всегда можно найти если не карту, то подробное описание границ диоцеза; надо лишь удостовериться, что описание относится к интересующей исследователя эпохе. Далее писец чаще всего указывал поселение (иногда церковный приход, что, как правило, одно и то же), где располагались переходящие из рук в руки земли. Реже называется промежуточная административная единица: агер, сотня и т. д. Бывает, что название такой единицы совпадает с названием какого-то, обычно главного, населенного пункта, находящегося в ее пределах. В таких случаях нужно быть настороже, как бы не допустить ошибку в идентификации — ведь микротопонимы, приводимые писцами после ойконима, по характеру своему таковы, что не раз повторяются даже в пределах сравнительно небольшой территории. Обычно они образованы от обозначений элементов ландшафта: холма, реки, леса, болота и т. п., иногда также от обозначений дорог и строений. Локализация этих элементов — работа очень трудоемкая и не всегда

осуществляемая, но, к счастью, действительно необходимая лишь в некоторых, достаточно специфических исследованиях, прежде всего связанных с изучением сугубо локальной истории. В этом случае приходится обращаться к самым различным источникам: к старинным картам и планам, древним земельным описям, дарственным, купчим и прочим грамотам, актам гражданского состояния. Следует подчеркнуть особо, что правильные ответы отыскиваются порой в документации, хронологически весьма удаленной от интересующей нас эпохи, но запечатлевшей давно исчезнувшие с тех пор топонимы. Поэтому ограничиваться синхронными текстами и современными нам картами неперспективно. Работа по систематизации топонимических данных, относящихся к конкретной местности, ведется многими поколениями ученых, периодически пополняющих и исправляющих топономастикон предшественников.

Топонимия средневековой Европы — сложное образование, в котором различимы несколько временных пластов. При этом древнейшие пласты, отражающие реальность досредневекового и раннесредневекового периодов, представлены наибольшим количеством географических названий. По этой причине изучение бытовавших в средние века топонимов предполагает ознакомление с доиндоевропейской и раннеиндоевропейской (кельтской, лигурийской и т. д.) ономастикой.

Древнейшие пласты топонимии представлены в первую очередь гидронимами, в несколько меньшей мере — оронимами. Даже в случаях массового заселения страны пришлым народом и изгнанием, уничтожением или подавлением аборигенов (как, например, обстояло дело при завоевании кельтско-римской Британии англосаксами) названия водных бассейнов и элементов рельефа, как правило, не претерпевали существенных изменений, разве что немного деформировались, будучи приспособлены к языку пришельцев. (Исключение составляют названия небольших рек, ручьев и водоемов, обновившиеся весьма заметно.) Темза, Трент, Северн, Эвон, Экс — все это кельтские гидронимы, восходящие порой к столь глубокой древности, что смысл их от нас ускользает. Так, если Эвон в переводе с кельтского значит «река», а Экс — «вода», то Темза является темным словом. Отмеченная особенность гидронимии делает ее ценнейшим источником по истории исчезнувших языков, изучаемых не в последнюю очередь именно на топонимическом материале.

Возможности привлечения с этой целью ойконимов заметно более скромные, поскольку поселения возникали в целом в более позднее время и чаще меняли наименование. Как раз по этой причине ойконимы представляют большой интерес для собственно медиевистических изысканий. Оговоримся: великое множество ойконимов, существовавших в средние века, появилось еще в древности, но соотношение средневековых и досредневековых названий совсем другое, чем в случае с гидро- или оронимией. Кроме того, по сравнению с названиями природных объектов:

названия населенных пунктов несут в себе больше социально значимой информации, важной медиевисту даже тогда, когда речь идет об эпохе, предшествующей средневековью.

На территориях, некогда входивших в состав Римской империи (по крайней мере что касается Западной Европы), большинство ойконимов — античного происхождения, латинские или, с чем сталкиваешься чаще, латинизированные. Среди последних несколько финикийских названий, в том числе Кадис (Гадес), Картагена (Новый Карфаген), Малага, Палермо (Панорм), и целый ряд греческих, например Агридженто (Акрагант) и Сиракузы в Сицилии, Неаполь и Таранто (Тарент) в Южной Италии, Антиб (Антиполис), Марсель (Массалия) и Ницца (Никея) в Средиземноморской Франции, Ампуриас (Эмпорий) в Северо-Восточной Испании. Но преобладали, естественно, ойконимы автохтонных народов Западной Европы: иберов, италиков, кельтов, лигуров и т. д. Таковы, в частности, многочисленные галльские топонимы, оканчивающиеся на -дунос (в латинской транскрипции -дунум), что значит «город, крепость»: Лугдунум (Лион), или «крепость лугиев», Укселлодунум (Пюи д'Иссолю в департаменте Ло), или «крепость на возвышенности». Поскольку латинский возобладал в Галлии над кельтским лишь в V в., уже в период христианизации, многие урбанонимы Галлии, возникшие в бытность ее римской провинцией, образованы от кельтских основ, обычно в сочетании с латинскими. Классический пример — Августодунум (Отен). Очень часто римские города вырастали на месте древних поселений местных жителей, как правило, главного поселения того или иного племени. Римляне называли такие пункты либо именем данного племени (Паризии, Треверы), либо включали его в состав двухчленного топонима, где оно выполняло роль уточняющей характеристики (Лютетия Паризиорум, Августа Треверорум, т. е. Лютетия паризиев, Августа треверов). То обстоятельство, что большинство римских городов Галлии в дальнейшем было известно под названием, образованным от соответствующего этнонима (в рассматриваемых случаях — Париж и Трир), достаточно ясно свидетельствует, что наиболее употребляемой была вторая часть двухчленного ойконима как наиболее выразительная — ведь Август в Империи было много. Есть, впрочем, и исключения, например упоминавшийся выше Августодунум-Отен.

Гибридными по преимуществу были и комонимы римских провинций, особенно названия поместий. Галльская, равно как иберийская, в меньшей степени британская знать через три-четыре поколения после завоевания рассталась с именами отцов, взяв на вооружение римские, но самый способ обозначения поместья остался прежним. Подобно усадьбе древнего кельта, вилла новоиспеченного галльского посессора называлась его именем с добавлением суффикса -акос (на латыни -акус или -акум). Топонимы такого рода встречаются в большом количестве по всей территории Галлии, кроме Западной Бретани. Многие из них сохрани-

лись, разумеется в преобразованном виде, вплоть до наших дней, обозначая подчас довольно крупные населенные пункты: Коньяк (деп. Шаранта), Муассак (деп. Тарн-и-Гаронна), Флорак (деп. Лозер) и др. В средиземноморских районах страны и на Гаронне с топонимами на -акум соперничают другие, на -анум, свидетельствующие как будто о большей степени романизации, например Сижан (деп. Од).

Будучи систематизированы, сведения о местонахождении галльских villae представляют большую ценность, позволяя судить о силе воздействия римской цивилизации на провинцию в целом и отдельные ее части, что весьма существенно не только для историка античности, но и для медиевиста. Проблема в том, что древние топонимы, не исключая и те, что содержат перечисленные выше характерные кельтские суффиксы, прежде чем запечатлеться в письменных источниках, зачастую успели исказиться до неузнаваемости. В этой ситуации на помощь историку вновь приходит филология, определившая парадигмы деформации топонимов, свойственные различным языкам и диалектам. Так, установлено, что суффикс -иакум, давший в Гиени и Лангедоке форму -ак, в эльзасской топонимии превратился в -иг (Муциакум — Мутциг), в топонимии Парижского бассейна звучит как -и (Аурелиакум — Орли), в топонимии французского Северо-Запада — как -э (Генциакум — Генсэ) и т. п. К счастью, латинские тексты средневековья во многих случаях содержат формы, менее удаленные от первоначальных.

Чисто римские города, имевшие статус колонии на латинском праве, вырастали обычно из военных лагерей и в названии иногда сохраняли следы своего происхождения. Таков, например, южнофранцузский город Кастр — буквально «Лагерь». К этому топониму примыкает длинный ряд британских урбанонимов, оканчивающихся на -кастер (Ланкастер), -сестер, в дальнейшем -стер (Глостер), -честер (Винчестер). Любопытно, что г. Честер в древности именовался иначе (Дева); замена кельтского названия на искаженное римское произошло, по всей вероятности, уже в англосаксонский период, когда в этом крупнейшем на Северо-Востоке страны населенном пункте стали видеть прежде всего старинную римскую крепость. Сходно по происхождению и название знаменитого испанского города Леон, столицы одноименного королевства, образованное от латинского «легио» — здесь когда-то была стоянка VII легиона императора Гальбы. В числе других ойконимов, свидетельствующих об исповедании в провинциях римских граждан, помимо встречающихся по всей Империи Август и Цезарий следует упомянуть названия, содержащие в себе слово «форум». Некоторые из них претерпели в средневековье поистине фантастические превращения. Так, Форум Юлии в Провансе стал Фрежюсом, тогда как Форум Юлии в Северо-Восточной Италии обернулся Фриулем. По всей видимости, метаморфоза произошла еще в раннее средневековье, тогда же, когда под воздействием баскского и арабского

языков испанская Цезаравгуста приобрела современное звучание — Сарагоса.

Собственно средневековые западноевропейские ойконимы можно разбить сообразно времени и обстоятельствам их возникновения на несколько групп. К первой относятся ойконимы, возникшие в результате переселения варварских племен на новые территории, в первую очередь на территории бывшей Римской империи. Это многочисленные названия, образованные от этнонимов, например Франкфурт-на-Майне, Фризли в Средней Англии, в Лестершире, или совсем экзотические вроде Vicus Bulgargum qui vocatur Sclavinorum (т. е. Поселение Болгар, которое называется Славянским), мелькнувшее в одном раннем итальянском документе. Однако несомненное большинство этнически окрашенных топонимов распознаются по смысловым элементам другого типа. Так, в зоне расселения алламанов, бургундов, лангобардов и франков неоднократно встречаются ойконимы, включающие в себя слово «фара», которое означало «род». Таковы Лафар (деп. Воклюз), Фер-Шампенуаз (деп. Эна). Этот термин известен и по законодательным памятникам раннего средневековья.

На территории самой Германии древнейший пласт сохранившихся источниками ойконимов представлен названиями, оканчивающимися на -инг или -инген. Этот суффикс употреблялся для обозначения принадлежности к определенному роду. Так, Зигмаринген (Швабия) — это буквально «люди Сигмара». Подобные топонимы типичны для маленьких населенных пунктов (единственное яркое исключение — баварский Фрейзинг) и встречаются в основном в Западной и Юго-Западной Германии. За Эльбой они достаточно редки, что естественно, учитывая, что освоение немцами восточногерманских земель происходило в тот период, когда родовые связи утратили значение и родовые поселения стали скорее исключением из правила. Сходная картина наблюдается в Англии, где столь характерные для национальной ономастики названия типа Ноттингем также сконцентрированы преимущественно в зоне первоначального расселения германских племен в восточной и юго-восточной частях острова.

Следующий по времени пласт средневековой германской топонимии состоит из названий, образованных от собственного имени владельца некоей усадьбы или некоего поместья в сочетании с более или менее варваризованным латинским словом «вилла». Большинство из них возникло в VI—VII вв. в результате захвата германцами античной виллы или создания ими нового поселения на бывшей римской территории. Примером может служить Адесвил (Швейцария, кантон Цюрих). Ойконимы этого рода, оканчивающиеся также на -вайль, -вайлер, -вейлер, весьма многочисленны в Юго-Западной Германии, немецкой Швейцарии и Эльзасе, но крупных населенных пунктов среди них нет. Это заставляет предположить, что по большей части раннесредневековые «виллы» этого региона представляли собой поселения хуторского типа, может быть, даже уединенно стоящие усадьбы — место жи-

тельства большой семьи, уже вполне выделившейся из рода, но еще не объединившейся с другими семьями в настоящую общину.

Начиная с VIII в. в Германии появляются ойконимы, образованные от различных слов, обозначающих «двор», «дом», «очаг» и т. д. Таковы разбросанные в большом количестве по всей стране названия на -дорф, -хайм, -хауз: Дюссельдорф, выросший со временем в большой город, Мюльхаузен (буквально «мельничные дома»), Хильдесхайм и им подобные. В этих топонимах отразился новый взгляд на усадьбу, воспринимаемую уже не как нечто совершенно самостоятельное и ни с чем не соотносимое, но как часть целого, т. е. как часть более или менее крупного поселения. Ономастический материал ценен в данном случае тем, что позволяет разглядеть самое начало непростого и небыстрого процесса превращения обособленной усадьбы в поселение кучевого типа. Сходные явления прослеживаются и в английской топонимике, свидетельством чему являются, например, весьма распространенные ойконимы на -хэм, в русской транскрипции передаваемые обычно лексемой «гем»: Бирмингем, Ноттингем и т. п. Аналогия с немецкими ойконимами вроде Хильдесхайм очевидна. Германоязычная топонимика содержит сведения и о более поздней стадии эволюции поселений, когда они представляли собой уже достаточно целостное явление. Примером могут служить многочисленные английские названия на -вик или -вич: Уорвик, Норвич (Норидж) и др. Этот корень, связанный с понятием «совместное проживание», звучит и в некоторых немецких ойконимах, в частности в слове Брауншвейг. По всей видимости, к концу раннего средневековья сельские поселения обрели столь характерную для большинства районов Европы скученность. На это указывает многочисленность ойконимов, отобразивших наличие у многих из этих поселений общих укреплений. Древнегерманское слово «тон», родственное русскому «тын», присутствует в массе английских ойконимов, в том числе раннесредневековых: Бостон, Торнтон, Уинстон и т. д.

Следующий этап истории средневековой топонимии связан с возникновением феодальных городов; наиболее отчетливо этот процесс засвидетельствован в северной части Западной Европы, где города как таковые возникли именно в период средневековья. Отражая разнообразие конкретных историко-географических обстоятельств, обусловивших и сопровождавших образование поселений городского типа, ойконимы такого рода отличаются редким разнообразием. Наиболее характерны и распространены ойконимы, содержащие в себе основу «бург» — «крепость», «цитадель», «кремль». Они в избытке имеются в Германии (Гамбург, Магдебург, Марбург и т. п.) и в землях, где прежде говорили на немецком, например в Эльзасе, где мы находим Штрасбург («город на дороге»), превращенный французами в Страсбур. Но немало их и там, где германцы оставили в целом достаточно слабый след, например в Нормандии (Шербур), в Берри (Бурж), в Лионне (Буркс-ан-Брес). Подобные названия встречаются, хотя

и нечасто, также в Англии и Шотландии; наиболее известен, видимо, Эдинбург. Более типичной для Великобритании является форма «борроу», присутствующая, например, в названии Питербороу. В Италии, Южной Франции и на Пиренейском полуострове топонимы на «бург» практически неизвестны. Исключение составляют элементы внутригородской топонимии. Так, в средневековой Тулузе различали Ситэ — цитадель античного происхождения и Бург, сложившийся как крепость к концу раннего средневековья.

Одновременно с появлением на карте Западной Европы новых урбанонимов на рубеже раннего и классического средневековья существенно обновляется карта комонимов, свидетельствуя о важных переменах, происходящих в деревне. Как уже говорилось, для многих районов «варварской» части Западной Европы данный период и был временем становления деревни, понимаемой как кучевое поселение, жители которого объединены многообразными общими заботами и занятиями. Парадоксальным образом в «римской» части континента, где в целом изживание первобытной обособленности домохозяйств и возникновение поселений деревенского типа было делом давно минувших дней, на новом витке истории наблюдался сходный феномен. Свертывание крупных рабовладельческих вилл и замена их системой мелких эксплуатируемых хозяйств посаженных на землю рабов сопровождалась, а точнее, принимали форму распыления концентрированного поселения: вчерашних рабов сажали на землю в прямом смысле слова, испомещая на выделенном каждому из них участке. Лишь к концу раннесредневекового периода под воздействием различных, в том числе внешнеполитических, причин намечается обратный процесс — складывание скученных, нередко и укрепленных поселений. Достаточно типичным было возникновение таких поселений вокруг или рядом с феодальным замком, где в случае военной угрозы можно было найти убежище, но есть немало примеров тому, как кучевые поселения, окруженные стенами, возникали вне связи с наличием по соседству замка; центром притяжения в таком случае обычно была сельская церковь. Этот процесс, изученный в первую очередь на топонимическом материале итальянской области Лацио, затем и других районов северо-западного Средиземноморья, в специальной литературе получил название «инкастелламенто», т. е. «озамкование».

Топонимическими приметами данного процесса являются двойные обозначения сельских поселений типа *Savinianum sive Sancto Petro*. Первый комоним, восходящий к названию античного поместья, обозначает совокупность усадеб, разбросанных по его территории; второй относится к возникшему на ней более или менее компактному поселению, сложившемуся уже в феодальную эпоху. Очень часто, особенно во Франции, такие поселения именуются по расположенной в его пределах (обычно в центре) приходской церкви: Сен-Реми, Сен-Сир и т. д. Ойконимы этого рода следует отличать от других, обозначающих монастырь, постепенно обраставший посадом и превращавшийся в город. Таковы Сен-

Дени близ Парижа, Сент-Этьен в Оверни, Сен-Себастьян в Басконии.

Следующий этап в развитии средневековой западноевропейской топонимии связан с великими распашками нови XI—XIII вв. В ходе аграрной колонизации возникло множество новых сельских поселений, получавших, как правило, известные привилегии от сеньора данной местности. Эти поселения обычно заключали в своем названии какой-то смысловой элемент, свидетельствующий об их специфическом происхождении. Так, многие из них назывались Пустошами, Расцистками (северофранцузские Essarts, южнофранцузские Artigues) или, еще чаще, Новыми виллами, Выселками и пр. Если подобные поселения имели укрепления, в источнике скорее всего встретится соответствующий термин: Бастид, Форт и т. д. Поселения, приобретшие привилегированный статус и считавшиеся свободными, автоматически дарующие свободу от личной зависимости всем своим жителям, нередко обозначались как Свободные виллы. Примером может служить Вильфранш-ан-Рузэрг (Керси).

Дальнейшая история географических названий также насыщена интересными фактами, свидетельствующими о переменах в хозяйственной жизни, событиях политической и церковной истории, но ввиду все нарастающей массы источников ономастические данные понемногу теряют прежнее значение и привлекаются главным образом для иллюстрации каких-то положений, обоснованных на другом, не ономастическом материале. Исключение составляют данные микротопонимии: названия полей, улиц, трактиров и т. п., которые появляются в изобилии как раз во второй период классического средневековья и обеспечивают исследователю очень ценную, нередко иначе недоступную информацию.

Топонимические сведения представляют наибольший интерес с точки зрения изучения этнической истории и истории поселений, о чем шла речь выше. Однако значение топонимической информации этим отнюдь не исчерпывается. Не говоря уже о том, что, например, история поселений тесно связана с такими явлениями средневековья, как крестьянская община, аграрная колонизация, коммунальное движение, существует целый ряд вопросов другого рода, которые удаётся решить лишь при условии привлечения топонимических данных. Так, внутригородская топонимия является незаменимым источником для изучения хозяйственной жизни средневекового города, его социальной истории и истории быта. Люди одной профессии обычно селились по соседству, были прихожанами одной церкви, завсегдатаями одних и тех же трактиров, в названиях которых (равно как в названиях полей и прочих земельных участков, жилых домов и других зданий) отражаются также социокультурные представления эпохи, суеверия, юмор и сарказм ремесленников и крестьян, священников и рыцарей, обрисованных в других источниках недостаточно живо. Наконец, нужно иметь в виду огромное значение топонимических данных для изучения социально-экономической истории. Будучи вспомо-

гательными по своей природе и лишь способствуя уточнению местонахождения объектов сделок, эти данные в очень многих случаях позволяют понять смысл происходящего и потому оказываются незаменимыми.

Этнотопонимика. По сравнению с антропо- и топонимами этнонимы встречаются в средневековых источниках достаточно редко. Мы находим их по преимуществу в нарративных памятниках, прежде всего хронографических и географических, в которых перечисление племен и народов (соседних, враждебных, покоренных и т. д.) как средство организации событийного и прочего фактического материала играло в средние века важную роль. Менее употребительны этнонимы в документах, где, как правило, они фигурируют лишь эпизодически, например, при этнической характеристике участников сделки или в исторических экскурсах. Помимо собственно этнонимов источники содержат немалое число этноантропонимов и этнотопонимов, т. е. имен людей и географических наименований, полностью или частично образованных от названий племен и народов. Таковы Дунс Скот и Франкфурт-на-Майне. При всей специфике подобных онимов, их следует рассматривать в тесной связи с этнонимами; в том, что касается этнотопонимов, это неперемное условие научного анализа, поскольку в источниках они зачастую упоминаются вперемежку и наравне с этнонимами в строгом смысле слова (ср. Arvernii и Arvernia).

В медиевистике этнотопонимика имеет наибольшее значение для исследования раннего средневековья, особенно эпохи Великого переселения народов. Применительно к периодам классического и позднего средневековья этнонимы сравнительно редко привлекают специальное внимание историка, разве что при изучении таких своеобразных районов, как Шотландия и Прибалтика, где этнические процессы развивались с известным опозданием, или же в связи с обработкой этноантропонимического и этнотопонимического материала. В целом информативные возможности этнонимов не выдерживают сопоставления с возможностями топо- и антропонимии, гораздо более богатыми и разнообразными. Однако при исследовании этнической и этнополитической истории этнонимы представляют огромную познавательную ценность.

Проблемы обработки этнонимических данных примерно те же, что и в других разделах ономастики, и это вполне понятно: социолингвистическое функционирование имен собственных, независимо от их разновидности, подчиняется в целом одним и тем же законам. Неудивительно поэтому, что и в случае с этнонимией историк в первую очередь сталкивается опять-таки с трудностями идентификации. Оставляя в стороне не требующие особых комментариев факты различного написания этнонимов, искажения их при переводе на чужой язык и замены антикизирующими синонимами (о чем уже говорилось в связи с антропонимикой и

топонимикой), остановимся лишь на тех вопросах идентификации, которые стоят наиболее остро при анализе именно этнонимического материала. Как, например, истолковать присутствие этнонима «Ободриты» одновременно в низовьях Эльбы и на Среднем Дунае, зафиксированное одним и тем же источником — Королевскими анналами? Убедительный ответ на этот вопрос пока не найден. Другая загадка: когда Беда Достопочтенный называет среди варварских племен ругиев, имеет ли он в виду германское племя, обосновавшееся в V в. в Норике и Паннии, или же славян с острова Рюген? Единодушного мнения на этот счет нет. Здесь уместно сказать, что весьма гипотетическими, как правило, являются и основанные на сближении этнонимов со сходно звучащими топонимами попытки определить первоначальный ареал расселения и траекторию движения того или иного племени. Действительно ли, ругии вышли с Рюгена или это простое совпадение, каких ономастика знает предостаточно (ср. прибалтийский этноним «Корсь» с Корсикой)?

Для этнонимии подобные казусы имеют первостепенное значение, но свойственны они не только ей. В конце концов антропонимист, обнаруживший в современных друг другу документах из Каффы, Перы и Фамагусты какого-нибудь Якопо из Савоны, оказывается перед аналогичной проблемой. Поэтому больший упор следует, наверное, сделать на те гололомки, которые возникают только и исключительно в ходе этнонимических штудий. Наиболее сложной из них представляется встречающееся порой в источниках употребление в едином смысловом ряду этнонимов, занимающих на таксонимической шкале совершенно различные позиции. Как, например, интерпретировать промелькнувшую в Мецких анналах конструкцию *Boemii et Sclavi*? Чехи-славяне? Еще более обескураживающим выглядит словосочетание *Friulani et Sclavi*, употребленное Павлом Дьяконом, — ведь «фриуланцы» (ветвь германского племени лангобардов) и «славяне» являются этнонимами совсем разного типа. Причины, побудившие средневековых авторов к столь некорректному словоупотреблению, понятны: чехи (богемии) в одном случае, фриуланцы — в другом противопоставлялись как что-то достаточно хорошо знакомое, определенное некоей аморфной совокупности племен, о которых, может быть, только и было известно, что они славянские. Нечто похожее мы наблюдаем и на другом краю христианской ойкумены. Так, для Гильдаса (как, кстати, для всех кельтов, если полагаться на данные лингвистики) германские завоеватели Британии — сплошь саксы. С каким именно германским племенем имели дело бритты на Севере и с каким — на Тренте, приходится судить главным образом по материалам топонимии, сопоставленным с археологическими памятниками. Еще один пример: испанцы называли всех колонистов, паломников и искателей приключений из-за Пиренеев без различия франками (вспомним знаменитую «Дорогу франков» от Тулузы и По до Сантьяго де Компостела), хотя среди них были и англичане, и провансальцы,

и итальянцы. Для того чтобы получить правильное представление об этнической принадлежности того или иного «франка», необходимо обратиться к их личным именам, хотя положительный результат это даст далеко не всегда.

В отличие от идентификации этнонимов, всегда само собой разумеющейся, их систематизация становится необходимой лишь в некоторых специфических исследованиях, связанных с выяснением соотношения большого количества этнонимов, без чего, например, не обойтись в работе, посвященной складыванию того или другого племенного союза, обоснованию его на определенной территории и перерастанию в государство. Именно систематизация и осуществленная на ее основе классификация древнегерманских этнонимов позволили прийти к выводу, что Франкский союз возник в результате объединения бруктеров, сугамбров, усьпетов и других нижнерейнских племен, известных по упоминаниям античных авторов. Сходным образом удалось разобраться во внутреннем устройстве германских племенных союзов. Выяснилось, в частности, что еще по крайней мере полтора столетия спустя после первых сообщений об аламаннах среди них различалось до двух десятков племенных образований, каждое из которых занимало территорию определенного округа (*gau*); таковы, например, бризигавы, жившие в большой излучине Рейна — средневековом Брейсгау. Выводы, полученные в результате обобщения этнонимических данных, безусловно, принадлежат к числу важнейших достижений ономастики, и все же, в отличие от топо- и антропонимии, где систематизация (в том числе количественная обработка) материала является главным инструментом анализа, этнонимика предполагает прежде всего изучение отдельных упоминаний соответствующих названий, т. е. более «штучную» работу.

Отдельно взятый этноним, особенно если он многократно повторен в источниках, может пролить свет на историю межэтнических отношений. Так, греческое «эфранкесис» («ставший франком»), как называли человека, принявшего веру и обычаи латинян, приобрело в палеологовской Византии ругательное значение. С начала XIV в., после бесчинств Каталонской компании, бранным стало и слово «каталанец» — так говорили о жестоком или уродливом человеке безотносительно его национальной принадлежности. Не менее информативны бывают и обозначения других народов. Когда, например, в каролингской Франции венгров именовали гуннами, а арабов и берберов — вандалами, налицо не только анахронизм, но и совершенно определенное эмоциональное отношение. Поскольку народное сознание приписывало едва ли не каждой этнической группе характерные поведенческие особенности, как правило, отрицательные, эмоциональную коннотацию имели и, казалось бы, вполне нейтральные этнонимы. По сообщению Якова Витрийского, студенты Сорбонны, объединенные в нарождавшиеся землячества, вечно дразнили друг друга: в глазах соседей, нормандцы были неисправимыми зло-

умышленниками, бретонцы — кровосмесителями, пуатевинцы — предателями, «французы» (т. е. жители Иль-де-Франса) — женоподобными неженками и т. д. Случалось, что этнонимы вообще превращались в имена нарицательные. Так, в частности, произошло со словом *Slavi*, к которому восходят немецкое *Sklave*, английское *slave*, французское *esclave* — «раб». Такая метаморфоза стала возможной благодаря тому, что в раннесредневековой Европе рабские фамилии комплектовались главным образом за счет славянских пленников, в массе своей еще язычников. Однако уже в XI—XII вв. связь эта стала мыслиться обратной: по мнению Титмара Мерзебургского, восточные соседи потому и зовутся славянами, что они жалкие и презренные, как рабы. Другой, менее известный факт: в Англии XII в. штраф за убийство нормандца назывался *englisherie* — яркое свидетельство неизжитого межэтнического антагонизма.

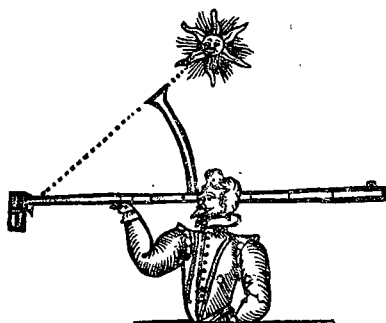
В варварском и раннефеодальном обществе этнические различия были неотделимы от различий правовых. Общегосударственное законодательство еще только зарождалось, и человек судился не по законам той области, где проживал, а по обычаям того племени, из которого происходил. Поэтому отправление правосудия предполагало в первую очередь выяснение этнической принадлежности тяжущихся. Отсюда наличие в делопроизводственных документах, отчасти и в нарративных источниках раннего средневековья, этнонимов, указанных рядом с личным именем человека. Иногда он прямо называется готом, франком, римлянином и т. д., иногда говорится, что живет он по закону такого-то народа. Будучи эпизодическими, подобные данные с трудом поддаются статистической обработке, но представляют интерес как недвусмысленное свидетельство этнической неоднородности населения в том или ином районе. Нужно, однако, иметь в виду, что далеко не всегда человек, живущий, скажем, по лангобардскому закону, действительно является лангобардом: чаще всего он лишь ведет свой род от лангобардов (причем неизвестно, насколько правомерно) и в других отношениях, нежели в правовом, уже ничем не отличается от окружающих его «римлян» или «франков». Для посткаролингской Италии это непреложный факт.

Приведенный пример помогает понять, что реальное историческое содержание этнонима вовсе не обязательно совпадает с его буквальным значением. Общеизвестно, что «ломбардцы» английских и французских текстов классического средневековья не были непременно уроженцами Ломбардии. Так за Альпами называли всех итальянских купцов и ростовщиков, причем в первую очередь не из Северной, а из Средней Италии: Лукки, Сиены, Флоренции. Однако этнонимы могли претерпевать еще более удивительные превращения. Установлено, например, что этноним «сирийцы», встречающийся у Сальвиана, Сидония Аполлинария и ряда других авторов V—VII вв., применялся не только к восточносредиземноморским неготиантам в целом (будь они на самом деле сирийцы или же греки, армяне и т. д.), но и для обо-

значения вообще всех купцов и финансистов, ведущих дела с заморскими странами, в том числе коренных жителей Галлии, Испании, Италии. Необходимо также учитывать историческую изменчивость этнонимов. Так, этноним «франки» первоначально обозначал германоязычное население как Нейстрии, так и Австразии, но с середины IX в., после распада державы Каролингов, постепенно закрепился за жителями (в массе своей романоязычными) Западно-Франкского королевства, во всяком случае северной его части. Будучи непосредственным предшественником этнонима «французы», он стал немаловажным консолидирующим фактором в процессе становления французской народности. Что же касается самого слова «французы», то, как уже отмечалось, оно еще долго — видимо, до XIV в. — употреблялось в двояком смысле: и как обозначение жителей Иль-де-Франса, и как название подданных королевства в целом. Таким образом, судьбы этнонимов тесно переплетены с судьбами этнических групп и этнополитических образований и являются ценным источником по их истории.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бессмертный Ю. Л. К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX в. // Средние века. 1980. Вып. 43. С. 32—52.
 Бессмертный Ю. Л. К демографическому изучению французской деревни IX в. (Люди и имена) // Советская этнография. 1981. № 2. С. 51—67.
 Бессмертный Ю. Л. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика // Средние века. 1981. Вып. 44. С. 97—116.
 Буданова В. П. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 1989.
 Историческая ономастика. М., 1977.
 Каплан А. Б. Некоторые вопросы изучения французской средневековой антропонимии (историография и методика) // Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972. С. 421—430.
 Кузиков В. В. Топонимика немецкого языка. Уфа, 1985.
 Левицкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М., 1960.
 Назаренко А. В. Германские земли в европейских связях в IX—X вв. // Средние века. 1990. Вып. 53.
 Нейберт Г. Земельные собственники и землевладельцы «франкского», «алеманнского», «бургундского» и «баварского» происхождения в Италии (774—1000 гг.) // Средние века. 1967. Вып. 30. С. 211—226.
 Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.
 Ономастика: Типология. Стратиграфия. М., 1988.
 Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
 Попов А. И. К вопросу об использовании данных этнонимии и топонимии в историческом исследовании // Вестн. Ленингр. ун-та. 1948. № 3.
 Суперанская А. В. Что такое топонимика? М., 1986.
 Филиппов И. С. Церковная вотчина в Провансе начала IX в. // Средние века. 1980. Вып. 43. С. 191—206.
 Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979.
 Этническая топонимика. М., 1987.
 Этнонимы. М., 1970.

Т. П. Гусарова

КАРТОГРАФИЯ

Для медиевиста уникальным историческим источником являются средневековые географические карты, которые в особой графической форме содержат географические, исторические факты, сведения о научных знаниях, мировоззрении, эстетических представлениях эпохи. Карты могут быть полезными при изучении процессов изменения природной среды, исследовании экономической, социальной, политической истории, истории естествознания, науки, техники, искусства, менталитета.

Средневековые карты прошли долгий путь развития от схематических рисунков до настоящих научных произведений. Они были тем базовым исходным материалом, на котором развивалась современная картография. В то же время даже лучшие (по современным меркам) образцы средневекового картотворчества заметно отличаются от современных карт как по общетеоретическим принципам построения, так и по способам изображения действительности. К значительной же части средневековых географических карт (особенно ранних) неприменимы критерии современной научности, поскольку в средние века с их специфическим мировоззрением и отношением к окружающему миру иначе воспринимались и сама наука, и ее задачи.

Осознавая и учитывая эту важнейшую особенность средневековой картографии, историк, а также и географ-картограф должны знать основные теоретические принципы построения географической карты и ее элементов, поскольку он использует язык и понятия географии и картографии. Кроме того, накопившееся за многие столетия богатство картографического наследия, представленного разными эпохами, направлениями, стадиями развития, школами и т. д., делает необходимым знание современных методов анализа и оценки картографических произведений.

Основы изучения карты. Средневековые карты изучаются в рамках картографии — науки, охватывающей «теорию, методику

и технические приемы создания и использования картографических произведений»¹. Ее теоретическая часть — картоведение — включает в себя такие основные разделы, как учение о карте, картографическое источниковедение, историю картографии и методику использования старых карт.

В учении о карте важное место занимает теория картографических проекций, представляющих собой математический способ изображения на плоскости поверхности земного шара или эллипсоида. Проекции включают и картографическую сетку меридианов и параллелей, использующуюся для определения координат точек на плоскости. Поскольку поверхность земного шара или эллипсоида невозможно развернуть без искажения площадей, длин и углов из-за образования складок и разрывов, то многочисленные проекции призваны снять отдельные из этих искажений. Свои названия проекции получили потому, что издавна при их разработке пользовались вспомогательными поверхностями, проецируя изображения с шара на цилиндр, конус, несколько конусов, на плоскость и т. д., на которые (в разной конфигурации) наносятся меридианы и параллели. Наиболее распространенными проекциями являются цилиндрические (параллели — параллельные прямые, а меридианы — перпендикулярные им равностоящие прямые), конические (параллели — дуги конических окружностей, меридианы — перпендикулярные им прямые, исходящие из одной точки), азимутальные (параллели — концентрические окружности, меридианы — радиусы, исходящие из центра этих окружностей) и их разновидности: псевдоконические, псевдоцилиндрические, поликонические.

Проекция с координатной сеткой, опорной геодезической сетью составляют математическую основу карты, без которой ее практическое и научное использование становится невозможным или крайне затруднительным. Необходимость математической основы карты осознавали еще древнегреческие ученые и успешно разрабатывали ее. В средние века к ней не обращались вплоть до XV в., когда в Европе возродился интерес к античной географии, и за последующие два столетия картографы ввели в научный оборот большинство известных и используемых в настоящее время картографических проекций. Тогда же стали изготавливаться и масштабные карты. Поскольку математическая основа находилась в стадии формирования, система координат часто была неполной и неточной. Например, долготы, исчислявшиеся математически, а не астрономически, обозначались не по всей карте, а только относительно отдельных объектов. Точность изображения была большей на тех участках карты, которые прямо отмечали ее назначению. По мере же их удаления их точность резко понижалась, что кроме прочего нередко объяснялось плохой изученностью тех или иных площадей, а также внутренней эклектичностью картографического произведения, при составлении ко-

¹ Географический энциклопедический словарь. М., 1988. С. 125.

того использовались самые разные и не всегда согласовывавшиеся друг с другом источники.

В связи с координатной сеткой и масштабом карты принято рассматривать рамки карты, ее ориентирование по странам света, размещение изображения относительно рамок и др. На средневековых картах эти компоненты существенно отличались от современных. Для историка, берущего в качестве основной средневековую карту XV—XVII вв., представление о математической основе карты, особенно о проекциях, очень важно с точки зрения изучения истории развития космогонических представлений и картографических идей.

Другим важным элементом карты является ее содержание, или картографическое изображение, т. е. обозначение воды, рельефа, растительности, населенных пунктов, дорожной сети. Картографический материал наносится на карту с помощью условных знаков, которые к тому же служат инструментом систематизации географических знаний и выполняют познавательную функцию. Условные знаки возникли не сразу, а развивались вместе с картой и наукой о ней. Средневековым картам и картам первого периода нового времени была свойственна картинная передача местности, заключающаяся в перспективном использовании рисунков гор, городов, крепостей, деревень с учетом их индивидуальности. Размеры изображавшихся объектов не соотносились с размерами карты, что, впрочем, также было призвано прикрывать неизученность Земли. Большое значение для изучения карты имеют вспомогательные служебные элементы: легенды, название карты, сведения об исполнителях, месте и времени издания, использовавшихся источниках, тексты, сопровождавшие карту. На средневековых картах их объем часто превосходит само картографическое изображение, поскольку принцип описательности в географии преобладал. Все эти данные составляют бесценный материал для изучения науки, культуры, языка, истории карты и картографов, их мировоззрения.

Важнейшей особенностью карты как модели действительности является генерализация — отбор на карте главного и его обобщение в соответствии с масштабом, назначением и тематикой карты. Благодаря генерализации изображение картографируемой территории приобретает основные типичные черты и характерные особенности. На средневековых картах до XIV в. геометрическая и количественная генерализация полностью отсутствуют, поскольку не существовало понятия масштаба карты. Что касается обобщений, то они определялись религиозно-философскими представлениями картографов, как правило, принадлежавших к духовному сословию.

Картографическое источниковедение. Большое значение в изучении средневековой карты имеет картографическое источниковедение, тесно связанное с методикой использования карт в научных исследованиях. В картографическом источниковедении можно выделить два слоя, определяемые характером источников.

Во-первых, сами карты, планы, чертежи; во-вторых, любые материалы, в том числе литературные, прямо или косвенно использовавшиеся картосоставителями. Без второго невозможно полноценное изучение первого.

Цели источниковедческого анализа карт и других исторических источников совпадают. Они состоят в «выяснении обстоятельств возникновения, времени, истории создания, классового характера и назначения источника, определения его автора, исследовательской подлинности, точности и достоверности, выявления круга источников картосоставления, выбора математического обоснования и принципа генерализации содержания карты, ее описания и сопутствующей делопроизводительной документации, анализа отличительных особенностей картосоставления той или иной эпохи, выяснении источниковедческого значения картографических материалов»². Разумеется, не всегда представляется возможным решить в полном объеме эти источниковедческие задачи.

Выяснение всего круга источников картосоставителя представляет первую и необходимую задачу изучения карты, так как позволяет найти истоки идей, которые формировали ее автора, а также служат критерием ее подлинности; в случае поздних карт, кроме того, и критерием достоверности и точности. В первую очередь изучаются труды по географии, космогонии и истории, которые мог использовать создатель карты. На его концепцию могли повлиять не только «ученые» труды, в том числе и богословские, но и восходившие своими истоками к дофеодалному и дохристианскому времени фольклор и народная мифология, своеобразно преломлявшиеся в сознании христианина, творившего карту. В этом случае во внимание следует принимать местные фольклорные традиции, корректировавшие общераспространенные взгляды на мир и общество. Тут нельзя обойтись без изучения жизни и творчества картографа.

Важным элементом методики изучения карты является сравнение нескольких картографических произведений, что углубляет представления о его источниках, позволяет выделить генетически родственные группы карт и датировать их. Датировка изготовления карты отличается от датировки ее содержания. Чем древнее карта, тем больше разрыв между ними. Эклектически составленные карты могли содержать в своих частях хронологически разнородный материал. Кроме того, нужно учесть, что существовали карты разных типов: дававшие общую картину мироздания, и карты, которыми пользовались в пути. При создании карт первого типа картографы-монахи в своем умозрительном творчестве, как правило, не придавали значения ценности современной и своевременной информации, не имели ее и не слишком нуждались в ней, что было характерно для средневекового менталитета с его

² Гольденберг Л. А., Деоник Д. В., Постников А. В. Методы использования карт в исторических исследованиях // Материалы VIII Международной картографической конференции. М., 1976. С. 16.

специфическим восприятием времени и пространства в их единстве. Поскольку география в представлении средневекового ученого-христианина «была средством красочного символического истолкования истории»³, постольку на средневековых картах мира могли отражаться исторические сведения разных времен, как реальные, так и вымышленные. Роль точности и оперативности картографической информации начинает в большей мере осознаваться с развитием практического картографирования, связанного в первую очередь с мореплаванием. Однако и позже, с появлением книго- и картопечатания, анахронизмы сохраняются на картах, печатавшихся с форм, которые использовались в течение многих десятилетий. Данные карты могли устареть и из-за того, что на их составление и изготовление уходило много времени.

Исследователи считают, что для выявления источников карты и использования ее самой в качестве источника необходимо воссоздать методику ее составления от сбора информации до вычерчивания (гравирования и печатания) карты, приспособив при этом полученную информацию к научным, картографическим, политическим идеям и мировоззрению того времени, когда она создавалась.

Большое распространение получили в настоящее время методы компьютерного и физико-химического анализа карт, особенно помогающие в выявлении их подлинности. Это в первую очередь касается анализа материала, на котором изготавливалась карта (бумага, пергамент, ткань, дерево), материалов, с помощью которых создавалась карта (тушь, чернила, краски), случайных предметов (пятен, сшивки, обложки и т. п.).

Средневековые карты составляют особую группу среди старинных карт. Более чем за тысячу лет их истории они изменились коренным образом, пройдя путь от схематичных рисунков, иллюстрирующих космогонические представления раннего средневековья, до научных произведений, составивших основу современной картографии. Поэтому к ним нельзя применять одни и те же методы исследования, а тем более ставить одинаковые цели при их изучении. Так, познавательное значение западноевропейских карт до XIV в. (за редким исключением) в большей степени лежит в сфере истории культуры, искусства, менталитета. С XIV в. они все более становятся источником историко-географической информации: конфигурации природных объектов, локализации объектов, реконструкции экономических и политических систем. Так, по навигационным картам можно проследить динамику изменения береговой линии, обмеление или углубление прибрежной акватории, изменения в руслах рек, особенно в их эстуариях. Карты отдельных территорий содержат материал, по которому восстанавливается эволюция лесного покрова, чаще

всего процесс его сокращения. По картам можно локализовать населенные пункты и некоторые другие географические объекты, названия которых упоминаются в письменных источниках, но сами они не сохранились. Можно восстановить их на карте, исходя из изменившегося названия, скорректировать местоположение, если оно менялось; уточнить очертания объектов (границы населенного пункта, сооружения). Вероятна и локализация отдельных исторических событий (сражений, захоронений).

Особую роль в изучении карты играют нанесенные на ней топонимы. Они соответствуют времени, отображаемому на карте, поэтому служат бесценным источником по этнической истории: при выявлении ареалов расселения племен и народов и их миграций, при изучении плотности их расселения, смены одного народа другим в данном регионе, при исследовании истории возникновения населенных пунктов. При изучении экономической истории топонимы на карте дают материал о формах хозяйственной деятельности, ремеслах, промыслах, добыче полезных ископаемых, о торговле и путях сообщения. Написание топонимов на средневековых картах имеет свои особенности, которые следует учитывать в работе. Так, не существовало жестких правил при написании названий: они писались так, как слышались. Эти искажения росли по мере увеличения разрыва между языком составителя карты и языком названия. Были возможны случайные искажения, связанные с неправильным прочтением названия, а также многовариантное написание одного и того же названия на разных картах⁴. А. А. Шахматов, к примеру, используя данные 50 портоланов, карт и атласов Черноморского побережья XV—XVII вв., выявил 32 варианта топонима «Варанголимен» и 26 — «Россафор», представляющие собой сокращения, описки, диалектные замены одного звука другим в одном названии. Их живое употребление подтверждал вывод о функционировании в тот период морского пути от устья Днепра до Херсонеса⁵.

Следует учитывать также то, что названия на картах давали не только реально существовавшим, но и вымышленным или ошибочно показанным. Причиной ошибок могут быть различные географические гипотезы и мифы, особенно характерные для средневековых карт. На картах могут повторяться целые фрагменты территорий или отдельные моменты содержания, взятые из разных материалов. Нередко по той же причине нарушалась ориентировка объектов и площадей, что было вызвано перенесением информации с карт, ориентированных по разным направлениям (север, юг, восток), как было принято в старой картографии⁶.

⁴ Поспелов Е. М. Относительная достоверность названий на старых картах // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970. С. 92.

⁵ Шахматов А. А. Варанголимен и Россафор // Историко-литературный сборник. Л., 1924. С. 46.

⁶ Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985. С. 20.

³ Гуревич А. Я. Предисловие к книге: Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов. Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М., 1988. С. 9.

Анализ ранних и поздних средневековых карт может быть плодотворен только при условии комплексного изучения источников, содержания, назначения, символики карты, сопутствующего ей текста, палеографии во взаимодействии со смежными отраслями науки, с учетом социально-экономических и политических условий эпохи, в которую карта создавалась. При изучении карт, отражающих средневековые представления о Земле в целом, нельзя отрывать географические представления авторов карт от общей картины мира средневекового человека, в которую органично включалась вся система средневековых наук. Необходимо также знание истории картографии.

История изучения карты. Научное изучение истории картографии началось в XIX в. У его истоков стоял французский инженер-географ Барбье Бокаж, сделавший один из первых обзоров истории картографии. К середине XIX в. сложились темы и направления, которые преобладали в науке о картографии до середины XX в. К ним относятся картобиблиография, изучающая и описывающая крупнейшие картографические фонды библиотек, архивов, частных коллекций; эвристика, предметом которой является открытие и введение в научный оборот ранее неизвестных картографических произведений; персоналии картографов.

Результаты первых двух направлений отразились в создании во многих странах каталогов карт и атласов, группировавшихся по типам (например, морские), коллекциям, странам и регионам (как с точки зрения содержания карт, так и с точки зрения места их хранения). Различаются также каталоги печатных, рукописных карт и инкунабул. Среди крупнейших каталогов следует в первую очередь назвать 15-томный каталог печатных карт и атласов библиотеки Британского музея; каталог голландского исследователя К. Кумана, содержащий 680 атласов, изданных в Нидерландах с 1570 по 1880 г. В ГДР издан каталог старых планов городов социалистических стран Европы, хранящихся в Государственной библиотеке ГДР. Серьезное внимание уделяется и изданию старых карт. Тут и факсимильные издания, полностью имитирующие оригинал вплоть до материала или с помощью современных материалов и полиграфической техники, а также репродукции, сохраняющие основные характеристики публикуемых в учебных и познавательных целях старых карт и атласов. До сих пор лучшими из них признаются публикации известных коллекционеров и исследователей старой карты А. Норденшельда и К. Миллера, опубликовавшего самые старые карты мира, римскую дорожную карту IV в. (Пейтингеровы таблицы), арабские IX—XIII вв. Известны 4-томное издание средневековых карт из ватиканской коллекции и подобное ему собрание монастырских карт мира 1200—1500 гг., опубликованное М. Детомбом. К 500-летней годовщине смерти Генриха Мореплавателя 6 томов старинных португальских карт вышли в Португалии. Из учебных атласов старых карт непревзойденными остаются атласы И. Левелля и М. Сантарема. Из советских изданий подобного рода

можно назвать «Атлас географических открытий», отражающий и доколумбовскую картографию.

До середины XX в. большинство научных трудов было посвящено истории карты, жизнеописанию выдающихся картографов. С середины 50-х гг. в западной науке задачи, стоящие перед изучением старых карт, стали пониматься по-новому. Для новых работ характерен комплексный подход, учитывающий как внутреннее, так и внешние факторы развития карты. Прослеживается взаимосвязь картографии, космографии, астрономии, математики и других наук, а также географических открытий. Стала серьезно разрабатываться методика картографического исследования. Появились подробные справочники по картографии, биографические словари мастеров старинной карты. В более специальных трудах исследуются проблемы картографических символов, знаков, терминологии и другие, касающиеся содержания и оформления карты. В очень многих работах специально рассматриваются наиболее известные картографические памятники средневековья.

В советской картографии старая карта занимает важное место, однако приоритет, по вполне понятным причинам, принадлежит русской карте и картам с изображением России. Лишь в немногих публикациях затрагивается история западноевропейской картографии, а методика их исследования может быть применена к западноевропейским средневековым картам. К ним относятся труды Л. А. Гольденберга, О. М. Медушевской, Б. Г. Галковича, А. В. Постникова, Д. В. Деопика, Е. М. Поспелова, Е. А. Савельевой и др. Учебник «Картоведение» К. А. Салищева, рассчитанный на студентов-картографов, полезен также для историков, приступающих к изучению старых карт, так как в нем излагаются теоретические основы картографической науки. Вопросы взаимовлияния византийской, арабской и западноевропейской картографии освещаются в работах арабистов Т. А. Шумовского, И. Ю. Крачковского, византиста О. Р. Бородина. Ряд статей написан советскими учеными об отдельных картах и персоналиях некоторых западноевропейских картографов.

Следует отметить, что в современных работах история карты до XIV в. обычно рассматривается с точки зрения прогрессивной эволюции, цель которой видится в достижении адекватного изображения действительности. При этом размывается специфика средневекового мировоззрения и науки. Эта взаимосвязь лучше прослеживается в исследованиях по истории средневековой культуры, в которых, однако, картография не стала предметом специального внимания.

В Западной Европе сегодня существуют международные научные центры по изучению старой картографии. На их базе выпускаются научные журналы, такие, как «Imago mundi» и «Theatrum Orbis Terrarum».

История средневековой карты. История картографии включает в себя историю самих карт и методов их создания, историю кар-

тографических идей в тесной связи с материальными и духовными условиями того мира, в котором они появлялись. Картография зависит от развития общества и определяется его потребностями. Ее история подчиняется той же периодизации, что и история человечества. Поэтому в особый период выделяется картография средневековья с ее характерными особенностями. Внутренняя эволюция феодального общества меняла характер географической карты. Средневековой картографии, теории географии и космогонии понадобилось около тысячи лет, чтобы освоить античное наследие, достичь его уровня и превзойти. И дело не только в том, что общий упадок образованности и культуры в раннее средневековье, монополия церкви в области духовной жизни отрицательно сказались на географии. В том виде, в каком перед нами предстают ранние карты средневековья, сказались символизм и отвлеченность мышления средневекового человека.

Античное наследие. Античная географическая традиция продолжала существовать в раннее средневековье, однако в очень обедненном виде. От античности средневековье восприняло идею шарообразности Земли и ее природной зональности. Согласно последней Земля делилась на тепловые широтные пояса, расположенные симметрично по обе стороны экватора: два холодных, два умеренных, один жаркий. Пригодными для жизни считались умеренные пояса. Предполагалось, что в южном умеренном поясе, сведениями о котором не располагали древние ученые, живут «антиподы». Это положение оспаривалось теми средневековыми теологами, которые отрицали шарообразность Земли. Об ойкумене северного умеренного пояса греческие географы накопили богатейшую информацию. В наиболее полном виде она собрана в географических трудах Страбона (I в. до н. э.) и Клавдия Птолемея (II в. н. э.).

В Древней Греции произошло окончательное размежевание картографии на гносеологическую (концептуальную) и практическую. Первая из них должна была давать общее представление об известном мире и о его отдельных районах; вторая — детальное изображение местности. Это соответствовало мелко- и крупномасштабному картографированию, каждому из которых свойственны свои методы построения и изображения. Птолемей особо подчеркивал значение математики и астрономии как основы гносеологической карты. С их помощью греческие ученые еще до Птолемея научились определять форму и размеры Земли, разрабатывали способы передачи сферической поверхности Земли на плоскость при помощи различных географических проекций (цилиндрической, конической, псевдоконической). Во II в. до н. э. выдающийся астроном Гиппарх, углубляя идею Эратосфена (III в. до н. э.), предложил строить карты по системе координат (параллелей и меридианов), определяя положение точек земной поверхности с помощью широты и долготы. Для их обозначения у древних вавилонян было заимствовано деление круга на 360 гра-

дусов, минуты и секунды. Этим были заложены основы научной картографии, забытые, однако, в раннее средневековье.

От античной эпохи почти не сохранилось картографических произведений. Однако известно об их существовании и распространении. Об этом свидетельствуют детальное изложение методов и принципов составления карт в трудах географов, подробное описание местоположения отдельных объектов с указанием расстояний между ними и направлений следования. Не сохранились и карты Птолемея. Относительно единственной карты, составленной по Птолемею до XV в., среди исследователей существуют разногласия. Одни предполагают, что она была вычерчена современником великого греческого географа, неким Агатодеймоном из Александрии, другие относят время ее возникновения к XIII в. Самым значительным (из сохранившихся) образцов античной картографии, дошедшим до нашего времени, являются так называемые Пейтингеровы таблицы: римская дорожная карта, скопированная с некоторыми дополнениями (XI или XII в.) с оригинала середины IV в. и обнаруженная в конце XV в. Свое название карта получила по имени ее владельца, немецкого гуманиста и коллекционера Конрада Пейтингера (рис. 1). Она представляет собой свиток длиной около 7 метров и шириной 1/3 метра из 12 прямоугольных сегментов. На нем изображена Римская империя и другие известные римлянам земли от Геркулесовых столбов на западе до устья Ганга на востоке. Растянутость изображения с запада на восток и его предельная суженность с севера на юг чрезвычайно искажали действительные очертания и пространственную ориентацию географических объектов. Так, Черное море представляет собой узкую полосу, Апеннинский полуостров вытянут в широтном направлении. В то же время карта чрезвычайно содержательна. В ее номенклатуру входят населенные пункты (города, римские военные лагеря, замки и крепости), дороги, реки, моря, озера, леса и горы, обозначенные перспективными условными знаками. Столицы государств (Рим, Константинополь, Антиохия) выделены символами, изображающими сидящих на троне монархов. Особенно тщательно вычерчены дороги. Изломы на них обозначают положение дорожных станций, римские цифры — расстояние между ними. Эта дорожная карта имела сугубо практическое предназначение: ее использовали в дороге купцы, воины, путешественники, паломники. Есть сведения, что именно это направление картографии было более развито в поздней Римской империи и было призвано удовлетворять практические нужды административного и военного аппарата в этом огромном государстве, где существование налаженных дорожных коммуникаций определяло многое в экономической и политической жизни. Пейтингеровы таблицы были известны средневековым авторам и использовались ими. Это произведение не потеряло научного значения. Его данные в комплексе с другими могут быть использованы в историко-географическом исследовании, в частности для локализации некоторых географических объектов.

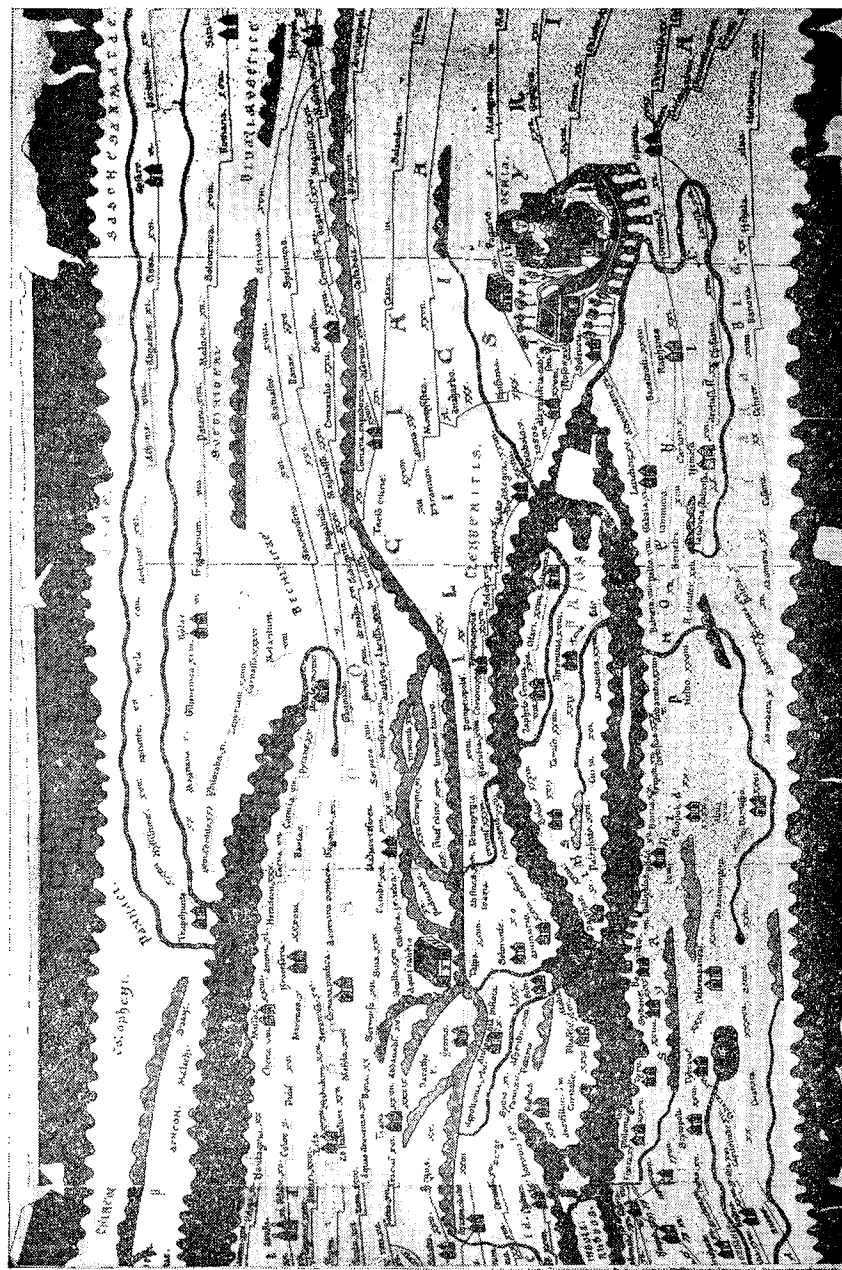

Рис. 1. Пейтингеровы таблицы. Сегмент с изображением Антиохии (Римская дорожная карта IV в. в копии XI или XII в.)

Высокого уровня развития в поздней Римской империи достигла крупномасштабная картография, основой для которой служила съемка на местности, проводимая римскими землемерами (агримензорами). Агримензоры разработали методы, используемые и в современных топографических картах, например систему прямоугольных координат и сетку квадратов. Однако в средние века, как и ко многому из античного наследия, к ним обратились только в XV в. Несмотря на то что античное наследие частично было воспринято средневековьем, решающую роль в формировании космографических, географических представлений и картографических построений в раннее средневековье играла библейская концепция мироздания, изложенная в трудах отцов церкви на основе толкования ими Священного писания. В Библии Земля представлялась плоским диском или четырехугольником, омываемым океаном. Куполообразное небо опирается непосредственно на Землю или зиждется на столпах и опорах. Небо состоит как бы из двух этажей: нижнего — «небесной тверди» и верхнего, образующего Вселенную. К небесной тверди крепятся светила. Там же находятся верхние воды, проливающиеся на землю в виде дождя и росы. Пытаясь объяснить восход и заход Солнца, христианские богословы пришли к мысли о существовании на севере плоской Земли высоких гор, которые закрывают Солнце от людей с вечера до утра, пока оно возвращается с запада на восток. В центре Земли находится Иерусалим — «пуп Земли», «глава всех городов»; обычно на востоке, за непроходимыми горами и пустыней — рай, откуда вытекают четыре райские реки: Тигр, Евфрат, Геон и Фисон. Геон обычно идентифицировался с Нилом, истоки которого относили в Индию, под Фисоном подразумевали Ганг, изредка — Дунай. Предполагалось, что сначала райские реки текут под землей и лишь далеко от рая выходят наружу. Где-то на севере или других окраинах Земли поселяли Гога и Магога. Особая роль при разработке основ средневековой библейской космографии и землеведения принадлежит теологам антиохийской школы IV—VII вв. Велико влияние на представления современников и последующих поколений «Христианской топографии» александрийского купца и мореплавателя Космы, жившего в VI в., прозванного современниками за его путешествия в восточные страны, к Индии и Цейлону Индикопловом (Индикоплевстом). Уйдя в монастырь, он написал свой главный труд. В «Христианской топографии» Косма выступает перед читателем одновременно как практичный человек, купец, мореход, сообщающий ценные географические и этнографические сведения об увиденных им землях, и как довольно ограниченный монах, который в своих космогонических представлениях опровергает Птолемея и всю античную космогонию, заменяя ее христианской, основанной на Библии.

Историю средневековой картографии можно условно разделить на три основных периода: ранний, или период господства монастырской карты (VI—XIII вв.); начало практической карто-

графии, или период портуланов (XIV — первая половина XV в.); картография эпохи великих географических открытий, или начало современной картографии (середина XV—XVII вв.).

Монастырские карты VI—XIII вв. Средневековому обществу было свойственно противоречие между замкнутостью и обособленностью отдельных мирков, боязнью дали и стремлением к непрерывному движению, воплощавшемуся в потоке паломников, миссионеров, школяров, воинов, послдов, торговцев и других искателей счастья, приключений и путей к спасению. Казалось бы, в их странствиях им нужны географические знания, заключенные в литературе и картах, и тут могло бы пригодиться богатое античное географическое наследие. Однако в своем абсолютном большинстве средневековое население было неграмотным, и его географический кругозор обогащался по большей части не из письменных источников, тем более не из античных, незнакомых рядовому человеку.

В этом малограмотном мире ученость сосредоточилась в руках духовенства. Наука стала частью богословия. Глубокая религиозность формировала мировоззрение и отношение ко всем сферам знания, в том числе о Земле и природе. Монашество явилось монопольным хранителем античного научного и культурного наследия. Космографические, космогонические, географические представления античности церковь принимала лишь настолько, насколько они могли быть приемлемы в теологических целях. В этих условиях расцвела монастырская картография, первейшая цель которой состояла в том, чтобы отразить общую картину мироздания. Это были карты мира (*Marrae Mundi*), иллюстрирующие библейские представления о Земле, комментарии различных авторов, исторические произведения, изредка включавшиеся в произведения классиков античности (Горация, Вергилия). Сохранилось около 1100 монастырских карт мира, из которых около 600 были созданы до XIV в.

Монастырские карты трудно назвать географическими картами в полном смысле слова. Они представляли собой скорее схематические рисунки известной средневековой ойкумены, бедные содержанием, что не компенсировалось обычаем наносить прямо на карту надписи и художественные изображения. Форма карты в большинстве случаев определяла и форму изображения. Карты делались круглыми, овальными, прямоугольными, ромбовидными. Они вычерчивались на пергаменте или ткани, откуда и происходит их название «парра», распространившееся в средние века на все континентальные карты, т. е. те, содержанием которых была Земля. (Морские карты изготовлялись преимущественно из пергамента и назывались «charta».) Для изготовления монастырских карт служили те же материалы и краски, что и для книжных миниатюр, и их авторами в монастырях были чаще не специалисты-картографы, а художники-миниатюристы. Помещались *Marrae Mundi* в рукописях. Ими также украшали алтари и стены монастырей и соборов. В последнем случае они делались очень

большими. Большее или меньшее число названий на карте диктовалось не столько географическими знаниями, сколько форматом и размером карты.

Эти черты монастырской карты мира определялись помимо материально-технических возможностей мастеров предназначением подобного рода произведений. Отбор и объем сведений диктовались той необходимостью, которая соответствовала миропониманию человека того времени. Мир воспринимался как чудесное творение бога. На этой карте объединялись география и история, миф и реальность, время и пространство. География была призвана в данном случае символически истолковывать историю и «указывать человеку путь, но путь не столько в иные страны и города, сколько духовный его путь — к спасению души»⁷. Библейская и реальная, древняя и современная история переплетаются на одной карте: рай с его обитателями, гора Арарат с ковчегом, Гог и Магог, Вавилон, Троя, Александрийский маяк, современные государства и Древний Рим. Так время объединяется с пространством.

Вымыслу и чудесам на картах мира принадлежит не менее законное место, чем проверенным географическим фактам. В данном случае было бы неверно ограничиться констатацией невежества картосоставителя. В этом также проявляется картина мира средневекового человека, ибо географическое пространство было для него магическим и сакральным. Одним из популярных источников, использовавшихся в картографии более тысячи лет, было «Собрание вещей, достойных упоминания» автора III в. Гая Юлия Солина, прозванного недругами за подражание Плинию Старшему «Плиниевой обезьяной». Из «Натуральной истории», а также из трудов римского ученого Помпония Мелы он выбрал самые курьезные и фантастические сведения, касающиеся животного и растительного мира, а также о населении разных стран и народов. Карты мира, опирающиеся на Солина и подобные ему произведения, на рассказы пилигримов, населены одноглазыми, рогами, хвостатыми, длинноухими, собакоголовыми, безголовыми и т. д. монстрами и фантастическими животными.

Появлялись на картах мира вымышленные острова и страны. Среди них самым устойчивым картографическим мифом можно считать легенду о св. Брандане (Брендане), ирландском монахе, жившем в первой половине VI в., который во время своих плаваний по Атлантике нашел якобы райскую землю. В легенде о путешествии св. Брандана отражены мечты бедного христианского мира найти «землю обетованную» — богатую, плодородную и счастливую, свободную от бед и зол окружающего мира. Этот остров, получивший позднее название острова св. Брандана, изображался на картах около 1200 лет, до 1759 г., когда был окончательно признан мифом. Одними картографами он отождеств-

⁷ Гуревич А. Я. Предисловие к кн.: Райт Дж. К. Географические представления. С. 9.

лялся с Канарскими островами (Херефордская карта мира 1275 г.), другими — с Мадейрой (карта мира 1339 г. Анжелико Дульсера, или Далоро, а также карта мира 1367 г. братьев Пичигано из Венеции), третьими — с Азорскими островами (карты XV в., после открытия Азорских островов), на знаменитом глобусе Мартина Бехайма — в районе островов Зеленого Мыса. Наконец, с XVI в. он помещался в центре Атлантики на широте Ньюфаундленда (карты Себастьяна Кабота 1544 г., Меркатора 1567 г., Ортелия 1571 г.). В XVII в. картографы «вернули» остров в расположение Канарских островов под названием острова св. Борондана, где он в качестве собственности испанской короны изображался до 1759 г.

Другая легенда возникла во время крестовых походов и сообщала о могущественном христианском королевстве пресвитера Иоанна, затерявшимся где-то в глубине земель неверных. В разное время его помещали то в Китае, то в Индии, то в Африке, то в Центральной Азии, то в далекой Скифии на окраинах Европы. Среди прочих путешественников его искали Плано Карпини, Марко Поло. Считалось, что пресвитер Иоанн сокрушил в своих владениях мусульман. Поэтому в христианском мире на него смотрели с надеждой, как на оплот в борьбе с исламом. Римские папы неоднократно пытались установить с ним контакт. В этот миф верили даже в XVI в. Знаменитый картограф Авраам Ортелиус издал специальную карту под названием «Описание Абиссинской империи пресвитера Иоанна», поместив на ней даже герб вымышленного государя. Это королевство исчезло с карт только в середине XVII в.

Ходовой была в средние века легенда, суть которой заключалась в том, что спасшиеся в период арабского завоевания Пиренейского полуострова семь португальских епископов основали семь городов на одном из островов, найденном ими в Атлантическом океане. Внимание картографов привлекал и мифический остров красителей Бразил, который отмечен на довольно поздних сохранившихся картах мира: в 1367 г., на широте южной Ирландии. На поиски этого острова отправлялись многочисленные экспедиции, и некоторые из путешественников утверждали, что приставали к нему. С карт он исчез только в 1873 г. Среди прочих мифических островов, обозначавшихся на картах XIV—XVI вв., можно назвать Антилию, к которой Тосканелли советовал пристать Колумбу во время плавания через Атлантику для пополнения запасов продовольствия.

Поскольку согласно христианским представлениям ад находился в недрах Земли, то предполагалось существование входных и выходных отверстий. Географы и картографы «находили» их, как правило, в районах вулканической активности: в Средиземном море, в Атлантике близ Исландии. На одной анонимной испанской карте такой Адский остров (дель Инфьерно) был помещен среди Канарских островов. Очевидно, подразумевался вулканический пик Тенериф. Моря на средневековых картах запол-

нялись различными дьявольскими островами, поскольку весь нехристианский мир воспринимался как обиталище врага, территория сатаны, на которую устраивались военные и миссионерские экспедиции. Ранние карты с их изображениями не сохранились, но, судя по описаниям, существовали. Известно изображение такого острова под названием «Сатанаксио» на карте Антонио Бьянко 1436 г. С открытием Нового Света дьявольские острова на картах переместились в районы Бермуд (на картах Ортелия и Меркатора) и Лабрадора (карты 1501 и 1507 гг. Хуана Руйша). К середине XVII в. этот миф сошел с карт. Обилие вымышленных именно островов на средневековых картах объясняется тем, что «островами» было принято считать все далекие земли, для достижения которых требовалось морское путешествие. Марко Поло, например, называл островами земли, о которых он слышал, но не посетил сам. Поиски мифических земель активизировались с прогрессом в мореплавании и стимулировали географические исследования и открытия, которые в свою очередь находили отражение в картографии.

Наиболее распространенными до XIII в. были монастырские карты мира двух типов. К первому относятся так называемые карты «Т—О-типа», ко второму — зональные. Составители первых исходили из представления о плоской форме Земли. На та

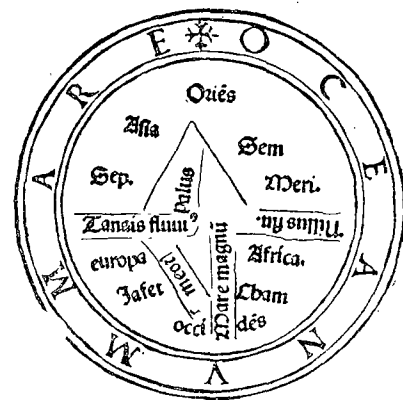

Рис. 2. Монастырская карта мира
Т—О типа

волизировать распятие. Эти карты ориентированы, как правило, на восток. Они носили общее название «Imago Mundi rotunda», или «Карты Ноя», поскольку на них изображалось деление мира на три части между сыновьями Ноя Симом, Хамом и Яфетом.

Одним из самых ранних образцов карт мира «Т—О типа» в Западной Европе были карты, иллюстрирующие «Этимологию» Исихора, епископа Севильского (570—636), представляющие собой схему, составленную из прямых линий и надписей (рис. 2).

На широко известной по копиям X в. карте мира испанского бенедиктинского монаха Беата из Вальковадо, написавшего в 776 г. свой знаменитый комментарий к Апокалипсису, деталей значительно больше при сохранении основной схемы. Тут и многочисленные острова Средиземного моря и океанов, омывающих землю, Черное, Каспийское, Эгейское и другие моря, крупнейшие реки, горные массивы, которые, как и города, даны перспективными знаками. Соседней Галлии на карте принадлежит намного больше места, чем удаленным от Испании странам. По типу карты мира Фра Беата в разное время было создано множество подражаний, значительно отличавшихся от оригинала, но тем не менее носивших его имя (рис. 3).

Выдающееся место среди карт Т—О типа занимают нижнесаксонская из монастыря в Эбсторфе и английская из кафедрального собора в Херефорде, созданные в XIII в. (рис. 4). Эти стенные карты в форме колеса, выполненные на ткани, были предназначены для украшения алтарей. Херефордская карта находилась там еще в конце XIX в. Сейчас она хранится в библиотеке того же города. Автор карты Ричард Халдингем высоко ценил свое творение и писал на карте на нормандском диалекте французского языка: «Придумал и сделал ее, чтобы ему был удивлен мир на небесах». Эбсторфская карта погибла во время второй мировой войны. Монастырских карт, равным этим двум по размерам, не сохранилось: диаметр Эбсторфской карты 3 м 56 см, а Херефордской — 132 см. На основании сходства между ними исследователи предполагают у них общий источник: карту мира 1110 г. Генриха Майнцского. Сквозь традиционный слой содержания на этих картах заметны веяния нового. Так, на карте Ричарда Халдингема Канарские острова впервые изображены на своем месте. Очевидно, под влиянием географических знаний, почерпнутых в крестовых походах, пределы Африки выносятся за отведенную для них четверть круга и теснят Азию. Учеными установлено, что при составлении западной части карты Ричард пользовался итинерариями, указывающими путь из Рима к разным достопримечательным местам. Расстояния же и направления между 150 точками на карте в целом соответствуют действительности, несмотря на то что на Херефордской карте нет координатной сетки и постоянного масштаба.

Тем не менее в целом умножение деталей, пусть и связанное с расширением географического кругозора европейцев в крестовых походах, не приводило к принципиальным изменениям в монастырской картографии.

Другой тип монастырских карт мира — зональных — основан на признании идеи шарообразности Земли, не забытой в раннее средневековье и воспринятой Августином, Бедой Достопочтенным и многими другими. Земля на таких картах-схемах делилась на климатические пояса (5 или 7). Примером такого типа являются многочисленные маленькие «макробиевы» карты: иллюстрации к комментарию Амброзия Аврелия Макробия к трактату Цицерона

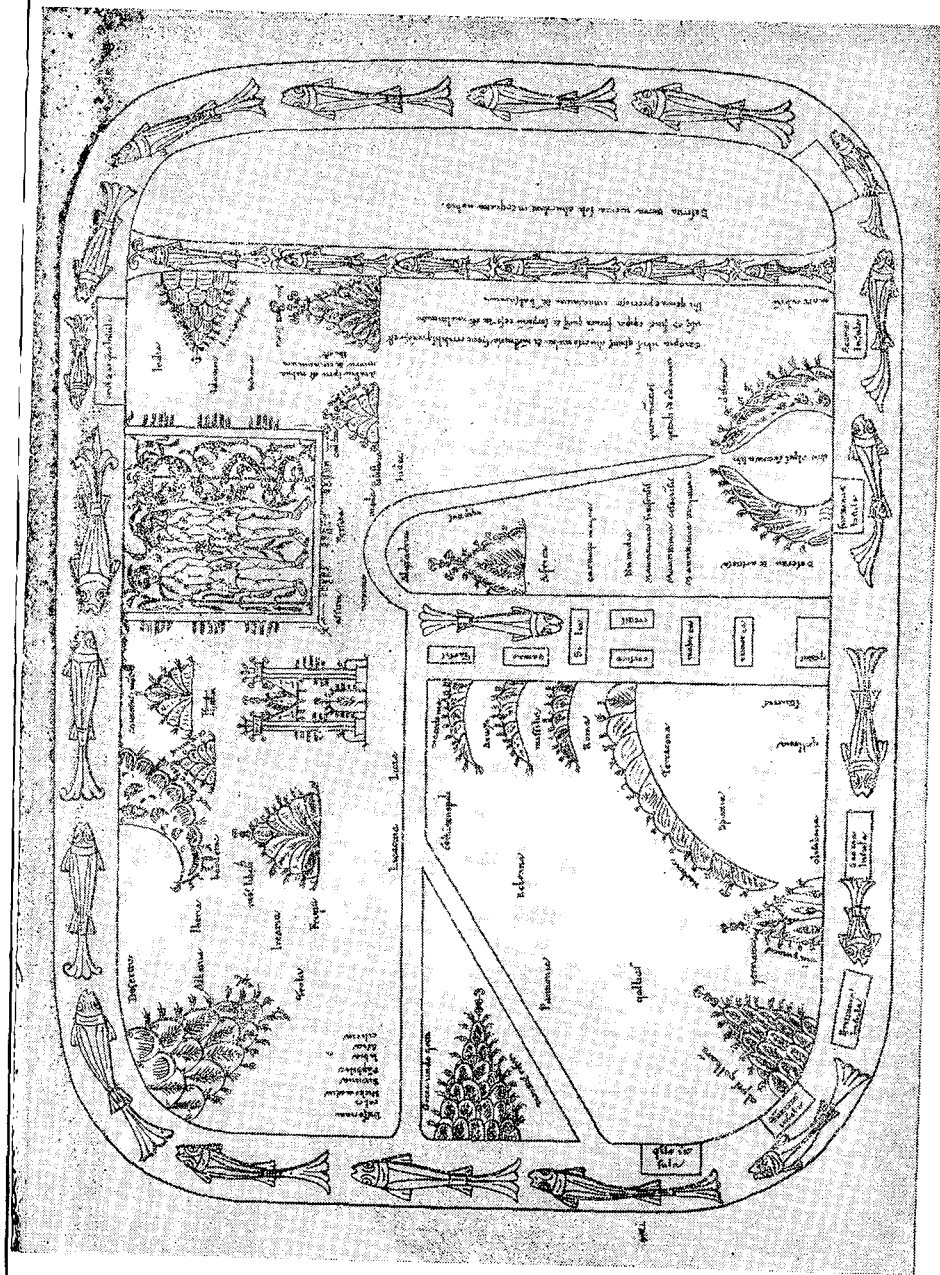
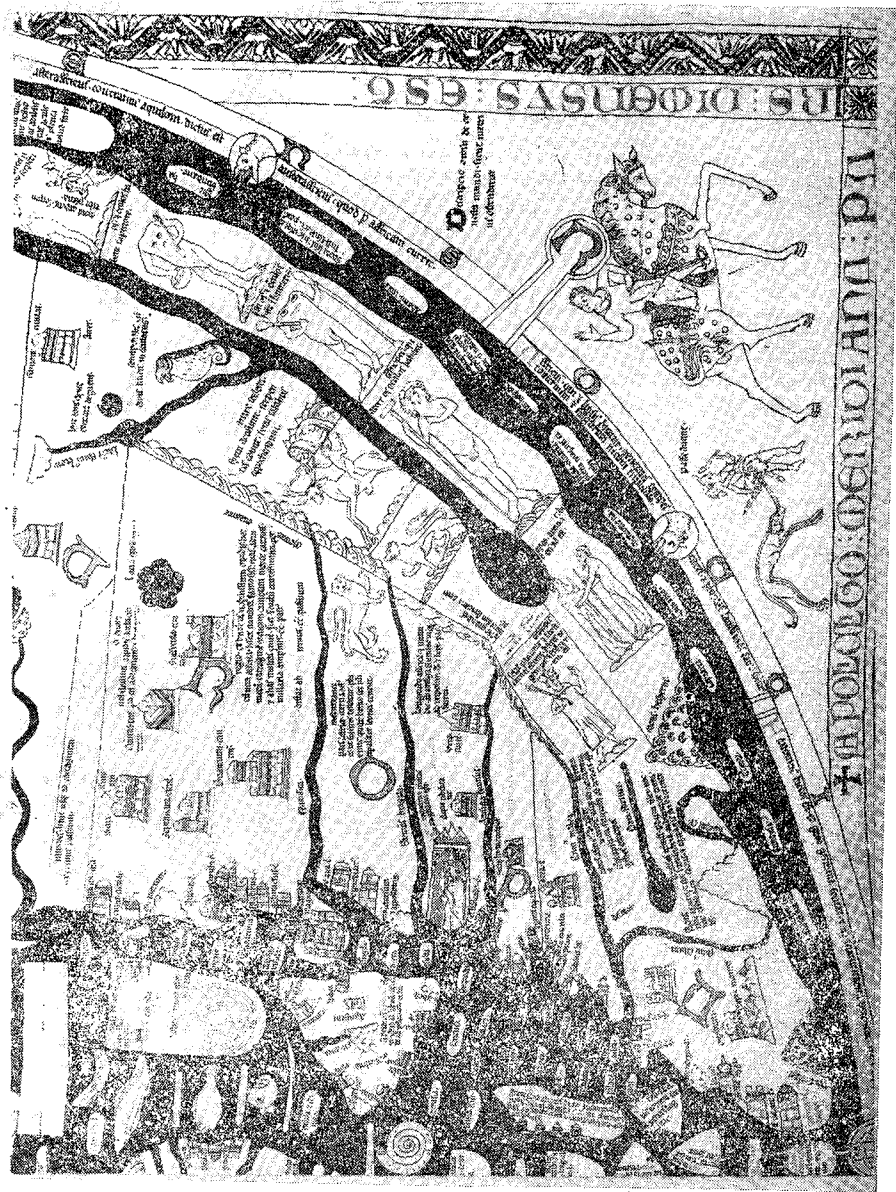

Рис. 3. Карта мира по Фра Беату

«Сон Сципиона» (около 400 г.) (рис. 5). Еще раньше зональные карты были помещены в рукописях трактата Марциана Капеллы «Брак Меркурия с Филологией» (около 300 г.). «Макробиевы» карты воспроизводились позднее в трудах Беда Достопочтенного, Ламберта из Сент Омера и др. Один из лучших экземпляров этого типа карт хранится в СССР, в Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина и датируется концом X началом XI в. Как и большинство ей подобных карт, ленинградская ориентирована на север, содержит деление на пять тепловых поясов, тропики и четыре континента. Окраска климатических зон соответствовала их характеру: тропики обозначены оранжевым цветом, полярные зоны — светло-лиловым. Большие споры вызывал вопрос об антиподах. Так, Ламберт из Сент Омера считал, что антиподы живут за непреодолимым экваториальным океаном и представляют собой существа, анатомия которых очень пострадала от слишком жаркого климата. До нашего времени сохранилось 80 «макробиевых» карт.

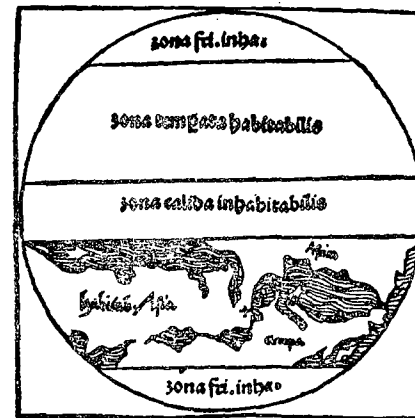

Рис. 5. Зональная карта мира начала XVI в.

Западноевропейским картографам, даже тем, которые восприняли от античности идею шарообразности Земли, до XV в. были неизвестны труды Страбона и Птолемея. Зато ими широко пользовались при написании географических трудов в Византии, где в раннее средневековье, как и на Западе, шла борьба между античной традицией в космографии и землеведении и христианством. Связь с трудами Птолемея прослеживается даже в сугубо христианских географических сочинениях, например в «Космографии» анонимного автора из Равенны VII в. Реконструированная на основе его текста карта, хотя и не находит аналогов по форме, в содержании сохраняет античную географическую номенклатуру, в том числе и птолемеевскую. В центре карты находится Равенна (хотя по анониму центром Земли является Иерусалим), от которой отходят 24 радиуса, разделяющие ойкумену на 12 дневных и 12 ночных секторов. В них последовательно с запада на восток автор группирует географический материал. Византийских карт почти не сохранилось. К редким исключениям относятся 5 карт (3 прямоугольные, 2 овальные) к «Христианской топографии» Космы Индикоплова, представляющие собой примитивную библейскую картину мироздания. Можно предположить, что византийская картография развивалась в одном русле с географией и космографией, широко представленными в компиляциях и пе-

переработках Страбона и Птолемея, в самостоятельных географических описаниях, во всевозможных «Космографиях», епископских нотициях, периплах⁸, итинерариях.

Благодаря византийцам труды великих древнегреческих географов стали известны в странах Арабского халифата, где географическая культура и знания достигли в IX—X вв. больших успехов. Однако сохранившиеся образцы арабской картографии этого времени в основном не отражают высокого уровня географических знаний. Они представляют собой вычерчивавшиеся с помощью линейки и циркуля схемы, на которых господствовали симметрия и геометрическая правильность очертаний географических объектов. В то же время исследователи полагают, что существовали и другие карты, в первую очередь морские, богатые информацией, более адекватно изображавшие действительность. Не исключается мысль о том, что западноевропейские народы могли познакомиться с ними во время крестовых походов и приобщить к своему опыту навигационного картографирования.

Подтверждение этой мысли представляет творчество выдающегося арабского ученого и путешественника XII в. аль-Идриси, уроженца Суэты, учившегося в Кордове и работавшего в Палермо при дворе сицилийского короля Рожера II. В творчестве аль-Идриси сочетаются принципы птолемеевой географии с опытом, накопленным арабской географией. По заказу Рожера II к 1154 г. им были изготовлены одна круглая и одна прямоугольная на 70 листах карты мира, в которых аль-Идриси решительно порывает с традицией арабской гносеологической картографии (рис. 6). В основу он положил птолемеевскую разработку карты мира, разделил ойкумену на семь климатических поясов, каждый из которых в свою очередь — на десять частей. Сведения, накопленные арабскими мореплавателями, не позволили аль-Идриси слепо следовать авторитету Птолемея. В то время как у Птолемея Индийский океан представлен замкнутым морем внутри Африки, Азиатского континента и «неведомой Южной земли», у аль-Идриси восточная окраина Индийского океана открыта и занята многочисленными островами. Контур суши и морей на карте аль-Идриси, особенно в хорошо знакомых ему краях, весьма детально разработаны. Но и этого весьма реалистичного картографа не обошла страсть к чудесному.

Карты аль-Идриси являются как бы мостиком между европейской и арабской картографией, между ранним средневековьем и последующим периодом, когда все более отчетливо начинают проявляться потребности практической географии, реализовавшиеся в картографии. Уже в XIII в. начинают осознавать преимущества графического изображения географического объекта в пространстве перед его описанием. Поэтому наряду с многочисленными итинерариями, периплами, логиями возникает все большее число карт, сопровождающих или заменяющих их. Мало таких карт со-

хранилось не только от раннего периода, но и от второго, когда их стало больше. Среди сохранившихся образцов преобладают карты мира. Эту ситуацию, помимо особенностей средневековой географии, до XIV в. можно объяснить тем, что монастырским картам, хранившимся в монастырских библиотеках, грозило меньше опасностей, чем картам, сопровождавшим купцов, воинов, паломников, миссионеров в далеких и опасных путешествиях и переходившим от поколения к поколению.

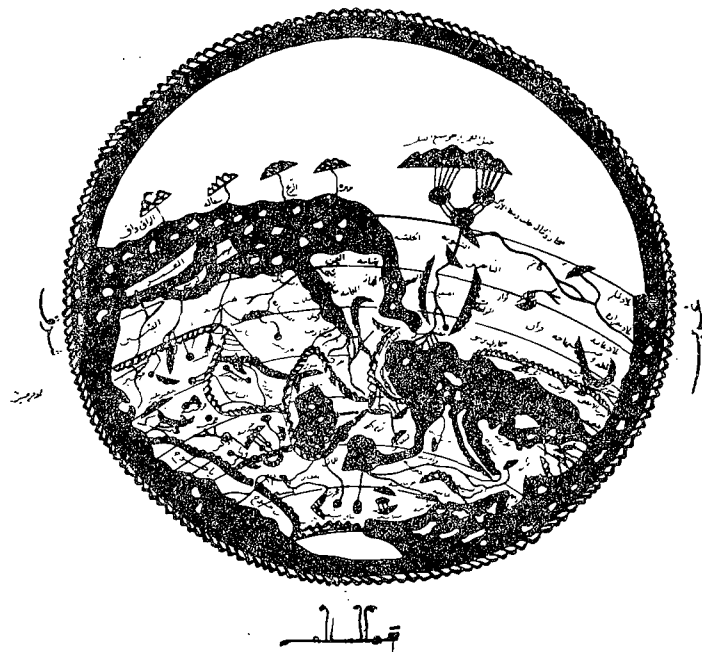

Рис. 6. Круглая карта мира аль-Идриси 1154 г.
(Ориентирована на юг)

Первые практические карты появились еще в рамках монастырской картографии. Чаще всего это были карты-итинерарии к святым местам. Сохранился фрагмент такой карты (рис. 7). Она мало похожа на карту. Это серия рисунков населенных пунктов, выстроенных в том порядке, в каком они следуют на пути от Лондона к Иерусалиму. Примечательно отношение к пространству автора этой и подобных ей карт-итинерариев. Оно очень конкретно, измеряется передвижением путешественника от пункта к пункту и выражается временем в днях, затраченным на это передвижение.

Вполне соответствуют своему названию четыре дорожные карты Англии и Уэльса, найденные в рукописях середины XIV в. «Chronica Majora» и «Historia Anglorum» Матфея Парижского в английском аббатстве Сент-Олбанс. Дороги тщательно выписа-

⁸ Периплы — описания морских плаваний вдоль берегов.

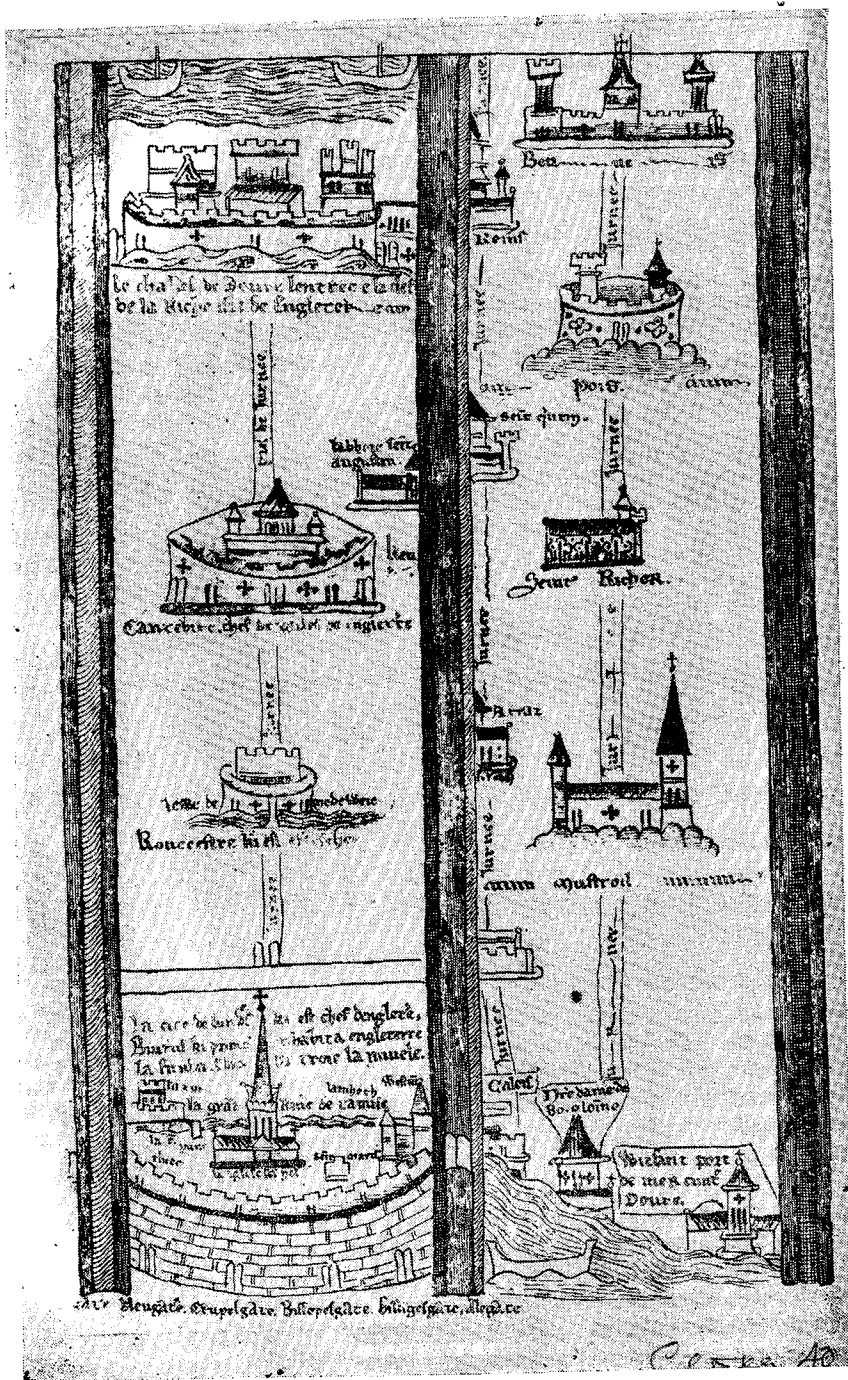

Рис. 7. Карта-итинерарий в Святую Землю с изображением участка пути от Лондона до Дувра (XIV в.).

ны на географических контурах Британских островов, обозначены дорожные станции и расстояния между ними. Это первая известная карта, ориентированная на север. Еще более достоверна дорожная карта, составленная в начале XIV в. в эпоху Эдуарда I, известная под названием «карты Гога». Исследователи утверждают, что мастерство топографов, работавших над этой картой, позволяет и сейчас пользоваться ею как надежным источником.

Помимо дорожных карт растет число планов и чертежей отдельных местностей и даже объектов, пока еще очень близких к перспективным рисункам.

Картография XIV — первой половины XV в.

Развитие средневековых городов, товарного хозяйства, торговли, светских знаний и культуры, возникновение городских светских школ и т. д. создали материально-технические и социальные предпосылки для бурного развития практической картографии. Это проявилось уже в дорожных картах-итинерариях, создававшихся в монастырях и за их пределами. Однако настоящий подъем средневековой практической картографии связан не с дорожными картами, в которых использовались только линейные измерения, необходимые для определения расстояний, а с навигационными компасными картами — портоланами (портуланами). Благодаря многим изобретениям в области мореплавания и кораблестроения стали возможны плавания не только вдоль берегов, но и в открытом море. Тогда-то в Западной Европе и распространились портоланы — карты, подробно изображающие морское побережье и использовавшиеся при прокладке курса корабля.

В отличие от монастырских карт в портоланах имелись линейные масштабы и компасные сетки, указывавшие страны света и промежуточные азимуты (28 промежуточных румбов). Линии румбов исходили лучами из помещенной в центре карты «розы ветров». Их было столько, сколько лучей (направлений ветров) «розы ветров»: 8, 12 и т. д. до 32 в XV—XVI вв. На края карты выносились вспомогательные «розы ветров». Все эти особенности делали портоланы самыми точными из средневековых карт того времени. Однако эта точность была относительной. Составители большинства портоланов не учитывали шарообразности Земли и не пользовались картографической проекцией. Очень тщательно обозначалась береговая линия: островки, мысы, бухты, отмели, прибрежные скалы намеренно подчеркивались и увеличивались в масштабе, чтобы их легче «читали» моряки. В то время как береговая линия вычерчивалась тщательно и детально, изобилуя названиями населенных пунктов, информация становилась беднее по мере удаления в глубь суши. Материалом для портоланов служил преимущественно пергамент, поскольку он был долговечнее бумаги и ткани. Размеры определялись величиной шкуры, идущей на пергамент. Названия наносились на карту черной краской и подписывались слева от береговой линии,

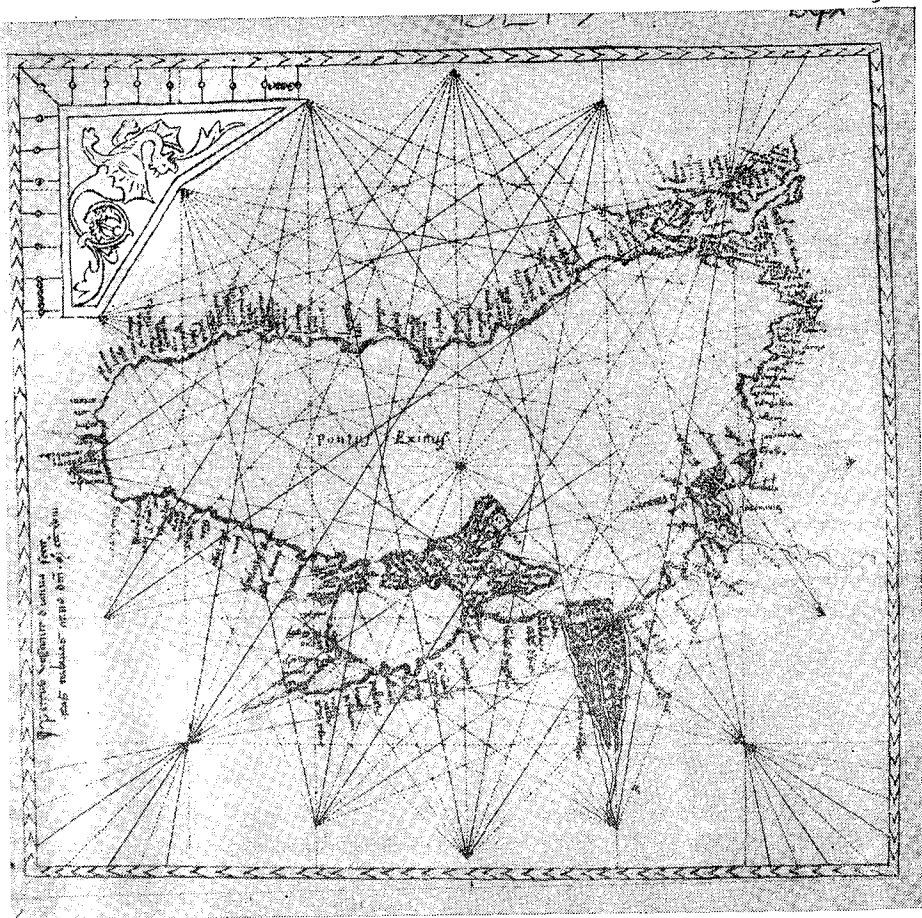

Рис. 8. Портолан 1311 г. генуэзца Пьетро Весконте с изображением Черного моря.

перпендикулярно к ней, а инициалы, важные с точки зрения мореходов места, особенно дельты рек, — красной. Использовались золотая и серебряная краски. Скалы и отмели обозначались крестиками и точками. Первые портоланы писались на латыни, позже составители перешли на свой родной язык: итальянский, каталанский, испанский.

Родиной портоланов принято считать Италию. Самый ранний из известных западноевропейских образцов — так называемая «Пизанская карта», датируемая приблизительно 1300 г. (рис. 8). Однако большие достоинства ее формы и содержания дали основание предположить существование у нее предшественников. Некоторые исследователи ищут их в арабской картографии. Действительно, были обнаружены арабские морские карты середины

XIII в. В то же время есть свидетельства и о западноевропейских морских картах XIII в. Таким образом, этот вопрос дискутируется в науке. Но как бы он не решился, влияние арабской практической картографии на западноевропейскую несомненно, что несколько не умаляет заслуг последней, ибо карты арабов базировались в большей степени на навигации по Индийскому океану, а европейцев — по Средиземному морю.

До нашего времени дошло, по свидетельствам исследователя Ч. Бизли, 498 западноевропейских портоланов XIV—XV вв. В первой половине XIV в. наибольшей известностью пользовались карты венецианских и генуэзских картографов — из морских республик, державших гегемонию в средиземноморской торговле. С середины XIV в. с ними начинают соперничать каталанские карты, в основном с острова Майорки. Майорка не случайно стала центром изготовления морских карт. Она вела обширную международную торговлю и имела дипломатические связи со многими европейскими и мусульманскими странами. К тому же до 1248 г. она находилась под властью арабов, что давало ей возможность знакомиться с достижениями арабской географии и картографии. Итальянские мастера в своем большинстве концентрировали внимание на изображении Средиземноморья и Западной Европы, каталанские — раздвигали горизонты от Скандинавии до Китая, и в этом смысле их произведения могут считаться картами мира, тем более что нередко они сохраняли традиционную для этого типа карт форму. Каталонские мастера, в отличие от итальянских, давали информацию не только по побережью, но и другую, которая могла понадобиться купцам и морякам в далеких странах.

Картографы, как правило, подписывали свои творения, поэтому до нас дошли имена некоторых из них: Джованни да Кариньяно из Генуи (карта 1310 г.), Пьетро Весконте из Генуи (карта 1311 г.) (рис. 8), Пьерино Весконте и Франческо Пицигано из Венеции, Абрахам и Яфуда Креск из Барселоны (карта 1381 г.). Многие итальянцы ездили учиться мастерству на Майорку: среди них генуэзец Анджеоло Далорто (очевидно, он же Анджеллино Дульсер, XIV в.), Пьетро Розелли и др. В свою очередь каталонцы работали в Италии. Со 2-й половины XV в. среди составителей портоланов появились португальские, а с XVI в. испанские имена, хотя не подлежит сомнению существование морской картографии в этих странах значительно раньше.

Часто отдельные портоланы собирались в атласы, представлявшие собой не случайный, а продуманный подбор карт. В них обычно входили карта мира, карты отдельных морей (Средиземного, Черного, Адриатического, Эгейского, иногда Каспийского), карты отдельных участков побережья и портов, различные справочные материалы и таблицы.

Портоланы сыграли огромную роль в развитии картографии и мореплавания. Они подготовили расцвет картографии эпохи Возрождения и заложили основы современного картографирования. Портоланы вызвали переворот в геоэологическом картогра-

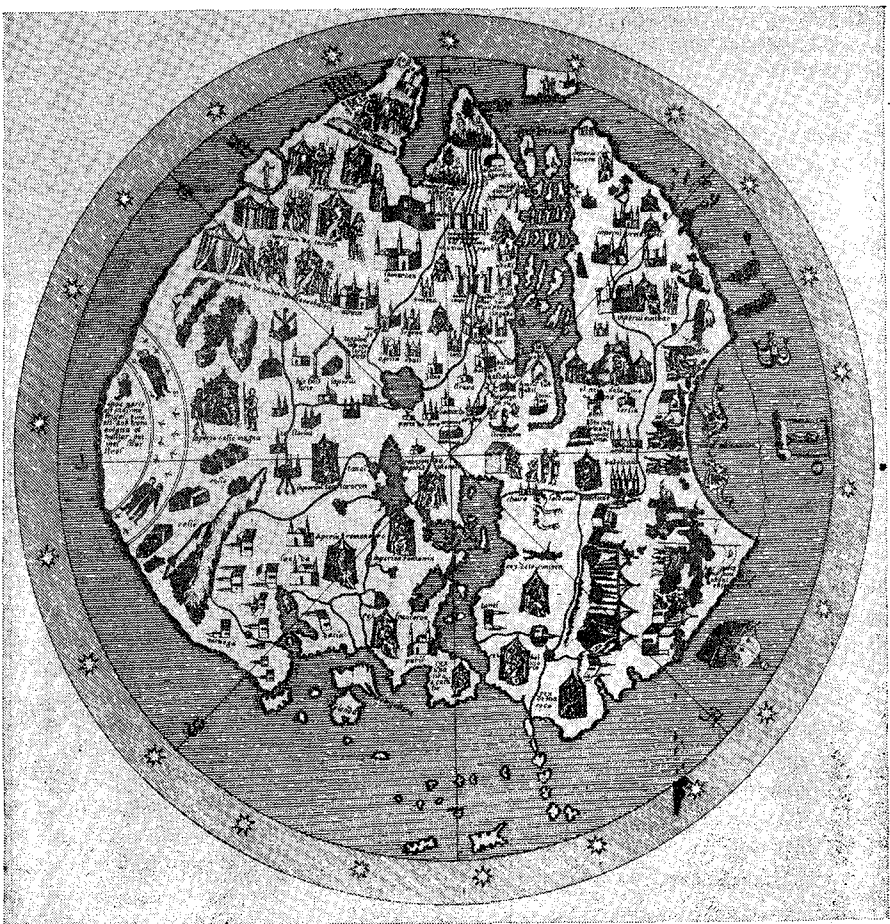

Рис. 9. Карта мира Андреа Бьянко первой половины XV в.
(Ориентирована на восток)

фировании, став источниками при составлении общих мелкомасштабных карт мира. В СССР хранятся два атласа портоланов: «Атлас всего света» итальянского картографа Баттиста Аньезе (1555 г., ЦГА Военно-Морского флота СССР, г. Ленинград) и «Атлас мира» португальца Диего Хомена (1565 г. Рукописный отдел ГПБ им. Салтыкова-Щедрина).

Портоланы имеют большое исследовательское значение, являясь важным источником исторической географии. В комплексе с другими материалами они позволяют проследить изменения в очертаниях отдельных участков береговой линии, эстуариев рек, появление и исчезновение островов, отмелей, изучить судоходность рек. Навигационные карты могут пополнить представления

о торговых путях. На их основании можно проверить факт существования того или иного населенного пункта на побережье. По портоланам можно изучать топонимы и их историю. В рамках политической географии можно уточнить принадлежность населенных пунктов, укреплений и территорий, под флагом тех или иных государств, политические союзы и даже военные планы.

Как уже было отмечено, портоланы повлияли на монастырские карты, которые продолжали создавать на протяжении XIV и XV вв. Сохраняются традиционные монастырские карты, иллюстрирующие труды отцов церкви и современных богословов. Однако ведущим становится другой тип карт мира, в которых отражались географические открытия. Не случайно, авторами таких карт были мастера, чертившие и портоланы. Одна из таких ранних карт предположительно была выполнена в 1311 г. уже упоминавшимся Пьетро Весконтте к произведению Марино Санудо. На этой карте Скандинавия помещена уже на северо-западе Европы, но вместе с тем обозначены два Каспийских моря. Карта традиционно ориентирована на восток. Подобна ей карта мира венецианского мастера Андреа Бьянко, выполненного в 1-ой пол. XV в. (рис. 9). В ней обозначены довольно реалистичные контуры Западной Европы, Средиземного, Черного, Эгейского морей, а Индийский океан не замыкается сушей на востоке. На карте нет вымысла, достойного Солина, хотя библейская традиция нашла свое место: рай с его обитателями, народы Гог и Магог, сдерживаемые Александром Македонским, поклонение волхвов. Последняя выдающаяся карта мира была выполнена в 1459 г. известным венецианским мастером из монастыря камальдулов Фра Мауро, которому помогал Андреа Бьянко. Фра Мауро работал по заказу будущего португальского короля Альфонсо V, высоко ценившего этого итальянского картографа и пославшего ему известия о последних географических открытиях португальцев. Полученная Альфонсо карта вскоре затерялась, но почти сразу Андреа Бьянко сделал с эскизов копию, сохранившуюся до наших дней. Фра Мауро был уже знаком с трудом Птолемея по латинским переводам, но слепо не следовал этому великому авторитету. На своей карте он «раскрыл» Индийский океан. В отличие от прежних монастырских карт мастер ориентирует свою не на восток, а на юг. Он убирает из центра Иерусалим, изменив таким образом в пользу действительности пропорции между Европой, Средиземным морем и Азией. Географические познания Фра Мауро чрезвычайно обширны. Скрупулезно, детально вычерчена вся область к западу от Каспия. Очень важным было изменение очертаний южного берега Африки, который в соответствии с воззрениями Птолемея сильно вытянут в восточном направлении. Тем самым Фра Мауро отразил путешествия португальцев на юг вдоль западного побережья Африки и как бы стимулировал их дальнейшие открытия.

Во второй половине XV в. в истории картографии начинается новый этап, связанный с расширением географических знаний

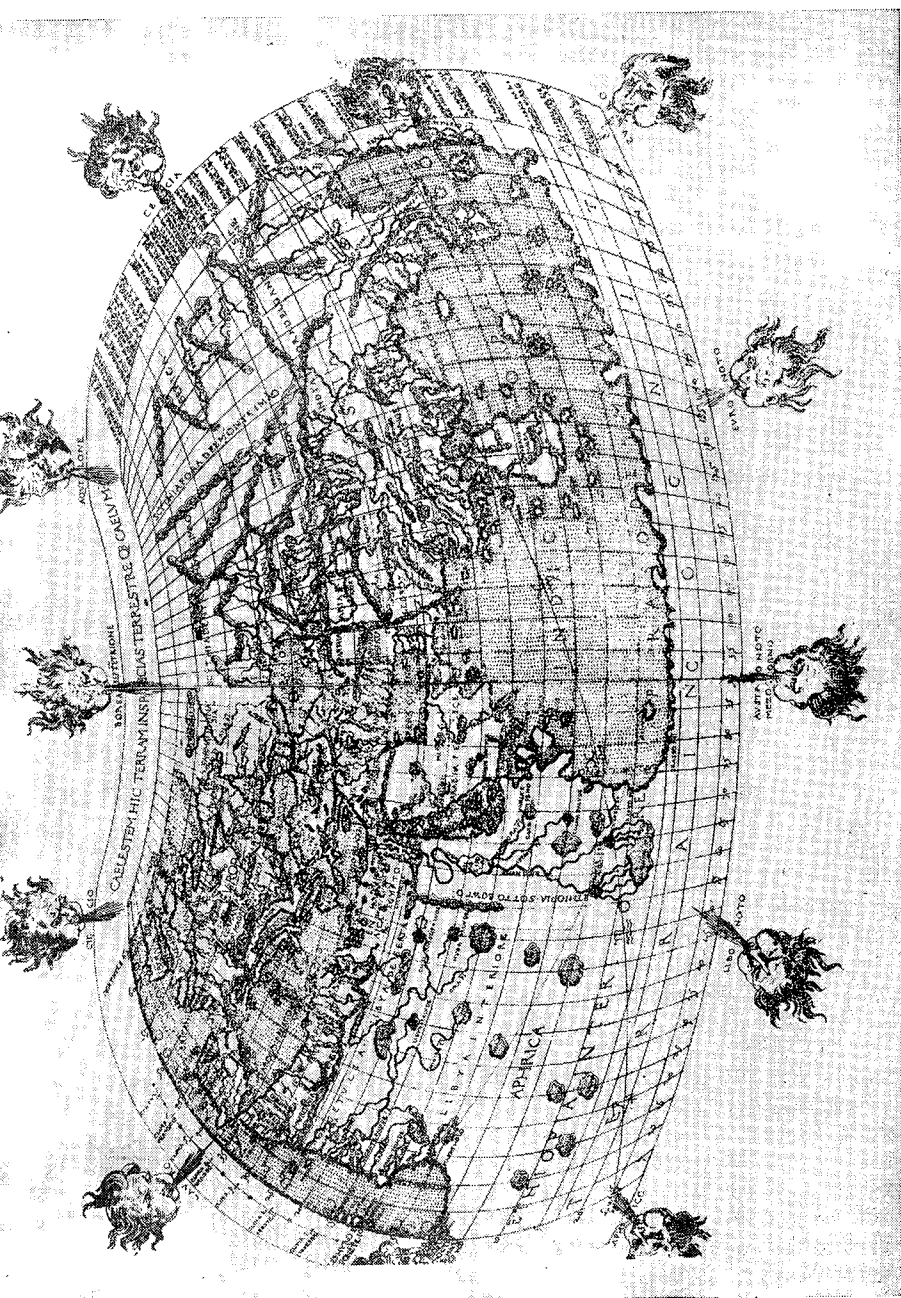

Рис. 10. Карта мира по Птолемею 1482 г. Франческо Берлингвери

европейцев в ходе начавшихся географических открытий, с изобретением книгопечатания, освоением европейцами научного наследия Страбона и Птолемея. С появлением книгопечатания большое распространение получили гравированные печатные карты, преимущества которых перед рукописными несомненны. Резко умножалась и удешевлялась издаваемая продукция, уменьшалась вероятность роста числа ошибок из-за многократного копирования рукописного образца. Для печатания карт использовалось гравирование по дереву и меди. Первый способ был дешевле второго, но давал более грубую и менее четкую печать. Кроме того, деревянные оригиналы, с которых печаталась гравюра, быстро изнашивались и выходили из строя. Первые печатные карты скорее демонстрировали возможности книгопечатания и представляли собой карты-схемы к произведениям древних классических и средневековых авторов. Самой ранней печатной картой считают карту мира в печатном издании «Этимологии» Исидора Севильского, опубликованную в 1472 г. в Аугсбурге. Вскоре монопольное положение среди печатной картографической продукции занял Птолемей. В XVI в. печатание карт превращается в хорошо налаженную, современную по тогдашним меркам отрасль производства, обслуживающую быстро растущие потребности общества в географических картах.

Интерес к Страбону и Птолемею возродился раньше, чем появилось книгопечатание. Он был обусловлен вниманием гуманистов к классическому — греческому и римскому — прошлому. В конце XIV — первой половине XV в. из разрушавшейся под ударами турок Византии вместе с беженцами стали прибывать в Европу рукописи древних авторов, в том числе Птолемея и Страбона. Они были переведены на латинский язык и распространялись сначала в рукописях, затем в печатных изданиях. Интерес к трудам древнегреческих ученых быстро вышел за рамки гуманистической филологии и истории — они стали достоянием астрономов, географов, картографов. Птолемей сделался для них основным авторитетом почти на два века. Картографы XV в. учились у него строить проекции, систему координат и картографическую сетку. Он давал научно-математическое обоснование картографии, ставшее остро необходимым в эпоху бурного развития географии и картографии. В XV в. вышли в свет 6, а в XVI в. — 40 изданий птолемеевой «Географии». Широкое признание получили реконструированные карты к «Географии». Некоторые картографы понимали несовершенство построений портоланов, поэтому с энтузиазмом восприняли учение о карте Птолемея, базировавшееся на идее шарообразности Земли. Карты к «Географии» Птолемея стали распространяться еще до появления книгопечатания. В первой четверти XV в. флорентийцы Франческо ди Лапаччо и Доменико ди Бонинсеня вычертили 27 карт к «Географии» Птолемея, объединив их в атлас. Известностью пользовались «птолемеевские» карты Франческо Берлингвери (рис. 11). В 1477 г. в Болонье впервые увидел свет печатный атлас, подго-

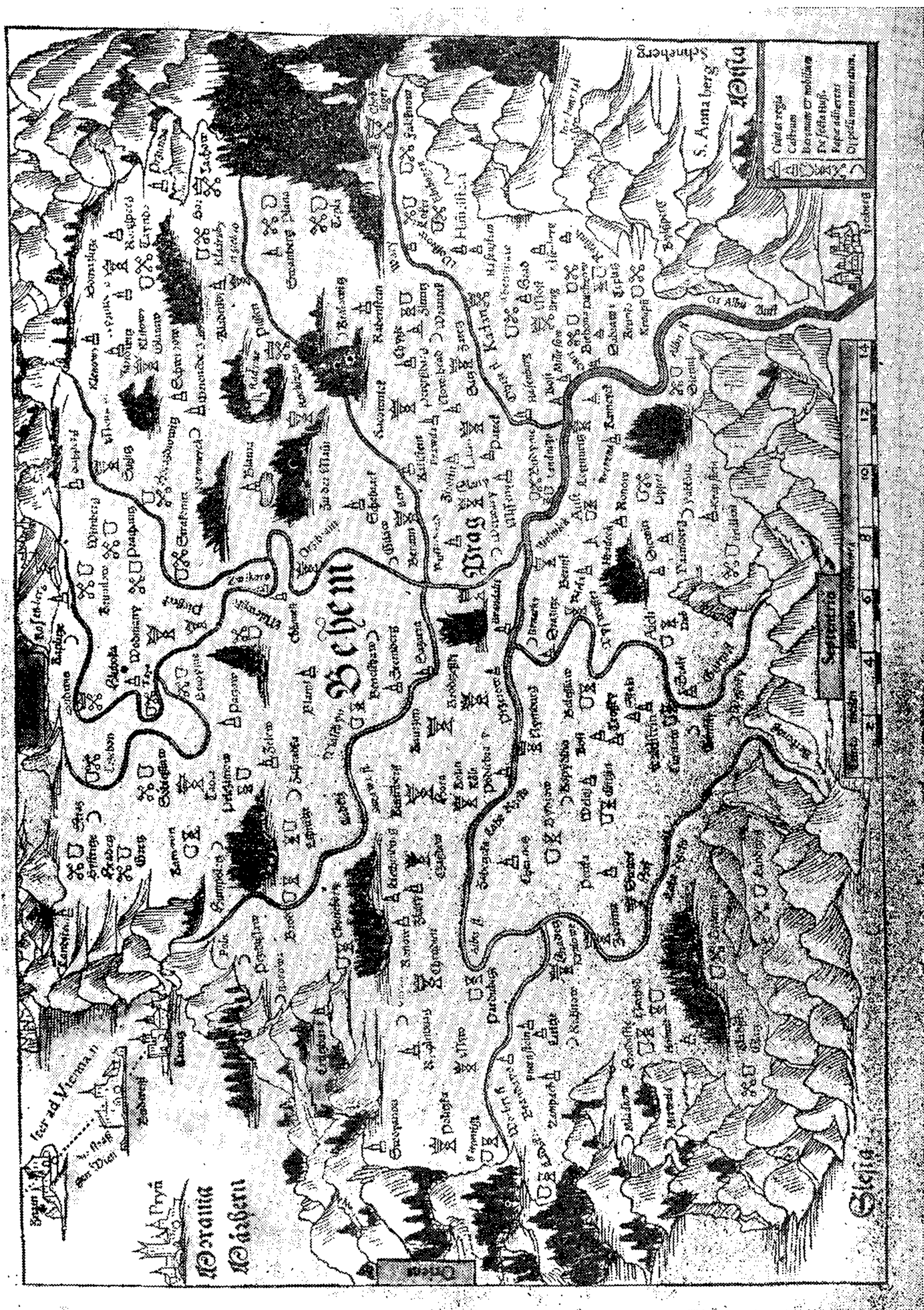

Рис. 11. Карта Богемии 1518 г. Себастьяна Мюнстера

товленный немецким картографом Николаем Германцем, работавшим во Флоренции. Николай переработал имевшиеся ранее карты, построив их в трапецеидальной проекции, применив широту и долготу, систему меридианов и параллелей. Он ввел новые условные знаки. Позднее мастер переработал карты в сферической проекции. Эти карты легли в основу птолемеевских атласов, популярных в XV—XVI вв.

Несмотря на благоговение перед авторитетом великого древнегреческого ученого, картографы XV в. не могли ограничиться его картами: время требовало их дополнения и исправления. Уже в 1427 г. в одной из копий появилась карта северных стран Клавдия Клавуса. Три новые карты добавил к атласу и Николай Германец (карты Италии и Испании, а также Скандинавии и других северных стран по Клавдию Клавусу). В третьем издании Птолемея появились листы с изображением древних Палестины и Галлии. В этом виде атлас был повторен в изданиях 1482 и 1486 гг. Другой известный флорентийский картограф Пьетро дель Массайо обогатил атлас Птолемея 20 новыми картами, включавшими и перспективные планы некоторых городов (Милана, Венеции, Флоренции, Дамаска и др.). Теперь дополнительные карты стали множиться и исчисляться десятками. Среди этого потока следует особо отметить первую печатную карту Германии, приписываемую Николаю Кузанскому (1490 г.). Со временем издание таких объемистых атласов, имевших мало отношения к Птолемею, затруднилось. Появились атласы вне изданий Птолемея. В XVI в. европейцы «переросли» Птолемея: его карты уже не соответствовали достигнутому уровню географических знаний.

Географический кругозор европейцев стал с небывалой быстротой расширяться в ходе великих географических открытий второй половины XV — первой половины XVII в. Открытие Васку да Гама морского пути в Индию в 1497—1499 гг. было подготовлено долгим, трудным, но упорным продвижением португальцев в южном направлении вдоль западных берегов Африки. Этапы этих открытий зафиксированы в итальянских и португальских картах. Самая ранняя португальская карта отразила экспедицию 1461 г. к Золотому берегу, результаты которой дали повод португальскому королю Альфонсу V проконсультироваться у Паоло Тосканелли о возможности достижения Индии восточным морским путем. На двух картах (португальской и венецианской) показано плавание португальцев в Конго в 1482—1484 гг. В 1490 г. во Флоренции была изготовлена карта мира с меридиональным делением, учитывающая открытие Бартоломеу Диашем мыса Доброй Надежды в 1487 г. Предполагают, что эта карта могла послужить прототипом созданного в 1492 г. в Нюрнберге Мартином Бехаймом первого, всемирно известного, глобуса, на котором были зафиксированы предколумбовские космогонические представления. Португалец Перо де Ковилья, попавший по заданию Альфонсо V в Индию левантийским путем, в 1489 г. составил не дошедшую до нас карту берегов и путей Индийского океана.

на, основываясь на опыте арабских мореходов. На так называемой карте мира Кантини 1503 г. впервые обозначено открытие португальцами морского пути в Индию. Обрастающие деталями последующие португальские карты регистрировали умножающиеся открытия португальцев в восточной части Индийского океана. Когда же сферы интересов португальцев и испанцев, двигавшихся в Индийский океан с разных сторон, пересеклись, что с максимальной наглядностью проявилось сначала в 1494 г. в Тордесильяском, а в 1529 г. в Севильском колониальных разделах, картографы обеих стран стали соревноваться в том, чтобы поместить на картах в своих пределах открытые острова и земли. Среди португальских картографов этого времени европейской известности достигли Лопе Омен, Дьогу Рибейру, Гашпар Вьегаш, Дьогу Омен.

Опыт португальских моряков сослужил добрую службу Христофору Колумбу. Во время плавания вместе с португальцами в Гвинею он задумал достичь Индию западным морским путем. В осуществлении этого замысла помогла также переписка с Тосканелли, приславшего, как предполагают, Колумбу свою знаменитую (не сохранившуюся до наших дней) карту, представлявшую первую попытку построить карту морей с градусной сеткой. Плавание Колумба отражены на нескольких картах того времени. Один набросок сделан в 1493 г. самим Христофором и изображает северо-западный берег Эспаньолы (о. Гаити). На нем читается название первого испанского поселения: Нативидад. Несколько набросков приложены к письму Колумба от 1503 г., в котором он описывает свое четвертое плавание. Сопровождавший Колумба во время второго плавания Хуан де ла Коса составил в 1500 г. карту мира, иллюстрирующую экспедицию, но по требованию Колумба он, как и другие члены команды, дал письменное свидетельство о том, что Куба — не остров, а часть Азиатского материка. Это отразилось на карте. Карта де ла Косы в то же время является единственным картографическим свидетельством морского похода Джона Кабота в 1497 г. Знаменитая карта Атлантики турецкого адмирала Пири Рейса, частично сохранившаяся, по его же словам, была скопирована с итальянской карты, добытой им у пленного итальянского моряка, участвовавшего в третьей экспедиции Колумба.

Открытие Колумбом Южноамериканского континента, о чем сам великий мореплаватель, как известно, не догадывался, было отмечено в эскизных картах итальянского географа Алессандро Цорри, ранее приписывавшихся брату Колумба Бартоломео, путешествовавшего с Христофором. Первым же картографом, изобразившим испанские открытия в Атлантическом океане как новый континент, был авторитетный немецкий картограф Мартин Вальдзеемюллер из Нюрнберга, автор глобуса и карты мира, датированных 1507 г. Именно он назвал земли Нового Света «Америкой» в честь Америго Веспуччи. В 1538 г. фламандский картограф Герард Меркатор использовал это название в своей кар-

те мира и обозначил Америку как «Северную Америку» и «Южную Америку». Кругосветное плавание Магеллана было увековечено на сохранившейся карте мира 1522 г., приписываемой испанцу Нуньо Гарсия де Торео. На ней впервые появляются Филиппины.

Великие географические открытия и плавания за океан положили конец одним географическим мифам, но породили другие. Одним из самых притягательных стал миф об Эльдорадо — стране, богатой золотом, на поиски которой отправлялись многочисленные испанские и английские экспедиции, открывавшие в итоге новые земли. Впервые Эльдорадо появилось на карте 1596 г. англичанина Уолтера Рэли, тоже предпринявшего попытку отыскать эту сказочную страну. В 1598 г. его карта была использована голландцем Йодоком Хондием при составлении карты Южной Америки. Известный фламандский гравер Теодор де Брай изготовил и опубликовал одну из самых популярных карт Америки с картинным изображением «Гвианы», открытой Рэли, с указанием «самого большого города в мире — Маноя, или Дорадо».

Великие географические открытия, а также уроки, извлеченные картографами из птолемеяского учения о картографических проекциях и сетке, существенно изменили навигационные карты XVI в. Были сделаны попытки исправить ошибки портоланов, игнорировавших кривизну земной поверхности и конвергенцию меридианов. Так, в первой четверти XVI в. португалец Дьогу Рибейру скорректировал восточно-западную ось Средиземного моря. Тогда же стали обозначаться широта и долгота, учитываться отклонения магнитной стрелки в различных районах земного шара. В 1569 г. Герард Меркатор создал большую карту мира для мореплавателей. Впервые здесь была построена проекция, которая позже получила название проекции Меркатора и до сих пор закладывается в основу навигационных карт. Это равноугольная поперечная цилиндрическая проекция, в которой меридианы изображены равностоящими параллельными прямыми, а параллели — перпендикулярными им прямыми. В такой проекции отсутствует искажение углов, хотя в высоких широтах искажается изображение. Она чрезвычайно удобна для моряков, так как они могут прокладывать компасный курс как прямую линию, пересекающую все меридианы под одним углом (так называемая локсодромия). Однако сохранилось крайне мало свидетельств об использовании мореплавателями второй половины XVI в. этой замечательной карты, означавшей революцию в морской картографии. Известен лишь один морской атлас с воспроизведением трех ее копий на 29 листах.

В Испании и Португалии правительство покровительствовало изданию морских карт и контролировало его. Еще в середине XIV в. арагонский король распорядился, чтобы на каждом корабле имелись две карты. В 1503 г. в Испании было основано государственное учреждение (Casa de la Contratacion de las Indias), одна из задач которого состояла в том, чтобы наблюдать за из-

готовлением карт и навигационных инструментов, проверять квалификацию капитанов, желающих плавать через Атлантику. Среди его первых директоров значился Америго Веспуччи. И хотя испанских морских карт сохранилось мало, известно, что дело было налажено хорошо. Одной из причин малой сохранности морских карт служило то, что они, считаясь секретной документацией, должны были уничтожаться капитанами в случае опасности.

Продолжала развиваться навигационная картография Старого Света. Одна из первых сохранившихся навигационных карт, выполненных на математической основе, была опубликована в Венеции в 1539 г. и несколько раз переиздавалась. Она посвящена восточному Средиземноморью. Сохраняли свой высокий авторитет картографы Майорки. Возникали целые династии мастеров по созданию карт, работавшие на протяжении нескольких десятилетий. Наиболее известны среди них фамилии Фредуччи из Анконы, Маджоло из Генуи, Баттиста Аньеze из Венеции, Оливес с Майорки и др. Португальские мастера стали учителями французских. В 40-е гг. XVI в. была создана первая французская морская карта (на математической основе) неким Никола из Дофине. Он же был автором карт побережья Англии и Шотландии. В Северной Европе печатные морские карты начали появляться в 30-е гг. XVI в. В этом районе лидировали картографы Антверпена и Амстердама.

Развивалась не только навигационная картография. С образованием централизованных государств для успешного управления ими требовались достоверные сведения об их областях и провинциях. Прогресс в военном деле был также связан с необходимостью получать самую точную и своевременную информацию о своих и чужих территориях, на которых могли происходить военные кампании. В позднее средневековье шел активный процесс разложения феодальной земельной собственности. Мобильность земельной собственности заставляла хозяев производить ее опись и съемку. В результате появляются региональные карты с применением съемки суши. Это были обзорные карты целых государств и их частей, выполненные в различных проекциях с применением системы географических координат, военная и гражданская крупномасштабная картография. Появляются и профессиональные съемщики. Среди выдающихся образцов региональных карт следует назвать карты Вероны и подвластных ей земель (1440 г.), городов Венето (70-е гг. XV в.), Тосканы Леонардо да Винчи (начало XVI в.), Богемии Себастьяна Мюнстера (1518 г.) (рис. 11), Франции Оронса Фине (1525 г.), Скандинавии Олауса Магнуса (1539 г.), Баварии Филиппа Апиана (1561 г.). Карта Олауса Магнуса порывает с птолемеевской традицией изображения Скандинавии группой островов. Шведский картограф создал первое достаточно верное изображение Скандинавского полуострова и Северной Европы, в том числе Северной Ирландии, Шотландии, Южной Гренландии на западе и Кольского полуострова на востоке. Помимо северной Балтики Олаус поместил

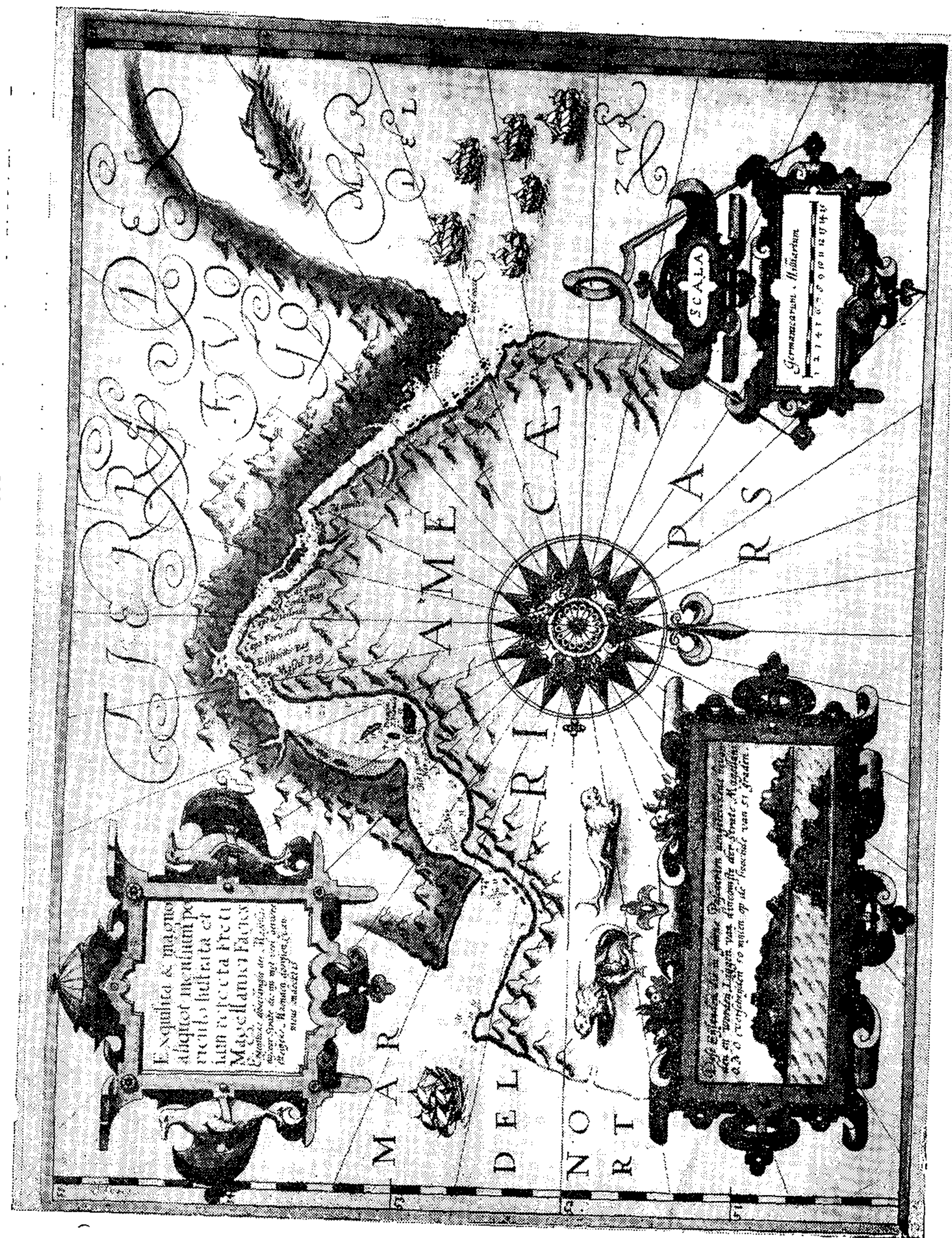

Рис. 12. Карта Магелланова пролива из атласа Меркатора-Хондия начала XVII в.

на карте и государства южнобалтийского региона. Карта базируется на системе координат, на ней отмечены климатические пояса, в морях и океанах нанесены «розы ветров» и компасные направления, в основном выдержан масштаб. Новинкой было обозначение полезных ископаемых (на территории Швеции и Финляндии). Приведены обширные сведения не только географического, но и историко-географического характера. Карта Олауса Магнуса оказала влияние на картографию последующего периода и оставалась непревзойденной около ста лет, пока не появилась новая карта Скандинавии, составленная Андерсом Буреусом (1626 г.). Другая известная региональная карта — карта Баварии Филиппа Апиана — примечательна тем, что она впервые составлена на основе систематических топографических съемок суши. Однако для того времени это редкое явление.

Хотя центральная власть ряда стран поставила картографию на службу государству, стимулировала ее развитие и контролировала, в большинстве европейских стран эта отрасль в XVI—XVII вв. продолжала принадлежать инициативе частных лиц. В разных странах создание карт имело свои особенности. Помимо португальской и испанской прослеживаются итальянская, фламандская, немецкая, французская и другие картографические школы. В Италии центры картографии находились в Венеции, Генуе, Флоренции, которые одновременно были значительными центрами книгопечатания. С перемещением торговых путей из Италии на север и в Атлантику выдвигается в XVI в. на ведущее место сначала немецкая (с центрами в Страсбурге, Нюрнберге, Аугсбурге), а затем нидерландская картография. Этому способствует бурное развитие мануфактур в Нидерландах и международной, особенно морской, торговли, что вывело эту небольшую страну в число самых развитых и передовых в Европе. Труды выдающихся фламандских картографов и издателей карт и атласов Герарда Меркатора (1512—1594) и Авраама Ортелия (1527—1598) явили собой вершину не только нидерландской, но и позднесредневековой картографии в целом.

Авраам Ортелий — иллюминатор, издатель, продавец карт в Антверпене, являлся членом гильдии св. Луки, объединявшей художников крупных нидерландских городов. В 1570 г. он издал ставший знаменитым географический атлас «Theatrum Orbis Terrarum» из 53 карт. Атлас был выполнен по заказу друга Ортелия, крупного торговца, судовладельца, знатока и коллекционера карт Эгидия Хоофтмана, жаловавшегося на неудобство в работе с разномасштабными, разноформатными разрозненными картами. Ортелий и переработал для атласа карты 87 мастеров, список имен которых он привел тут же. Труд традиционно состоит из генеральной карты мира, карты четырех известных континентов и отдельных карт различных стран и более мелких политических единиц. Их отличают единые принципы построения, содержания, большой территориальный охват и высокое качество исполнения. Это гравюры на меди, в своем большинстве выпол-

ненные одним гравером. Атлас постоянно пополнялся и часто переиздавался. При жизни Ортелия вышло в свет по крайней мере 28 изданий на латинском, голландском, немецком, испанском языках; последнее — в 1612 г. С 1579 г. во все публикации атласа стали включаться исторические карты, выросшие сначала в специальный исторический раздел, а потом в самостоятельный исторический атлас. Широко известны, например, карты Римской Британии, Черного моря в древности. При их создании Ортелий пользовался трудами античных авторов. Из современных карт обращает на себя внимание карта Кипра (в издании 1573 г.), бывшего до захвата османами в 1571 г. важной базой Венеции в торговле с Левантом. Поскольку после 1571 г. Кипр стал недоступен европейским путешественникам, то эта карта надолго превратилась в единственный источник для картографов.

Слава Герарда Меркатора превзошла славу его именитого соотечественника, так как его карты были построены на более научной базе. Меркатор был создателем карт, гравером, занимался изготовлением глобусов и измерительных инструментов, разрабатывал теорию построения карты. Мировую известность ему принесли «Карта мира» (1538), «Карта Европы» (1554), «Карта мира» (1569) и атлас, первая часть которого вышла в 1585 г., вторая — в 1590, а третья — в 1595 г., уже после смерти картографа. Считают, что именно в этом издании сын Меркатора Румольд впервые придумал для сборника карт общее название «атлас», как предполагают, в честь мифического короля Ливии Атласа, который, по легенде, первый изготовил небесный глобус.

На карте мира 1538 г. получила отражение гипотеза Меркатора о том, что на северо-западе Америка отделяется от Азии проливом. На карте Европы фламандский картограф сделал серьезные поправки к расчетам Птолемея, касающимся протяженности Средиземного моря и координатам северо-западной оконечности Пиренейского полуострова. Во втором издании этой карты он использовал результаты плаваний англичан в Белое море. Первая часть атласа включала 51 карту и была посвящена Западной Европе, вторая (из 23 карт) — Южной Европе, третья — Северной, Центральной и Восточной Европе, а также Азии, Африке и Америке. В 1602 г. все три части атласа вышли в одном томе. Ни отец, ни сын Меркаторы при жизни не увидели триумфа своего детища. Его принес Йодок Хондий, гравер и торговец картами, купивший печатные формы атласа Меркатора и начавший издавать их с добавлением новых карт с 1606 г. Большие и малые (карманные) атласы Меркатора — Хондия приобрели огромную популярность и издавались почти ежегодно в течение полувека на латинском, французском, голландском, немецком языках (рис. 12). Дело Хондия-старшего в 1611 г. унаследовали его сыновья. Соперником Хондиев стал Виллем Янссон Блау (1571—1638), картограф, издатель, мастер по изготовлению точных инструментов, глава гидрографического департамента Голландской Ост-Индской компании. Профессиональный авторитет Блау был

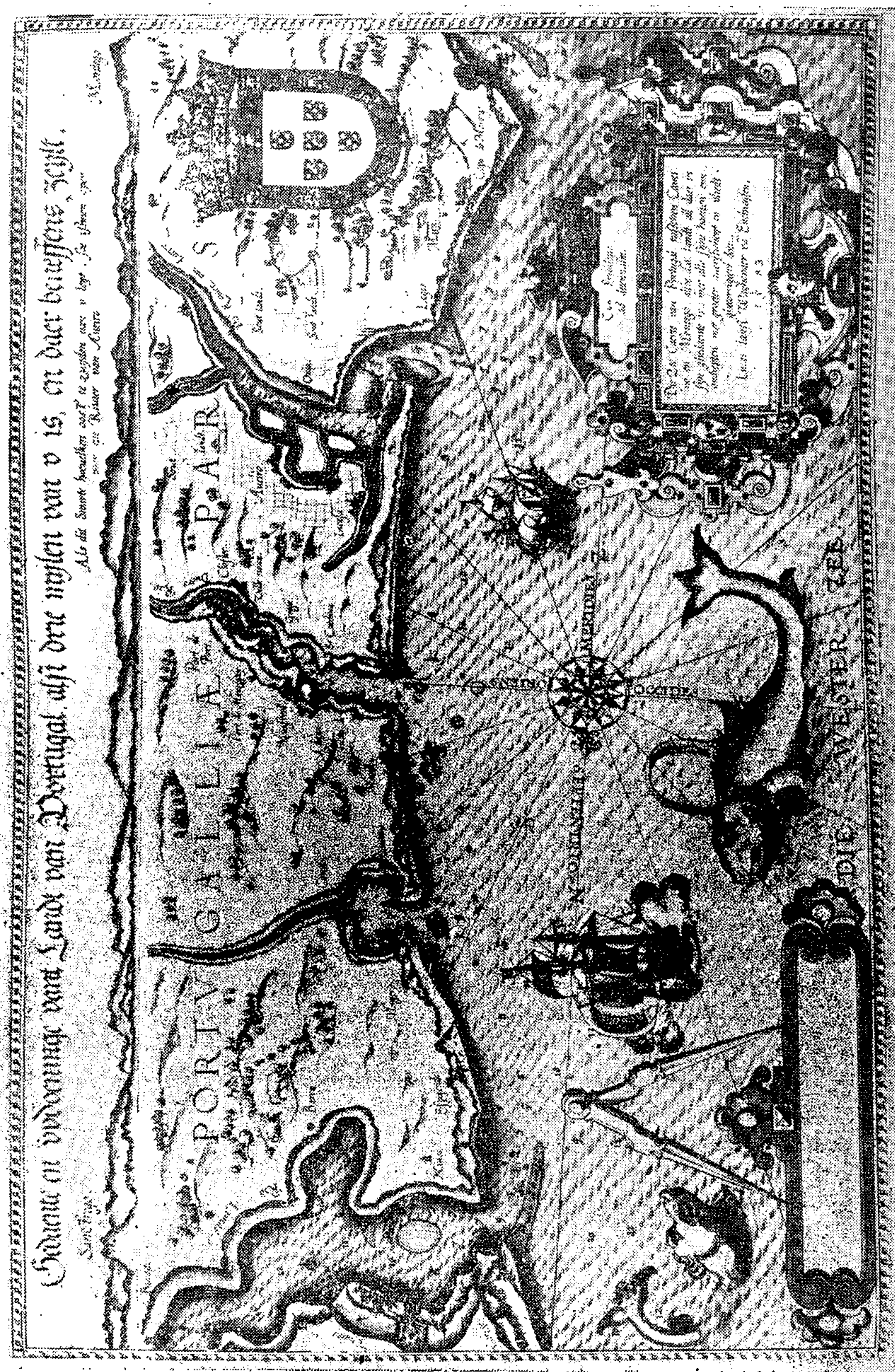

Рис. 13. Карта португальского побережья из морского атласа Лукаса Вагенера конца XVI в.

настолько велик, что за свою деятельность он был удостоен генеральными штатами почетного титула «Картограф республики» и медали. В 1631 г. Блау опубликовал первый атлас из 103 карт, который назвал «дополнением к Театру Ортелия и Атласу Меркатора». В 1635 г. издание пополнилось двумя томами, в 1638 г. — еще тремя томами, уже в 300 карт. Каждая публикация росла, пока в 1662 г. число карт не достигло 600. Так появился всемирно известный 12-томный «Большой Атлас, или Космография Блау», изданный уже сыном Виллема Йоханом. Атлас был переведен с латыни на основные западноевропейские языки. В отличие от старых карт Блау помещали в своем атласе много частных карт. Например, наряду с общей картой Пиренейского полуострова в нем есть 13 карт отдельных районов. Много карт посвящено странам Нового Света. Привлекает внимание карта Виргинии 1630 г., исходным материалом для которой послужила карта англичанина Джона Смита, побывавшего в Британской колонии и опубликовавшего в 1612 г. в Оксфорде книгу и карту путешествия. В ней содержатся важные сведения об индейцах. Карты Блау пользовались огромным спросом у посетителей разного толка. Для путешественников в карете готовились яркие, декоративные, изящные, приятные глазу карты. Морские и официальные карты по точности и строгости исполнения, математической обоснованности могут быть приравнены к научным произведениям. Кстати, Виллем Блау один среди немногих оценил и использовал в своих картах проекцию Меркатора. Производство карт в семействе Блау было поставлено на прочную основу и имело широкий размах. У Блау работали лучшие нидерландские и иностранные граверы, художники, иллюминаторы, чертежники, каллиграфы. Карты печатались на бумаге хорошего качества с водяными знаками.

XVI — первую половину XVII в. в истории европейской картографии справедливо называют временем атласов. Помимо названных, самых популярных, в разных странах выпускалось много атласов. Они носили разные названия: Theatrum, Speculum, Atlas etc., были неравноценны по уровню исполнения, источниковедческой базы, математической основы. В них не было ценных научных идей. Но само их появление и широкое распространение свидетельствовали об острой потребности общества в подобных изданиях, что в свою очередь диктовалось быстрым развитием торговли, мореплавания, колониальными захватами и освоением новых земель. Большим спросом пользовались морские атласы. Самым известным среди них был атлас «Зеркало морей» Лукаса Янса Вагенера (рис. 13). Первая часть появилась в 1584 г. в Лейдене. Она посвящена навигации от берегов Голландии до Кадиса. Успех атласа превзошел все ожидания. Разные государства заказывали его для себя. В Англии он получил такую широкую известность, что с тех пор все морские атласы именуются в Англии «вагенерами». В 1592 г. увидел свет второй атлас Вагенера «Сокровища моряков», где более подробно, чем в первом, была

представлена навигация Северной Европы от Шотландии на западе до Новой Земли на востоке. Вагенер высказал предположение о возможности достижения Китая Северным морским путем. Атлас был очень удобен в употреблении: небольшого формата, с таблицами движения Солнца, с каталогом географических названий и с их эквивалентами на голландском, испанском, немецком, французском, английском и других языках. Помимо генеральной карты Европы (в равнопромежуточной цилиндрической проекции) он содержал 43 частные карты с компасными розами и масштабами, с отметками глубин на воде, песчаных отмелей. Известны 18 изданий атласа, из которых 12 появились во второй четверти XVII в.

Хотя карты XVI—XVII вв. пользовались огромным спросом в обществе, они были далеки от совершенства. Сведения о новых землях поступали к картографам, как правило, с опозданием: иногда в силу плохо поставленной информации и разобщенности географов и картографов; иногда из-за сознательного утаивания материалов путешествий, считавшихся секретными. Порой, даже получив сведения о новых открытиях, картографы не могли ими воспользоваться из-за невозможности точной локализации этих земель на карте. Книгопечатание, избавив карты от погрешностей копиистов, не гарантировало от ошибок, переходящих из издания в издание, от повторения устаревших представлений. Довольно медленно совершенствовались измерительные приборы.

Нельзя сказать, чтобы техника полевых съемок стояла на месте. В начале XVI в. известный немецкий картограф Мартин Вальдземюллер при составлении карт Лотарингии и долины Луары использовал инструмент для определения направлений, который он назвал полиметром. В XV в. итальянцы открыли метод триангуляционной съемки. В его основе лежит измерение на местности углов и базисной стороны примыкающих друг к другу треугольников, которые образуют геодезическую сеть и позволяют определить координаты неограниченного числа точек на местности. Этим нововведением линейные измерения дополнялись более точными угловыми. Принципы метода триангуляции сформулировал в 30-е гг. XVI в. датский физик и астроном Гемма Фризий Райниер, сконструировавший для этого специальный прибор, который соединил в себе черты астролябии и компаса. Прибор оказался слишком сложным в изготовлении и не получил распространения среди современников. Триангуляция нашла применение при топографической съемке. Впервые ее употребил в 1540 г. Герард Меркатор при составлении карты Фландрии. Новый метод оказался полезным и при определении фигуры и размеров Земли. С его помощью голландец Снеллиус в 1615 г. измерил длину земного меридиана. Однако в целом триангуляция вошла в практику лишь в XVIII в. В середине XVI в. появились кипрегель (угломерный инструмент) и мензула (полевой чертежный столик), использовавшиеся при топографической съемке на местности для нанесения горизонталей на планах. В конце XVI в.

Рис. 14. Съемщики местности

упоминается визирная линейка с щелевыми визирами. Однако все эти и другие новшества внедрялись в практику крайне медленно. Съемка в основном производилась при помощи традиционных измерительных инструментов: компаса, мерного шнура и мерного колеса. Съемщики передвигались по дорогам пешком или на коляске, определяя направления по компасу, замеряли шнуром или колесом преодоленные расстояния и заносили на эскизы те географические объекты, которые встречали на пути (рис. 14). До XVIII в. широко использовалась почти не изменявшаяся тысячелетиями древняя астролябия — угломерный инструмент для нахождения широт и долгот различных мест по звездам. Особенно необходима она была морякам.

В ходе развития математических методов картографирования получили распространение разнообразные проекции: проекции полушарий, «сердцевидные», цилиндрические, псевдоцилиндрические, меркаторская, трапециевидная, псевдоцилиндрическая проекция Диониса с прямолинейными меридианами.

Недостатки географической информации картографы пытались компенсировать за счет богатого оформления карт: подписями, рисунками, орнаментом. Подписи были очень длинными и помимо названия карты включали имя ее автора, гравера, место и

год издания, посвящения и т. п. Написанное заключалось в картуши разной формы, которые богато орнаментировались. По краям карты, вокруг картуша и в нем рисовались земные и морские фантастические животные, скульптуры, изображавшие античных богов, особенно амуров, геральдические эмблемы, гербы, портреты исторических лиц и тех, кому карта посвящалась. Неизменным атрибутом были антропоморфные изображения ветров с попыткой передачи и их свойств. Например, западный ветер Зефир представлял в виде веселого молодого человека, держащего в руках распутившего крылья лебедя. Голова Зефира украшалась венком из цветов. Северный ветер Борей, напротив, виделся суровым стариком, убеленным сединой. Лучшие мастера стремились утилизировать орнаментацию карт. Так, на картах атласа Блау давались перспективные виды городов и деревень, батальных сцен и турниров, сцен охоты и рыболовства, художественные изображения флоры и фауны, характерных для показываемой на карте местности. Эта информация носила уже историко-этнографический характер и была полезна для читателей карты. Система символов и условных обозначений еще не была в достаточной степени развитой и единообразной и варьировала от карты к карте, от страны к стране. На картах XV — первой половины XVI в. горы изображались, как и раньше, наплывающими друг на друга, выстроенными в цепочку полукругами, которые не отражали ни высоты, ни протяженности горных массивов. Со второй половины XVI в. горы стали обозначаться перспективно. На этих рисунках условно различалась высота гор, наносились дороги, тропинки, горные перевалы. На лучших картах города отмечались точками, кружочками или перспективными рисунками с укреплениями, зданиями, стенами. В перспективе часто показывались и леса. Церковные приходы обозначались крестиками или миниатюрными изображениями церквей. На некоторых картах условными знаками помечались места добычи полезных ископаемых. Все это вместе взятое превращало карты в произведения искусства, в создании которых принимали участие выдающиеся художники того времени, например Альбрехт Дюрер, Леонардо да Винчи. Карты становились элементом украшения дворцов. Так, во Флоренции, в Палаццо Веккьо имелся зал из 53 карт, которые украшали стены и двери. Над ними в течение 26 лет трудились во второй половине XVI в. два выдающихся мастера — Данте и Буонсиньори. Последний украсил картами Тосканы один из залов палаццо Уффици во Флоренции.

Масштабы и характер картографического производства в конце XVI — первой половине XVII в. вывели его за рамки средневекового ремесла. Возникали картографические мануфактуры — порой весьма крупные предприятия. Яркий пример этого является картографическое заведение Блау, во многих помещениях которого, сосредоточенных под одной крышей, располагались отделения гравюры, иллюминировки, словорезы, печатники, шрифтов-

щики, чертежники, художники. Общая численность служащих этого предприятия приближалась к восьми десяткам. Только такими силами можно было осуществить грандиозное 12-томное издание знаменитого атласа. Однако лишь со второй половины XVII в. все более серьезные позиции начинает завоевывать научный подход, новые методы, критическое изучение и использование источников в картографии.

Итак, географические карты являются продуктом конкретной исторической эпохи и культуры с ее вполне определенными социальными запросами и материально-техническими возможностями. На примере картографии западноевропейского средневековья это видно особенно ярко. В эту эпоху, особенно на ранней стадии, несмотря на богатое научное наследие, часть которого находилась в распоряжении «интеллектуальной элиты», стремление объяснить картину мира и его историю с позиций религиозного христианского мировоззрения и средневековой ментальности со свойственным ей восприятием пространства, времени, пониманием места и значения науки в системе человеческих знаний преобладало в картографии, формировало ее задачи и характерные черты. В названии большинства сохранившихся картографических произведений «*Imago mundi*» (Образ мира) как нельзя более полно и объемно выражались цели этой отрасли знаний и производства. Секуляризация культуры, образования, повышение общего уровня грамотности общества, порожденные его практическими потребностями в ходе роста городов, товарно-денежного хозяйства, торговли и материальной базы во второй период средневековья расширили круг задач и компетенцию картографии, усилив в ней практическое направление. Чем живее и прочнее налаживались различного рода коммуникации (хозяйственные, торговые, политические, административные, культурные и т. д.) между далекими и близкими точками обитаемого мира, тем большей становилась потребность в их выражении на языке географических карт. Эти изменения сопровождались постепенной эволюцией картины мира, в том числе и отраженной на географических картах. Конечно, с точки зрения критериев современной географической науки и картографии значение этих памятников не слишком велико. Но как исторический источник они имеют самостоятельную, труднопереоценимую ценность, поскольку позволяют изучать мировоззрение и менталитет, культуру, образованность, мифотворчество, язык их составителей и самой эпохи. И в этом, на наш взгляд, заложены большие возможности дальнейшего изучения картографического наследия западноевропейского средневековья.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алайнер А. З., Ларионова А. К., Чуркин В. Г. Герард Меркатор. М., 1962; Атлас географических открытий. М., 1959.
- Багров Л. История географической карты. Пг., 1917.
- Белов М. И. Против ложного толкования карт Пири Рейса//Природа. 1962. № 2.
- Бородин О. Р. «Космография» Равеннского Анонима (К вопросу о ее месте в истории географической науки)//Византийский Временник. 1982. Вып. 43.
- Бородин О. Р. Развитие географической мысли//Культура Византии. IV — первая половина XII в. М., 1984.
- Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства: легенда о «государстве пресвитера Иоанна». М., 1970.
- Гаврилова С. А. Карты Леонардо да Винчи//Вопросы географии. 1954. Вып. 34.
- Галкович Б. Г. К вопросу о применении картографического метода в историческом исследовании//История СССР. 1974. № 3.
- Гольденберг Л. А. К вопросу о картографическом источниковедении//Историческая география России XII — начала XX в. М., 1975.
- Казаква Н. А. Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum orbis terrarum sive atlas novum»//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1975. Вып. XVII.
- Коган М. А. О так называемой первой карте Винланда//Изв. Всесоюзного географического общества. 1966. Т. 98, вып. 4.
- Крачковский И. Ю. Морская география в XV—XVII веках у арабов и турок//Географический сборник. М.—Л., 1954. Вып. 3.
- Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. Т. 1—5. Т. 1. Географические открытия народов древнего мира и средневековья (до плавания Колумба). М., 1982.
- Поспелов Е. М. Топонимика и картография. М., 1971.
- Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985.
- Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов. Исследования средневековой науки и традиции в Западной Европе. М., 1988.
- Рамм Б. Я. Новонайденный ленинградский экземпляр макробиевой карты и его научное значение//Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. История. 1951. Вып. 18, № 130.
- Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было/Пер. с англ. М., 1982.
- Савельева Е. А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983.
- Салищев К. А. Картоведение. М., 1982.
- Шумовский Т. А. Арабы и море: По страницам рукописей и книг. М., 1964.
- Almagia R. Monumenta Cartographica Vaticana. Vol. 1—4. 1944—1955.
- Bagrow L. History of cartography. Cambridge, 1966.
- Bonacker W. Kartenmachen aller Länder und Zeiten. Stuttgart, 1966.
- Brown L. The story of maps. Boston, 1950.
- Brown L. Map making: The art that became a science. Boston, 1960.
- Crone G. R. Maps and their makers: An introduction to the history of cartography. 5th rev. ed. Folkestone, 1978.
- Danville F. La langage des géographes: Terms, signes, couleurs des cartes anciennes, 1500—1800. Paris, 1964.
- George W. B. Animals and maps. Berkley, 1969.
- Harvey P. D. A. The history of topographical maps, symbols, pictures.
- Cortês A., Teixeira da Mota A. Portugaliae Monumenta Cartographica. Lisboa, 1960. 6 vol.
- Kimble G. H. T. Geography in the Middle Ages. London, 1938.
- Lelewel J. Géographie du moyen âge. 4 vol. Bruxelles, 1852—1857.
- Lister R. Antic maps and their cartographers. 1970.
- Miller K. Mappae mundi: Die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1895—1898.

Miller K. Die Pëutingarische Tafel: Oder Weltkarte des Castorius. Stuttgart, 1929.

Santarem A. Atlas composé de mappemondes et de portulans et d'autres monuments géographiques depuis le VI siècle de notre ère jusqu'au XVII-me. Paris, 1842—1854.

Skelton R. A. Looking at an early map. Lawrence, 1965.

Skelton R. A., Maps. A Historical Survey of their Study and Collecting. Chicago, 1972.

Tooley R. V. Maps and mapmakers. 4th rev. ed. London, 1970.

Tooley's Dictionary of mapmakers. Trig., 1979.

Содержание

О. В. Дмитриева.	ГЕНЕАЛОГИЯ	6
А. П. Черных.	ГЕРАЛЬДИКА	40
А. С. Беляков.	НУМИЗМАТИКА	81
<hr/>		
С. Д. Червонов,		
М. А. Бойцов.	ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТРОЛОГИЯ	147
Т. П. Гусарова.	ХРОНОЛОГИЯ	174
И. С. Филиппов.	ОНОМАСТИКА	199
Т. П. Гусарова.	КАРТОГРАФИЯ	230

**Введение
в специальные
исторические
дисциплины**

Учебное пособие

Зав. редакцией *Н. М. Сидорова*
Редактор *В. В. Белугина*
Художественный редактор *Л. В. Мухина*
Переплет художника *Т. Л. Алёшиной*
Технический редактор *Г. Д. Колоскова*
Корректоры: *И. А. Мушникова, Е. Б. Витюк*

ИБ № 3518

Сдано в набор 02.02.90	Подписано в печать 17.09.90	Формат 60×90/16
Бумага тип. № 2	Гарнитура литературная.	Высокая печать.
Усл. печ. л. 17,5	Уч.-изд. л. 19,76	Тираж 22 000 экз.
	Изд. № 1066	Цена 1 р. 10 к.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы

